

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

3
2016

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Дэвис К., Мур У.* Некоторые принципы стратификации 3
- Мамедов А.К.* Логика социального познания (Поппер vs Маркс) 8
- Каневский П.С.* Теоретико-методологические проблемы изучения лоббизма как неформального политического института 20

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Афонин Ю.А., Добренчиков В.И.* Предпринимательство советской эпохи 28
- Грачева О.Е.* В поисках инструментов повышения качества социального обслуживания в интересах пожилых граждан Москвы: мониторинг проблем и решений 33
- Епархина О.В.* Коррупционные модели экономического поведения молодежи ... 37
- Комф Е.В.* Модернизационный путь России: органичность vs мобилизация 40
- Коргова М.А., Семенова Э.Х.* Специфика организации рабочих мест руководителей в современных российских кредитно-финансовых организациях 50
- Кравченко А.И.* Условия труда и быта фабричных рабочих дореволюционной России: исследование Е.М. Дементьева 56
- Шаркова Г.Н.* Социально-экономическая ценность туризма в современной России 69
- Шевелева О.Р.* Воспроизводство инженерных кадров: подготовка и профессиональная карьера женщин 78

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Краснопевцева В.В.* Становление гражданской идентичности в современной России .. 85
- Кобелева Е.С.* Информационные войны США с исламскими странами 94
- Морозова Н.М., Устинкин С.В.* Специфика трансформации межнациональных отношений в Нижегородской области ... 104
- Невская Т.А.* «Мягкая сила» и международный имидж Российской Федерации 113
- Фаст С.П.* Развитие детского и молодёжного движения в Ямало-Ненецком автономном округе как фактор формирования и повышения гражданской позиции молодёжи 118

- Федорова Е.В.* Основы конституционного устройства постсоветской России в политико-социологическом учении И.А. Ильина 125

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- Огарков К.А.* Социально-экономическое неравенство регионов России: мир-системный подход 132
- У Яо.* Перевернутая Т-образная модель социальной структуры в современном Китае 136

СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

- Автандилян Е.А.* Индийская социология о социальных проблемах женщины в современном обществе Индии (на примере традиции брачного дара) .. 141
- Бухтиярова И.Н., Грудина Т.Н.* Генеалогические исследования как фактор формирования и развития семейных ценностей 149

ДЕБЮТ

- Лебедев И.Ю.*
Оценка общественных благ в контексте социально-гуманистического развития общества 157
- Морковкина А.Г.* Перспективы социологического подхода к изучению литературной культуры 163
- Офицерова Д.А.* Жизненная стратегия: ориентация на счастье или ориентация на успех 167

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

- Батуренко С.А.* Программа «Социальная стратификация в современном обществе» для бакалавров 173
- Вершинина С.А.* Социокультурная безопасность личности в образовательной среде 188
- Ивановский Ю.В., Коньшина Ю.Е., Липатова Е.Е.* Реализация программы охраны здоровья в Башкирском государственном медицинском университете 193
- Калинина И.Ф., Смирнов А.А.* Оздоровительная направленность занятий физической культурой и их влияние на функциональное состояние организма студентов 199
- Безбородова М.В.* Анализ современного состояния нейтрального гласного на примере речи молодых жителей юго-востока Англии 204
- Скалабан И.А.* Проектные основания анализа общественного участия 209

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Некоторые принципы стратификации

Дэвис К., Мур У.

Источник: Kingsley Davis and Wilbert E. Moore. Some principles of stratification // A workbook and reader in sociology /Ed. by Leon F. Bouvier. - Berkeley, California, 1968, pp.164-173. Адаптированный перевод с английского А.И.Кравченко.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СТРАТИФИКАЦИИ

Функциональная необходимость объяснения универсального существования стратификации - это требование разместить и мотивировать индивидов в социальной структуре, с чем сталкивается любое общество. Являясь функционирующим механизмом, общество должно каким-то образом распределять своих граждан по социальным позициям и стимулировать их к выполнению тех обязанностей, которые накладываются данной позицией. Так мы переходим к проблеме мотивации, которую можно рассматривать на двух уровнях: общество должно внушить соответствующим гражданам желание заполнить определенные позиции и, коли уж эти позиции заняты, желание исполнить возлагаемые на них обязанности. Хотя по своей форме социальный порядок относительно статичен, ему присущ непрерывающийся процесс метаболизма, который означает, что в обществе постоянно кто-то рождается, переходит из одного возраста в другой и, наконец, умирает. Их втягивание в систему социальных позиций должно быть как-то устроено и мотивировано. Подобное утверждение справедливо и для конкурентной, и для неконкурентной системы. Первая в число главных выдвигает мотивацию на достижение позиций, а вторая система, возможно, делает ставку на мотивацию исполнения должностных обязанностей. Несмотря на раз-

ные акценты, оба типа мотивации присутствуют и в той, и в другой системе.

Если бы обязанности, присущие каждой социальной позиции, доставляли бы нашему организму одинаковое удовольствие, если бы все они были одинаково важны для выживания общества и если бы всем им необходимы были одинаковые по способностям и умениям люди, тогда не существовало бы разницы в том, кто именно займет эти позиции, а проблема социального размещения людей легко решилась. На самом деле существует огромная разница в том, кто именно займет ту или иную позицию, и не только потому, что некоторые позиции в обществе заведомо притягательнее других, но еще и потому, что некоторые из них требуют особых талантов и специальной подготовки, следовательно, некоторые функционально более важны, чем другие. Немаловажно и то, что должностные обязанности необходимо выполнять с усердием, пропорциональным степени важности данной позиции. Потому неизбежна ситуация, при которой общество должно иметь, во-первых, определенный тип вознаграждения в качестве средства побуждения и, во-вторых, определенный способ его распределения в соответствии с занимаемой позицией. Вознаграждения и их распределение, стало быть, суть части социального порядка и таким образом служат причиной возникновения стратификации.

Могут спросить, каким должно быть то вознаграждение, которое общество распределяет по индивидам и тем самым гарантирует качественные услуги. Прежде всего, это должно быть то, что обеспечивает средства существования и доставляет комфорт. Во-вторых, в качестве вознаграждения должны использоваться вещи, позволяющие создать настроение и способствовать развлечениям. Наконец, они должны обладать качеством поддерживать самоуважение индивида и служить самовыражению. Последнее - скорее функция общественного мнения, ибо так уж устроено социальное Я каждого человека, что он ориентируется на мнение окружающих. В любой социальной системе все три типа вознаграждения одинаково важны и должны распределяться соответственно занимаемой позиции.

В некотором смысле вознаграждения "встроены" в конкретную позицию. Они вытекают из тех "прав", которыми наделена данная

должность. К ним надо добавить сопутствующие должности выгоды и случайные доходы. Часто права и сопутствующие выгоды функционально связаны с обязанностями позиции. То, что сам человек считает правами, окружающие могут посчитать обязанностями. Тем не менее, существует множество вспомогательных прав и случайных доходов, которые по своей природе функционально не принадлежат данной позиции, но находятся в непрямой и символической связи с обязанностями, хотя в значительной степени способны притягивать к этой должности людей и мотивировать их усердно исполнять свои обязанности.

Если права и случайные доходы у различных позиций в обществе неравны, значит такое общество должно быть стратифицировано, ибо это как раз есть то, что означает стратификацию. Социальное неравенство - это такое непредумышленное устройство, которое гарантирует обществу, что наиболее важные позиции предумышленно займут наиболее квалифицированные люди. Следовательно, каждое общество, независимо от того, насколько простым или сложным оно является, должно дифференцировать людей в терминах как престижа, так и оценки. Кроме того оно должно обладать известным объемом институционализованного неравенства. Это не означает, что объем или тип неравенства во всех обществах должен быть одинаковым.

ДВЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЗИЦИОННОГО РАНГА

Допуская общую функцию, содействующую неравенству, мы можем установить два фактора, которые определяют относительный ранг той или иной позиции. В целом те позиции являются наиболее вознаграждаемыми и, следовательно, имеют наивысший ранг, которые: 1) имеют наибольшую важность для общества и 2) требуют наибольших подготовки и таланта. Первый фактор касается функции и представляет собой вопрос относительного значения; второй касается средств и потому является вопросом редкости.

Дифференциальная функциональная важность. В действительности общество не нуждается в вознаграждении позиций пропорционально их функциональной важности. Оно нуждается лишь в достаточном их вознаграждении с тем,

чтобы гарантировать компетентное выполнение обязанностей. Иными словами, оно должно наблюдать за тем, чтобы наименее существенные позиции не могли успешно конкурировать с наиболее существенными. Если позиции легко заполняются, то нет нужды их сильно вознаграждать, даже если они важны. С другой стороны, если позиции важны, но заполняются с большим трудом, вознаграждение должно быть достаточно высоким для того, чтобы их во что бы то ни стало заполнили. Таким образом, функциональная важность - необходимая, но недостаточная причина того, что позиции будут приписан высокий ранг.

Дифференциальная редкость персонала. Практически все позиции, независимо от того как они приобретаются, требуют некоторой формы навыков или способности к исполнению. Это подразумевается самим понятием позиции, которая предполагает, что должностное лицо, в силу того, что оно таковым является, производит определенные вещи.

В конечном счете, существуют только два способа, каким приобретают квалификацию: через наследуемые от родителей способности и через специальную подготовку. Очевидно, что в каждой конкретной деятельности они оба необходимы, но с практической точки зрения редкость может быть присуща либо одному, либо другому так же, как им обоим. Некоторые позиции требуют врожденного таланта в такой высокой степени, что люди, наделенные им, по необходимости редки. В большинстве же случаев талантливые люди в конкретной популяции в избытке, но процесс обучения настолько долг, дорогостоящ и изощрен, что относительно немногие получают нужную квалификацию. К примеру, медицинские знания вполне доступны большинству индивидов, однако медицинское образование настолько обременительно и дорогостояще, что немногие возьмутся за него, если позиция магистра медицины не дает соразмерного затрачиваемым усилиям вознаграждения.

Если требуемые данной позицией таланты в изобилии, а обучение дается легко, способ приобретения такой позиции имеет мало общего с приписываемыми ей обязанностями. Между ними вполне может утвердиться случайная связь. Но если требуемые навыки редки по причине недостаточности талантливых людей

или дорогостоящны обучения, позиция, даже если она функционально важна, непременно должна обладать притягательной силой, чтобы привлечь необходимые умения в конкуренции с другими позициями. Это означает, что данная позиция должна располагаться наверху социальной шкалы - обладать высоким престижем, высоким заработком, достаточным досугом и т.п.

Как понимать различия. Постольку поскольку существует различие между одной системой стратификации и другой, их можно квалифицировать в зависимости от того, какие факторы вызывают две детерминанты дифференциального вознаграждения, а именно функциональную важность или редкость персонала. Позиции, важные для одного общества, не обязательно важны для другого, поскольку условия, с которыми пришлось столкнуться обществам, или уровень их развития, могут быть разными. Одни и те же условия могут сделать актуальным вопрос о редкости; некоторые общества, в силу особой стадии своего развития либо внешних обстоятельств, могут не нуждаться в конкретном виде умений и талантов. Таким образом, любая система стратификации может быть понята как продукт специфических условий, вызванных к жизни двумя вышеупомянутыми основаниями дифференциального вознаграждения.

ГЛАВНЫЕ СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ И СТРАТИФИКАЦИЯ

Религия. Причина, почему религия необходима обнаруживается в том факте, что человеческое общество достигает своего единства через обладание вечными ценностями и целями. Хотя последние субъективны, они влияют на поведение и интегрируют общество в единую систему. Они не даны нам по наследству и не пришли извне. Они включены в культуру через коммуникацию и моральное давление. Для индивида они должны представлять как некая реальность. В этом и состоит роль религиозных верований и ритуалов. Благодаря верованиям и ритуалам общие ценности и цели связь с непосредственно являющимся миром символизирована в конкретных сакральных объектах... Индивид, через которого мы общаемся со сверхъестественным миром, должен быть человеком, обладающим большой властью. Он держатель сакральных традиций, умелый исполнитель ритуала, интерпретатор мифов. Он в таком тес-

ном контакте с богами, что рассматривается нами как обладающий божественными характеристиками... он свободен от вульгарной необходимости и контроля.

Не случайно религиозные функционеры ассоциируются у нас с самыми высокими властными позициями, как это есть в теократическом режиме. Удивительно, почему они еще не захватили контроль над обществом целиком. Тому препятствует ряд факторов.

Во-первых, объем технической компетентности, необходимой для исполнения религиозных обязанностей, невелик. Им не требуются артистические или научные способности. В непосредственный контакт с богами человек может входить сам, ему не нужны технические посредники. К тому же никак не проконтролируешь, насколько профессионально тот или иной священник общается с богом, ведь плодов его труда и личных заслуг не видно. Это одна из причин того, почему священники создают замкнутые профессиональные корпорации, и почему их деятельность строго контролируется высшими церковными инстанциями. Фактически священник всегда стоит перед опасностью дискредитации, ведь не существует адекватных и объективных критериев проверки успешности его деятельности. Да и сама она по характеру такова, что в результате усиленных ритуалов и молений не обязательно увеличиваются урожаи и строятся новые здания. Возможно, поэтому изобретены всевозможные приспособления, помогающие подчеркнуть идентификацию личности с его учреждением - почти театральные костюмы, неестественное поведение, специальная диета, отдельное от других поселение, безбрачие и т.п.

Не всякое общество в силу своего экономического развития и доходов в состоянии содержать огромный штат священников. Крайний случай - буддизм на Тибете, католицизм в средневековой Европе, режим инков в Перу, брахманизм в Индии. В бедных обществах священников немного и они по совместительству занимаются охотой или земледелием, их статус не высок. Если в таких условиях их статус все-таки высок, то это потому, что по совместительству они выполняют важные политические или медицинские функции.

В технически очень развитых обществах священники теряют высокий статус, так как сак-

ральные ценности отходят на второй план. Высшие ценности и цели общества выражают и символизируют уже не они, а политики, ученые, бизнесмены. Однако не существует общества полностью секуляризованного, полностью ликвидировавшего веру в трансцендентальные цели и ценности.

Правительство. Как и религия, оно играет уникальную роль в обществе. Но в противоположность религии, которая обеспечивает интеграцию в терминах сантиментов, верований и ритуалов, оно организует общество в терминах закона и авторитета. Оно ориентирует людей на видимый, а не на невидимый мир. Главная функция правительства - контроль за соблюдением норм и законов, судейство в конфликтных ситуациях, общее руководство общественной жизнью, а во внешнем мире - защищать мир и вести дипломатию. Естественно, что для осуществления таких функций оно монополизировало за собой применение силы и контроль над всеми гражданами.

Политическое действие, по определению, подразумевает authority. Чиновник командует потому, что наделен авторитетом. И граждане подчиняются ему по той же причине. По этой причине стратификация внутренне присуща природе политических отношений.

Политическая система устроена так, что наверху малое число обладателей высоких политических позиций по сравнению с большинством населения. Правители представляют интересы скорее группы, чем свои собственные. Поэтому их поведение ограничено правилами, поощряющими действия, соответствующие групповым, а не личным ожиданиям. Чиновник обладает властью от имени представляемого им учреждения и ничего больше, поэтому он может обладать, а может не обладать специальными знаниями, талантом или способностями. Они случайны или побочны. Потому он часто зависит от технических специалистов.

Богатство, собственности и труд. По определению, любая позиция, обеспечивающая существование, должна экономически вознаграждаться. По этой причине существует экономический аспект даже у тех позиций (например, религиозных и политических), главная функция которых не является экономической. Потому общество может пользоваться уникальной возможностью - неравным экономическим дохо-

дом как основным средством контроля над процессом заполнения социальных позиций и стимулирования выполнения своих обязанностей. Объем экономического вознаграждения, таким образом, становится одним из главных показателей социального статуса.

Необходимо подчеркнуть, что никакая позиция не приносит власть и престиж потому, что она обладает высоким доходом. Скорее она дает человеку высокий доход потому, что она функционально важна и люди, могущие ее заполнить, редки. Поверхностно и даже ошибочно думать, что высокий доход - причина власти и престижа, как нелепо думать, будто лихорадка - причина болезни человека.

Экономическим источником власти и престижа нельзя считать прежде всего доход, скорее это собственность на средства производства (включая патенты, добрую волю и профессиональную репутацию). Такую собственность надо отличать от обладания потребительскими товарами, которые являются скорее показателем, нежели причиной социального положения в обществе. Иными словами, владение потребительскими товарами есть источник дохода, как и в других позициях, сам же доход остается показателем. Это правда, что человек, имеющий высокий доход как результат нахождения на конкретной должности, может посчитать, что деньги - удобный способ войти также в другую позицию. Однако подобный случай отражает роль его первоначального, экономически сильного статуса, ко-

торый распространяет вокруг свое влияние благодаря посреднику - деньгам.

Техническое знание. Функция нахождения средств для достижения целей, не касающаяся вопроса выбора между разными целями, есть исключительно техническая сфера. Объяснение того, почему позиции, требующие огромных технических навыков, вознаграждаются меньше, чем того заслуживают, легко обнаружить, рассматривая, как благодаря распределению вознаграждений удается мотивировать таланты и обучение. Почему такие люди получают высокие вознаграждения довольно редко, если вообще получают их, также объяснимо: важность технических знаний с социетальной точки зрения никогда не было столь же высокой, какой была способность интегрировать цели, присущая позициям на религиозном, политическом и экономическом уровнях. Поскольку технологический уровень ограничен единственно выбором средств достижения целей, чисто технические позиции, в конечном счете, должны подчиняться другим позициям - религиозным, политическим и экономическим.

Системы стратификации могут различаться в зависимости от того, сколько и какие технические позиции как вознаграждаются и какой степенью престижа обладают. Разброс может быть очень большим, и он задается специализацией труда. Крайнее разделение труда склонно создавать много специалистов, не имеющих высокого престижа, так как у них короткое обучение и требуемые природные способности относительно невелики.

Логика социального познания (Поппер vs Маркс)

Мамедов А.К.

В статье анализируется логика социального познания на фоне научного спора Поппера с методологией Маркса, их методологические позиции и аргументация. Особый интерес вызывают базовые для марксизма принципы историзма и диалектической логики, попытки их критики и опровержения Поппером. Раскрывается научная ретроспектива указанных концепций. Ключевые слова: диалектика, истина, историзм, логика, марксизм, методология, научная критика, научное знание, позитивизм, противоположность, противоречие, социальная теория.

Mamedov A. K.

The logic of social cognition (Popper vs Marx)

The article analyzes the logic of social cognition on the example of the opposite of Popper's scientific views and methodologies of Marx, these methodological positions and argumentation. The principles of historicism and dialectical logic, basic to Marxism, Popper attempts to criticize and refute are of interest. The author also reveals the scientific retrospective of these concepts.

Key words: dialectic, verity, historicism, logic, Marxism, methodology, scientific criticism, scientific knowledge, positivism, opposition, contradiction, social theory.

Неоспоримо, что социальное познание системно отличается от естественнонаучного **по методам** как эмпирического, так и теоретического исследования, что обусловлено, в конечном счете, различием в самой природе **объектов** этих областей научного знания. Многие из того, что доступно и применимо в естествознании, недоступно или неприменимо в социально-гуманитарных науках, и, наоборот. В частности, в социальных науках широко используется такой метод сбора **эмпирической** информации, как опрос, а в естествознании он невозможен. В области **теоретических** методов в социально-гуманитарном познании широко используется телеологическое объяснение социальных явлений, — объяснение **из целей**, преследуемых теми или иными объектами познания (социальными субъектами), — а в естественных науках с такого рода объяснениями дело обстоит иначе. В физических науках оно совершенно запрещено и допустимым считается только объяснение из причин (каузальное); в биологических же науках оно допускается наряду с каузальным объяснением, но только — в своей **бессознательной** модификации (живые организмы устроены целесообразно, но целесообразность не является планомерной реализацией чьего-либо предварительного замысла). Но в социальных науках допускаются и признаются все три метода объяснения социальных явлений — каузальное и телеологическое в обеих его модификациях. В то же время, естественнонаучное и социально-гуманитарное познание исходят из общих **принципов** получения (производства) знания, и поэтому одинаково относятся к области **научного** познания [12, с. 29-56], отличаясь в том от религиозного, художественного, морального и иного. Наука стремится к получению не только и не просто полезного знания о своих объектах, но при этом и знания обязательно **истинного**. И, хотя наука так же, как и все остальные формы сознания способна впасть в заблуждения и ошибки, но не

готова мириться с этим и нацелена на то, чтобы избавиться от них и прийти к познанию именно истины, а не ее противоположности.

Несомненно, одним из выдающихся философов, внесшим весомый вклад в современную методологию научного познания, является британский ученый Карл Поппер (1902-1994), который, в отличие от многих других (не менее выдающихся) специалистов в этой области знания, — Т. Куна, П. Фейерабенда, И. Лакатоса и др. — уделял внимание в равной степени, как проблемам естественнонаучного, так и проблемам социально-гуманитарного познания, оставив заметный след в обеих областях научного познания. Более того, именно его размышления над проблемами **социальных теорий** (как неоднократно говорил сам Поппер) и способствовали выработке **общей теории** научного познания, которую автор определял как концепцию «критического рационализма». Важнейшей чертой концепции — это следует особенно подчеркнуть — является то, что она не допускает отступления от принципов рациональности научного познания, в то время как альтернативные концепции — Т. Куна, П. Фейерабенда, отчасти М. Полани и др., — допускают в научное познание некоторую дозу иррациональности. Поэтому, именно методология научного познания, развитая в работах Поппера, приобрела в настоящее время наибольшее влияние. Что же касается области социальных наук, то, как известно, Поппер на протяжении практически всей жизни боролся с тем широким признанием, которое получила социальная теория К. Маркса. При этом можно заметить, что и сама общая концепция научного познания К. Поппера во многом выросла именно из этой критики теории Маркса и аналогичных (в эпистемологическом плане) социальных теорий.

В настоящей работе мы рассмотрим только две, — но очень важные и во многом связанные, — проблемы, поставленные Поппером на основе анализа особенностей социальной теории Маркса (и ей подобных). Это — проблема так называемого «**историцизма**» и проблема использования **диалектической логики** в социальном познании. Решения этих проблем, предложенные Поппером, вошли в число признанных достижений современной философии науки и актуализированы в социальном познании, являясь, на наш взгляд, не вполне коррек-

тными. В любом случае, их дальнейший углубленный анализ будет способствовать нахождению более точных и истинных решений и существенному уточнению наших взглядов на социальное познание в целом. Вначале рассмотрим проблему так называемого «историцизма» в социальном познании (термин Поппера) как более простую и ясную.

В то время, когда научная деятельность К. Поппера еще только начиналась (20-е -30-е годы XX века) социальная теория К. Маркса являлась одной из самых влиятельных, возможно, и самой влиятельной концепцией в социальных науках. В качестве примера наивысшей оценки этой теории, можно привести высказывание В.И. Ленина: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [4, с. 40].

Сегодня с подобной оценкой теории Маркса согласны уже, по-видимому, меньшинство ученых, в чем повинны не только фактическое развитие событий после Маркса и Ленина и накопленный современным обществом **социальный опыт**, но также и **рациональная критика** самой теории Маркса многими выдающимися учеными, в числе которых одно из первых мест принадлежит, несомненно, самому К. Попперу. Тем не менее, авторитет теории Маркса в настоящее время если и сильно померк, то не исчез полностью, а во многом и сохраняет свое влияние. В качестве примера современной и более сдержанной, но при этом твердо положительной оценки можно привести высказывание известного английского историка Дж. Тоша, связанное с недавними попытками выбросить теорию Маркса «на свалку истории»: «Сейчас еще рано утверждать, — пишет он, — какими будут долгосрочные последствия сдвига 1989-1992 гг. в интеллектуальном плане, но сразу по двум причинам можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов... нынешнее враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в каче-

ственным, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений истории» [10, с. 127]. Но в середине века, когда критический анализ Поппера еще только набирал силу, научный авторитет теории Маркса был практически безоговорочным, даже крайние идеологические противники (З. Бжезинский) отдавали должное достоинствам его теории: «марксизм представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, также как и руководство действием, вытекающим из этого изучения» [1, с. 73]. Тем более важными и смелыми представляются научные усилия Поппера, который тогда практически полностью отвергал социальную теорию Маркса и критически атаковал со всех основных направлений ее анализа — логического, методологического, содержательного и т.д.

Хотя сам «историцизм» Поппер приписывал не только марксизму в целом, но и ряду других социальных теорий, но детальную критику представил именно на примере теории Маркса, что хорошо объясняется вышеуказанными обстоятельствами. К тому же для Поппера это было и делом принципиальным, т.к. он стремился именно к открытой критике своего оппонента и не хотел, чтобы его заподозрили в «скрытой критике» [8, с. 557]. Итак, в чем же, по мнению Поппера, заключена фатальная ошибка «историцизма»? «Центральные идеи историцистского метода и, в частности, марксизма, — пишет К. Поппер, — таковы:

(а) Несомненно, что мы можем предсказывать солнечные затмения с высокой степенью точности и далеко в будущее. Почему же мы не могли бы предсказывать революций? Если бы социальный ученый в 1780 году знал об обществе хотя бы половину того, что знали об астрономии древние вавилонские астрологи, то он

смог бы предсказать Французскую революцию.

Фундаментальная идея, что революции можно предсказывать точно так же, как солнечные затмения, — продолжает Поппер, — порождает следующее понимание задачи социальных наук:

(б) Цель социальных наук в принципе ничем не отличается от цели естественных наук — делать предсказания, точнее, исторические предсказания о социальном и политическом развитии человечества.

(в) Как только эти предсказания сделаны, можно определить задачи политики. Она должна смягчать «родовые муки» (как говорил Маркс), неизбежно сопровождающие предсказанные и неотвратимые политические изменения.

Эти простые идеи, в частности, мысль о том, что целью социальных наук являются исторические предсказания, например предсказания социальных революций, — заключает Поппер, — я буду называть **историцистской доктриной социальных наук**. Мысль о том, что политика должна облегчать родовые муки неизбежных политических изменений, я буду называть **историцистской доктриной политики**. Обе эти доктрины можно рассматривать как части более широкой философской схемы, называемой историцизмом, а именно: той точки зрения, что история человечества следует некоторому плану, и если нам удастся разгадать этот план, мы получим ключ к будущему» [9, с. 559-560]. И далее Поппер развивает свою критику «историцизма», построенную на том, что общество сильно отличается от таких «замкнутых и чисто механических систем» как солнечная система, работающая «как часы», что и позволяет делать относительно нее очень точные и далеко идущие предсказания. Нет смысла детально рассматривать всю аргументацию Поппера, поскольку ошибка очевидна, критикуется не сама теория Маркса, а приписанный штамп, созданный самим Поппером (или заимствованный). Дело в том, что ни Маркс с Энгельсом, ни их последователи (марксисты) не претендовали на точность своих предсказаний, соизмеримую с точностью астрономических вычислений. Но проблема «историцизма», поднятая Поппером, этим, конечно, не снимается, поскольку теория Маркса и действительно содержала некоторого рода исторические предсказания, научность которых действительно нуждается в рациональной оценке. В частности, теория Мар-

кса содержала в себе предсказание **неизбежности** социальной революции в Европе. Не назначая никаких **точных** сроков, Маркс и Энгельс, тем не менее, доказывали ее **неизбежность**, столь же неотвратимую, как и те же солнечные затмения, которые ведь обязательно должны наблюдаться **при конкретных условиях** взаимного движения небесных тел. При этом, хотя **субъективно** (психологически) основатели марксизма, естественно, хотели увидеть предсказанную социальную революцию при жизни, и потому действительно часто ошибались, принимая те или иные события того времени, («революции» 1848 и 1870 гг.), за ее начало и вскоре разочаровываясь в своих ожиданиях, но эти **личные** «предсказания» не следуют путать с тем предсказанием, которое логически следовало из теории. В последнем не было (и не могло) точного указания не только на сроки данного события, но даже на детальные признаки наступления. Поэтому, не зная, **когда именно** случатся («созреют») «социальные затмения», основатели марксизма, тем не менее, нисколько не сомневались, что **рано или поздно** они должны будут произойти, ибо это следовало из их теории. С одной стороны, гипотеза основывалась, конечно, и на простой эмпирической закономерности, вполне выясненной к тому времени европейскими **историками**. Европейское общество, как известно, жило и действовало **по одним правилам** во времена Римской империи (эти правила описаны как «рабовладельческое» общество), потом оно, в ходе насильственных пертурбаций V-VI веков, перешло к жизни уже **по другим правилам** (правилам «феодалного» общества), а потом, также в ходе революций XVII-XIX веков, перешло к жизни по **новым правилам** (правилам «буржуазного» общества). Если даже эмпирически **экстраполировать** последовательность перемен в будущее, то возникает уверенность, что череда изменений в Европе на этом не остановится, и в будущем ее ожидают новые потрясения и переход к новым общественным порядкам. В самом деле, почему бы то, что наблюдалось на протяжении всей предшествующей истории Европы, должно прекратиться в будущем? Между прочим, именно на такой же, чисто эмпирической экстраполяции основана и знаменитая теория длинных волн российского ученого Н. Кондратьева, считающаяся вполне

респектабельной концепцией. Но, конечно, Маркс с Энгельсом основывались не только и даже не столько на этой эмпирической экстраполяции. Их теория состояла в нахождении **причинного объяснения** социальных переворотов (включавшего и элементы телеологизма). Историки открыли периодичность социальных переворотов, а Маркс с Энгельсом предложили их научное (рациональное) **объяснение**. Они были уверены в том, что открыли **причину и механизм** («закон») этих исторических процессов, которую увидели в неуклонном **прогрессе производительных сил** общества. Любое общество стремится к максимально быстрому развитию своих производительных сил и не может не стремиться к этому, т. к. иначе оно либо полностью исчезнет (в случае деградации), либо будет подчинено более развитыми обществами, которые вовлекут его в свое прогрессивное развитие. Это — **первый и самый главный постулат** марксистской теории, все остальное производно. При этом понятие производительных сил общества оставляется лишь **интуитивно** ясным, его дискурсивное уточнение основателями марксизма не проводится. Попытки такого уточнения стали делаться уже после победы этой теории и они столкнулись со значительными трудностями. «Самое замечательное в этой доктрине, — писал критик марксизма, экономист Л. Мизес, — в ней не дано определение основного понятия — материальных производительных сил. Маркс нигде не говорит нам, что он имеет в виду, когда ссылается на материальные производительные силы. Мы должны вывести это из редких исторических иллюстраций его доктрины. Самый откровенный из этих случайных примеров можно найти в его книге «Нищета философии», опубликованной в 1847 г. на французском языке. Читаем: Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [8, с. 83]. Замечание Мизеса, в принципе, правомерно, но оно не достигает цели.

В любой научной теории исходные понятия и постулаты зачастую принимаются без доказательств и строгих определений — как интуитивно очевидные и интуитивно ясные. Именно так обстоят дела не только в «Началах» Евклида или в «Началах» Ньютона, но и в теории Дарвина, в которой тоже не объясняется досконально, что

такое «наследственность», «изменчивость» и «естественный отбор» — все это принимается как интуитивно ясное. Требование **предварительного** четкого формального (дискурсивного) определения исходных понятий равносильно, как установил Аристотель, запрету на теоретическое мышление вообще. Никакая теория никогда не будет построена, если изначально требовать формально корректные определения исходных понятий и доказательства ее аксиом (постулатов); они должны быть просто приняты как интуитивно ясные. И точно так же дело обстоит и с первым постулатом теории Маркса (как и со всеми остальными ее постулатами).

Второй же постулат этой теории заключается в том, что социальные порядки (правила, по которым живет общество) **небезразличны** к росту производительных сил, а могут либо тормозить его, либо ускорять, будучи при этом склонными к **консервативности**, неподатливости к изменениям. Поэтому рано или поздно в любом обществе прогрессирующее развитие производительных сил неизбежно «натывается» на сдерживающие рамки, мешающие их дальнейшему прогрессу. Но почему же общественные порядки не могут изменяться в соответствии с прогрессирующим развитием производительных сил? Ведь ясно же, что это было бы наилучшим выходом для всего общества и выгодно всем его членам? На этот вопрос отвечает **третий постулат** марксистской теории, гласящий, что в обществе всегда есть господствующие классы, которым выгодны именно старые, а не новые порядки, поскольку их собственное господство и основано именно на старых порядках. Но, поскольку прогресс производительных сил неизбежно порождает и **новые социальные классы**, которым этот старый порядок начинает мешать, то между старыми господствующими классами, выступающими за консервацию порядков, и новыми классами, выступающими за отмену и замену Новым, назревает **социальный конфликт**, который и разрешается всегда в ходе социальной революции — более или менее кровавой, но всегда **насильственной** и, с точки зрения старых порядков, — незаконной, нелегальной.

Таков вполне ясный и понятный механизм возникновения революций, предлагаемый теорией Маркса. Такова сама **суть** теории, которая предсказывает только самую неизбежность (необходимость) революций, не предсказывая их

ни с какой **математической** точностью. Поэтому критиковать ее по несбывшимся (субъективным) прогнозам на тот или иной, назначенный срок, — некорректно. Можно критиковать только за сам предлагаемый ею **механизм** общественного развития. Поскольку эта теория основана не столько на строгих и четко определенных понятиях, сколько на интуитивных и даже метафорических представлениях («производительные силы», «производственные отношения», «социальные классы», «базис», «надстройка», «общественное бытие», «общественное сознание» и т.д.), то можно критиковать ее именно за нечеткость и расплывчатость этих ее исходных основ, что на самом деле постоянно делалось и делается. «Наиболее примечательным моментом в этой теории, — пишет Л. Мизес, — было то, что она никогда не была ясно изложена. В «Коммунистическом манифесте» для иллюстрации классовый борьбу взяты конфликты между кастами (Мизес называет «кастами» сословия — А.М.). Затем Маркс добавляет, что в современном буржуазном обществе возникли новые классы. Но он так нигде и не сказал, что такое класс и что он имел в виду, говоря о классах с антагонистическими противоречиями между ними и соотнося классы с кастами. ... Ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей не смогли сказать нам, что же представляет собой общественный класс и, тем более, действительно ли общественные классы играют в социальной структуре ту роль, которую приписывает им теория» [6, с. 80]. «Понятия базиса и надстройки, — вторит ему известный социолог Р. Арон, в целом, вполне благосклонно относившейся к этой теории, — ... неясны и допускают бесконечные спекуляции» [2, с. 177]. Но то же самое можно утверждать и про все остальные исходные понятия, на которых основана эта теория. Но стоит и повторить, что этот характер теории Маркса не представляет собой чего-то исключительного в области научного познания. Как, например, четко определить, что понимают физики под интуитивно ясным, но таким загадочным понятием (или представлением) силы (или массы)? И что останется от современной физики, если лишить ее этого неопределенного понятия? Тем не менее, в основу теории Маркса положены не просто какие-то неопределенные и ни на чем не основанные понятия, а понятия **интуитивно** ясные и ни в чем не противоречащие ни повседневно-

му опыту, ни известным на тот момент и научно установленным фактам. Поэтому критика с этой стороны никогда не достигала целей и не могла стать более убедительной, чем сама эта теория. «Всякая теория, — подытоживал размышления Р. Арон, — стремящаяся стать идеологией политического движения или официальной доктриной государства, должна поддаваться упрощению, для простоты, и усложнению, для снобов. Вне всякого сомнения, учение Маркса в высшей степени обнаруживает эти добродетели. Каждый может найти в нем то, что он хочет» [2, с. 177]. Но почему же теория Маркса не осталась лишь научной теорией, а стала (сознательно стремилась) еще и «идеологией политического движения» и даже «официальной доктриной государства»? Дело в том, что теория Маркса не останавливалась на простом **объяснении** социальных революций и предсказании их неизбежности в будущем (в таком виде она вполне совместима с современными канонами научности, поэтому и принимается современной социальной наукой), но она шла **значительно дальше**. Предсказывали, в частности, что следующая социальная революция в Европе будет не просто революцией, а **социалистической**, отрицающей частную собственность на средства производства вообще и любые социальные порядки, основанные на принципе частной собственности. Будущая революция, были убеждены марксисты, введет совершенно новые порядки, основанные на принципе общественной собственности на средства производства. Откуда же они могли знать, что будущая революция будет именно социалистической? Ведь из принципов самой теории Маркса, описанных выше, это ни в коем случае не следует. Утверждается лишь то, что на каком-то этапе развития производительных сил «буржуазного» общества должны появиться новые социальные силы, которым старые порядки должны казаться тормозом к дальнейшему прогрессивному развитию. Эти силы должны были крепнуть, и на каком-то этапе вступить в конфликт с господствующими классами буржуазного общества, держащимися за старые порядки, затем произвести насильственное изменение в общественных порядках в интересах всего общества (его материального прогресса). Поэтому, прежде всего, странно уже то, что Маркс увидел в качестве такого класса пролетариат. Ведь предыдущие революции хотя и происходили с **непре-**

менным участием общественных низов, но не по их инициативе — будущие рабовладельцы, феодалы и капиталисты относились к **верхам** общества. Почему же тут вдруг именно пролетариат (низы общества) выступит ведущей революционной силой? И эмпирически, и теоретически выбор пролетариата в качестве революционной силы у Маркса не был обоснованным. Но, во-вторых, еще более важно то, что новый переворот, по мысли Маркса, должен был отрицать не просто ближайший ему прежний социальный порядок (буржуазный), но он должен был отрицать и все прежние порядки того же самого рода, как основанные на принципе частной собственности. На смену этому принципу должен будет прийти принцип общественной собственности — его **полная противоположность**. Капитализм («буржуазное общество»), рассматриваемый Марксом как самое совершенное — крайнее — развитие принципа частной собственности, должен был перейти в свою противоположность. Но неизбежность такого перехода не могла следовать из теории Маркса (в которой для этого нет совершенно никаких предпосылок), и она могла следовать, как это совершенно верно и замечает Карл Поппер [9, с. 548-549], только из **диалектической логики** Гегеля, которую Маркс, как мы знаем, признавал в качестве **методологической основы** своей теории.

Будучи гегельянцем в начале деятельности, и «перевернув потом с головы на ноги» гегелевскую логику, Маркс, видимо, не отказался полностью от ее основных положений и даже сделал эту науку руководящей основой в научных исследованиях. Поэтому и другая важная часть критики марксизма сосредоточена на попытке **дискредитации диалектической логики** как методологии научного познания вообще и социального познания, в частности. К. Поппер утверждает, что в основу этого подхода положена гегелевская диалектика, суть которой, в свою очередь, состоит в том, что отвергается основной закон логики — закон противоречия. Отрицание же этого закона, доказывает Поппер, позволяет диалектике **ускользать от всякой критики** — ее практически нельзя опровергнуть, поскольку из противоречивых высказываний можно вывести все, что угодно, и все это будет считаться научным и обоснованным. Но основной критерий научности в том-то и состоит, согласно методологии Поппера, что

теория должна поддаваться опровержению, — иначе она ненаучна. То, что принципиально нельзя опровергнуть — ненаучно, и поэтому не заслуживает никакого доверия. Но именно такую теорию и представляет собой марксизм; благодаря его диалектичности, марксизм не поддается никакой критике, его принципиально нельзя опровергнуть — следовательно, он ненаучен. «Маркс и Энгельс, — писал Поппер, — настойчиво утверждали, что науку не следует интерпретировать как массив, состоящий из окончательного и устоявшегося знания или из «вечных истин», но надо рассматривать ее как нечто развивающееся, прогрессирующее. Ученый — это не тот человек, который много знает, а тот, кто полон решимости не оставлять поиск истины. Научные системы развиваются, причем развиваются, согласно Марксу, диалектически. ... Реальность, однако, такова, — говорит Поппер, — что марксов прогрессивный и антидогматический взгляд на науку на деле никогда не проводился ортодоксальными марксистами. Прогрессивная, антидогматическая наука критична, в критике — сама ее жизнь... Гегель полагал, — продолжает Поппер, — что философия развивается и что его система, однако, должна оставаться последней, наивысшей и вечно непревзойденной стадией развития. Марксисты переняли эту установку, распространив ее на систему Маркса. Поэтому антидогматическая установка Маркса проводится только в теории, а не в практике ортодоксального марксизма, диалектика же используется марксистами, по примеру энгельсовского «Анти-Дюринга», главным образом в апологетических целях — для защиты марксизма от критики. [9, с. 550-551]. Нужно заметить, прежде всего, что в критике Поппера внимание сосредоточено не на том, что говорили Маркс с Энгельсом, а на том, что стали говорить последователи — «ортодоксальные марксисты», которые действительно, на определенном этапе развития этого учения, впали в жесткий догматизм и потому вполне заслужили упреки, высказанные в их адрес. Но, строго говоря, Маркс с Энгельсом не несут за это ответственности. Поэтому вопрос может заключаться только в том, действительно ли в самой теории Маркса содержится тот «фатальный недостаток», что она основана на гегелевской диалектике, которая якобы и делает ее совершенно «непотопляемой» — недоступной для любой критики, а, следовательно, — ненаучной?

На наш взгляд, есть достаточно оснований полагать, что это не так и что в марксистской теории самой по себе вовсе нет ничего диалектического. Она представляет собой самую обычную — «метафизическую» (в смысле недиалектическую) — теорию, которая всего лишь «кокетничает», по словам самого Маркса, гегелевской терминологией, на деле же не содержа в себе ничего от диалектики Гегеля. Правда, выше мы и сами привели одно из свидетельств в пользу того, что использование диалектической логики в рамках мышления Маркса действительно имело место. Далее мы постараемся показать, что делал он это не вполне сознательно, и, если и прибегал к ее понятиям и законам, то делал это случайным и не вполне адекватным образом. И то же самое, на наш взгляд, можно сказать и о Ф. Энгельсе, несомненно, проявлявшем гораздо больший интерес к этой проблеме и даже пытавшемся изложить свою версию «диалектического материализма» в одноименной рукописи, впрочем, так оставшейся в черновиках (чего Маркс никогда даже и не пытался сделать).

В самом деле, известно, что сам Маркс никогда явно не формулировал принципы своего «диалектического» метода, которым он якобы пользовался в своих исследованиях, но он иногда делал это **косвенно**, позволяя говорить за себя другим. Так, в частности, в Послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» он одобрительно цитирует русского экономиста И.И. Кауфмана, описывающего «метод Маркса»: «Иному читателю, — писал Кауфман, — может при этом прийти на мысль и такой вопрос ... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует ... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы ... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений ... Старые, экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии ... Более глубокий анализ явлений показал, что со-

циальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические» [6, с. 20-21]. Приведя рассуждения Кауфмана, Маркс замечает: «Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и, отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод» [6, с. 21]. Однако это замечание Маркса способно вызвать только недоумение. Ведь почти все, что написал там Кауфман, представляет собой нелепицу, ибо не имеет никакого отношения не только к диалектическому методу, но и просто к научному методу вообще. Не может быть никаких частных законов, которые не имели бы под собой некоторых общих законов. Частного без общего вообще не существует. Неверно также и то, что нечто подобное наблюдается, якобы, в биологии — там этого нет. Есть общая биология и есть ее частные отрасли, в которых отнюдь не вводится никаких частных законов, которые отрицали бы общие законы биологии. Все это, повторяем, не совсем научно и объяснено, может быть, только тем, что оба фигуранта этого обсуждения — Кауфман и Маркс — смешивают неизменные объективные экономические законы с **социальными порядками**, которые в истории, действительно, постоянно меняются, — иначе говоря, смешивают **объективные** законы природы с субъективными юридическими законами, — с **законодательством**).

При этом, конечно, верно, что домарксовские экономисты (Смит, Риккардо и др.) приписывали первобытному обществу те социальные порядки, которые они наблюдали в **современном** им обществе. Что доказывает только наивность этих экономистов, а не отсутствие самих общих категорий и законов экономической реальности. Они **принимали** частное и особенное за всеобщее, что было ошибкой, но само их стремление найти такое общее было совершенно правильным, и грубейшей ошибкой является как раз отказ от поисков такого всеобщего. И во всяком случае такой отказ невозможно приписать ни самому Гегелю, ни его диалектике. В своей критике гегелевской логики Поппер сосредоточил все внимание на том, что эта логика отвергает закон противоречия в качестве необходимой методологической основы мышления (познания) и, что еще более важно для Поппера, — основы **всякой рациональной крити-**

ки. Гегель действительно отвергает этот закон мышления и противопоставляет ему противоположный принцип: **что непротиворечиво, то неистинно**. Иначе говоря, гегелевская логика требует противоречивости как необходимого (формального) условия истинности теоретического мышления, тогда как традиционная логика требует, наоборот, его непротиворечивости. И в этом действительно заключается основной пункт спора между традиционной (аристотелевской) и диалектической (гегелевской) логикой. Сам Поппер однозначно решает этот спор в пользу первой. На том основании, что закон противоречия якобы является необходимым условием любой критики. Ибо любая критика, по Попперу, — это именно указание **на противоречия** в той или иной теории. Если «отнять» у ученых закон противоречия, то никакая критика станет вообще невозможной. А значит — станет невозможной и сама наука! Ибо наука, согласно Попперу, развивается только посредством критики. Верно, конечно, что наука развивается посредством критики, но этого не отрицал и сам Гегель. Более того, у него тоже наука развивается именно посредством критики, причем тотальной. Но как же возможна критика без апелляции к противоречиям? Поппер считает это невозможным, при этом в отношении любой теории он указывает на существование трех видов противоречий. Во-первых, — это могут быть противоречия в рамках самой научной теории. Если в ней можно вывести некоторое утверждение и его отрицание, то такая теория сразу же бракуется **по формальным основаниям** (без обращения к опыту и фактам), так как в ней нарушается закон противоречия. Последний здесь выступает в качестве формального негативного критерия истинности теории. Не может быть истинной теории, если она противоречива. Мы должны, однако, заметить, что классическая теория (понятие) истины (истинности) вовсе не накладывает столь сильных ограничений на наше знание. Согласно этой теории, истина есть знание, соответствующее своему предмету. В ней не говорится, что истина — это непротиворечивое знание. Более того, если предмет познания сам по себе противоречив, то и знание, **чтобы быть истинным** относительно этого предмета, тоже **обязано** быть противоречивым. Иначе оно не будет соответствовать своему предмету, а значит — не будет истинным знанием о нем. Именно так и подхо-

дит к делу гегелевская логика. Утверждая, что все сущее в этом мире противоречиво, несет противоречие в себе, она именно поэтому и от знания требует быть противоречивым — иначе оно не будет истинным!

Второй вид противоречий, выделяемых Поппером, — это противоречия между теориями и фактами. Сама теория может быть формально непротиворечивой, но если она противоречит фактам, то она тотчас признается ложной, несмотря на свою непротиворечивость, и на этом основании тоже бракуется. Таким образом, противоречие между теорией и фактами признается более сильным, чем формальная непротиворечивость самой теории. Но это тоже вполне согласуется и с точкой зрения гегелевской логики — именно на этом основании она и требует от знания быть противоречивым. Если факты противоречивы, то должна быть противоречивой и объясняющая их теория.

Наконец, третий вид противоречия, рассматриваемый Поппером, — это противоречия **между двумя теориями**. Если мы имеем две одинаково непротиворечивые теории, которые, однако, противоречат друг другу, то мы должны **выбрать** из них только **какую-то одну**, а именно, — ту, которая соответствует фактам. Таково требование, вытекающее из признания закона противоречия и основанной на нем традиционной логики и методологии науки, принимаемой и отстаиваемой Поппером.

Но как же быть ученому в том случае, когда обе противоречащие друг другу теории в одинаковой степени подтверждаются фактами? Для современной науки такой случай не представляет собой чего-то экзотического. Известно, например, что есть две противоречащих друг другу теории световых явлений: одна из них, идущая от Ньютона, утверждает, что свет — это корпускулы (фотоны). А другая, идущая от Френеля, настаивает на том, что свет — это не корпускулы, а волны. В любом случае, и волновая, и корпускулярная теории света одинаково хорошо согласуются с фактами и, следовательно, одинаково хорошо опровергаются ими же. На этом основании **невозможно** выбрать ту или иную из них, и современной науке не остается ничего иного, как признать истинными их обе.

Но не является ли это опровержением самого требования неперменного выбора **только одной из двух** противоречащих друг другу теорий? Конечно, является. И сам Поппер просто

обязан был признать в данном случае, что его методология, основанная на законе противоречия, **не работает**, что она неадекватна научному познанию и является методологическим препятствием к достижению истины. Разобрав случай с этими двумя теориями света и признав, что нужно принять их обе, более того, даже согласившись, что в данном случае диалектическая логика оказывается более адекватной методологией, чем теория, запрещающая противоречия, он тем не менее, делает только тот вывод, что «мы должны внимательно следить за тем, чтобы не приписать ей (диалектике — А.М.) лишних достоинств» [9, с. 520]. Уклонившись, таким образом, от признания поражения своей методологии, — ведь обе эти теории опровергнуты фактами и обе должны быть отброшены! — Поппер снова возвращается к ней, как ни в чем ни бывало, и продолжает настаивать на ее универсальной значимости и незаменимости.

Но не делает ли он тем самым свою теорию тоже «непотопляемой» и, стало быть, ненаучной? Тем не менее, для всякого непредвзятого ума, рассматривающего вышеописанную коллизию, проблема здесь действительно существует и требует какого-то внятного решения. С одной стороны, противоречия существуют и даже допускаются в такой «эталонной» и ушедшей, по всеобщему мнению, далеко вперед от всех прочих науке, как современная теоретическая физика; а, с другой, — если допустить противоречивые теории, то это будет означать не только крах всех попыток критиковать их (как можно критиковать противоречивые построения?!), но и крах самой теоретической науки как таковой (из противоречащих друг другу посылов можно вывести что угодно!). На наш взгляд, решение всех этих затруднений и парадоксов имплицитно содержится в рассмотренном выше случае с физической теорией световых явлений. Противоречие там допускается не в рамках самих теорий, а в рамках лишь **всей науки о них** в целом (в рамках всей оптики). Каждая из двух теорий — корпускулярная и волновая — оставляется внутренне непротиворечивой (иначе невозможно логическое выведение всех следствий из принимаемых ею постулатов), но одновременно с этим признается, что и **противоположная** ей непротиворечивая теория тоже обладает объективной значимостью, поскольку она тоже подтверждается опытом (фактами). Более того, признается, что ни одна из этих

теорий не способна по отдельности выразить истину, и только **обе они вместе** эту истину выражают. Тем самым признается справедливость гегелевского принципа — что не противоречиво, то не истинно. Но вместе с тем признается и необходимость **непротиворечивого** развития каждой из сторон этого противоречия в противоположные друг другу **непротиворечивые** теории.

Так, противоречие переносится из сферы отдельной **теории** (которые оставляются непротиворечивыми) в сферу их высшего единства, составляющего **науку**. Противоречивыми должны быть науки в целом, а не отдельные, составляющие их теории. Ведь наука — это и есть некоторое сложное единство: 1) накопленных и проверенных ею **фактов**, 2) различных **теорий**, призванных объяснять эти факты, и 3) различных **методов** сбора этих фактов, построения этих теорий и организации всей науки в целом. Диалектика, таким образом, является логикой развития (и методом организации) **всей науки в целом**, но не методом построения ее отдельных теорий и их проверки. Ею руководствуется (должна руководствоваться) **вся наука в целом**, но не отдельный ученый, создающий конкретную теорию.

Если мы обратимся теперь к самому автору, создателю диалектической логики — Гегелю, — то увидим, что он и действительно трактовал ее **именно таким образом**. В самом деле, его «Лекции по истории философии» описывают противоречивое развитие самой философии в целом как особой науки, а не развитие какой-либо отдельной философской теории. Он понимал, в частности, что те же Платон с Аристотелем, например, не противоречили сами себе (точнее, не стремились к этому, а стремились к **непротиворечивости** своих построений), но они противоречили **друг другу** и другим философам, которые, в свою очередь, противоречили им и всем другим авторам различных философских теорий. По сути, противоречивой внутри себя была **вся наука философия**, а не ее отдельные теории. И именно эти противоречия между всеми учеными и их взаимная критика теорий друг друга и двигали всю эту науку вперед по пути развития знания в целом. Никакая отдельная теория не способна выразить истину познаваемого **всей наукой** предмета — ее способна достигать только вся наука в целом, взятая во всей совокупности своих теорий,

фактов и методов. Посему, диалектика как **логика науки** не только не устраняет критики, но, наоборот, она требует ее, причем — тотальной. Здесь будет полезно коснуться кратко и одного бытующего до сих пор заблуждения — об относительной незрелости (или несовершенстве) социального познания, по сравнению с познанием естественнонаучным. Проявление этой незрелости видят обычно в том, что гуманитарии и до сих пор все еще не могут никак **договориться** между собой даже и по самым принципиальным вопросам их наук, тогда как среди физиков и химиков, например, давно уже якобы достигнут консенсус чуть ли не по всем принципиальным вопросам их наук.

Американский ученый Л. Лаудан, посвятивший себя исследованию проблемы консенсуса и диссенсуса в науках, описывает устоявшийся предрассудок следующим образом. «Большая часть ученых, — пишет он, — работающих в какой-либо области или подобласти естествознания, вообще говоря, обычно находится в согласии относительно подавляющего числа посылок своей дисциплины. Они обычно находятся в согласии относительно многих объясняемых явлений и широкого класса количественных и экспериментальных методик, служащих для установления «фактуальных утверждений». Кроме этого согласия в сфере того, что подлежит объяснению, имеется согласие на уровне объяснительных и теоретических сущностей. <...> Интуитивная мера этой колеблющейся степени согласия проистекает из сравнения естественнонаучных учебников с текстами, скажем, по философии и социологии. (И такие сравнения послужили для философов и социологов, аккуратно наблюдавших за наукой, отправной точкой для заключения о высокой степени консенсуса в естественных науках). Философы печально известны своими дебатами по фундаментальным вопросам философии, и между конкурирующими школами философов очень мало согласия даже по периферийным вопросам.

Неудивительно поэтому, что философские тексты, написанные, скажем, томистами, имеют очень мало общего с текстами, написанными позитивистами. Социологи подобным же образом разделены на ряд воюющих лагерей, причем до такой степени, что существуют вопиющие различия в учебниках, написанных, скажем, марксистами, герменевтиками, феноменологами, функционалистами и социометриками. Ес-

тественные науки не таковы, и это отмечали многие философы и социологи 50-60-х годов» [3, с. 486-487]. Между прочим, если перевести этот предрассудок на язык методологии «критического рационализма», то гуманитариев следовало бы, наоборот, хвалить за их бескомпромиссную критичность по отношению к теориям друг друга, а физиков, наоборот, следовало бы порицать за их излишний конформизм. Другое дело, что этот взгляд на положение дел в науке не соответствует действительности, и на самом деле и в естествознании мы имеем ничуть не меньше противоречий в теоретических подходах, чем в области социально-гуманитарного знания. Если же учесть еще и то, что сам предмет естествознания по своей природе неизмеримо беднее предмета социально-гуманитарных наук, то, наоборот, уже и то количество противоречий, которое имеется в области естествознания, покажется нам уже чем-то удивительным и чрезмерным. «Теории в науке, — отмечает Л. Лаудан, — изменяются быстро — общим местом является то, что вчерашняя научная фикция становится сегодняшней ортодоксией. Однако иногда эти изменения перепалками, приводящими к основательным разделением внутри научного сообщества по вере и верности. Все упомянутые расколы были расколами между видными учеными, между теориями, длились по несколько десятилетий, и не было счета разумной аргументации с обеих сторон. Ситуации, вроде упомянутых, — заключает Л. Лаудан, — ясно показывают, что, какая бы сила ни исходила от правил и норм науки, они на самом деле недостаточны, чтобы разрешить быстро и определенно эти дискуссии» [3, с. 489]. С нашей же точки зрения, отсюда следует совсем другой вывод: «сила, исходящая из правил и норм науки» и является глубинной причиной всех этих разногласий, поскольку наука стремится постичь истину своего предмета, а все предметы в этом мире противоречивы. Не сварливый характер ученых заставляет их постоянно ссориться между собой и критиковать друг друга, а **сам предмет** их исследования и требование стремиться к **истине**. Каждый ученый стремится построить **непротиворечивую** теорию предмета, но у всех вместе это получиться не может, поскольку истина противоречива. Поэтому и споры между ними **неизбежны** в естествознании не меньше, чем в социальных и гуманитарных науках [5, с. 17-33].

Следует видеть в этих противоречиях норму и истину, а не досадное отклонение от таковых.

Конечно, не возбраняется (было бы желательным), чтобы и сами отдельные ученые, создающие те или иные теории, учитывали требования диалектической логики и не пытались бы во что бы то ни стало уничтожить (опровергнуть) теории других ученых, исходящих из **противоположных** по отношению к ним **принципов**. Более того, было бы хорошо, чтобы они даже и приветствовали создание и развитие таких теорий, понимая, что истина достигается только их **совместными** усилиями, хотя они и противоречат друг другу. Это и было бы **на деле** следованием принципам диалектической логики как методологии научного познания. Применяя это мерило к теории Маркса и Энгельса, легко заметить, что эти ученые на деле следовали прямо противоположной логике, а именно, — старались во что бы то ни стало доказать, что теории, исходящие из противоположных по отношению к ним принципов, — ложны. В частности, они отвергали гегелевский (и контовский) подход к развитию общества как «идеалистический», все теории стоимости в экономической науке, противоречащие их «трудовой теории» — как «вульгарные»; все индивидуалистические теории общества (М. Вебер), противоречившие их холистическому принципу, — как «буржуазные» и т.д. Тем самым они на деле **отказывались** следовать диалектической логике.

Кроме того, диалектическая логика, в том виде как изложил Гегель, требует разрешения противоречия в **синтезе** противоположностей, в «примирении», посредством которого противоречие ни в коем случае не уничтожается, а только лишь «снимается» (aufheben), то есть одновременно устраняется и сохраняется. В марксистском же подходе упор делается именно на **уничтожении** противоречия посредством **уничтожения** одной из противоположностей в пользу другой. Именно из такой (антидиалектической) логики и следовал у Маркса с Энгельсом вывод, что грядущей социальной революцией принцип частной собственности будет совершенно уничтожен и общество перейдет полностью к принципу общественной собственности. С точки зрения логики Гегеля, такое попросту **невозможно** (противоречивость неустраняема), и, в лучшем случае, можно говорить лишь о **примирении** обоих этих принципов и о нахождении некоторого разумного **сущест-**

ствования между ними. Гегелевское положение о том, что истина конкретна, означает то, что она есть **единство противоположностей**, а вовсе не победа одной из них. Вместе с тем, отметим, что постоянное (хоть и формальное временами) обращение к диалектике позволило развить в рамках марксизма (в советской интерпретации) саму диалектическую логику в качестве методологии научного познания. Но диалектическая логика не является той логикой пролиферации всех теорий, к которой, в конце концов, пришла и антидиалектическая (позитивистская) методология, развивавшаяся параллельно советской в западной мысли. От так называемого методологического анархизма (П. Фейерабенд и др.) она отличается тем, что в ней допускаются не все и не всякие теории (объяснения), которые только могут взбрести в голову, а лишь те и только те, которые являются развитием **логически противоположных** принципов, по отношению к уже проверенным теориям, и остающиеся при этом полностью в рамках самой науки с соблюдением всех ее основных требований к научному познанию (объективность, рациональность, обоснованность, истинность). В согласии с этими требованиями, критерием истинности научного познания признается лишь сама объективная реальность, не зависящая в своем бытии от нашего познания оной. Ее право на вынесение окончательного приговора в отношении любых теорий никем не может оспариваться. Не субъект должен решать, что есть истина, а сама объективная реальность. Поэтому и сама по себе противоречивость той или иной науки не является окончательным доводом в пользу ее истинности. Из истории науки хорошо известно, что во многих случаях противоречие оказывалось неистинным, не подтверждавшимся опытом, и потому одна из двух конкурировавших теорий должна была признать истинность ее соперницы (так, были отброшены на основании опыта теории теплорода, флогистона, теория гомункулов и др. в пользу конкурирующих с ними теорий). Иначе говоря, диалектическая логика не может применяться бездумно и так сказать механически. Она, так же, как и традиционная (формальная) логика, не может служить органом научного познания. Но она может предотвращать ложные

направления развития в различных науках, экономя при этом значительное количество усилий ученых, растрачиваемых обычно на бесплодные споры и нереализуемые в принципе научные программы. Сохраняя значение традиционной (аристотелевской) логики и теории истины, диалектическая (гегелевская) логика и теория истины, вместе с тем, **ограничивает** область ее применения и позволяет тем самым теории научного познания продвинуться вперед.

Литература

1. Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era.* New York, 1971.
2. Арон Р. *Этапы развития социологической мысли.* — М., 1992.
3. Лаудан Л. *Наука и ценности // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / Ответственный редактор-составитель Л.А. Микешина. Научный редактор Т.Г. Щедрина.* — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский дом международного университета в Москве, 2006.
4. Ленин В.И. *Три источника, три составные части марксизма // Полное собрание сочинений, 5 изд., том 23.*
5. Мамедов А.К. *Методологические основания социального познания // Социология.* — № 4 — 2015.
6. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Т. 1.* — М., 1969.
7. Мизес Л. *Бюрократия. Антикапиталистическая ментальность. Запланированный хаос.* — М., 1993.
8. Мизес Л. *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции.* — М., 2001.
9. Поппер К. *Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ.* — М.: ООО «Издательство Аст»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
10. Семенов Ю.И. *Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней).* — М., 2003.
11. Тош Дж. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка.* — М., 2000.
12. Хабермас Ю. *К логике социальных наук / Современная западная теоретическая социология. Вып. 1.* Юрген Хабермас. М., 1992.

Теоретико-методологические проблемы изучения лоббизма как неформального политического института

Каневский П.С.

Лоббизм занимает одно из центральных мест в механизме функционирования современных политических систем. Лоббистские отношения эволюционировали по мере становления отношений общество-власть и бизнес-власть, став значительно более сложными и многогранными в последние десятилетия. В то же время процесс взаимодействия групп интересов с органами политической власти является одной из самых сложных тем для научного анализа, так как в любой системе лоббизм состоит из множества неформальных поведенческих элементов. В данной статье предпринимается попытка еще раз взглянуть на природу лоббизма, соотнести его формальную и неформальную стороны. Данные вопросы особенно актуальны для современной России, где лоббистские отношения имеют давнюю историю становления, однако научная дискуссия по осмыслению их природы все еще не вышла на уровень необходимых обобщений.

Ключевые слова: лоббизм, группы интересов, неформальные политические институты, политическая система, коррупция.

Kanevskiy P.S.

Theoretical and methodological problems of researching lobbying as an informal political institution

Lobbying is one of central elements in contemporary political systems mechanisms. Lobbying evolved throughout establishment of society-to-power and business-to-power relations, becoming more complex and multidimensional in the last decades. At the same time, interaction between interest groups and decision makers is one of the most difficult topic for scientific analysis, because in every system lobbying consists of many informal behavioral elements. Current article tries to look once again on the nature of lobbying, correlate its official and unofficial sides. Current issues are especially relevant for Russia where lobbying has a long history but scientific discourse on the topic still hasn't reached sufficient generalizations.

Key words: lobbying, interest groups, informal political institutions, political system, corruption.

Процесс взаимодействия групп интересов и органов политической власти, также называемый лоббизмом, относительно недавно стал предметом серьезных научных изысканий в мировом научном сообществе. Несмотря на то, что теория групп интересов существует более века, изучение механизма давления данных групп на органы власти долгое время находилось на обочине социально-политической мысли. Это было связано с двумя основными методологическими проблемами.

Первая проблема связана с тем, что, вплоть до конца 1980-х гг. – начала 1990-х гг., теория групп интересов, в том виде в котором она развивалась в классических трудах Д. Трумена, Р. Даля, Т. Лоуи, М. Олсона, была направлена скорее на исследование того, каким образом группы интересов способствуют мобилизации граждан, чем реальных механизмов власти и влияния, которые составляют суть взаимодействия групп интересов с органами политической власти. В определенном смысле демократические (в идейном смысле этого слова) аспекты теории групп интересов перекрывали уровень реального политического процесса.

Вторая проблема, напрямую связанная с первой, заключается в том, что на лоббизм долгое время смотрели как на набор формальных правил и процедур, которые можно изучить и измерить количественными методами. Однако более новые фундаментальные работы таких авторов как Ф. Баумгартнер и Б. Лич¹, показали, что лоббизм невозможно исследовать, не рассматривая его неформальные стороны. Традиционные количественные методы изучения групповых интересов и способов их влияния упускают из виду не прямые способы влияния на формирование повестки дня и процесс принятия политических решений. Вне поля зрения ученых остаются, например, неформальные связи, которые складываются между субъектами и

объектами лоббирования, которые приводят к установлению между ними долгосрочных доверительных отношений и ведут к формированию стабильных патрон-клиентских связей, которые не поддаются простому количественному анализу. Таким образом, даже в тех странах, где лоббизм является формальным институтом и регламентируется законодательством (например, в США и Канаде), у него в любом случае есть неформальная сторона, которая не поддается ни простому измерению, ни нормативному регулированию. Ситуация еще более усложняется в системах, где лоббизм является неформальным институтом не только де-факто, но и де-юре.

За определение неформального института власти мы возьмем дефиницию Гретхен Хелмке и Стивена Левитски, которые не просто предложили определение того, что такое неформальный институт, но сделали это понятие научно верифицируемым (насколько это представляется возможным). Они определили неформальные институты как «принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов»². И, напротив, формальные институты – это «правила и процедуры, которые создаются, становятся известными и насаждаются через каналы, общепризнанные в качестве официальных»³.

Лоббизм несомненно является тем политическим институтом, который исторически балансирует на грани формального и неформального. Как показывают многочисленные исследования, государства, в которых существуют четкие правила регулирования того, что принято называть лоббистской деятельностью и дается определение лоббизма на официальном политико-правовом уровне, составляют в мире абсолютное меньшинство. Более того, наличие таких правил вовсе не означает, что данные страны поставили под юридический контроль процесс принятия решений, так как не существует такой системы, в которой не было бы неформальных связей групп интересов с центрами власти. Попытка же скопировать институт лоббизма, например, по американскому образцу, вовсе не означает его превращения в формальный институт.

Очевидно, что в любой системе существуют группы интересов, которые прямо или косвенно

оказывают влияние на процесс принятия политических решений. Более того, правящие элиты признают, что лоббизм, как способ воздействия на процесс принятия решений, является нормальным явлением для любой политической системы. Например, согласно опросу, проведенному в 2009 г. консалтинговой фирмой Burson-Marsteller среди парламентариев и членов правительств 15 наиболее развитых стран Европы, 48% видят лоббизм как конструктивную составляющую процесса принятия решений, 47% считают, что данное явление позитивно сказывается на обмене опытом, 39% – что лоббизм предоставляет нужную информацию в нужное время, а это облегчает политикам поиск оптимального решения⁴. В то же время респонденты подчеркнули и негативные аспекты лоббизма, такие как отсутствие прозрачности и сложность выявления истинного интереса лоббиста (57%), отсутствие нейтральной информации и ангажированность (55%).

Россия в этом отношении принадлежит к тому большинству стран, где лоббизм хотя и существует в реальности, не является набором формальных процедур, закрепленных в законодательстве, а представляет собой многочисленные неформальные практики. Именно поэтому российская политическая наука столь активно пользуется универсальным определением лоббизма как «неформального института». Данное объяснение можно было бы назвать компромиссным, но оно порождает логичный вопрос – если мы можем считать лоббизм неформальным институтом, существование которого не закреплено в нормативной сфере, почему мы не можем считать таким же неформальным институтом, например, коррупцию? И где в таком случае проходит граница между лоббизмом, коррупцией и прочими неформальными институтами, которые играют столь важную роль в политическом процессе? Для России этот вопрос является не праздным, поскольку системная коррупция в последние годы стабильно находится на опасно высоком уровне, значительно превышающем допустимые пороги. Согласно индексу восприятия коррупции Transparency International (даже с учетом некоторых спорных моментов методологии), Россия поднялась в рейтинге с 46 места в 1996 г. до 119 в 2015 г.⁵ Сравнение лоббизма с коррупцией красной нитью проходит через все дискуссии, связанные с

попытками проанализировать воздействие организованных групп и отдельных индивидов на лиц, принимающих решения⁶.

Именно различие между коррупцией и лоббизмом заложено в основу ставшего уже классическим деления на цивилизованную и нецивилизованную формы лоббистской деятельности. По словам С.В. Васильевой, грань между цивилизованным и нецивилизованным лоббизмом проявляется не на бумаге, а в конкретных действиях политиков и чиновников, имеющих, либо не имеющих корыстную составляющую⁷. Исходя из буквы и духа законов, цивилизованный лоббизм возможен только в случае грамотного сочетания финансовых ресурсов, профессионализации лоббистской деятельности, такого поведения сторон, которое соответствовало бы существующим нормам и этическим стандартам. С.В. Васильева делает еще одно важное уточнение, которое актуально не только применительно к российской практике – на лоббизм не стоит смотреть как на конституционную ценность и неотъемлемый атрибут демократии, это объективное явление социально-политической жизни, с которым всем приходится считаться⁸.

Развитие лоббизма, независимо от того, является он формальным или неформальным институтом, стало результатом процессов демократизации и распространения в обществе рыночных отношений. Это значительно упростило создание групп интересов и упростило их доступ к центрам власти. Классическим примером эволюции от неформальных практик к законодательному регулированию является институт лоббизма в США. Еще более сложный пример представляет многоуровневый и малоопытный стороннему наблюдателю лоббизм в Евросоюзе, где произошла интеграция различных национальных способов взаимодействия групп интересов и органов власти в единую систему согласования решений с центром в Брюсселе.

При этом даже при условии возникновения легальных рамок, лоббизм практически нигде не является легитимным институтом с точки зрения доверия ему граждан, которые считают лоббизм исключительно теневой стороной политики. Легальные правила могут быть легитимными для непосредственных участников взаимодействия между государством и группами

интересов, однако они часто воспринимаются как противоречащие демократии и общему интересу. Превращение в формальный институт не спасает лоббизм от нападков со стороны политиков, общественных деятелей, экспертов, стремящихся (часто ошибочно) подчеркнуть главенство частного интереса в лоббистских отношениях. Это одна из причин, по которой в государствах Западной и Северной Европы, где сильны социал-демократические идеологии, предпочитают обходить в терминологии и законодательстве понятие лоббизм. Это не значит, что государство ограждается от групповых интересов в политике, но оно не хочет выглядеть проводником частных интересов, хотя в реальности оно успешно совмещает эти два уровня представительства уже не одно десятилетие. Являются ли частными интересы деловых объединений, некоммерческих организаций, профсоюзов? Проблема формализации лоббистских практик заключается в том, что государства не желают публично признать, что принципы старого, классического представительства интересов ушли в прошлое тогда же, когда в мире произошел неолиберальный поворот, который привел к значительному увеличению, если не сказать раздроблению, первичных субъектов представительства. Широкие слои граждан все сложнее убедить в том, что их голоса что-то определяют на выборах, потому что реальная политика происходит именно на уровне групповых интересов. Групповые не означает частные, однако это не обязательно означает и общественные. Группы интересов в современных индустриальных обществах становятся тем средним уровнем, который составляет основу механизма представительства. Именно на смысловых разломах между частным и общественным, между небольшими группами и большими социальными слоями, специальными интересами⁹ и общественным благом возникают сегодня дискуссии о легитимности, формальной и неформальной сторонах лоббистской деятельности.

Однако, как уже было сказано выше, ни в одной системе мира, сколь бы развитой мы ее не называли, процесс влияния организованных групп на процесс принятия решений никогда не будет полностью формализованным, потому что в основе этого процесса лежат субъективные поведенческие аспекты. Лоббизм по при-

роде своей изначально относится скорее к неформальному типу влияния. Причина появления лоббистских отношений коренится в том, что формальные правила задают общие параметры представительства интересов и политических процедур, однако они не могут учесть все многообразие интересов. Следовательно, конкретные группы интересов, действуя в рамках формальных институтов, таких как административные и законодательные органы власти, вынуждены искать обходные пути, разрабатывая альтернативные процедуры и нормы, упрощающие их работу или относящиеся к проблемам, не предусмотренным в формальных правилах.

Тем не менее, нужно помнить и о другой стороне неформальных властных отношений – неписанные нормы зачастую гораздо глубже укоренены в поведении людей и являются более важными регуляторами отношений, чем формальные правила. Ярким примером является клановость и ее роль в японской политике. Японская политическая система, пройдя путь модернизации и частичной вестернизации во второй половине XX в., сумела естественным образом совместить значительное количество неформальных процедур с активным судебным и гражданским контролем. Как и в России, система группового представительства в Японии строго иерархична, однако процесс согласования интересов между государственными и негосударственными структурами носит более упорядоченный характер. Подобный баланс уходит корнями в конец 1960-х гг., когда правящая бюрократия, оказавшаяся более не способной удерживать правопорядок и баланс интересов в обществе, делегировала часть своих полномочий выборным политикам и крупному бизнесу, в первую очередь, Кэйданрэн (Федерации экономических организаций) – аналогу Российского совета промышленников и предпринимателей. В итоге решения, принимаемые Кэйданрэн, стали в некоторых случаях не менее значимыми и обязательными для исполнения, чем решения парламента.

Российский же пример демонстрирует, что неформальные лоббистские отношения развивались в стране в течении десятилетий и имеют богатую историю становления. Зачастую, основные механизмы взаимосвязи групповых интересов с органами власти унаследованы из поздне-

советской эпохи, когда начинали формироваться тесные контакты между представителями различных торгово-промышленных отраслей с представителями партии и исполнительных органов. Из отдельных разрозненных сетей в 1970-е гг. это привело к сложной системе согласования интересов между финансово-промышленными группами и властью. Именно через призму данных взаимосвязей принято рассматривать т.н. «железные треугольники лоббизма», которые подразумевают установление контактов между законодателями, профильными чиновниками и представителями крупных корпораций и промышленных объединений. Поддержанию такой практики способствует и известный американцам, но в реальности существующий в России механизм «вращающихся дверей», который обозначает процесс перехода руководителей или крупных акционеров частных, государственных или смешанных корпораций в органы государственной власти и наоборот. Вопрос заключается лишь в том, насколько подобные формы взаимодействия прозрачны и каким образом они влияют на систему представительства интересов. Таким образом, неформальный институт лоббизма возник не в результате особенностей политической культуры или особого набора ценностей, а был вызван динамикой поведенческих моделей, которые породили те правила игры, которые во многом существуют по сей день.

Для того, чтобы лучше понять как образом неформальные институты способны изменяться и менять среду вокруг них, воспользуемся типологией неформальных политических институтов Г. Хелмке и С. Левитски. Данная типология представляет неформальный институт не как статический набор характеристик, но как динамичную структуру, которая способна изменяться под воздействием определенных факторов¹⁰.

В качестве первого типа американские авторы выделили дополняющие неформальные институты. Данные институты часто повышают эффективность формальных, так как заполняют пробелы, не предусмотренные в существующих формальных правилах. Таким образом, например, возникают дополняющие процедуры в Верховном суде США или отельные нормы в законодательном процессе Великобритании, созданные на принципах прецедентного права.

Дополняющие неформальные институты имеют различные причины возникновения, они могут корениться в существующей политической или экономической культуре, объясняться конституционным порядком и необходимостью соблюдения духа конституции, однако в большинстве случаев они служат в качестве управляемых неформальных или полупоформальных рычагов влияния в процессе принятия решений, способствующих большей эффективности формальных институтов.

Вторым типом являются аккомодационные неформальные институты, которые напрямую не противостоят существующим формальным институтам, однако последствия их деятельности могут быть нежелательными для политического процесса. Часто возникновение подобных институтов признается в качестве необходимого отклонения, так как формальные институты не справляются с возложенными на них функциями и задачами. Именно к аккомодационному типу институтов следует отнести те неформальные протоллоббистские и межличностные связи, которые стали массово развиваться в Советском Союзе в 1970-е гг., так как существовавшая система управления политической и экономической жизнью сдерживала развитие большинства предприятий, а гражданам не хватало доступа к благам, распределение которых зависело от места в социальной иерархии. Однако это не была классическая коррупция или чистый клиентелизм, в рамках данной системы существовал и развивался достаточно отлаженный механизм обмена благами, ресурсами и возможностями.

Клиентелизм и коррупция стали скорее следствием развития данной системы взаимоотношений, которая качественно трансформировалась при распаде СССР и возникновении рыночной экономики. Тогда (хотя отчасти и раньше) стали возникать черты третьего типа неформального института, который Г. Хелмке и С. Левитски назвали конкурентным. Конкурентные институты возникают тогда, когда формальные правила и процедуры выполняются не систематически, что позволяет их нарушать без опасений серьезных последствий и санкций со стороны государства. Обычно конкурентные институты характерны для государств со слабой правовой базой, низким уровнем правовой и конституционной грамотности, нежеланием

перехода к новым, зачастую более строгим и сложным правилам взаимодействия. Практически все государства, находящиеся или находившиеся в состоянии перехода к демократическому режиму, переживают доминирование конкурентных институтов, к которым можно отнести коррупцию, клиентелизм, клановость и прочие аномические явления политической жизни. Послевоенные Италия и Япония в 1950-70-е гг. пережили периоды отчетливого доминирования конкурентных неформальных институтов, отдельные черты которых можно наблюдать в этих странах и сегодня. Очевидно, что те зачатки неформальных отношений, которые были умышленно или вынужденно заложены в советской системе, явились важным базисом для конкурентных неформальных институтов. Отсюда можно сделать важный вывод, что неформальный институт лоббизма, который существует сегодня в России, во многом находится под влиянием конкурентных процедур, лежащих вне формального правового поля.

Совершенно иной пример представляет собой Великобритания, где лоббизм также не является формальным институтом, а построен на неформальных правилах, добровольно принимаемых как представителями политического сообщества, так и группами интересов. Влияние различных групп интересов на британскую политику эволюционировало по мере развития политических партий и парламента как главного института социального представительства в XIX-XX вв. Однако впервые механизмы лоббирования стали достоянием общественности лишь в конце XX в. – в период нахождения у власти правительства Маргарет Тэтчер. Опрос, проведенный Financial Times в 1985 г. показал, что 41% ведущих британских корпораций пользовались услугами политических консультантов и специалистов по связям с органами власти, выплачивая им либо постоянную зарплату в размере около £2.000 – 4.000 в месяц, либо £30.000 за разовый «доступ» к лицам и центрам, принимающим решения¹¹. С тех пор рынок лоббистских услуг в Великобритании значительно вырос. Согласно отчету исследовательского центра Hansard Society, сегодня в стране насчитывается около 14.000 профессиональных лоббистов, а финансовый оборот рынка услуг в данном секторе оценивается в £2 миллиарда.¹²

О необходимости структуризации и регулирования лоббизма впервые заговорили на уровне правящих элит при Джоне Мейджоре. В 1994 г. правительство Мейджора инициировало в Палате представителей создание Комитета по стандартам общественной сфере (*Committee on Standards in Public Life*), известного как Комитет Нолана (в честь первого председателя — лорда Майкла Нолана). Но Комитет Нолана фокусировался не столько на лоббистах и контроле над ними, сколько на самих политиках. В итоге, когда в 1995 г. комитет вышел со своим первым докладом, он предложил не регистрацию лоббистов, а создание Кодекса деловой этики для членов парламента. Более того, комитет счел невозможным дать четкое определение того, кто такой лоббист. Фактически, члены парламента, на которых оказывается влияние с помощью внешних ресурсов, сами должны определять, нарушают ли они деловую этику. В 2002 г. кодекс был дополнен несколькими разделами, в том числе разделом №3, который запрещает «Лоббирование в обмен на вознаграждение»¹³. Согласно статьям раздела, во время парламентских слушаний и при контакте с представителями исполнительной власти, члены Палаты представителей не имеют права отстаивать интерес внешнего лоббиста, если: А) они получают от него вознаграждение; Б) имеют прямые финансовые связи с компанией-лоббистом; В) являются советниками компаний-лоббистов. Однако в разделе есть одно ключевое уточнение, согласно которому члены парламента должны зарегистрировать свои доходы от внешних лоббистов в т.н. Регистре интересов членов парламента (*Register of Members' Interests*). Если доход (и, следовательно, контакт) с внешним лоббистом зарегистрирован, то парламентарий может свободно защищать его интересы любыми способами, которые не затрагивают парламентских слушаний и контактов с представителями исполнительной власти.

С одной стороны, данная система позволила достигнуть большей прозрачности при процессе принятия решений, т.к. вынудила членов парламента действовать более осторожно при контакте с внешними лоббистами. Тем не менее, данная система контроля фактически вводит принцип саморегулирования политиков, единственным внешним регулятором по-прежнему остаются СМИ. Именно благодаря жур-

налистам в Великобритании обнаруживаются несоответствие зарегистрированных интересов и реального лоббирования со стороны парламентариев. Благодаря СМИ достоянием гласности стали скандалы с участием консерватора Нила Гамильтона в 1994-1998 гг. и бывшего советника министра, а затем еврокомиссара по торговле Питера Мандельсона, которые продемонстрировали ограниченность внутриэтических кодексов¹⁴. В результате исследований выяснилось, что в реальности действуют негласные внутривнутрипартийные законы, согласно которым парламентарии регистрируют лишь часть своих контактов¹⁵.

Стало очевидно, что одного этического кодекса недостаточно, необходима регистрация самих лоббистов. Формально она существует — за данный процесс отвечает негосударственная организация Британский совет по публичным делам (*UK Public Affairs Council*), учрежденная тремя ведущими ассоциациями политических консультантов. Но, по словам представителей независимых аналитических центров и членов парламента, введенный советом регистр лоббистов не соответствует необходимым стандартам, «он не охватывает около 90% лоббистов»¹⁶.

Таким образом, институт лоббизма в Великобритании балансирует на грани дополняющего и аккомодационного. Надо сказать, что британская политическая система и институционализм полны неформальных правил и свободных трактовок существующего законодательства. В этом смысле, Великобританию не совсем верно сравнивать с Россией, которая унаследовала традицию строгой кодификации законов и все, что относится к неформальной стороне политики сразу попадает под подозрение в незаконности. Г. Хелмке и С. Левитски считают, что мотивы, которые приводят к возникновению неформальных институтов, могут быть самыми разными, однако в большинстве случаев это либо неполнота формальных институтов, либо запасная стратегия для акторов, которые не могут добиться нужных результатов в рамках формальных институтов, либо стремление к целям, которые не считаются общественно приемлемыми¹⁷.

Иными словами, неформальные институты являются следствием, с одной стороны, утраченного связи с социальной структурой и нуждающегося в реформировании законодатель-

ства, либо опасения в том, что неформальные практики не будут одобрены гражданами. В этом смысле, протоллоббистские отношения в Советском Союзе, которые складывались между представителями индустрии, министерств и партии были важнейшими предвестниками институциональной революции, которая произошла в конце 1980-х гг. и во многом была вызвана неспособностью советской индустрии и экономики в целом существовать в старых условиях. Однако эти неформальные правила игры оказались столько глубоко укоренены в общественной структуре, что до сих пор находят отражение в условиях, когда, казалось бы, должны работать цивилизованные рыночные отношения.

Таким образом, лоббизм является гораздо более сложным явлением, чем просто набор предсказуемых и законодательно регулируемых механизмов взаимодействия между группами интересов и государствам. Перспективы дальнейшей и во многом неизбежной институционализации лоббизма заключаются не в унифицированных законах, обязывающих лоббистов выходить из тени, а в создании такой нормативной базы, которая способствовала бы большей прозрачности в деятельности органов государственной власти и снижению риска коррупционных отношений. Эти вопросы крайне актуальны для России, где дискуссия о лоббизме уже много лет находится в тупике. Важно понимать, что негативные замещающие тенденции в российской политике, которые коренятся в сложных поведенческих моделях, невозможно ограничить лишь запретительными и принудительными мерами, так как это будет приводить к формированию новых замещающих практик. Проблемой для неформального института лоббизма в России является и то, что, в отличие от Великобритании или Японии, в российском политическом пространстве отсутствуют четкие этические кодексы, что не способствует самоконтролю со стороны чиновников. Лоббизм никогда не сможет быть полностью формальным институтом в России, однако очевидно, что система взаимоотношений между заинтересованными группами и государством должна претерпеть изменения. Для этого нужно активизировать дискуссию в экспертно-академическом сообществе, среди профессиональных политиков и представителей бизнеса. Необходимо более отчетливо демонстрировать очевидные минусы

и издержки сложившихся моделей поведения, направленных на сохранение коррупционных практик. В конечном счете, лоббистские отношения являются данностью политического процесса, однако от их качества будет зависеть и качество политической системы, и ее способность справляться с поступающими от общества требованиями.

Литература

1. Васильева С.В. Цивилизованный лоббизм - средство или следствие борьбы с коррупцией // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №4.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
3. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. №2.
4. Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic instincts: The importance of groups in politics and political science. Princeton, NJ, 1998.
5. Bull M., Newell J. Corruption in Contemporary Politics. London, 2003.
6. Burson-Marsteller's Guide to Effective Lobbying In Europe. 2009.
7. Butternick K. Introducing Public Relations: Theory and Practice. London, 2011.
8. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms. Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung. 1996.
9. Jordan G. The Commercial Lobbyists: Politics for Profit in Britain. Aberdeen, 1991.
10. Parvin P. Friend or Foe? Lobbying in British democracy. Hansard Society. 2007.
11. Third Report of the Standards and Privileges Committee. Proposed Revisions to the Guide to the Rules relating to the conduct of Members. 2012.

Ссылки:

- 1 См.: Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic instincts: The importance of groups in politics and political science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.
- 2 Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. №2. С. 192.
- 3 Там же.
- 4 Burson-Marsteller's Guide to Effective Lobbying In Europe. 2009 / <http://www.burson->

marsteller.com/Innovation_and_insights/blogs_and_podcasts/BM_Blog/Lists/Posts/Post.aspx?ID=143

5 Рейтинг восприятия коррупции Transparency International / <http://www.transparency.org.ru/>

6 См., например: Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005; Брянцев И., Баранова Л. Коррупция как форма теневого лоббизма // Власть. 2008. №3; Аравина Т.И., Кузнецов Ю.Ю. Лоббизм: национальные образцы и степень социальной приемлемости // Социологические исследования. 2000. №9; Васильева С.В. Цивилизованный лоббизм - средство или следствие борьбы с коррупцией // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №4; Лепехин В.А. Лоббизм в России и проблемы его правового регулирования // Полис. 1998. №4; Колосова Н.М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. 2014, №2.

7 См.: Васильева С.В. Цивилизованный лоббизм - средство или следствие борьбы с коррупцией // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №4. С. 116.

8 См.: Там же. С. 117.

9 В американской политической науке для обозначения отдельного частного интереса существует универсальное понятие «специальный интерес» (special interest), которое противопоставляется публичному интересу (public interest).

10 См.: Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика //

Прогнозис. 2007. №2. С. 188-211.

11 См.: Jordan G. The Commercial Lobbyists : Politics for Profit in Britain. Aberdeen, 1991. P. 42.

12 Parvin P. Friend or Foe? Lobbying in British democracy. Hansard Society. 2007 / <http://www.hansardsociety.org.uk/blogs/downloads/archive/2007/09/24/friend-or-foe-lobbying-in-british-democracy-jan-2007.aspx>

13 Third Report of the Standards and Privileges Committee. Proposed Revisions to the Guide to the Rules relating to the conduct of Members. 2012 / <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmselect/cmstnprv/636/63602.htm>

14 См.: Butternick K. Introducing Public Relations: Theory and Practice. London, 2011. P. 188, 190.

15 См.: Bull M., Newell J. Corruption in Contemporary Politics. London, 2003. P. 304.

16 Up to 90% of lobbyists shun new transparency register. Alliance for Lobbying Transparency. 2011 / <http://www.lobbyingtransparency.org/15-blog/general/57-up-to-90-of-lobbyists-shun-new-transparency-register> ; MP Austin Mitchell: Lobbyists' voluntary register is «riddled with errors». Alliance for Lobbying Transparency. 2011 / <http://www.lobbyingtransparency.org/15-blog/general/58-lobbyists-voluntary-register-is-riddled-with-errors>

17 См.: Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. №2.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Предпринимательство советской эпохи

Афонин Ю.А., Добренков В.И.

В статье показано, что частное малое предпринимательство в России имеет сущностно инновационную природу, качественно отличающуюся от дореформенных видов и сфер экономики. Обосновывается вывод, что предпринимательство – деятельность творческая и не терпит заорганизованности. Поэтому в условиях реформ особые требования предъявляются к системе управления малым бизнесом, тоже должна строиться на инновационных принципах и соответствовать мировым параметрам социального управления. В советскую эпоху самое понятие предприимчивости было идеологически дискредитировано. Предпринимательство проявляло себя в криминальных и полукриминальных сферах экономики или же в виде «узаконенного беззакония».

Ключевые слова: кооператив, товарищество, артель, общественные союзы, ассоциации предпринимателей, мелкое, среднее, крупное предпринимательство, новая экономическая политика, косыгинская экономическая реформа.

Afonin Yu. A., Dobrenkov V.I.
Entrepreneurship Soviet era

The article shows that the private small business in Russia is essentially an innovative nature, qualitatively different from reform species and areas economy. The conclusion that entrepreneurship - a creative activity and does not tolerate over-organization. So under special requirements apply to the reform small control system business, too, should be based on the principles of innovation and social parameters meet international control. In the Soviet era, the very concept of entrepreneurship was ideologically lost its currency. Business manifests itself in criminal and semi-criminal areas of the economy, or in the form of «institutionalized lawlessness»

Key words: cooperative, association, cooperative, public unions, associations of entrepreneurs, small, medium, large enterprise, the New Economic Policy, Kosygin economic reform.

Россия – одна из немногих стран мира, переживших эпоху коммунистического строительства, краеугольным камнем которого явилась ликвидация частной собственности, замена ее государственной (общественной) или коллективной (колхозной). Русские мыслители, не по своей воле оказавшиеся в зарубежье убедительно доказывали, что национализация, обобществление частной собственности не только разрушительны для экономики страны, но и вытесняют нравственные начала из экономических отношений. Пролетаризированное общественное сознание, проникнутое духом отвлеченного социалистического материализма, ориентируется в реальной действительности не на высшие гуманистические цели, а на усредненные, минимизированные материальные потребности.

Известный русский философ Н.Бердяев указывал, что капиталистическая собственность – далеко не панацея от нравственных болезней общества. Она может служить орудием корысти, наживы и угнетения ближних. По социалистическое отношение к собственности доводит ее аморальные, потребительски корыстные мотивационные основы до предела. «Социализм обобществляет собственность и все предметы материального мира, потому что он не допускает никакой духовной ценности и никакого нравственного смысла в индивидуальном отношении человеческого лица к предметам материального мира и природе». Между тем, по Бердяеву, собственность есть начало не столько

материальное, сколько духовное. Она обеспечивает преемственную жизнь личности в семье, роде, обществе, природе, одухотворяет ее отношение к материальным ценностям, проявляет их не только потребительские, но и духовные качества. [1]

Наиболее полно и зримо нравственные аспекты частной собственности отражены в частной собственности на землю, которая «делает возможной любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений. Национализация и социализация земли вызывает исключительно потребительски корыстное отношение к земле...»

Мещанская абсолютизация собственности может исказить ее нравственную основу, сделать человека рабом природных благ. Эта абсолютизация преодолима лишь на пути воспитания высокой нравственной мотивации предпринимательской деятельности, которая должна осуществляться в рамках осознанного самоограничения и одухотворения хозяйственной деятельности.

Нетрудно заметить близость философских взглядов на мотивацию экономической деятельности, с одной стороны, русского мыслителя Н. Бердяева, с другой – современного японского предпринимателя-практика К. Инамори, который успех дела тоже ставит в зависимость от нравственных качеств бизнесмена, от способности его к самоограничению и даже самоотречению во имя достижения социально значимых целей.

Еще более конкретен в критике мотивационных основ советского общественного развития И.А. Ильин. Неоднозначную оценку может вызывать национал-монархическая направленность его социологической концепции, но трудно оспорить уничтожающую характеристику социалистической социально-экономической системы, которую дает ученый. «Социализм прежде всего угашает частную собственность и частную инициативу, - писал он. – Погасить частную собственность значит водворить монопольную собственность государства; погасить частную инициативу значит заменить ее монопольной инициативой единого чиновничьего центра». «Социализм антисоциален по-

тому, что он убивает свободу и творческую инициативу, уравнивает всех в нищете и зависимости, чтобы создать новую привилегированную касту партийных чиновников-угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создает рабство и выдает его за справедливый строй». [2]

Социалистическая революция поставила бывших преступников во главе власти, сделала чиновниками, а бывших благонамеренных собственников-предпринимателей записала в преступники. Она смешала понятия «политика» и «уголовщина», «мое» и «твое», «мое» и «государственное». «Режим, возникший из этого смешения, поставил граждан в такие условия, при которых невозможно прожить без блага». [3]

Советские власти не внимали доводам выдающихся достижений российских мыслителей. Но и они на первом этапе социалистических преобразований вынуждены были востребовать потенциал предпринимательской инициативы в виде провозглашенной ими новой экономической политики (нэпа). Можно даже говорить о зарождении в этот период предпосылок для создания начал гражданского общества. Активно формировалась многоукладная экономика, появились всевозможные кооперативы, товарищества, артели, общественные союзы и ассоциации предпринимателей. Граждане получили определенные экономические и социально-политические права и свободы, которые предоставляли им возможность без прямого вмешательства государства создавать различного рода экономические, предпринимательские, хозяйственные и общественные структуры, ставшие важным фактором общественного и экономического развития. Формирование элементов гражданского общества позволило разработать и принять ряд прогрессивных законов, стимулирующих предпринимательскую активность. Широко развивались самоуправленческие начала в жизнедеятельности общества и государства. [4]

В период расцвета нэпа в стране на частную торговлю приходилось 25% всего товарооборота и более 50% розничной торговли. В 26% деревень торговля была только частная. В городах на долю частных торговцев падало 50% торговли ширпотребом и 75% – продовольствием.

Распространение в 1921-1928 гг. товарно-денежных отношений, признание закона сто-

имости, укрепление денежного обращения, допущение даже в ограниченных пределах частного предпринимательства и частной торговли вызвали к жизни мощные мотивационные стимулы хозяйственной инициативы. Это позволило поднять из руин промышленность и сельское хозяйство. [5]

Полуграмотные крестьяне без минеральных удобрений, тракторов и комбайнов, не имеющие ничего, кроме полной хозяйственной самостоятельности на своих полях (не частных, но закрепленных за семьями государством-собственником), сумели добиться внушительных ежегодных приростов сельскохозяйственной продукции в стране – на 19,2% в 1925-1926 гг.

Начинается стремительный рост крестьянской кооперации как самостоятельной системы, работающей «на свой страх и риск». Уже к концу 1921 г. насчитывалось 175 союзов, к лету 1922 г. 300 союзов объединяют 25 тыс. первичных кооперативов, 2,4 млн. крестьян (около 13%). В 1923 г. восстановлены заграничные торговые аппараты и экономические связи. К 1926 г. сельскохозяйственная кооперация объединяла более 120 млн. крестьянских хозяйств. Она насчитывала 28 центров, 407 союзов, 79,3 тыс. первичных кооперативов, 16 тыс. производственных предприятий. Через ее систему заготавливалось 35% хлеба, 48% мяса, 72% масла. Доля кооперации в экспортных поставках масла составила более 50%, льна – около одной трети. Ведущую роль занимала кооперация в снабжении крестьян сельхозмашинами (80%) и тракторами (более 50%). [6]

Прозорливость сторонников нэпа заключается в том, что они отделяли экономическую сферу от идеологии и дали определенный простор имманентным творческим, предпринимательским силам. В нэпе можно отметить три главных момента. Первый: крестьянину предоставили возможность стать по-настоящему хозяином и установили для него 10%-ный, очень щадящий, налог. Понадобилось три года, чтобы село возродилось. Второй: дали волю мелкому и среднему предпринимательству, а государственным предприятиям – полную самостоятельность. Третий: ввели конвертируемую валюту - червонец.

К концу 1920-х гг. и в теории, и на практике возобладала иная позиция и экономическая политика, приведшая к государствлению хо-

зяйственной системы. Одним из основных ее элементов являлось насильственное создание крупных коллективных хозяйств, удобных для изъятия сельскохозяйственного продукта у крестьян, для привлечения их к различного рода государственным повинностям. Политика «ликвидации кулачества как класса» на деле свелась к уничтожению именно старательного, предприимчивого крестьянина.

Одновременно с раскулачиванием и созданием колхозов стали резко расти хлебозаготовки – началось крупномасштабное внеэкономическое изъятие прибавочного и значительной части необходимого продукта из сельского хозяйства для нужд индустриализации. [7]

В основе новых форм и методов воздействия на массы лежала деятельность по ограничению товарно-денежных отношений, искоренению всяческих форм предпринимательства. Последствия таковы:

- эта политика ослабляла чувство хозяина, отучала от предприимчивости, в результате было утеряно уважение к «культурным хозяевам», людям, которые своим собственным трудом, но с использованием рыночных отношений добиваются экономического благополучия, выделяющего их из остальной массы населения;

- получили распространение сознательное ограничение выработки, осуждение усердного труда, неуважение или даже антипатия к передовикам, перевыполняющим нормы, насмешки над новаторами. Инициатива, творчество, предприимчивость превращались в деяния наказуемые;

- фактор времени использовался как способ экономических прорывов, систематически создавались ситуации, требующие от работников чрезмерных усилий: сверхурочных работ, ночных смен и т.д. Для обозначения этого стиля организации производства выработался особый политический язык: «трудова вахта», «битва за урожай», «животноводство – ударный фронт» и т.п. Естественные производственные процессы осложнялись заданием необоснованных сроков выполнения работ, штурмовщиной;

- «давление» планом породило приписки, экономическую дезинформацию;

- поощрялись идеологические формы организации и стимулирования производства;

- выработывались и широко применялись механизмы дисциплинарного контроля за дея-

тельностью работников. Экономика оказалась глубоко пропитанной дисциплинарными регуляторами: инструкциями, указаниями, требованиями, запретами, разъяснениями;

- использование репрессивных методов отбора кадров и давления на них сформировало особый, приспособленческий, безынициативный стиль поведения хозяйственных руководителей.[8]

Нельзя сказать, что правящие круги не видели ущербности командно-приказной системы хозяйствования и не предпринимали попыток ввести в действие более эффективных рычагов управления развитием экономики. Одна из таких попыток известна как перевод управления промышленностью и строительством с отраслевых на территориальные принципы (1957). Реформа затронула все элементы хозяйственного механизма: планирования, организационной и функциональной структур управления производством, рычагов и стимулов экономического развития. Были ликвидированы многие отраслевые министерства, большие права предоставлены вновь образованным совнархозам.

Итоги реформы 1957 г. отнюдь не оправдали возлагавшихся на них надежд. Производство продолжало развиваться экстенсивно. Росла ресурсоемкость экономики, снижалась ее общая эффективность. Это было обусловлено во многом тем, что реформа проводилась сверху, директивным путем, слабо затрагивала систему интересов, стимулов и трудовую активность трудящихся; противопоставление территориального планирования и управления отраслевому не позволяло задействовать их интеграционные возможности; территориальные структуры управления экономикой создавались изолированно от местных органов власти, как надстройка над ними.[9]

После снятия с постов Н. С. Хрущева была предпринята попытка так называемой косыгинской экономической реформы, направленной на расширение самостоятельности предприятий, «реабилитацию» товарно-денежных отношений, введение полного хозяйственного расчета, выявление производственных резервов, повышение материальной заинтересованности. Но и эта попытка закончилась разочарованием, возрождением отраслевых принципов управления экономикой, что для командно бюрократических

структур послужило «доказательством неизменяемости сложившихся в сталинский период основ планового управления и хозяйствования».

Реформы 1950-60-х гг. потерпели фиаско потому, что оставляли вне поля воздействия основы экономики, игнорировали потенциал рыночных методов хозяйствования, методологической и материальной базой для которых является частная собственность.

Предприимчивость как важнейшее деловое качество личности в этих условиях развивалось не благодаря, а вопреки функционированию командно-бюрократической системы. Предпринимательство находило свое выражение в нескольких проявлениях.[10]

Первое из них – «предприниматель поневоле». Каждый руководитель государственного предприятия, в том числе и сельскохозяйственного, был обязан выполнить плановое задание, не имея при этом достаточного материально-технического обеспечения. Отсюда, старание руководителя скорректировать план, выбить фонды, утаить имеющиеся ресурсы, завязать цены на продукцию, а также приписки, взятки и множество других хитростей. «Предприниматели поневоле» всю свою энергию направляли на выполнение одного закона – планового задания – за счет нарушения другого – уголовного кодекса. Подобное административно-командное «узаконенное» беззаконие ставило инициативного руководителя в вассальную зависимость от начальства, покрывающего грехи подчиненного.[11]

Вторая форма вынужденной предприимчивости – административное предпринимательство. Руководителям стратегически важных для выживания всей системы предприятий на ограниченном экономическом пространстве давалась за счет других участков и отраслей полная свобода создания «новых комбинаций». При этом быстро достигался локальный эффект, который порой имел затяжные негативные последствия для отрасли или экономики в целом.

Третья форма – предприниматель – романтик. Эта группа предпринимателей, движимые страстью к самовыражению, к осмысленной творческой работе, на свой страх и риск занимались внедрением нововведений, нарушая или обходя жесткие правила административно-командной системы. Последняя болезненно реагировала на подобные попытки репрессиями:

предприимчивые хозяйственники получали выгоды и инфаркты. В перспективе их ждало два варианта развития событий: или «победителей не судят» и новая комбинация закрепляется в системе, или все-таки судят, поскольку своими успехами они дискредитируют систему, и предприятие ликвидируется.

Существовавшие формы предпринимательства в советскую эпоху не могли стать доминирующими факторами экономики. Предпринимательство как социально-экономический феномен даже и в период постсталинской «оттепели» неизменно подавлялось, ученые и практики, поднимавшие голос в защиту частной инициативы, репрессировались или подвергались остракизму. На многие десятилетия в обществе воцарился взгляд на частную инициативу под идеологизированным, негативно-критическим углом зрения.

Литература

1. Афонин Ю.А., Жабин А.П. Малое предпринимательство в парадигме социальной инноватики. М.: ОАО «НПО «Экономика»», 2009.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Л., 1991.

3. Добреньков В.И. От социологии кризиса к социологии надежды. М.: Академический проект, 2014.

4. Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Пирамиды упущенных возможностей. Российская версия «капитализма для своих». М.: Академический проект, 2014.

5. Кравченко А.И. Три капитализма в России // Социс. 1998. № 7.

6. Сакс Л. Рыночная экономика в России. М., 1995.

7. Тейлор Алан Д. Борьба за господство в Европе (1848-1918). - М., 1958.

8. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М., 1992.

9. Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М., 1982

10. Afonin Yu.A., Voronin V.V. (2015) Leasing concepts and tools. Applied and Fundamental Studies Proceedings of the 8th International Academic Conference. Publishing House Science and Innovation Center, pp. 224-229.

11. Dobrenkov V.I. et al. (2013) *Contemporary control mechanisms of social change* / University of Houston C.T. Bauer College of Business. Houston, Tex., United States.

В поисках инструментов повышения качества социального обслуживания в интересах пожилых граждан Москвы: мониторинг проблем и решений

Грачева О.Е.

Статья посвящена анализу комплексного мониторинга уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве, который проводится решением Департамента труда социальной защиты населения города Москвы два раза в год шесть лет. Автор статьи принимает участие в исследованиях на протяжении последних четырёх лет. За 11 этапов мониторинга, в ходе которых было опрошено свыше 62 000 тысяч пожилых москвичей, получена уникальная информация, которая позволяет анализировать изменения по каждому из основных составляющих уровня и качества жизни пожилых москвичей и выработать меры в интересах пожилых граждан Москвы. Общероссийские тенденции увеличения доли пожилых людей в социальной структуре общества особенно ярко проявляются в Москве, но имеют свои особенности. Темпы роста динамики процесса старения жителей города Москвы выше, чем в среднем по России. Статья посвящена сравнительному анализу полученных данных по двум этапам мониторинга осени 2015 года и весны 2016 года.

Ключевые слова: мониторинг, уровень и качество жизни, пожилые люди, социальное обслуживание, социальная активность, управленческие рекомендации

Gracheva O.E.

In search of tools for improving the quality of social services for older citizens of Moscow: monitoring of problems and solutions

The article is devoted to analysis of comprehensive monitoring of the level and quality of life for senior citizens in the city of Moscow, which is held by the decision of Department of labor social protection of the population of the city of Moscow twice a year for six years. The author participated in eight research. During the first 11 phases of the study, which polled more than 62 000 thousand elderly Muscovites received unique information, which allows us to analyze the changes for each of the main components of the level and quality of life of elderly Muscovites and to develop measures to benefit the senior citizens of Moscow. National trends of increasing proportions of elderly people in the social structure of society is especially evident in Moscow, but have features. The growth rate of the aging residents of the city of Moscow is higher than in Russia on average. The article is devoted to comparative analysis of data of two stages of monitoring the fall of 2015 and spring of 2016 in Moscow.

Keywords: monitoring, level and quality of life, elderly, social services, social activity, and management recommendations

Система мониторинговых исследований качества и уровня жизни граждан пожилого возраста города Москвы была создана шесть лет назад для системного получения актуальной и достоверной информации об уровне и качестве жизни пожилых москвичей во временной динамике. Под мониторингом исследователями обычно подразумевается форма организации лонгитюдных социологических исследований, обеспечивающая регулярное по времени получение социологической информации о состоянии определенного социального процесса или социальной ситуации.¹

Применяемая в отрасли социальной защиты населения Москвы форма мониторинга, как мониторинга социально-экономического, позволяет осуществлять изучение всей задач изучения уровня и качества жизни пожилых москвичей по из направлений. Постоянное изучение какого-либо позволяет видеть изменения и выработать меры, направленные на улучшение качества и уровня жизни пожилого возраста, смягчение напряженности.

Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве проводится решением Департамента социальной защиты населения города Москвы² учеными Центра мониторинговых исследований ГАУ ИДПО ДТСЗН два раза в год. Автор статьи принимает участие в исследованиях на протяжении последних четырёх лет. Всего за шесть прошедших лет было проведено 11 этапов мониторинга, в ходе которых было опрошено свыше 62 000 тысяч пожилых москвичей. Формирование выборки мониторинга репрезентирует особенности генеральной совокупности – социально-демографической группы граждан пожилого

возраста, проживающих в городе Москве. Исследование рассматривает социальную группу пожилых москвичей во взаимосвязи с другими социальными группами и социальными институтами, что позволяет осуществлять системный подход к исследованиям.

За последние шесть лет – период проведения мониторинга - в социальной сфере Москвы происходили кардинальные изменения и они находили отражения в материалах мониторинговых исследований. Все это время мониторинг позволял и позволяет выявлять полную, достоверную и актуальную информацию о текущем состоянии и динамике изменений параметров качества жизни пожилых москвичей. Информационно-аналитический доклад по итогам каждого мониторинга предоставляла Департаменту информационную базу для действий, давала актуальную достоверную первичную информацию для решения конкретных управленческих задач в системе социальной защиты населения города Москвы и выработки краткосрочный мер и перспективных стратегий развития отрасли в интересах пожилых людей. За эти годы в аналитических докладах по итогам 11 мониторингов было сформировано более 130 прогнозов и рекомендаций по повышению качества жизни лиц старше трудоспособного возраста, совершенствованию системы социального обслуживания, применению инновационных технологий и внедрению новых видов услуг. Руководством Департамента, с учетом рекомендаций мониторингов, было принято более 90 управленческих решений, направленных на повышение эффективности системы социальной защиты граждан пожилого возраста, повышение качества социального обслуживания, приближение социальных услуг к месту жительства их получателей. Также было разработано, апробировано и внедрено в практику более 30 инновационных технологий и практик³.

В выводах проведенного весной 2016 года XI этапа комплексного мониторинга нашли отражение особенности социально-экономического положения пожилых москвичей. Так, анализ социально - демографических тенденций последнего полугодия показал, что общероссийские тенденции увеличения доли пожилых людей в социальной структуре общества особенно ярко проявляются в Москве, но имеют особенностями. Темпы роста старения жителей

города Москвы выше чем в среднем по России. В 2015 году доля лиц старше трудоспособного возраста достигла 25,6%, в РФ – 24,1 %. Были выявлены два численных пика пожилых людей. К первой группе относятся лица в возрасте 60-69 лет – 40,8% (увеличилась на 6%), ко второй группе – лица, возраст которых 70-79 лет – 26,5% (снизилась на 2,8%), а также приблизительно равные пропорции пожилых людей до 60 лет – 15,9% и старше 80 лет – 17,5% (снизилась на 4,6%).

В этой возрастной группе населения сохраняется гендерная диспропорция - число женщин в два раза больше количества мужчин. Также высока доля одиноких и одиноко проживающих пожилых людей (33,2%) и почти каждый четвертый гражданин пожилого возраста является инвалидом.

Позитивная тенденция - продолжается рост продолжительности жизни населения – с 74,1 лет в 2011 году (РФ - 69,83) до 77 лет (РФ - 71,2) в 2015 году; более высокая продолжительность жизни у женщин (в 2011 году – 78,4 лет, в 2015 году – 81 год) по сравнению с мужчинами (в 2011 году – 69, 88 года, в 2015 году – 73 года). Также наметилась устойчивая тенденция роста занятости пенсионеров, так доля работающих пенсионеров выросла с 26,7% в 2011 г. до 29% в 2015 году.

Старение населения города Москвы приводит к появлению новых демографических структур – семейных групп, состоящих из родственников нетрудоспособного возраста. Около двух третьих (66%) респондентов в целом по городу проживает совместно с лицами с различной степенью родства.

Все большее количество пожилых людей продолжают работать. В 2014 году после выхода на пенсию продолжало трудиться 28,8 % (на 1.01.2011 г. – 25%) граждан пожилого возраста (РФ – на 1.01.2011 г. – 31,2%; на 1.01.2015 г. - 36% или каждый третий пенсионер). По данным исследования изъявили желание продолжать трудовую деятельность еще 9,3% респондента. При принятии определенных мер доля работающих граждан пожилого возраста могла бы достичь 40%. Основными причинами, мотивирующими к продолжению трудовой деятельности, являются: получение дополнительного дохода к пенсии, возможность профессиональной самореализации, получения новых навыков

или профессии, получения социально-значимого результата и просто общения.

Государственное пенсионное обеспечение по-прежнему является основным механизмом обеспечения гарантии доходов пожилых людей. Так, весной 2016 года практически каждый пожилой человек (99,7%) называют пенсию основным источником доходов. Дополнительными источниками дохода к пенсии продолжают оставаться социальные доплаты к пенсиям, различного рода компенсации, субсидии и заработная плата.

Все пожилые граждане, принимающие участие в мониторинге в качестве респондентов обеспечены жильем.

Пожилые москвичи отметили достаточно высокий уровень удовлетворенности качеством услуг ЖКХ, телефонной связи и интернета, благоустройством улиц и дворов. Вестой 2016 года оценки респондентов по всем показателям качества предоставляемых услуг выросли на 20 % и выше в сравнении с предыдущими этапами.

Результаты опроса об инфраструктурной обеспеченности около домов территории позволяют говорить об эффективности деятельности Правительства города Москвы в сфере градостроительства и обустройства. В целом более 4/5 (82,4%) участников исследования удовлетворены по всем показателям инфраструктурной обеспеченности.

Исследование показало, что самооценка пожилыми москвичами состояния своего здоровья не ухудшается. В 2016 году, так же, как и ранее, более 70% опрошенных охарактеризовали свое здоровье как удовлетворительное. Почти 2/3 (60%) отметили, что они прошли диспансеризацию за прошедший год, что по показателям на 20% выше предыдущего этапа. Показатели, характеризующие качество предоставляемых медицинских услуг, также демонстрируют положительную тенденцию. Так, почти 3/4 участников исследования продемонстрировали удовлетворенность возможностью выбора врача, что в 1,5 раза выше показателя 2015 года. Доля респондентов, удовлетворенных доступностью врачей-специалистов, выросла в 2 раза, а показатель оценки вежливости медперсонала по отношению к пациентам увеличился в 3 раза. Доля удовлетворенных отсутствием очередей на прием к врачу выросла в 4 раза. Вместе с тем существуют проблемы, в т.ч. необ-

ходимо повысить доступность гериатрической помощи в поликлиниках а также в многопрофильных стационарах г. Москвы.

Удовлетворенность качеством социальных услуг, по данным исследования, по-прежнему на высоком уровне. Изменения в законодательстве, регулирующего работу системы социальной защиты повлияли на повышение качества работы специалистов системы социальной обслуживания.

Резюмируя результаты ответов об удовлетворенности респондентами своим социальным самочувствием, оценкой их социальной активности и досуга, можно сделать вывод, что в Москве созданы условия для обеспечения высокого уровня социально-психологического комфорта, возможности реализации социально-культурных потребностей, социальной безопасности, эффективной организации социальных инициатив и старшего поколения, соответствующих принципам Стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста. Тем не менее, с учетом выводов мониторинга, необходима более активная социальная политика в отношении граждан пожилого возраста, направленная на обеспечение и поддержание достойного уровня и качества их жизни, включение адаптационных механизмов на период экономического кризиса, стимулирование к трудовой деятельности и активному участию в жизни общества.

Литература

1. Судас Л.Г., Оносов А.А. Социологический мониторинг: от методологии к функциональному комплексу. Опыт развертывания национальной системы мониторинга качества метеорологического обслуживания: Монография. М.: МАКС Пресс, 2012. 256 с.
2. Холостова Е.И., Мкртумова И.В., Кононова Л.И. и др. Социальная работа: приоритеты и перспективы развития: Коллективная монография. - Москва, Изд-во ИПК, 2015. - 263 с. I
3. Холостова Е.И., Малофеев И.В., Мкртумова И.В. Модернизация учреждений социального обслуживания для пожилых людей и инвалидов в программах органов социальной защиты населения и пенсионного Фонда Российской Федерации. - Москва, Изд-во ИПК, 2013. - 181 с.
4. Грачева О.Г., Комарова Н.Ю., Малофеев И.В. и др. Доклад о положении граждан пожи-

лого возраста в городе Москве. – М.: Изд-во «Дашков и К», 2015. 144 с.

5. Грачева О.Г., Малофеев И.В. и др. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста: информационно-аналитический доклад. Третий этап. – М.: Изд-во ИПК ДСЗН, 82 с.

6. Грачева О.Г., Мкртумова И.В., Попов П.В. и др. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста: информационно-аналитический доклад. Четвертый этап. – М.: Изд-во ИПК ДСЗН, 2012. 84 с.

7. Грачева О.Г., Мкртумова И.В. и др. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста: информационно-аналитический доклад. Пятый этап. – М.: Изд-во ИПК ДСЗН, 2013. 71 с.

8. Грачева О.Г., Комарова Н.Ю., Успенская Т.Н. и др. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста: информационно-аналитический доклад. Десятый этап. – М.: ИПК ДСЗН, 2015. 196 с.

9. Грачева О.Г., Мкртумова И.В., Успенская Т.Н. и др. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста: информационно-аналитический доклад. Одиннадцатый этап. – М.: Изд-во ИПК ДСЗН, 2016. 224 с.

10. Грачева О.Е. О взаимодействии Русской Православной Церкви и Департамента социаль-

ных служб г. Москвы // Сб. материалов конференции «Милосердие и благотворительность в домах престарелых, ветеранов и инвалидов» 14 марта 2016 г., Пансионат для ветеранов № 31 в Коньково. – М., 2016. Электронный ресурс - <http://www.katolik.ru/pod-odnim-nebom/103783-st36247.html>

Ссылки:

1 Судас Л.Г., Оносов А.А. Социологический мониторинг: от методологии к функциональному комплексу Опыт развертывания национальной системы мониторинга качества метеорологического обслуживания: Монография. М.: МАКС Пресс, 2012. 256 с.

2 Приказ Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы от 14 марта 2012 №120 «О проведении мониторинга уровня и качества жизни граждан пожилого возраста, проживающих в городе Москве»

3 Здесь и далее приводятся данные Информационно-аналитических докладов по итогам мониторинговых исследований 2012-2016 гг., осуществленных с участием автора

4 Данные ОПФ РФ по Москве и Московской области

Коррупционные модели экономического поведения молодежи

Епархина О.В.

Изучение специфики молодежной коррупции в РФ возможно в рамках социокультурной модели Г.Хофстеде. Большинство опрошенных представителей молодежи воспринимают коррупционные практики как разновидность нормативного экономического поведения в рамках доминирующей социокультурной модели.
Ключевые слова: коррупция, молодежь, модель коррупционного поведения.

Eparhina O.V.

Corruption models of young people's economic behavior. It's possible to research young people's corruption in Russia by cultural model of G.Hofstede. The most part of young respondents perceives corruption practices as a form of normative economic behavior in dominate social and cultural model.

Key words: corruption, young people, model of corruption behavior.

Методологической базой большинства западных исследований коррупции являются работы С. Роуз-Аккерман [3; 55]. Роуз-Аккерман рассматривает коррупцию как экономическое поведение в условиях риска, связанного с совершением преступления и возможным наказанием за него. Она анализирует сущность коррупции, причины ее возникновения, структурные основания ее воспроизводства, способы борьбы с нею, потери и прибыль, возможные в результате коррупции.

Возможно несколько ракурсов изучения проблемы.

1. Структурные модели, описывающие взаимодействие участников коррупционных сделок.

2. Системные модели, рассматривающие динамику коррумпированной системы, ее устойчивость, циклы развития и пр. Модели этого направления являются преимущественно динамическими и в большей или меньшей степени экономическими.

3. Отраслевые модели коррупции. Коррупция определяется ими как продажа государственными служащими государственной собственности в частных целях.

4. Социокультурные модели. В попытках выявить влияние культуры на уровень коррупции в обществе стали использоваться такие модели, которые выявляют характеристики культуры [2]. Это модели, разработанные в рамках кросскультурной психологии (Г.Хофстеде, С.Шварц, Г.Триандис, Э.Холл и др.) [1; 126].

Нами изучались отношение молодежи к коррупции и модели ее коррупционного поведения. Предполагалось, что молодые люди считают проблему коррупции одной из основных проблем современного российского общества, с которой необходимо бороться; а также проверялись гипотезы о возможности рассмотре-

ния молодыми людьми как нормативной составляющей экономического поведения в текущих социальных условиях.

В 2014 году нами было проведено пилотное социологическое исследование по диагностированию наиболее распространенных моделей коррупционного поведения молодежи региона. В исследовании использовалась методика анкетирования с использованием анкеты с преимущественно закрытыми вопросами, а также фокус-групповые методики. В выборку вошли 200 молодых людей в возрасте 18-30 лет, работающие либо обучающиеся в вузах и техникумах, постоянно проживающие в городе.

В результате исследования мы пришли к выводу, что чаще других молодежью транслируются 3 базовых модели коррупционного поведения. Данные модели относятся к социокультурным моделям коррупционного поведения и соответствуют индикаторам культуры Г. Хофстеде (индивидуализм-коллективизм, маскулинность, избегание неопределенности).

Первая модель соответствует индикатору «коллективизм-индивидуализм». В данной модели коррупционного поведения человек дает взятку, считая это необходимостью, основанной на традиции, которая «складывалась годами и ее нельзя нарушать» (дорогой алкоголь врачу). Дача взятки рассматривается участниками коррупционного действия как норма, принятая в обществе. Подобные модели характеризуют в большей степени бытовую коррупцию. В нашем исследовании модель представлена сюжетом о коррупционном скандале с ЕГЭ в 2012 г.

Вторая модель измеряется с точки зрения индикатора «маскулинность». В данной модели коррупционного поведения человек стремится максимизировать свою прибыль и личную выгоду. В исследовании модель представлена сюжетом про коррупцию в сфере ЖКХ.

Третья модель рассматривается в соответствии с индикатором «избегание неопределенности». В такой модели участники коррупционного действия стремятся избежать ситуации неопределенности в распределении некоего ресурса. Мы рассматриваем ее на примере сюжета о расследовании уголовного дела в отношении мэров нескольких российских городов.

Во второй и третьей моделях коррупционного поведения дача взятки рассматривается как

гарантия совершения сделки для одной стороны и увеличение благосостояния другой. Данные модели характеризуют административную и деловую коррупцию.

Наиболее коррумпированными сферами жизни опрошенные считают полицию, здравоохранение, образование. При этом респонденты говорят о коррумпированности абсолютно всех сфер жизни. Они не считают это явлением противоестественным, акцентируя внимание на коррупции в сфере здравоохранения, позволяющей выиграть время и тем самым сохранить здоровье и жизнь. Часть респондентов отметила, что подобная коррупция не является опасной, скорее даже полезна, так как здесь затрагиваются интересы конкретного человека, в то время, когда административная коррупция может оказывать влияние на жителей целого города.

Многие респонденты отметили высокий уровень коррупции в сфере образования. Некоторые респонденты имеют опыт дачи взятки в детских садах, при этом подобная практика не расценивается как нарушение закона, респонденты не видят другого пути решения. Опрошенные отмечают, что коррупция в сфере образования была и раньше, ЕГЭ лишь упростило эту модель поведения и сделало ее более востребованной. К росту коррупции в сфере образования привели современные технические условия и изменение потребностей у людей.

При ответе на вопрос анкеты «Если бы Вам, или вашему ребенку предстояло сдавать ЕГЭ в этом году, Вы бы заплатили взятку учителям, или, все-таки, не используя мошеннических схем, постарались бы сдать ЕГЭ самостоятельно?» мнения респондентов разделились. Часть участников группы ответили, что сдавали бы самостоятельно либо не оказали бы помощи детям, предоставив им возможность самостоятельно справиться со сдачей экзамена.

Часть респондентов поинтересовались бы у ребенка, нужна ли ему помощь, и в случае положительного ответа дал бы взятку учителям.

При этом респонденты считают, что большинство выпускников сдают ЕГЭ самостоятельно. Мошеннические и коррупционные схемы используют, по мнению респондентов, 20-30% школьников.

При обсуждении вопроса об уровне коррупции в сфере ЖКХ мнения респондентов разде-

лились, часть опрошенных считает, что данная сфера коррумпирована на 40%-50%, другая часть отмечает, что это не коррупция, а лишь бездействие соответствующих организаций, оказывающих услуги, либо контролирующих их органов.

Однако, если в случае с ЕГЭ многие не готовы давать взятку учителям, то в данной ситуации люди будут терпеть до последнего, либо просто откажутся от услуг управляющей компании. Им проще будет заплатить или переплатить за услуги управляющей компании, чем выяснить причину несоответствующего обслуживания дома.

Уровень бытовой коррупции в России, по мнению респондентов, можно назвать высоким, но она не несет в себе опасности для развития страны в целом. Лишь немногие уже сталкивались с бытовой коррупцией в своей практике, но все респонденты отмечают, что могут с ней столкнуться в любое время. При этом они рассматривают коррупцию как естественное явление, как некую традицию нашего общества, их больше тревожит уровень административной («чиновничьей») коррупции, так как она несет в себе, по их мнению, гораздо больше угроз. Уровень коррупции в органах власти респонденты, либо почти полностью коррумпирована. («Полностью». «Процентов на 80%»)

При этом, если при обсуждении коррупции в сфере ЖКХ часть респондентов не смогли назвать ни одной модели коррупционного поведения, то при обсуждении коррупции в органах власти все респонденты назвали как, с помощью каких механизмов чиновники, в том числе градоначальники участвуют в коррупционной деятельности.

Честность воспринимается изучаемой группой респондентов как патология: «...им (чиновником) управляет честность или то, что нечего взять этого я уже не знаю».

Стоит также обратить внимание на тот факт, что респонденты, несмотря на отсутствие опыта, отмечают, что подобные модели поведения являются вполне реальными и хорошо применимы на практике. В зависимости от ситуации респонденты сами готовы применять подобные схемы, они готовы дать взятку, если от этого будет зависеть чья-то жизнь.

Таким образом, социокультурные модели изучения коррупции показывают достаточно высокую эффективность не только при изучении примитивных обществ, но и при изучении специфики коррупционных проявлений в отдельных демографических группах современных обществ. Эффективность использования таких моделей может быть обусловлена выбором и использованием именно тех параметров, которые актуализированы именно в данной возрастной группе, либо тех социальных практик, которые распространены в изучаемой социальной среде. Однако, для более подробного анализа требуется ряд сравнительных исследований с использованием модели Г. Хофстеде.

Литература

1. Епархина О.В. Теоретические основы исследования коррупционных проявлений в РФ: монография. Ярославль: Литера, 2011.
2. Олимпиева И.Б. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / И.Б. Олимпиева, О.В. Панченков. – СПб.: Алетей, 2007.
3. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. М.: Логос, 2010.

Модернизационный путь России: органичность vs мобилизация

Комф Е. В.

Статья посвящена историко-социологическому анализу модернизации России в период XVII-XX вв. Автор акцентирует внимание на выявлении и анализе субъектов и субкультур модернизации для понимания наиболее характерного для России данного периода вида модернизации.

Ключевые слова: модернизация, органичная модернизация, мобилизационная модернизация, субъекты модернизации.

Comf E. V.

Modernization Russia's path: organic vs mobilization

The article is dedicated to historic-sociological analysis of Russia's modernization during XVII-XX centuries. The author emphasizes on revealing and analysis of subjects and subcultures of modernization for understanding most typical for Russia the kind of modernization in this period. Key words: modernization, organic modernization, mobilization modernization, subjects of modernization.

На сегодняшний день в российском обществе вновь становятся актуальными поиски альтернативных путей цивилизационного развития России, что в очередной раз подтверждает важность выявления тех социальных сил и субъектов социальных изменений, которые наиболее склонны к инициированию процессов обновления. Различение видов модернизации, в которых активизация социальных субъектов происходит различными способами, выглядит следующим образом:

Мобилизационная модернизация – неэволюционный процесс, предполагающий качественное изменение общества в результате преимущественно насильственного привнесения новых социально-экономических форм и моделей поведения субъектов, в сочетании с неполным и неэффективным использованием эндогенного потенциала общества, результатом которого является деформация различных социальных структур.

Органичная модернизация – эволюционный процесс, предполагающий качественное изменение общества в результате преимущественно ненасильственного воздействия с опорой на внутренний потенциал общества, его самоорганизацию, результатом которого является появление новых социальных форм организации, образцов практик и субъектов нового исторического типа. Органичная модернизация должна осуществляться на основе инициативы различных социальных групп, возможно даже ранее не вступавших во взаимодействие, образовывать совершенно новые коалиции и формы объединений на основе созревших внутренних потребностей [11, с. 146].

Однако, для наиболее правильной интерпретации сегодняшних процессов модернизации, необходимо понимание определенной логики модернизационных процессов в истории России. Конечно же, важную роль здесь играют

особенности взаимоотношений между политическим классом и субъектами и субкультурам модернизации. Взаимоотношения эти на протяжении периода XVII-XX вв. никогда не были «простыми», «стабильными», скорее, ситуативными, хаотичными. Но и в этой особой форме «диалога» присутствовала определенная закономерность, выраженная в преобладании особого вида модернизации. Остановимся на этом более подробно.

На протяжении XVII-XX вв. различные преобразования, происходившие в России, способствовали появлению совершенно новых субъектов социально-экономических отношений. Основываясь на общепринятом подходе к определению происходивших изменений в определенные периоды российской истории как модернизации общества, необходимо провести сравнительный анализ следующих попыток преобразований страны: модернизация, проводимая Петром I, реформы периода правления Екатерины II, реформы Александра II, реформы П.А. Столыпина, индустриализация 30-х гг. XX в., реформы периода «перестройки» 1985-1991 гг.

Прежде чем проводить сравнительный анализ указанных попыток модернизации, нужно обратиться к более раннему периоду российской истории. Необходимо обратить внимание на роль такого факта в российской истории, как Раскол. Существует мнение, что Раскол как таковой явился тем поворотным моментом, после которого история России пошла совершенно иным путем развития. А.Г. Глинчикова писала: «Раскол был важной попыткой соединить индивидуализацию веры с чувством социальной ответственности общества за судьбу государства, а ее поражение на несколько столетий «законсервировало» негражданский, патерналистский тип социума с соответствующей ему ценностной средой» [6, с. 72]. Однако дальнейшее рассмотрение проводимых модернизаций позволяет говорить о наличии потенциала самоорганизации общества, его эволюционному, постепенному вызреванию и активизации акторов, воспроизводящих собственные органичные социокультурные практики в рамках действующего государственного устройства, несмотря на социальные, политические и экономические барьеры, выстраиваемые политическим классом.

Рассмотрим попытку модернизации Российской Империи Петром I. Говоря о субъектах и

субкультурах модернизации общества при Петре I, можно выделить четыре группы:

1) Иностранцы, приглашенные Петром I для передачи опыта в различных областях знаний.

2) Приближенные, «фавориты» Петра I.

Обе группы субъектов можно отнести к носителям субкультуры модернизации.

3) Отдельные представители купечества.

4) Крестьяне, в основном оброчные, занимавшиеся различными промыслами, крепко «поставившие» свое дело (мануфактура, торговля и т.д.).

Все эти группы субъектов характеризует то, что Петр I лично содействовал их появлению. Таким образом, можно говорить о некоем спонтанном, «точечном» появлении этих субъектов, зависящих от воли царя. Например, это были следующие политические деятели: А. В. Макаров, И. П. Кутайсов, К. Г. Манштейн, А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, И. И. Бутурлин, Ф. Я. Лефорт и т.д. [см. 25]. Иностранцы, приглашенные Петром I, успешно интегрировались в российское общество, с одной стороны, привнося специфику своей субкультуры, с другой, органично соединяясь с российской действительностью того времени.

Новой социально-экономической практикой становятся крестьянские промыслы, способствующие появлению субъектов модернизации. «Одна группа крестьян, отходивших на заработки – это беднейшие крестьяне, другая – сельские богатеи, отход которых носил предпринимательский характер» [Там же с. 76]. Отходничество, начиная с положения 1649 г., было узаконено и затем поощрялось правительством и помещиками. «В первой половине XVIII в. наиболее важными источниками денежных доходов крестьян стали многие виды внеземледельческих занятий – извоз, лесные промыслы, отход на водный транспорт, наемная работа в винокурении, кожевенной промышленности» [Там же с. 77]. Ряд указов Петра I стимулировал развитие капиталистических отношений в крестьянской среде. Берг-привилегия 1719 г. (именной указ от 10 декабря 1719 г.) разрешала всем лицам, в том числе и крестьянам, производить поиск полезных ископаемых и их разработку. «В 1723 г. было объявлено о дозволении лицам всех сословий заводить промышленные предприятия (вплоть до мануфактур)» [Там же с. 77]. В результате проводимых реформ капиталистических

тические начала все больше проникали в крестьянскую среду.

Однако ход реформ показал, что все общество (как самые привилегированные его слои, так и низшие) оказывались «на службе у государства». Например, отношения собственности носили весьма «специфический» характер. «В петровское время произошло формальное укрепление земельной собственности дворянства: временные держания – поместья – окончательно слились с родовыми вотчинами в единую земельную собственность» [2, с. 311]. А в 1714 г. вышел Указ о майорате, единонаследии [2]. Однако, «несмотря на усиление позиций дворянства в этой сфере, была распространена практика утверждения завещаний царем» [Там же, с. 313]. Эти факты указывают на то, что частной собственности в ее западноевропейском понимании в Российской Империи не существовало. По решению царя любой объект собственности мог быть в любое время использован в государственных целях. Этот факт позволяет говорить о принципиальном различии в сравнении со странами Западной Европы в отношениях между обществом и государством. И здесь налицо отсутствие одного из самых важных условий органичной модернизации – наличие личной свободы человека. К примеру, отсутствие личной свободы человека в Российской Империи проявлялось в практике насильственного перемещения различных социальных групп. «После 1711 г. было опубликовано несколько указов о принудительном переселении в Петербург нескольких тысяч купцов и ремесленников из крупных и местных городов России» [Там же, с. 131]. Происходило скорее стихийное, нежели упорядоченное формирование новых экономических объектов, субъектов экономических отношений, социальных групп.

В ходе модернизации каждый раз происходило заключение в определенные рамки той или иной инициативы, например, связанной с усилением социального или финансового положения, прежде всего, крестьянства. Вслед за этим происходила ответная реакция субъекта-носителя модернизации. Так произошло складывание определенной формы взаимоотношений между государством-агентом и социальным субъектом.

Что касается купечества, то поддерживались отдельные предприятия и купцы. С целью втя-

гивания торговых людей в развитие промышленности использовался метод поощрения. Так, «купцу Волкову был сделан «подарок» в 5 тыс. рублей, Короткову – 3, компании Бабушкина – 4, Щеголихину – в 4 тыс. рублей» [16, с. 51]. Появлявшиеся субъекты модернизации были носителями инновационных практик того времени, особенно в сравнении с иностранными новациями, но наталкивались на дисбаланс в развитии различных отраслей страны, поэтому не все изобретения были востребованы. Например, «Андрей Нартов создавал самые совершенные копировальные токарные станки с механическим суппортом» [1, с. 19], «в России первые плющильные машины для проката шинного железа были в ходу на Урале уже в 1723 г.» [1, с. 20].

Модернизация общества, проводимая Петром I, носила двойственный характер. С одной стороны, благодаря проводимым реформам и воле царя, на политическую и экономическую арену выдвинулся ряд талантливых людей из различных слоев общества. С другой, модернизация не смогла затронуть основную массу крестьянства и способствовать началу развития капиталистических отношений в полной мере. Опорой царя в ходе модернизации естественным образом становилось дворянство, которое, в свою очередь, было в первую очередь ориентировано на консервацию сложившихся феодально-крепостнических отношений, т.е., на самосохранение, нежели на развитие, усиление капиталистических начал.

Реформы Екатерины II явились продолжением начатых Петром I преобразований, направленных на преодоление отставания Российской Империи от западных держав. В течение правления Екатерины II в явной и скрытой форме проявились субъекты новых образцов поведения и новых социально-экономических практик.

К субъектам модернизации в эпоху правления Екатерины II (1762-1796 гг.) можно отнести некоторых представителей крестьянства и купечества.

Крестьяне-отходники, торговые крестьяне – так называемые «капиталисты» крестьяне – являлись субъектами модернизации, порождавшими новые формы и образцы экономических отношений. «В XVII-XVIII веках в России наряду с городами возникают промышленные села, а «кустарные промыслы» крестьянства становятся

массовым явлением» [29, с. 76]. Способствовал развитию капиталистических отношений и ряд указов Екатерины II. «Свобода промышленных занятий объявлялись указами Екатерины II от 31 июля и 23 октября 1762 г. [12, с. 77]. В районах, где преобладала оброчная система, получили развитие крестьянский отход и промыслы. В них уже в конце XVIII века образовались как небольшие, так и крупные центры крестьянской промышленности, развивающейся из крестьянских промыслов» [Там же, с. 77]. Становление сельской буржуазии в данный период происходило достаточно интенсивно.

«Наказ» Екатерины II закрепляет сословную структуру общества и в соответствии с этим предоставляет каждому сословию свои права и обязанности [24, с. 115]. «Учреждения о губерниях» усиливают самодержавные позиции Екатерины II. Расширился бюрократический аппарат, нарушились существующие экономические связи, в то же время появились новые города, в наиболее крупных из них начала развиваться городская инфраструктура. «Однако вопреки замыслам Екатерины II реформы 1775-1785 гг. не создали общесословного городского общества» [22, с. 496]. В городском сообществе наблюдались иные процессы. «Мигрировавшее в города торгово-промышленное крестьянство находилось в отношении тяжести налогов и повинностей в лучшем положении, чем граждане» [21, с. 102]. «Поэтому приток зажиточного и конкурентоспособного крестьянства в город вел к миграции части посадских в сельскую местность, иногда даже путем приобретения крестьянского статуса» [Там же]. К сожалению, в большинстве городов урбанистическая культура не становилась нормой. Однако, например, «в городах Прибалтийского региона, особенно в Риге, намерения императрицы более или менее реализовывались благодаря предшествующему опыту, накопленному бюргерами при магдебургском праве, действовавшим там до 1785 г.» [22, с. 496]. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. окончательно закрепила привилегированное положение дворянства. «Городовое положение» 1785 г. сыграло двойственную роль в развитии капиталистических отношений. С одной стороны, по мнению В. П. Портнова, грамота 1785 г. «закрепляет средневековую отсталую цеховую систему организацию ремесленников, что затруднило возникновение капита-

листических мануфактур, а, следовательно, тормозило дальнейшее разложение буржуазных отношений» [14, с. 442].

В отношении крестьянства был издан ряд указов, способствующих сдерживанию их экономической деятельности: «указ 17 января 1765 г., по которому помещикам разрешалось отдавать провинившихся крестьян на каторжные работы»; «указ 22 августа 1767 г. содержал запрещение крестьянам подавать жалобы на помещиков непосредственно в руки государя» [15, с. 245].

К указам, способствующим развитию капиталистических отношений, можно отнести «Указ 1775 г. о введении права открывать промышленные предприятия без какого-либо специального разрешения правительственных органов» [Там же, с. 241]. К попытке модернизации в сельском хозяйстве можно отнести создание в 1765 г. Вольного экономического общества (далее ВЭО). Задумано как достаточно узкоспециализированное учреждение, но со временем сфера интересов его представителей была значительно расширена. «У ВЭО возникла потребность не ограничиваться вопросами сельскохозяйственного производства, но заниматься и вопросами развития промышленности, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья, добычей топлива, селитры, железных и квасцовых руд, соды и прочего» [23, с. 25]. Несмотря на ограниченный характер его функционирования (имеется в виду продворянская направленность деятельности), на его заседаниях неоднократно поднимались вопросы, были представлены научные работы, затрагивавшие интересы крепостного крестьянства в сторону облегчения их положения, что позволяет говорить о наличии полемики в работе ВЭО.

Таким образом, в ходе модернизации во взаимоотношениях крестьян и помещиков тенденции модерна проявились односторонне. Контрагент (помещик) по отношению к субъекту (крестьянину) остался в той же модели отношений. В результате чего в структуре производственных отношений между двумя классами возникает деструкция, отношения носят конфликтный характер. Субъект перестраивает свои модели ролевого поведения – свободного предпринимателя и свободного работника, в то время как помещик, обладая максимальным набором гражданских, экономических, юридических

прав, сохраняет и воспроизводит ту же модель отношений.

Говоря о субъектах модернизации эпохи реформ 1860-1880 гг. Александра II, можно выделить несколько социальных групп и субкультур российского общества. Во-первых, это некоторые представители крестьянства. «С отменой крепостного права значительно возросло число лиц, обладающих формальной правоспособностью» [13, с. 83]. «Реформа способствовала легализации сотен крепостных предпринимателей с их потаенными капиталами, которые теперь можно было использовать без оглядки на барина и другие препятствия, порождаемые крепостнической системой» [35, с. 68]. В это же время основным процессом, который происходил в крестьянской среде, было углублявшееся социальное расслоение. «Субъекты новых социально-экономических отношений в лице зажиточного крестьянства (сельской буржуазии) были рассредоточены по разным районам страны: на Юге Европейской России, в Прибалтике, в Юго-Восточной Сибири» [31, с. 174-175], в основном в тех областях, где отсутствовали крепостнические отношения. Появлялись весьма самобытные способы организации предпринимательской деятельности среди крестьянства. Например, «Нил Владимиров скупал имения разорившихся или обедневших помещиков, платил им наличными, затем приобретенные земли закладывал в Московском крестьянском банке, а землю в виде наделов продавал окрестным крестьянам» [37, с. 100].

Во-вторых, это купечество. «Старое» купечество в начале реформ предпочитало вкладывать деньги в текстильную и пищевую промышленность, новое поколение предпринимателей, вышедшее, в основном, из рядов государственных служащих – в железнодорожное строительство» [35, с. 93, 115]. Благодаря правительственной поддержке железнодорожное предпринимательство приобрело огромные масштабы, сложилось большое количество частных предприятий. «Сформировался клан российских предпринимателей, в их числе С. С. Поляков, П. И. Губонин, В. А. Кокорев, И. С. Блиох, барон Л. Л. Кроненберг, П. Г. фон Дервиз, К. Ф. фон Мекк» [13, с. 142]. «Среди железнодорожных предпринимателей были также и выходцы из крестьянской среды, например П. И. Губонин» [Там же, с. 143].

В пореформенное время сложились определенные «уровни» предпринимательства, экономика была достаточно сбалансирована. Мелкий бизнес представлял большое количество индивидуальных фирм, «полные» товарищества занимали нишу среднего бизнеса и отчасти крупного бизнеса, которые могли дальше эволюционировать в товарищества на вере или коммандитные товарищества (занимавшие более высокую ступень) [Там же, с. 101].

Третья группа субъектов модернизации – прогрессивное дворянство. Данную социальную группу составляют окружение императора Александра II, прежде всего, разработчики реформ и либеральные круги, предлагавшие различные проекты проведения дальнейших реформ. Большую роль в подготовке реформы сыграли многочисленные частные записки. «Из них особое значение имели записки К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкасского, а также записка великой княгини Елены Павловны «Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и их крестьянами», составленная с помощью Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина для устройства свободного быта крестьян в имениях великой княгини» [27].

Необходимо отметить широкую деятельность Тверского, Московского, Петербургского дворянских собраний по составлению адресов, которые содержали предложения, направленные на корректировку курса правительственных реформ, их либерализацию. «Тверское губернское собрание предлагало передать землю в собственность крестьянам, перенести налогообложение на все сословия, а также созвать собрание «выборных всех земли русской...»; московское дворянство выступило за местное самоуправление, гласное судопроизводство, обязательный выкуп крестьянских земель, публичный бюджет, свободу печати, созыв земской думы из всех классов для приготовления проекта реформ; в 1862 г. Петербургское дворянское собрание обсудило составленную Царскосельским уездным предводителем Платоновым записку «О необходимости создания выборных земли русской», в которой он предлагал всем сословиям избрать Государственную земскую думу» [7, с. 47-48].

«Положением 1 января 1864 г. о земских учреждениях введение земств предусматривалось в 34 губерниях, т.е. примерно в половине

губерний страны" [17, с. 22]. Несмотря на то, что впоследствии деятельность земств сильно ограничивалась со стороны органов государственной власти, жестко регулировавших, прежде всего, политическую деятельность, эта реформа способствовала пробуждению начал самоорганизации различных социальных сил. Специфика самоорганизации проявилась в нескольких аспектах: административно-территориальном и профессиональном. Отсюда возникла следующая группа субъектов модернизации – земские деятели. В эту группу входили земские врачи, учителя, статистики, агрономы и ветеринары [26, с. 117-169]. В дальнейшем благодаря деятельности земств происходит формирование протопрофессиональных и профессиональных групп.

Особое место в пореформенный период занимали разночинцы. Данную социальную группу необходимо рассмотреть как потенциальную среду для вызревания особого рода субъектов-носителей «нового» в реформирующемся обществе. «Феномен разночинцев был тесно связан с ростом ресурсов рабочей силы, благодаря чему создавались многочисленные кадры специалистов и профессиональные категории» [5, с. 197]. «История разночинцев говорит о том, что еще до появления земств и задолго до индустриального переворота 80-х и 90-х годов XIX в. Россия имела опыт протопрофессиональной подготовки и профессиональной работы вне государственных институтов» [Там же].

Старообрядческая среда стала в пореформенное время одной из сфер, которая способствовала складыванию особой предпринимательской субкультуры, обладающей своеобразной предпринимательской этикой и позволяющей формировать устойчивые социально-экономические структуры. К примеру, «старообрядческие общины представляли собой не только хорошо отлаженные производственные «механизмы», но и своеобразные банки, которые занимались кредитованием своих единоверцев» [4, с. 85].

Таким образом, рассматривая реформы Александра II как попытку модернизации страны, нужно отметить высокую концентрацию и многообразие субъектов происходящих трансформаций, которые выстраивали собственные стратегии поведения в условиях сословных ог-

раничений. Активизация предпринимательского и идейного потенциала общества говорит об эволюционном органичном способе изменения сложившейся социально-экономической системы в результате проводимой модернизации сверху.

Реформы П. А. Столыпина представляли собой попытку активизировать предпринимательский элемент в крестьянской среде, не прибегая к разрешению основного противоречия между помещиками и крестьянами, т.е. сосредоточением основной массы земель в руках помещиков. К тому же большая часть этих земель сдавалась в аренду крестьянам. «Так, крупнейшие земельные собственники России числом около 100 (исключая лесовладельцев) занимали в стране первое место как по относительным размерам сдачи земли в аренду (62%), так и по абсолютным размерам сдаваемой в аренду площади – 1/6 всего арендного фонда Европейской России» [20, с. 86]. Для понимания потенциала крестьянской среды в отношении наличия субъектов модернизации необходимо обратиться к статистическим данным отражающим степень владения землей крестьянами на правах собственности, рассмотреть общинное и подворное землевладение. «Из 138, 8 млн. дес. крестьянской земли в Европейской России 115,4 млн. дес., или 83, 2%, было в общинном пользовании и 22,4 млн., или 16%, – в подворном» [3, с. 100]. Таким образом, реформа была рассчитана на небольшой предпринимательский элемент. Однако она способствовала активизации достаточно большого числа потенциальных субъектов. «На основе указа 9 ноября из общины вышло всего 21,8 % общинников, укрепивших в собственность 13,9 млн. дес. (14% всей наделной земли)» [34, с. 285]. «При этом итоговая цифра заявлений о землеустройстве в 2,5 раза превышала общее число завершенных землеустроительных операций» [Там же]. Для крестьян, желающих встать на фермерский путь хозяйствования, был создан определенный «коридор» возможностей, хотя реальное состояние сельского хозяйства требовало расширения действующих рамок для эффективной экономической деятельности. Необходимо отметить наличие новых экономических форм, которые привнесла реформа: деятельность КПБ (крестьянского поземельного банка), переселение на другие территории с раздачей земель, работы

по землеустройству, повышение аграрной культуры населения.

Программа реформ была рассчитана на постепенное, эволюционное развитие социально-экономических отношений, не прибегая к резкому скачкообразному переходу. «Заявленный масштаб столыпинской программы существенно превышал задачи постреволюционной стабилизации, охватывая не только земельное право, но и все сферы общественных отношений — от обеспечения юридического равенства независимо от сословной принадлежности до противодействия экстремизму, а ее главной политической целью становилось поддержание социальной стабильности» [19, с. 5]. В результате проведенной реформы возникли точечные элементы зажиточного крестьянства, рассредоточенные в пределах общества.

Обратимся к модернизации в период 1930-1940-х гг. Сталинская стратегия экономического развития предполагала ускорение трансформации социальных и экономических форм деятельности с доминированием механизма принуждения и сокращение свободного создания и развития различных форм деятельности. Также предполагалось намеренное «создание дисбаланса» в результате увеличения производства средств производства в ущерб производству средств потребления [8, с. 31]. Радикальная смена форм была ограничена и временными рамками, направлена на «повышение темпов индустриального развития» [Там же, с. 30], что, как мы увидим дальше, будет выражаться в так называемых «пятилетках», попытках перевыполнения планов («пятилетка» за три года). Упрощение, насаждение единообразия экономических и социальных форм активности, выражающееся, например, в стремлении сделать основной и в ближайшем будущем единственной формой организации сельского хозяйства колхозы и совхозы, в дальнейшем привело к значительным изменениям в социальной структуре советского общества. Сталинская программа предполагала усиление роли одних социально-экономических элементов за счет ослабления или уничтожения других (например, свертывание деятельности кулачества) не в результате конкурирования и достижения преобладания наиболее прогрессивной формы, а на основании диктата единообразия.

Стратегия экономического развития страны, предложенная «правой оппозицией» в лице

Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского и др., подразумевала эволюционное, органичное развитие естественно возникающих и существующих форм социального организма. «По отношению к крестьянству намечалось продолжение линии на охват всех бедняцких и середняцких групп деревни многообразными формами кооперации» [Там же, с. 25]. «На всех этапах преобразования должны были исполняться, развиваться и взаимодействовать самые разные формы кооперации — и производственные, и торговые, и кредитные» [9, с. 820].

В рассматриваемый период к субъектам модернизации можно отнести только представителей технической интеллигенции. Инженерно-технический корпус представлял собой специально созданную социальную структуру. «Процесс социальной идентификации инженерно-технической группы в 1930-е гг. в схематичном виде представлял собой циклическое воспроизведение бинарных моделей элитарности и маргинальности по нисходящей спирали: «первичная элита» («буржуазные» инженеры дореволюционной школы), «маргиналы форсированной индустриализации» (выдвиженцы, практики), «вторичная» элита (инженеры и техники советской технической школы)» [36, с. 64]. Однако даже в этой среде происходил процесс «создания» субъектов модернизации.

Но, несмотря на жесткое управление данной социальной группой, в результате большого количества брака, пренебрежения стандартами производства и опытом передовых стран перед инженерами встали иные задачи. «Два поколения инженеров смогли на время реформ составить некую социальную общность, которая в условиях сталинизма, с одной стороны, осуществляла деятельность под жестким контролем со стороны административного аппарата, с другой, находила свои собственные формы самоорганизации, став «мастерами импровизации, «ликвидации» последствий аварий и кризисного менеджмента» [38, с. 431]. Особая роль в достижениях советской индустриализации принадлежала приглашенным иностранным специалистам. «Все крупнейшие стройки в СССР периода индустриализации были международными проектами» [30, с. 36]. Однако столь масштабная мобилизация человеческих, материальных и интеллектуальных ресурсов представляла собой не что иное, как перенос уже действу-

ющих, апробированных в других социальных системах моделей организации производства на почву советской действительности.

В ходе коллективизации сельского хозяйства происходило создание принудительных отношений в аграрном секторе, дающее краткосрочный эффект. С точки зрения естественноисторического процесса происходило не естественное развитие, а «квазимодернизация». Обновление всегда измеряется возрастом эффективности экономики государства, которое дает социальный эффект, естественный рост специализации, реализацию принципа интегрирования социальных субъектов. Если же речь идет о принудительном запуске механизмов социального действия и взаимодействия, то происходит разрушение условий развития и роста.

Модернизация общества периода 1930-1940-х гг. носила мобилизационный характер. В результате проведенных преобразований возникла государственная эксплуатация наемного труда. Процессы индустриализации и коллективизации привнесли в экономическое и социальное развитие страны больше примитивизации, архаизации во взаимодействия субъектов.

Значительные изменения в рассматриваемый период претерпела социальная структура советского общества. Происходило искусственное насаждение и «отсечение» ненужных социальных групп, к примеру, к таким группам можно отнести так называемых лишенцев. Утрачивали многообразие и экономические формы. «К концу коллективизации “крупное обобществленное производство стало практически единственной формой организации сельского хозяйства в СССР”» [9, с. 855]. В результате возникшего дисбаланса в экономическом развитии, когда одни отрасли развивались быстрыми темпами в ущерб всем остальным, происходило создание социальной структуры общества под возникающую экономическую модель.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при смене социальной формы не произошло изменения социального содержания; приняв оболочку модерна, социальный организм не модернизировался, а архаизировался.

Оценивая состояние социально-экономического развития страны накануне реформ 1986-1991 гг., необходимо сказать о нарастании противоречий в различных сферах общества, что выразилось в следующем:

1) “диспропорции в развитии отраслей промышленности, нерациональность использования ресурсов для обновления, недостаток инвестирования в различные отрасли промышленности, сокращение реально вводимых мощностей” [32, с. 196];

2) усложнение социальной структуры советского общества, что выразилось в появлении множества социальных групп и общностей, которым были необходимы новые сферы для действий по созданию новых социально-экономических форм, больший уровень гласности, свободы действий, изменения действующего законодательства. “Советское общество на деле состояло из множества субобществ, пребывавших как бы в разных временных пространствах, в разных исторических эпохах и к тому же территориально локализованных” [28, с. 113].

Обратимся к классификации социальной структуры советского общества, которую дает Т. И. Заславская. По мнению Т. И. Заславской, «подлинная разграничительная линия проходит не столько между «строками», сколько между «столбцами» матрицы [10, с. 40], т.е. между группами, обозначающими позицию по отношению к перестройке (инициаторы, сторонники, союзники, квазисторонники, наблюдатели, нейтралы, консерваторы, реакционеры)» [Там же, с. 39].

“Стали накапливаться если не элементы, то определенные предпосылки образования гражданского общества – появление большого слоя преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры” [33, с. 40]. Таким образом, на момент реформ в советском обществе существовали социальные группы, слои, которые могли стать субъектами органичной модернизации. “Носителями реформаторского потенциала были, прежде всего, образованные слои советского общества – ученые и преподаватели вузов, инженеры, учителя, врачи, квалифицированные рабочие и т. д.” [39, с. 25].

В конце 1980-х годов начинают появляться проекты, предлагающие дальнейшие пути развития СССР. В результате выбранной программы преобразований произошла активизация различных субъектов модернизации. Вместо активизации предполагаемых субъектов модернизации произошло доминирование особых

социальных групп олигархического типа, которые представляли собой вчерашних агентов теневой экономики и выходцев из номенклатурных работников [18; 39].

Результатом проведенного анализа модернизаций российского общества, осуществлявшихся на протяжении трех веков, является то, что в них было как общее, так и особенное, а, главное, было определено, в какой мере проводимые изменения соответствовали внутреннему потенциалу социума, способствовали активизации актуальных и потенциальных субъектов модернизации.

Все рассматриваемые образцы модернизаций, кроме периода реформ Александра II можно отнести к примерам мобилизационной модернизации, поскольку в большей степени они не были рассчитаны на субъектов органичной модернизации. Несмотря на многочисленные барьеры в достижении органичного развития, не только те, на кого делали ставку, смогли активизировать внутренние резервы. В этом смысле самым успешным явился период реформ Александра II, который в большей степени соответствовал органичной модернизации. Появление огромного числа субъектов-носителей новых образцов поведения позволило начать формирование особой органичной среды, в которой выкристаллизовывалась некая общая идея обновления общества на основе многообразия и прогресса, конкуренции и кооперации социально-экономических форм и их носителей. Немаловажную роль при этом сыграла постоянная обратная связь между политическим классом и обществом, выражавшаяся в корректировке реформ, попытках дискуссий.

Помимо субъектов модернизации появлялись и закреплялись субкультуры модернизации. К примеру, старообрядчество представляло собой устойчивую субкультуру, которая достаточно долго транслировала свои ценности последующим поколениям и приобретала корпоративные черты. Многие фавориты Петра I успешно встраивались в существующий социально-экономический порядок.

Таким образом, в результате модернизационные изменения российского общества происходили в большинстве случаев мобилизационным способом и лишь однажды преимущественно органичным. Это оказало влияние на дальнейший характер инноваций, задаваемый

сверху, то есть на такой, который не способствовал преемственности в транслировании органичности преобразований. Хотя очевидным является то, что при большей поддержке и выстраивании системы эффективных взаимодействий со стороны политического класса относительно субъектов модернизации, в рассматриваемых образцах модернизации была достаточно высока возможность органичной модернизации. Проведенный анализ процессов модернизации, происходивших в период XVII-XX вв. в России, служит основанием для лучшего понимания современного этапа модернизации и попытке переосмысления барьеров прошлого для раскрытия потенциала общества на сегодняшний день.

Литература

1. 1000 лет русского предпринимательства. - М., 1995.
2. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. - Л., 1989.
3. Анфимов А.Н. Столыпин П.А. и российское крестьянство. - М., 2002.
4. Брянцев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.). - М., 2000.
5. Виртшафтер Эллис К. Социальные структуры: различия в Российской Империи. - М., 2002.
6. Глинчикова А.Г. Раскол и незавершенность русского Модерна // Мир России. 2009. №4.
7. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – нач. XX в. - СПб., 1996.
8. Гордон Л.А. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. - М.: Политиздат, 1989.
9. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: избранные труды: в 2-х частях. Ч 1. - М., 2011.
10. Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано: сб. ст. под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. - М., 1988.
11. Игнатъев В. И. Институциональные регуляторы органичной модернизации: виртуальные практики и социальная реальность / В. И. Игнатъев, Е. В. Комф, А. И. Крейк // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1, № 4 (10).
12. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. : в 5-ти т. Т 3. - М., 1993.

13. История предпринимательства в России. Кн.2. Вторая половина XIX – нач. XX в. - М., 2000.
14. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). - М., 1999.
15. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. - М., 1999.
16. Королева С.И. Торговое сословие России. - М., 1998.
17. Кудинов О.А. Конституционные реформы в России в XIX – нач. XX в. - М., 2000.
18. Лелехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // *Общественные науки и современность*. 1999. №1.
19. Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // *Российская история*. 2012. №2.
20. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупных земельных собственников конца XIX века – начала XX в. Землевладение, землепользование, система хозяйства. - М., 1971.
21. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы. - Л., 1990.
22. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.) в 2 т. Т.1. - СПб., 2000.
23. Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. 1765-1917. - М., 1963.
24. Павленко Н.И. Екатерина Великая. - М., 2006.
25. Павленко Н.И. Птенцы гнезда петрова. - М., 1994.
26. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. Глава 3. - М., 1986.
27. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ч3. URL: http://www.originweb.info/education/russian_history/platonov/ch3s11p03.html (дата обращения: 20.01.2016)
28. Плискевич М. «Третий» путь, которым мы уже прошли // *Общественные науки и современность*. 1999. №6.
29. Полянский Ф.Я. Накопление первоначального капитала. М., 1958.
30. Рубченко М. Ура, у них депрессия! // *Эксперт. Специальный выпуск. Всемирная история модернизаций*. 28 декабря-10 января 2010. №1 (687).
31. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850-1880 гг. - М., 1978.
32. Селюнин В. Лукавая цифра / В. Селюнин, Г. Ханин // *Новый мир*. 1987. №2.
33. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // *Социологические исследования*. 2012. №1.
34. Собственность на землю в России: история и современность. - М., 2002.
35. Сущенко А.В. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации. Сер. XIX в. – XX в. - Ростов-на-Дону, 2011.
36. Терехов В.С. Рекруты великой идеи: техн. специалисты в период сталин. Модернизации. - Екатеринбург, 2003.
37. Традиции и опыт российского предпринимательства. История и современность. - М.-Волгоград, 1997.
38. Шаттенберг С. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. - М., 2011.
39. Явлинский Г.А. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) / Г.А. Явлинский, А.В. Космынин / *Мир России*. 2011. №2.

Специфика организации рабочих мест руководителей в современных российских кредитно-финансовых организациях

Коргова М.А., Семенова Э.Х.

В эффективных организациях мира с передовой системой менеджмента научная организация труда и эргономика рассматриваются как неотъемлемые составляющие успеха, результативности и своеобразный маркер действенной системы управления. Чем эффективнее система управления организацией, тем больше внимания в ней уделяется соответствующей организации труда.

Руководитель банковской организации сегодня является активным участником трудового процесса, а уровень его профессиональной готовности рассматривается как фактор результативности деятельности банка. Логично, что эффективность трудовых операций и уровень его работоспособности зависит от качества организации рабочего места и условий труда.

Ключевые слова: социология, социология управления, кадровый менеджмент, банковская деятельность, экономика, рабочее место, менеджмент организации, организация труда, эффективность, конкурентоспособность, эргономика.

Korgova M. A., Semenova E. H.

Specifics of the organization of workplaces of heads in the modern Russian credit and financial organizations

This article is about the effective world organizations with the advanced system of management scientific job management and ergonomics which are considered as the integral components of success, effectiveness and a peculiar marker of an efficient management system. The management system of the organization is more effective when more attention in it is paid to the corresponding job management.

The head of banking organization is an active participant of labor process today, and the level of its professional readiness is considered as a factor of effectiveness of activities of bank. It is logical that efficiency of labor transactions and level of its working capacity depends on quality of the organization of a workplace and working conditions/

Keywords: sociology, sociology of management, personnel management, banking activity, economy, workplace, management of the organization, job management, efficiency, competitiveness, ergonomics.

В эффективных организациях мира с передовой системой менеджмента научная организация труда и эргономика рассматриваются как неотъемлемые составляющие успеха, результативности и своеобразный маркер действенной системы управления. Чем эффективнее система управления организацией, тем больше внимания в ней уделяется соответствующей организации труда.

Отечественная эргономика как таковая на практике слабо связывается с понятиями «эффективность деятельности» и «управленческая эффективность», хотя передовой мировой опыт убедительно свидетельствует, что данные понятия взаимообусловлены и взаимосвязаны. Анализируя состояние отечественной эргономики, можно отметить, что в качестве преобладающего подхода к организации и оценке рабочих мест, в частности руководителей банковских организаций, в доминанте используются сложившиеся в период административно-командной системы методики и технологии, носящие в большей степени «технократический» характер. Более того, большинство рекомендаций в данном направлении носят обобщающий характер, относятся преимущественно к производственной сфере труда и не отличаются высоким уровнем адаптивности к тем или иным специфическим сферам деятельности (например, сфере банковских услуг). [5:16-17]. Следовательно, отечественная система организации рабочего места руководителя должна быть оптимизирована в первую очередь с позиции учета специфики его деятельности в условиях конкретного сектора экономики и исходя из следующих параметров:

- рациональное использование производственных площадей при организации рабочего места;
- оптимальность временных затрат на выполнение основных производственных операций;

- возможность группировки трудовых операций в рамках одного рабочего места;
- уровень производительности труда в условиях рабочего места;
- организационно-техническая целесообразность рабочего места;
- комплексность/учетность санитарно-гигиенических норм, психофизиологических условий и эстетической составляющей при организации условий труда.

Руководитель банковской организации сегодня является активным участником трудового процесса, а уровень его профессиональной готовности рассматривается как фактор результативности деятельности банка. Логично, что эффективность трудовых операций и уровень его работоспособности зависит от качества организации рабочего места и условий труда.

Мы выявили особенности труда руководителей банковской сферы по методике CMQ (Common-Metric System), согласно которой любой труд базируется на четырех главных категориях: межличностные отношения, принятие решений, физические и механические характеристики трудовой деятельности, контекст труда (внутренняя и внешняя среда организации), что позволяет нам и в итоге увязать между собой тесным образом эргономические показатели и показатели эффективности управленческой деятельности.

Труд руководителя банковской сферы в отношении первой категории характеризуется достаточно активными внутренними контактами с персоналом и вышестоящими органами, наличием в деятельности руководителя значительного числа переговорных процессов разного уровня, активных публичных выступлений, а также совещательных мероприятий различного масштаба (начиная от инструктивных и оперативных и заканчивая советами директоров). [2:36-41]

Относительно второй категории можно заметить, что в компетенцию руководителя банковской сферы входит принятие решений разного уровня и порядка – кадровых, финансовых, стратегических, ориентированных на краткосрочную или долгосрочную перспективу, – что требует от руководителя наличия менеджерских способностей, глубоких профессиональных знаний, навыков прогнозирования, инновирования и т.п.

В контексте третьей категории следует отметить информационный характер непосредственного предмета и продукта труда руководителя банковской сферы. Так, большей частью банковский служащий в своей деятельности опирается на соответствующую документационную базу и имеет дело с ежедневным оформлением определенных типов документов. Результаты труда руководителей банковской сферы в целом же оцениваются не только по количественным показателям обработанных или созданных документов, но и по степени влияния этих деловых бумаг на деятельность подразделения или всей организации. Иными словами, банковский служащий активно работает с людьми, предметом его труда при этом становится также информация, поступающая от клиентов, партнеров, внешней среды и передаваемая обратно.

Говоря о контексте труда банковских руководителей, обусловленном информационным характером предмета и продукта его деятельности, следует отметить как его специфическую особенность преобладание умственных/интеллектуальных операций над физическими, что делает трудовую деятельность эмоционально насыщенной и напряженной. Можно с уверенностью сказать, что банковский служащий работает в условиях высокой стрессогенности и подвижности/нестабильности внешней среды. Данное обстоятельство автоматически повышает также степень персональной ответственности руководителя банковской структуры за результаты принимаемых управленческих решений и результаты собственной деятельности и деятельности организации в целом. [1:24]

Выделенные нами оценочные параметры, выявленные специфические особенности банковской сферы услуг и деятельности руководителей организаций данного типа позволили перейти к практической части исследования, реализуемой в несколько этапов.

В качестве исследовательского объекта нами были выбраны десять банковских офисов, территориально располагающихся в г. Пятигорске: Бинбанк ПАО, Возрождение ПАО, Банк ВТБ 24 ПАО, Евроситибанк ПАО, Московский индустриальный банк ПАО, Газпромбанк ПАО, МДМ банк ПАО, Райффайзенбанк АО, Россельхозбанк АО, Сбербанк ПАО.

На первом этапе методом наблюдения и личной оценки рабочих кабинетов руководите-

лей вышеозначенных структур были выявлены следующие проблемные зоны эргономического порядка:

- в ряде офисов отмечено нерациональное использование производственных площадей предприятия/организации в процессе формирования рабочих мест (в 4 случаях из 10);

- в некоторых рабочих кабинетах отсутствует четкое зонирование, предполагающее выделение в обязательном порядке зоны официального, полуофициального и неофициального общения (в 3 случаях из 10);

- в ряде случаев отмечено нарушение санитарно-эпидемиологических норм организации РМ, в частности низкий уровень шумоизоляции, неверный уровень освещения, плохая проветриваемость помещений и т.п., что в целом снижает эффективность работы (в 6 случаях из 10);

- практически все рабочие места руководящего состава оснащены соответствующей техникой, но не всегда отвечающей требованиям современности и позволяющей с наибольшей продуктивностью и минимальными временными затратами выполнять рабочие функции (в 3 случаях из 10);

- инвентарное оснащение рабочих кабинетов руководителей в большей части не вызывает замечаний, поскольку весь необходимый инструментарий (пишущие принадлежности, папки, канцелярские принадлежности, органайзеры и т.д.) присутствует; однако в ряде случаев инвентарь на рабочем месте расположен хаотично, за пределами зоны досягаемости, что приводит к дополнительным временным затратам и усилиям (в 4 случаях из 10);

- у отдельных руководителей на поверхности стола отмечено наличие лишних предметов, не имеющих прямого отношения к рабочим функциям, тем самым скрадывающих часть рабочего пространства и отвлекающих внимание; это же замечание касается и наличия на рабочих столах большого количества деловых бумаг, что приводит к загромождению рабочих поверхностей (в 6 случаях из 10);

- определенные вопросы возникают в отношении меблирования кабинетов, что в основном связано либо с невысоким качеством и неудобством в частности рабочих столов и кресел, либо с неоптимальным объемом шкафов и рабочих поверхностей, либо с затрудненным движением работника в направлении необхо-

димой рабочей зоны (например, отсутствие мобильных кресел за рабочим столом руководителя) (в 4 случаях из 10);

- процессы создания и организации рабочих мест не всегда сопряжены с требованиями учета антропометрических и социально-психологических характеристик специалиста (в 5 случаях из 10);

- в отдельных случаях отмечены нарушения дизайнерско-эстетического порядка, снижающие эффект визуального имиджа рабочего кабинета руководителя (в 4 случаях из 10). [6:44]

Таким образом, по итогам предварительных наблюдений выявленные нами недочеты в организации рабочего места можно подразделить на нарушения экономического порядка, снижающие производительность труда руководителя; организационного плана, связанные с оптимальным оснащением и обслуживанием рабочих мест необходимыми материалами; технической направленности, связанные с обеспечением рабочего места руководителя прогрессивной оргтехникой и техническими программами, а также нарушения антропометрического и эстетического порядка, что связано в первую очередь с игнорированием принципа индивидуального подхода к организации рабочего места руководителя и необходимости соблюдения ключевых норм эстетики рабочего пространства, что имеет под собой также психологический подтекст. [3:61]

На втором этапе исследования для подтверждения объективности означенных ранее проблем было проведено анкетирование руководителей анализируемых нами банковских организаций. Разработанная нами анкета в качестве ожидаемого результата дает статическое представление (в результате однократного анкетирования) о положении дел в конкретно анализируемых структурах с позиции эргономического и управленческого аспектов. Более того, искомый метод, равно как и интервью, позволяет получить конкретные данные от первого лица. Объективность выбранных методик подтверждается еще и тем фактом, что в 80е годы XX века в медицинской практике был зафиксирован так называемый «синдром нездорового помещения», обусловленный неверной организацией рабочего места, сложившейся по описанию самих участников рабочих процессов, которые стали жаловаться на систематическую

головную боль, снижение работоспособности, ухудшение зрения и т.д.

В анкетировании приняли участие руководители вышеозначенных офисов общим количеством 10 человек (из них: 7 мужчин, 3 женщины). Все анкетированные имеют высшее образование, систематически проходят повышение квалификации и имеют опыт работы на руководящей должности не менее 5 лет. Средний возраст респондентов – 52 года.

На вопрос «Устраивает ли Вас организация рабочего места в целом? Считаете ли Вы ее целесообразной?» 6 из 10 респондентов ответили, что рабочее место их удовлетворяет, однако определенное количество времени было затрачено на приспособление к рабочим условиям, поскольку данные рабочие места проектировались под предыдущих топ-менеджеров и «достались» действующим руководителям уже в готовом виде; 4 из 10 респондентов однозначно не довольны обустройством рабочего места по ряду причин, в числе которых выделяются в первую очередь организационно-технические замечания и невозможность глобальной реорганизации РМ в силу недостаточной площади рабочего кабинета или его специфической геометрии; при этом 4 руководителя из 10 выразили сомнения в целесообразности размещения на территории своего рабочего кабинета стола для совещаний, поскольку считают более рациональным проведение совещательных мероприятий в специально отведенном для этого помещении.

В оценке окружающей обстановки на рабочем месте показатели распределились следующим образом:

- освещение на РМ оценили как отличное 2 человека, неудовлетворительное – 3 человека, в целом признали удовлетворительным – 5 человек;

- в такой же последовательности распределились показатели относительно вентиляции в рабочем помещении и комфортабельности мебелировки;

- температурный режим в помещении оценили как отличный – 3 человека, как удовлетворительный – 7 человек;

- шумоизоляцию рабочего кабинета на отлично оценили 4 человека, неудовлетворительную оценку дали 2 человека, удовлетворительную – 4 человека из 10 опрошенных.

Ответы на вопрос о наличии нежелательных факторов в условиях микроклимата рабочего кабинета распределились следующим образом:

- реже всего руководители анализируемых нами организаций сталкиваются в пределах своего рабочего места с такими негативными факторами, как пыль, грязь, вредные выхлопы, запахи, сырость;

- от случая к случаю могут возникать жалобы со стороны руководителей на перепады температурного режима в кабинете (холод/жара), что отмечается большей частью в период межсезонья или в условиях невозможности использования сплит-систем для обогрева помещений (минусовая температура воздуха во внешней среде ниже 5°C);

- определенные замечания были высказаны относительно шумоизоляции помещений (в 6 случаях из 10).

На вопрос о том, сталкиваются ли руководители с негативными симптомами, в итоге свидетельствующими о неверно организованной рабочей обстановке, перегрузках и возможном стрессе, 2 руководителя из 10 отметили наличие практически всего объема заявленной симптоматики (головные боли, быстрая утомляемость в целом, боли в позвоночнике, отеки конечностей и т.д.); 6 из 10 опрошенных особенно жаловались на усталость глаз, дискомфорт в области плечевого пояса и поясницы, периодические головные боли; 2 из 10 респондентов указали на низкую периодичность означенных симптомов, акцентируя внимание только на усталости глаз и последствиях статической рабочей позы.

На вопрос о наличии желания и возможностей что-либо изменить в пределах РМ 1 из руководителей высказал практически полное удовлетворение своим рабочим местом, за исключением желания более активного технического обновления компьютерной техники; 7 человек из 10 опрошенных высказали пожелания в отношении в первую очередь обновления мебелировки в рабочем помещении, оптимизации рабочих поверхностей и поверхностей для хранения (дополнительные шкафы или специально предназначенные для размещения рабочих бумаг настольные папки/полки и т.д.), а также желание осуществить общую перестановку в пределах рабочего кабинета в целях его более

четкого зонирования, однако на данный момент руководители не имеют финансовых и организационно-технических возможностей для реорганизации сложившейся ситуации; 2 руководителя из 10 опрошенных высказали категорическую неудовлетворенность рабочим местом, что имеет отношение как к соблюдению организационно-технических, так и санитарно-эпидемиологических норм организации труда, по ранее означенным коллегами причинами полноценные изменения ситуации в теперешних условиях не представляются возможными.

На вопрос о существовании на предприятии карты организации труда или паспорта рабочего места все руководители ответили отрицательно, хотя общие представления о документах подобного типа у топ-менеджеров все-таки имеются.

На следующий вопрос о существовании на предприятии отдельного подразделения/специалиста для плановой организации и обновления рабочего места все руководители так же ответили отрицательно, указав в дополнительных комментариях к ответу, что при организации РМ руководствовались большей частью собственными запросами, а также прибегали к помощи офис-дизайнера (3 руководителя из 10); большая часть руководителей (7 из 10) акцентировали внимание в дополнении к ответу на вопрос на том факте, что практически не принимали участия в организации собственного рабочего места, изменив после своих предшественников лишь отдельные детали кабинета.

Логично, что отсутствие нормативных документов, позволяющих проектировать рабочие места в первую очередь в соответствии с требованиями НОТ, а также отдельных групп специалистов, отвечающих за этот фронт работ, объясняет и отсутствие аттестационных процедур рабочего места в анализируемых нами организациях.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы и обобщения:

- большинство недочетов, отмеченных нами на рабочих местах руководителей банковских офисов обусловлены несоблюдением определенных основ научной организации труда и отсутствием соответствующих внутриорганизационных документов, стандартизирующих подходы к организации РМ в условиях банковского сектора, то есть с учетом его специфики;

- с позиции НОТ проектирование всех рабочих процессов должно решать как минимум три группы задач – экономических (повышение результативности труда, экономия ресурсов), психофизиологических (гармонизация производственных нагрузок, снижение нервно-психического напряжения, оздоровление в целом производственной среды), социальных (обогащение содержания труда, повышение его престижности), успешность разрешения которых во многом обусловлена качеством организации рабочего места руководителя; как показали результаты нашего исследования, анализируемые рабочие места не в полной мере способствуют решению вышеозначенных задач и в ряде случаев требуют скорейшей оптимизации условий труда топ-менеджеров;

- основными издержками некачественной организации рабочего места руководителя в нашем случае выступают временные потери, психоэмоциональная дестабилизация, снижение производительности труда и мотивации к более качественному выполнению рабочих функций, а также потери имиджевого характера, что в целом свидетельствует о несоблюдении количественных и качественных характеристик эффективного рабочего места;

- установлена также определенная зависимость результативности процесса организации рабочего места руководителя от эффективности менеджмента организации, что позволяет утверждать следующее: в банковских организациях с высокой экономической и управленческой эффективностью серьезное внимание уделяется и научной организации труда как логичной составляющей системы управления организацией в целом; в банковских структурах с невысоким уровнем управленческой и экономической эффективности страдают и процессы плановой организации рабочих мест в целом и РМ руководителей в частности.

По итогам проведенного анализа нами были выделены из числа анализируемых банковские структуры, занимающие лидирующие позиции как с точки зрения общей эффективности деятельности, так и с позиции эргономики, банки-аутсайдеры, а также организации банковской сферы, занимающие так называемое промежуточное положение, стремящиеся к идеальному балансу между общей эффективностью деятельности и ее эргономической составляющей, но

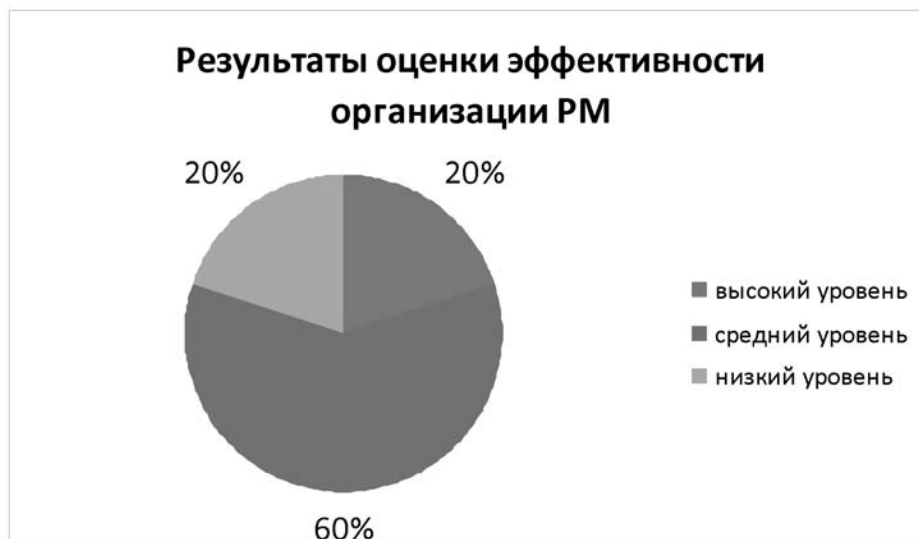

Рис. 1. Результаты оценки эффективности организации рабочих мест

на практике не реализующие полный цикл организации РМ, в частности соответствующую его оценку, реорганизацию и обновление. [7: 115]

Схематично результаты проведенного анализа можно представить следующим образом (рис. 1).

Таким образом, к банкам-лидерам, демонстрирующим высокий уровень эффективности и строгий подход к эргономике рабочего пространства руководителя нами были отнесены Сбербанк России и Банк ВТБ 24; к группе банков, занимающих промежуточную позицию и демонстрирующих удовлетворительный уровень эффективности с позитивной динамикой роста были отнесены Газпромбанк, Евроситибанк, МДМ банк, Московский индустриальный банк, Райффайзенбанк, Россельхозбанк; к группе банков с низкими показателями эффективности и несоответствующим подходом к научной организации труда в целом и организации рабочего места руководителя были отнесены Бинбанк и Возрождение.

Полученные результаты послужили основанием для разработки соответствующих рекомендаций по оптимизации сложившейся ситуации в контексте устранения имеющихся пробелов и проблем, а также обозначения перспектив даль-

нейшего развития эргономической составляющей в общей профессиональной деятельности организаций и структур любого типа.

Литература

1. Даниляк В.И. Человеческий фактор в управлении качеством: инновационный подход к управлению эргономичностью: учеб. пособие. М: изд-во «Логос», 2011. 332 с.
2. Коргова М.А. Менеджмент. Краткий курс: Учебное пособие/ М.А. Коргова. – Ростов – н/д: Феникс, 2008. – 378с.
3. Коргова М.А. Кадровый менеджмент: Учебное пособие/ М.А. Коргова. – Ростов – н/д: Феникс, 2007. – 456с.
4. Папкин, А.И. Основы практического менеджмента /А.И. Папкин. - ЮНИТИ - ДАНА, 2000. – 288 с.
5. Персональный менеджмент /С.Д. Резник, С.Н. Соколов, Ф.Е. Удалов, В.В. Бондаренко. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 622 с.
6. Растимениш, В.Е. Упорядочение. Путь к созданию качественного рабочего места / В.Е. Растимешин, Т.М. Куприянова. – М.: изд-во РИА стандарты и качество, 2005. – 174 с.
7. Яккока, Ли. Карьера менеджера / Ли Яккока. – М.: изд-во Попурри, 2002. – 426 с.

Условия труда и быта фабричных рабочих дореволюционной России: исследование Е.М.Дементьева

Кравченко А.И.

В круг интересов русского статистика Е.М.Дементьева попадают вопросы содержания и условий труда, профессиональной квалификации, производственного травматизма и заболеваний, трудовых конфликтов, гигиены и быта рабочих, а также организации труда. Е.М.Дементьева дает анализ истоков и социального происхождения фабричных рабочих, рассматривает проблемы оплаты труда и условия найма, продолжительность рабочего дня и ночную работу, условия питания (харчевания) рабочих и деятельность фабричных лавок, семейный бюджет и систему штрафов. Исследование 19,6 тыс. рабочих Московской губернии показало, что по условиям труда и быта российский пролетариат находился в худшем положении, чем европейские рабочие. Е.М.Дементьев, как и многие другие ученые в то время, считал промышленные фабрики рассадниками социального зла, болезней, преступности и моральной деградации населения. Ключевые слова: условия фабричного труда, прикрепление рабочих к фабрике, жилые помещения, фонд рабочего времени, режим и оплата труда, здоровье рабочих.

Kravchenko A.I.

Research E.M.Dementev working and living conditions of factory workers of pre-revolutionary Russia
The range of interests of the Russian statistics E.M.Dementev fall issues of content and working conditions, professional qualifications, occupational injuries and diseases, labor conflicts, health and living conditions of workers and labor organizations. E.M.Dementeva gives an analysis of the origins and social background of factory workers, considering the problem of payment of labor and conditions of employment, hours of work and night work, the conditions of supply (harchevaniya) business activity and factory shops, family budget and penalties system. Survey 19.6 thousand. Workers Moscow province showed that the working conditions and life of the Russian proletariat was in a worse position than European workers. E.M.Dementev, like many other scientists at the time believed the industrial plant breeding grounds of social evil, disease, crime and moral degradation of the population.

Key words: conditions of factory labor, the attachment of workers to the factory premises, fund of working time, and mode of payment of labor, workers' health.

Русский врач и общественный деятель Евстафий Михайлович Дементьев (1850-1918) считается одним из основоположников санитарной статистики в России. Но, кроме того, он еще и фабричный инспектор. Это, пожалуй, самое главное, так как именно эта категория исследователей открыла стране и миру темные стороны промышленного труда в пореформенной России: эксплуатацию малолетних, жизнь в переполненных коморках, питание впроголодь, труд до изнеможения. В период с 1879 по 1885 г. вместе с Ф.Ф.Эрисманом и А.В. Погожевым проводил обследование санитарного состояния фабрик и заводов Московской губернии [3]. В 1882-1884 гг. Дементьев участвовал в первом обследовании санитарного состояния фабрик и заводов Московской губернии, с 1891 г. трудился в качестве фабричного инспектора в Петербурге¹.

Исследование образа жизни и условий труда рабочих конца XIX – начала XX века, как их очевидцы, проводили многие русские ученые, в том числе Ф.Ф.Эрисман, В.В.Святловский, А.В. Погожев, С.Н.Прокопович, М.С.Балабанов, В.И.-Семевский, И.М.Шапошников, К.А.Пахитнов, Е.М.Дементьев. В наши дни этой проблемой занимались Ю.И.Кирьянов, А.И.Кравченко, Э.Э.Крузе, Ю.В.Посвятенко и др. Однако деятельности Е.М.Дементьева, на наш взгляд, уделено пока еще недостаточное внимание.

Две его книги [1; 2] о русской фабрике практически сразу стали отечественной классикой. Проведенное в 1884-85 годах по заданию Московского Губернского Земства обследование санитарного состояния русских фабрик содержало обширные эмпирические данные по трем промышленным уездам Московской губернии: Серпуховскому, Коломенскому и Бронницкому. По существу изучен центральный промышленный регион России. В этом заключается особая ценность полученных ученым материалов, поскольку другое известное обследование фабричной промышленности, проведенное В.В.

Святловским в 1884-1888 гг., касалось Харьковского и Варшавского округов.

В книгу вошел широкий круг вопросов, которые традиционно относят к компетенции социологии труда и экономической социологии: связь фабричных рабочих с земледелием, сокращение численности рабочих на фабриках летом, влияние ручного и механического производства на сохранение связи с земледелием, месторождение рабочих и некрестьянские прослойки, особенности формирования класса фабричных рабочих, режим труда и его интенсивность, ночная и сменная работа, сверхурочная работа, размер и виды заработной платы фабричных рабочих, влияние условий труда на здоровье населения и др. По широте охвата различных сторон фабричной жизни и положения рабочих с исследованием Е.М.Дементьева, пожалуй, не может соперничать ни одно современное исследование.

Связь с землей и отход на полевые работы

В литературе, пишет в начале своей книги Е.М.Дементьев, устоялось мнение, что наши рабочие в значительной своей части есть полужемледельцы, труд на фабрике – дополнительный, а не основной источник семейного дохода, подобно тому как им являются кустарные и отхожие промыслы. Исследование фабрик Московской губернии проводилось с целью доказать или опровергнуть такое мнение. Эмпирическим индикатором, позволявшим предшественникам судить о нерабочем характере русских промышленных рабочих, выступал значительный отток рабочей силы из городов в деревню с наступлением лета. Ясно было, что рабочие уходят на полевые работы. А если это так, то сохранение крестьянского хозяйства не делает рабочих в полной мере таковыми. Собранные Е.М.Дементьевым данные позволили отчасти опровергнуть заблуждение, а точнее ограничить мнение о сезонном характере рабочей силы в промышленности сферой ручного производства: в кустарном и ручном производстве, например, на ткацких фабриках, где сохранились еще патриархальные порядки, рабочие действительно покидают предприятие для полевых работ, но фабричная система, основанная на машинном производстве и предполагающая непрерывный цикл работ, лишена этого

недостатка. Приостановка производства на последних связана не с сезонным оттоком рабочей силы в деревню, а с колебаниями спроса и предложения на фабричную продукцию: когда она не получает сбыта, фабрика переходит на односменную работу, но с расширением сбыта возвращается к двухсменной. Механические фабрики не страдают от ухода людей на полевые работы еще и потому, что узкоспециализированное производство позволяет быстро найти замену убывшему в деревню рабочему.

Проведя «поголовный опрос» всех рабочих Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов «мужского пола всех возрастов», Е.М.Дементьев пытался выяснить, на первой стадии обследования, два обстоятельства: 1) уходят ли они летом на полевые или иные работы (либо просто на отдых домой) и на какое время; 2) чем занимались их отцы, не были ли они фабричными рабочими и в каком именно занятии. В ходе построения программы Е.М.Дементьев выдвинул гипотезу о связи оттока рабочей силы и характера труда, а затем ее полностью подтвердил: «априорно можно предполагать, что различные фабричные занятия, требующие от рабочих различной степени специализации, не могут не оказывать существенного влияния на сохранение ими связи с землей. И действительно, наши данные показывают, что занятия имеют в этом отношении первенствующее значение» [1, с. 4].

О генеральной совокупности всего исследования Е.М.Дементьев ничего не говорит, но сообщает число рабочих, к которым относятся собранные данные по конкретному вопросу. В частности, по первым двум вопросам число рабочих, которые были, видимо, опрошены (поскольку упоминается «поголовный опрос»), составляло около 20 тыс. (19616 человек). Е.М.Дементьев не употребляет термин «осмотр» как самостоятельный методический прием, но указывает на то, что он, как и В.В.Святловский, все делал «лично». Судя по результатам исследования, у Е.М.Дементьева накопились данные не только опроса, но и «осмотра» рабочих помещений и жилищ. По всей видимости, под словом «осмотр» надо понимать, выражаясь современной терминологией, неформализованное и нестандартизированное наблюдение, результаты которого могут фиксироваться в статистической и дневниковой формах.

Объем ручной работы при обработке эмпирических данных поражает. Так, например, Е.М. Дементьев строит подробные таблицы для каждого вида работ, где наряду с уже указанными признаками заведена дробная спецификация работ. В частности, рабочие, обрабатывающие не волокнистые вещества, расчленяются на группы рабочих в а) отбельных, б) красильнях, в) промывных, г) сукновальных, и по каждому приводятся данные с разбивкой на возрастные категории (от 14 лет и старше, от 18 лет и старше), абсолютное и относительное число уходящих на полевые работы. Спрашивается, зачем ему все это понадобилось. Оказывается, Е.М. Дементьев обнаружил огромное различие между этими рабочими на механических и на ручных фабриках, поэтому каждую профессиональную категорию он разделил по характеру производства на несколько частей. Подробнейшим образом, и не только относительно летнего ухода с фабрики, он описывает положение дел в каждой профессиональной группе рабочих — у красильщиков и набойщиков, возчиков, кочегаров и сторожей, дровколов и дровозовов, портных и шорников, чугуно- и меднолитейщиков, маляров, кровельщиков и стекольщиков, медников, паяльщиков, наводильщиков, чеканщиков, валичников, кузнецов и молотобойцев, слесарей, столяров и плотников, паровщиков и смазчиков приводов, строгальщиков, сверлильщиков, долбежников, винторезов, токарей, граверов и других специальностей.

Выяснилось, что общая доля уходящих на полевые работы колеблется от 12 до 18%. Наибольший отток дают мелкие кустарные фабрики: 30,7% рабочих летом бросает фабрики. Второе место занимают прядельные и ткацкие фабрики (19,7%); третье место (12,2%) — рабочие красильных, отбельных и ситценабивных фабрик. Е.М. Дементьев приходит к выводу: «во-первых, что с фабриками, работающими механической силой, неразрывно связано отчуждение рабочих от земли; во-вторых, что на тех же работающих механической силой фабриках это отчуждение тем значительнее, чем большую специализацию представляет то или другое занятие» [1, с. 11]. Им была доказана зависимость оттока рабочих на полевые работы от типа производства. Между уроженцами разных губерний — Московской, Рязанской, Калужской, Тульской и других — не обнаружено значительных рас-

хождений: величина оттока колебалась от 13 до 16%. Таким образом, месторождение не влияет на интенсивность ухода рабочих на полевые работы. Для обоснования своего вывода русскому ученому потребовалось около 15 страниц книжного текста и около 10 новых таблиц, в которых он сочетал самые разные переменные, тщательнейшим образом отслеживая их поведение и силу влияния. В частности, несколько таблиц пришлось строить для проверки дополнительной гипотезы о возможном влиянии на отток кадров сословной принадлежности респондентов. Но и подключение новой переменной не изменило первоначального вывода о решающей роли типа производства: «важнейшая причина, заставляющая фабричных рабочих прерывать свою связь с землей, это — переход от ручного производства на механическое» [1, с. 25]. Даже продолжительность срока, на который рабочие отрываются от фабрики и уходят в деревню, прямо корреспондирует с видом занятий.

Как можно судить по эмпирическим данным, пришлые рабочие «гораздо менее порвали свою связь с землей в том смысле, что отдают ей гораздо больше времени в году, чем местные. Едва ли здесь влияет только затруднительность длинных переездов, волей-неволей заставляющая удлинять срок пребывания рабочего в деревне, раз он решился уйти с фабрики; причиной этого явления скорее можно предполагать земледельческий характер населения, не разрушенный еще пока отдаленной фабрикой, на которую эти пришлые рабочие смотрят лишь как на источник заработка в свободное от полевых работ время. Этим, вероятно, и объясняется, что пришлых из соседних Рязанской, Тульской и Калужской губерний, «степных», как их называют на фабриках, мы встречаем предпочтительно на черных работах или на таких, которые допускают летний перерыв гораздо легче, чем занятия по механическому производству» [1, с. 32]. Обобщив эмпирический материал, ученый приходит к выводу о том, что машинное производство играет двоякую роль: во-первых, оно представляет собой вершину эволюции общественного производства в целом, когда небольшая кустарная фабрика, разрастаясь, постепенно превращается в среднее, а затем и в крупное индустриальное предприятие; во-вторых, оно отчуждает крестьянина от земли в го-

раздо большей степени, чем ручное производство, тем самым ускоряя процесс втягивания всего населения в орбиту товарно-денежных отношений и капитализма. Далее он утверждает: «Переход ручного производства на механическое и неразрывно связанная с ним концентрация его в крупные промышленные учреждения тотчас разобщает рабочих с землей настолько, что рабочие, уходящие на полевые работы, составляют здесь лишь исключение... Нет сомнения, конечно, что известное число фабричных рабочих составляют крестьяне безземельные; но один рост фабричной промышленности показывает уже, что пополнение первоначального кадра рабочих должно было происходить во всяком случае извне, т.е. из среды крестьян-земледельцев». Статистика показывает, что «в период с 1840 по 1885 г. фабричная промышленность в Московской губернии росла чрезвычайно быстро. По тем трем уездам, к которым относится наше исследование, эти данные выражаются в следующих цифрах: число фабрик возросло на 70%, а рабочих — почти втрое. Одновременно с общим ростом фабричной промышленности шел процесс замены ручного труда механическим, сделавший особенно быстрые успехи в последние 20 лет, и - как неизбежное его последствие - концентрация фабричного производства, замены мелких фабрик крупными мануфактурами. Число рабочих росло гораздо быстрее числа фабрик, и если в 1843 г. на каждую фабрику приходилось 90 рабочих, то в настоящее время их приходится уже 155... Механические фабрики стремились... выработать для себя специально фабричных рабочих, ибо вести работу прежним порядком, 8 месяцев в году или даже только полгода, им было совсем невыгодно» [1, с. 37-38].

Прикрепление рабочих к фабрике и рабочие жилища

Решению кадровой задачи помогала земельная необеспеченность, иными словами, чем меньше земли было у крестьян, тем больше рабочей силы прибывало на фабрики. Таким образом, русские предприниматели были заинтересованы в обезземеливании русских крестьян, точно так же как в свое время английские предприниматели были заинтересованы в обезземеливании английских крестьян. Но, получив канал пополнения рабочей силы, т.е. решив чи-

сто количественную задачу, русской буржуазии надо было решить еще и качественную, т.е. получить постоянный, работающий с максимальной отдачей, персонал. С этой целью внедрялись всевозможные меры закрепления крестьян на фабрике, как много раньше вводились не менее жесткие законодательные меры по прикреплению крестьян к земле. О принудительном закреплении рабочих за фабриками Е.М. Дементьев пишет так: «Еще и теперь по некоторым производствам сохранился обычай давать более высокую плату с Пасхи до октября, чтобы удержать рабочих при фабрике. Но замечательно, что для тех групп рабочих, которые дают наименьшее число уходящих на полевые работы, этого уже не встречается, - фабрики, очевидно, уже выработали себе специальных рабочих и заставили уже их забыть землю. Примером мероприятий другого рода могут служить стеснения, которые ставятся в этом направлении на фарфоровых фабриках... т.е. обязательство рабочего поставить, в случае ухода на полевые работы, заместителя» [1, с. 38]. Закреплению кадров за предприятием помогают такие меры, как устройство при фабриках бесплатного казенного жилья — явление, известное только в России, поскольку на Западе жилые помещения для рабочих представляют всегда нечто отдельное от фабрики (рабочие нанимают квартиры у любого хозяина).

Причины Е.М.Дементьев видит следующие: преобладание сельского характера жизни в населенных местах над городским и распространенность мелкого производства. Почти на всех мелких фабриках рабочие принадлежат к числу жителей того селения, где находится фабрика, или селений, ближайших к нему; поэтому все рабочие здесь - приходящие, ежедневно возвращающиеся на ночь к себе домой. Часть рабочих, из отдаленных деревень, остается ночевать на фабрике, располагаясь кое-как в мастерских, где работает; такие рабочие возвращаются домой только на праздничные дни. Таким образом, мелкие фабрики питаются местными рабочими, для которых не нужно строить жилье — они живут в ближайших селениях. На крупных фабриках с ручным производством (бумаго-, шерсто- и шелкоткацкие) велик удельный вес пришлых рабочих, которые «живут в мастерских: в ткацких, в сновальных и т.д., располагаясь на полу, на верстаках или на станах, на станови-

ны которых кладутся доски, так что образуется нечто вроде полостей... Здесь ткачихи убаюкивают своих несчастных детей в люльках, подвешенных к потолку в проходах между рядами станков». Переход от ручного производства к механическому и сопутствующий ему переход от дневной работы в одну смену на двухсменную в течение целых суток делает ночевку рабочих в мастерских уже немыслимой. Такой режим труда вынуждает предпринимателей строить рабочим возле фабрики специальное жилье в виде громадных многоэтажных казарм, поэтому преобладающее большинство рабочих живет на самих фабриках.

Отсутствие жилых помещений при фабрике служит препятствием к применению женского и детского труда. Когда появляется фабричное жилье, пришлые рабочие немедленно перетаскивают из деревни свои семьи, а фабриканты не возражают потому, что получают возможность использовать более дешевый труд. Таким образом, строительство казенного жилья и вслед за этим привлечение вторых членов семьи выступает эффективным и, как оказалось на практике, недорогим способом прикрепления крестьян к фабрике. Обремененный семьей пришлый рабочий менее мобилен, более исполнительен. Из него лучше формировать постоянный контингент и вкладывать деньги в систему производственного обучения. Обучать своих рабочих, опасаясь того, что они в любой момент могут перейти на другое предприятие, невыгодно. До тех пор рабочий на фабрике один, а семья находится в деревне, его связь с землей еще не потеряна. Семья остается магнитом, притягивающим его в деревню. Он нуждается в ней, но и семья нуждается в нем, так как семье, у которой единственный крестьянин-пахарь ушел в город и стал фабричным рабочим, нечем жить. Низкий заработок на фабрике не позволяет рабочему содержать семью в деревне, но и семья, оставшись без крестьянина-кормильца, не может очень многим помочь своему главе. Держать же семью при себе на фабрике, где нет специальных казарм, тоже почти невозможно. Вот почему приходится разрываться между городом и деревней, оставаясь полу-рабочим, полу-крестьянином. И в деревне семью оставлять нельзя, и в городе ей места нет. Кроме того, он понимает, что перевезти семью ближе к фабрике, значит позволить эксплуатировать

труд жены и детей. Если это произошло, и вся семья обосновалась на фабрике, связь с землей окончательно порывается и все последующие поколения становятся фабричными рабочими.

Для выяснения социального происхождения рабочего класса Е.М.Дементьев использовал социологическую процедуру: «мы опрашивали каждого рабочего мужского пола, кто был его отец, и чем он занимался... Из 18.576 рабочих (кроме рогожников) мужского пола всех сословий и всех возрастов - 55% оказались имеющими отцов, работавших или работающих на фабриках на различных занятиях. Наибольший процент рабочих, имеющих отцами фабричных же (70,5) падает на группу рабочих, обрабатывающих волокнистые вещества, наименьший же (15%), как и следовало ожидать, на рабочих общей службы, т. е. чернорабочих, возчиков, сторожей и кочегаров. Вообще больший процент падает на те именно группы занятий, в которых наиболее применяется механический труд, и, наоборот, чем большее значение в занятиях имеет труд ручной, тем меньше и процент рабочих, имеющих отцами фабричных. А мы должны заметить притом, что «фабричными» нами считались лишь те отцы, которые буквально работали на фабриках, следовательно в их счет нами не вводились все те, которые занимались каким-либо ремеслом вне фабрики или каким-либо кустарным производством.... Наименьший процент таких рабочих (29,5%) дают старики, но чем моложе возраст, тем больше среди рабочих таких, у которых отцы принадлежат или принадлежали к фабричным рабочим, и наибольший процент их мы находим среди детей и подростков 12-17 лет (62,4-64,1). Это прямо указывает на возрастание количества рабочих этого рода, и цифры еще раз говорят нам, что дети рабочих, попадающих на фабрики с семьями, неизбежно превращаются, по примеру своих отцов, в фабричных же рабочих, рабочих с самого раннего детства, частью даже от рождения возросших на фабрике в разобщении с деревней, в смысле условий жизни земледельческого населения» [1, с. 46-48].

Фонд рабочего времени и режим труда

Рассмотрев социальные источники пополнения фабричной рабочей силы и доказав, что в России уже сформировался в основном и це-

лом класс тех, кто, потеряв связь с землей и деревней, перестав быть собственником, превратился в людей, существующих исключительно фабрикой и продажей своей рабочей силы, Е.М.Дементьев переходит к анализу внутрифабричной жизни и спрашивает: что же дает рабочим фабрика взамен полуголодного сельского существования? Какой ценой бывшим крестьянам приходится утверждаться в новом статусе пролетария?

Интенсивность и напряженность труда Е.М.Дементьев трактует как «количество труда», под которым он предлагает понимать «не только продолжительность труда по времени, но и всю совокупность условий этой работы, делающих труд в большей или меньшей степени тяжелым, в большей или меньшей степени неприятным». В понятие о количестве труда входят: продолжительность рабочего дня (года) и санитарно-гигиенические условия труда. К продолжительности работы по времени он относит не только общее количество отработанных часов в день или дней в году, но также распределение работы в течение года, т.е. рабочие и праздничные дни. Сведения о праздничных днях, о времени окончания работы накануне праздников, начала ее после праздников и т. п. были собраны по трем уездам на всех без исключения фабриках (всего 54). Источниками информации служили: а) таблицы праздничных дней, вывешиваемые для сведения рабочих, б) списки праздничных дней в рабочих книжках, в) подробный опрос администрации фабрик или хозяев, с одной стороны, и рабочих - с другой. Для контроля качества полученной информации использовался прием взаимопроверки: «Мы должны сознаться, что далеко не всегда могли полагаться на слова хозяев и рабочих в отдельности, и только взаимная проверка их приводила к истине».

Выяснилось, что регулярность и нормирование рабочего режима зависит от типа производства и размеров предприятия. Так, на мелких фабриках никаких правил не существовало, начало и окончание работы постоянно изменялись в зависимости от случайных обстоятельств (накопление работы, спрос на товар и т. п.) и личного произвола как хозяев, так и рабочих. Количество нерабочих дней на фабриках варьировалось очень широко — в пределах от 27 до 126 дней в году. Постоянных праздников в году — от 25 до 30. Временных (передвижных) — 52.

Данные показали, что количество нерабочих дней на наших фабриках гораздо больше количества принятых у нас официально неприсутственных дней. Расчетом статистических рядов Е.М.Дементьев выявил два типа фабрик, различающихся количеством рабочих и нерабочих дней, а именно ручные и машинные. Сгруппировав те и другие по числу рабочих дней в году, он пришел к выводу: фабрики, работающие паровой силой, имеют гораздо больше рабочих дней, чем фабрики ручные. На фабриках с машинным производством среднее число рабочих дней в году равно 276, на фабриках же с ручным производством - 268. Чрезмерное, по европейским меркам, число праздников и неприсутственных дней на русских фабриках ученый объясняет двумя причинами: 1) сохранившейся связью с землей и необходимой в связи с этим отлучкой на летние полевые работы, 2) национальным характером и менталитетом, идущим из особенностей сельского уклада жизни. На мелких ручных фабриках «все рабочие без исключения - местные жители того же селения, где находится фабрика. Они меньше изменили свой прежний крестьянский строй жизни и летом в преобладающем большинстве бросают работу на фабрике и переходят к сохе. И здесь в отношении количества рабочих и нерабочих дней мы видим совершенно то же, что наблюдается в наших деревнях, - обильное, ничем не оправдываемое количество праздников. Празднуют не только самые незначительные дни церковных праздников, но и выдумываются свои собственные праздники, придираясь ко всякому подходящему к тому случаю. Не говоря уже о продолжительном, трех-, четырех- и пятидневном праздновании не только главного престола своего приходского храма, но и престолов всякого придела к нему, а их всегда несколько, нельзя не указать на такие праздники, как празднование в воспоминание когда-то бывшего градобития, давно забытой бури, разметавшей сено, «отдание Пасхи», «десятая пятница» по Пасхе и т.п., так называемых „заказных дней». Мы видим здесь, на этих фабриках, повторение того же, что наблюдается у нас в сельском быту» [1, с. 70]. В результате наложения различных факторов (типа производства, местных обычаев, произвола начальства) ручные фабрики работали крайне неритмично, число рабочих дней по месяцам могло колебаться от

16 до 26. Мало того, что фабрики в целом трудились неритмично, внутри одной фабрики различные цеха и профессии могли трудиться по своему собственному графику.

После определения фонда рабочего времени в году Е.М.Дементьев переходит к его распределению в течение суток и особо выделяет ночную работу, которую подразделил на шесть групп: I. *Чередование двух смен при работе целыми сутками на всей фабрике*, встречается редко (41 предприятие из 259, по которым удалось собрать данные, касающиеся режима работы), но зато на самых крупных фабриках, в частности ткацких. Обычно это 6-часовые смены. II. *Чередование двух смен при работе целыми сутками в отдельных цехах* встречается довольно часто. III. *Работа в ночную смену, по очереди, только одного участка или цеха*. IV. *Рваный, неправильный режим чередования ночных и дневных смен*. V. *Ночная работа, зависящая или от чрезмерной продолжительности рабочего дня или от установившегося обычая неправильного распределения в течение суток* встречается на всех рогожных фабриках и на 4 овчинодубильных. VI. *Ночная работа в виде сверхсрочной по окончании обычной дневной* встречается на очень многих фабриках. Из всех видов сменной работы наихудшей Е.М.Дементьев считает ту, «которая дает рабочим наименьшую возможность восстановить истощенные силы, следовательно, система частых и коротких смен». В целом же Е.М.Дементьев вслед за большинством тогдашних экономистов и гигиенистов придерживается взгляда о вреде ночной работы, выказывая себя сторонником государственного регулирования экономики, при котором только и можно обуздать произвол предпринимателей. Только в 10% обследованных фабрик рабочим удается трудиться от 9 до 12 часов в сутки подавляющее большинство работает по 13 и 13,5 часов. На большинстве обследованных фабрик работа начиналась в 5 часов утра и оканчивалась в 8 часов вечера. Перерывы работы всегда и везде делаются два раза в день - на завтрак и на обед, в преобладающем большинстве случаев на полчаса в первом случае и на 1 час во втором.

Особую познавательную ценность имеет сравнительный межстрановой анализ: Россия сопоставлялась с Англией, США, Германией и Францией. Для трех стран – России, Англии и

США - Е.М.Дементьев использует официальные статистические данные за один и тот же временной интервал (1883-1885 гг.). Поскольку за рубежом, в частности в Англии, счет рабочего времени ведется иначе, чем в России, Е.М.Дементьеву, для сопоставления, пришлось пересчитывать зарубежные статистические данные. После чего оказалось, что в среднем рабочая неделя в России продолжается 74 часа, а в Англии – только 56, иными словами, она меньше нашей на 32%. При этом взрослых мужчин Англии она длится 54-57 часов, для женщин 50-45, для малолетних 28. Фабричное законодательство в России с 1886 г. ограничило работу малолетних до 48 часов в неделю, но не коснулось труда других категорий населения. В США средняя рабочая неделя составляла 60 часов, т.е. на 23% короче российской [1, с. 101-104]. Достижения Запада Е.М.Дементьев целиком относит к успехам государства, которое через законодательство ограничивает продолжительность работы разумными пределами. Там, где власть слаба, люди трудятся сверх меры. Яркий пример – труд подростков и детей. В Англии они работают 28, а в России 48 часов в неделю, или 8 часов в неделю. На Западе столько трудится взрослый человек. По мнению Е.М.Дементьева, такая продолжительность рабочего дня «превосходит физиологическую способность детей к работе», не позволяет им получить соответствующее образование и восстановить затраченную энергию. Даже для взрослого человека «всякая однообразная работа в течение более 6 непрерывных часов очень вредна». В Англии в году нерабочих дней 84, рабочих 281. В России среднее число рабочих дней на фабриках с машинным производством 276 дней, на ручных - 268. Таким образом, по сравнению с англичанами, в машинном производстве у нас меньше фонд годового рабочего времени на 5 дней, в ручном - на 13. В США этот фонд составлял 307 дней, или на 31 и 39 дней больше соответственно по двум типам производства. В Германии (северная Богемия) – 300 дней, соответственно на 24 и 39 дней больше нашего фонда по двум типам производства. За рубежом рабочий день короче, но число рабочих дней в году больше. Перемножив одно на другое, получим, что «по сравнению с английскими и американскими фабриками количество труда на наших фабриках, какие бы из них мы ни взяли

для сравнения, гораздо больше. Если взять за единицу сравнения фабрики с машинным производством, то оказывается, что на американских фабриках труд рабочего меньше почти на 15%, на английских же - почти на 22%. Обильное количество праздничных дней в известной мере сокращает чрезмерность работы на наших фабриках...» [1, с. 106-107].

Оплата труда фабричных рабочих

Какую бы грань рабочего вопроса мы ни взяли, справедливо полагает Е.М.Дементьев, — экономические, санитарные, нравственные или умственные условия развития трудящихся, — все они сводятся в конечном счете к важнейшей причине, определяющей все обстоятельства жизни рабочих, а именно к материальному достатку семьи, к заработной плате. Хотя изучение заработной платы для санитарного обследования, предпринятого врачом Е.М.Дементьевым, выполняло вспомогательную роль, та методологическая тщательность и глубина проработки проблемы, которые он при этом проявил, позволяют причислить его в ряд фундаментальных академических исследований.

Все респонденты поделены Е.М.Дементьевым на две группы: 1) получающие низкую оплату, которая компенсируется хозяйским продовольствием, 2) получают высокую зарплату, но харчующиеся самостоятельно. Первая форма представляла быстро исчезающий пережиток патриархальных отношений между фабрикантом и рабочими. На момент обследования в Московской губернии она сохранилась только на нескольких мелких фабриках для взрослых рабочих и на четырех крупных преимущественно для малолетних и подростков. Все количество рабочих, нанимающихся на хозяйских харчах, не превышало 6%. Среднемесячный заработок взрослого рабочего составлял 12 р. 77 к. на своих харчах и 17 руб. 08 к. на хозяйских. Зарботок женщины обычно составлял только две трети от заработка взрослого мужчины, подростка — лишь половину. Но соответствующей была и производительность труда. Сравнение оплаты труда России с другими странами позволило заключить: «В отношении, существующем между заработками мужчин, женщин, подростков и малолетних, на наших фабриках замечается особенность, сильно отличающая нашу

заработную плату от платы в Англии и Америке. Зарботки всех этих категорий рабочих у нас отличаются друг от друга гораздо меньше и приближаются к мужской гораздо больше, чем в Америке и в особенности в Англии... Очевидно, мужской труд и в Америке, и в особенности в Англии, по сравнению с трудом женщины, оценивается несравненно выше, чем у нас; труд же малолетних, оценивающийся в Америке хотя и несколько ниже, чем у нас, но все же близко к трети заработка взрослого мужчины, в Англии оплачивается менее одной десятой труда последнего. У нас женщина, подросток и малолетний втроем вырабатывают более, чем полтора - 1,60 мужчины; в Америке их заработок превосходит заработок мужчины только на четверть: он равен заработку 1,26 мужчины; в Англии же совместная их выработка достигает всего четырех пятых выработки мужчины: она равна выручке всего 0,79 мужчины» [1, с. 124].

Несмотря на различные пропорции в оплате труда четырех категорий работников, которые обнаруживаются между странами, общая тенденция в оплате труда в России такова: она все больше уходит от полунатуральной к исключительно денежной форме оплаты. Почему же русские рабочие в массовом порядке начали отказываться от хозяйских харчей и предпочитали столоваться самостоятельно? И во что вообще обходится рабочим «хозяйская забота» предпринимателя?

Для ответа на эти вопросы Е.М.Дементьев вычислил стоимость хозяйского и самостоятельного харчевания по всем фабрикам, взяв в качестве источника данных счета харчевых артелей. Оказалось, что близко к реальной фабрикант оценивал стоимость провизии только для малолетних (около 3 рублей). Для взрослых мужчин и женщин он завышал реальную стоимость на 24% (самостоятельно питаясь они тратили 5 рублей, а фабрикант запрашивал с них 6,2 рубля). Сравнительно со скудным размером зарплаты рабочего такая разница считалась чрезмерно высокой. Да и по качеству хозяйская пища уступает артельской: «хозяйское продовольствие на фабриках... уступает артельскому, ибо в артели немислимы «случайности» в виде гнилой муки или испорченного мяса; что вследствие обычной принудительной покупки рабочими припасов в фабричных лавках они имеют их почти всегда по более дорогой цене, чем

могли бы иметь при иных условиях; что, наконец, фабриканты, имеющие полную возможность и средства к своевременной, более выгодной заготовке припасов оптом, всегда имеют эти припасы по несравненно более дешевым ценам, чем рабочие, - какой иной вывод из факта более дорогой оценки фабрикантами харчей на 24% может быть сделан, как не тот, что наем рабочих на хозяйских харчах есть один из видов *косвенного понижения заработной платы*, получения доходов не с производства, но с рабочих, в прямой и непосредственный им ущерб? Это все то же грубое эксплуатирование рабочих, как и насильственное принуждение покупать в своей лавке или в какой-либо другой, платящей фабриканту известный процент за «доставление работы», но эксплуатирование, замаскированное и потому ускользающее от контроля» [1, с. 127-128].

Все многообразие форм заработной платы Е.М.Дементьев подразделяет на три вида: а) окладное жалованье, б) поденная плата и в) сдельная плата. Все рабочие с окладным жалованьем, согласно существовавшему обычаю, именовались «годовыми». Гораздо чаще встречалась сезонная плата, которую можно считать разновидностью годовой. Сезонная плата основана на различной оценке труда летом и зимой (зимой она ниже). Обе формы оплаты представляли в то время исторический пережиток и постепенно сходили на нет. На более короткий промежуток времени ориентировано помесечная оплата, где условной единицей счета времени служит месяц. Рабочий «получает его как неизменную плату, сколько бы ни было рабочих дней в течение месяца. Вычеты из такого жалованья делаются лишь за прогул, и плата прекращается только, когда фабрика обычно или необычно останавливает работу на несколько месяцев... Несколько чаще, чем плата в виде окладного жалованья, встречается на наших фабриках другая форма ее - поденная. При этом виде ее, каков бы ни был срок найма рабочих, они получают лишь за действительно рабочие дни. Поденная плата для большей или меньшей доли рабочих встречается почти на всех крупных фабриках, и вообще мы должны отметить, что к ней гораздо охотнее прибегают фабрики с машинным производством, тогда как фабрики, где преобладает ручной труд, предпочитают окладную месячную плату» [1, с. 129]. Самой

распространенной в то время являлась сдельная оплата труда, хотя очень мало фабрик, где бы она была единственной или доминирующей формой. Чаще всего встречалась комбинация обеих форм – повременной и сдельной, так что несколько цехов, участков или профессий оплачивались по первой, а другие – по второй форме. При нормировании сдельной оплаты за эталон (видимо, на глазок или по сложившейся традиции) брали выработку конкретной профессии, а от нее начисляли проценты другим видам занятий.

Самое удивительное заключается в том, что размер зарплаты никак не зависел от ее формы: форм было великое множество (если учитывать местные варианты и всевозможные, иногда самые экстравагантные, комбинации сдельной и повременной), а тариф был единым. Он определялся а) местом и ролью выполняемой работы в общем процессе производства, б) искусством и знанием рабочего, в) возрастом и полом, г) прочими условиями, куда можно включить личное усмотрение хозяина, местные факторы, положение на рынке, колебаниями спроса и предложения на рынке труда и рынке товаров и т.д.

Верный своей установке, Е.М.Дементьев в конце каждого раздела, насколько это, возможно, проводит межстрановой сравнительный анализ. В данном случае русский ученый провел сравнение реальной заработной платы по трем странам и выяснил, что в России зарплата в 2-3 и даже в 5 раз ниже, чем в Англии и США. В особенности резка разница для мужчин; она значительно меньше для подростков, еще меньше для женщин и, наконец, меньше всего для малолетних. При этом стоимость предметов первой необходимости, доступных рабочим, в Англии, США и России была почти одинаковой. Сравнивая международные данные, Е.М.Дементьев установил, что продовольствие семьи в Массачусетсе составляет 49,28%, а наем жилища 19,74%, в бюджете же английской рабочей семьи продовольствие составляет 51,36%, а наем жилища 13,48% всех расходов. Он сослался на данные подробного статистического исследования К. Райта, который доказал, что более высокая заработная плата американского рабочего объясняется не дороговизной жизни в Америке, а более высоким уровнем потребностей, более высоким качеством жизни американ-

ских рабочих. «В среднем рабочий в Массачусетсе расходует на содержание семьи на 48,41% больше, чем рабочий в Англии, но только 5,80% из них падает на долю более дорогих, чем в Англии, цен на некоторые предметы, остальные же 42,81% его больших расходов есть прямое выражение платы за более просторное удобное жилище, за более достаточную и лучшую пищу и т.п., или, другими словами, степень лучшей жизни рабочего в Массачусетсе сравнительно с жизнью рабочего в Англии выражается отношением 1,42 к 1» [1, с. 172]. Таким образом, американский рабочий живет лучше английского в 1,5 раза.

В отличие от своих зарубежных товарищей, русским рабочим фабричное жилье в основном достается бесплатно, но зато гораздо более худшего качества и неимоверно переполненное. На 1 рабочего в среднем приходится менее 1 кв. сажени воздуха – меньше всех санитарных норм; рабочие, по их собственному выражению, «живут друг на друге» (Е.М.Дементьев лично осматривал и обмерял рабочие жилища). Из общей массы 69,6% рабочих имеют жилое помещение бесплатно, а расходы на питание составляют 36,4% заработка у мужчин, 38,9% – у женщин и 59,5% – у малолетних. Для 30,4% рабочих, при среднем месячном заработке взрослых и подростков мужчин – в 13 р. 75 к., женщин – в 10 р. 27 к. и малолетних – в 5 р. 8 к., квартира с продовольствием составляет 36,4% заработка у мужчин, 32,6% – у женщин и 65,9% – у малолетних [1, с. 172-173].

Продовольствие составляет в среднем 57% семейного бюджета русского рабочего, 51,4% – английского, 49,3% – американского, «что опять-таки по закону Энгеля говорит нам об абсолютно и относительно низком заработке нашего рабочего. Сопоставляя расходы на продовольствие нашего рабочего с такими же расходами рабочего в Америке, мы находим, что наш рабочий тратит на продовольствие вчетверо меньше, между тем как, при сравнении цен на съестные припасы, мы не нашли никаких оснований предположению стоимости последних в Массачусетсе более высокой, чем у нас. Вместе с тем, сравнивая продовольствие массачусетского рабочего по качеству и количеству пищи с продовольствием нашего рабочего, единственное заключение, к которому можно прийти, это то, что они не сравнимы, – настолько несоизме-

римо велико их различие. Так, как продовольствуется массачусетский рабочий, у нас продовольствуются не рабочие, но класс, которого на лестнице общественной иерархии мы ставим далеко выше, – класс людей (одиноких) с жалованьем не менее 50 р. в месяц... В этом-то сопоставлении расходов рабочих на продовольствие и на жилище, составляющих, по Энгелю, вообще до 79% всего их бюджета, мы и находим причину столь резкой разницы в заработной плате наших рабочих с платой их в Англии и Америке. В нем мы и находим мерило, которым определяется разница в понимании «обеспечения существования» в трех сравниваемых странах. У нас это обеспечение есть минимум, обеспечивающий от голода, когда заработок дает только возможность существовать полуживотной жизнью. И если нужно цифровое выражение более низкого уровня жизни наших фабричных рабочих сравнительно с жизнью рабочих в Англии и Америке, то мы найдем его в том же сравнении затрат на продовольствие и жилище: если лучшая жизнь массачусетского рабочего по сравнению с английским, по Карролю Райту, выражается отношением 1,42 к 1, то по сравнению с жизнью нашего рабочего она едва ли может быть выражена отношением меньшим, чем 3 к 1, или, другими словами, жизнь нашего рабочего втрое хуже, чем жизнь рабочего в Массачусетсе» [1, с. 176-178].

Влияние фабрики на здоровье рабочих

Уже в первой половине XIX века за рубежом была накоплена солидная антропологическая литература, где учитывалось влияние на основные параметры человеческого тела (вес, рост, строение) не только внешних факторов среды, но вполне конкретных, относящихся к сфере общественного труда, в частности зависимость физических качеств человека от бытовых условий жизни рабочих людей. Российские ученые не только были знакомы с новейшей научной литературой, переписывались и встречались с зарубежными коллегами, но и проводили собственные антрополого-трудовые исследования, обосновывая одни точки зрения и опровергая другие. Если французские антропологи (Виллерме Буден, Топинар, Брок и др.) на первое место ставили влияние расовой наследственности, а на второе – среды, то английские и

американские придавали влиянию среды и вообще бытовым условиям жизни придавали исключительное значение. Обобщение зарубежных данных позволило Е.М.Дементьеву сделать следующие выводы: 1) средний рост представителей аристократии и среднего класса выше, чем рабочего и низшего, разница достигает 8-10 см.; 2) рост детей, чем ниже мы спускаемся по общественной лестнице, становится все меньше, достигая разницы между высшими и низшими классами 12,5 см.

О негативном влиянии фабрики на развитие взрослых рабочих поступали данные из Англии, США, Германии, Швейцарии и России (исследования Ф.Эрисмана в Московской губернии в конце 1870-х годов). В программе исследования Е.М.Дементьев рассматривал физический рост как функцию двух переменных – 1) расового, этнического происхождения и 2) условий жизни и характера труда. При этом он эмпирически доказал, что на рост влияют оба фактора, а не каждый в отдельности: «рабочие Московской губ. выше ростом, чем рабочие Тульской, рабочие Тульской - выше, чем рабочие Рязанской, а эти последние выше рабочих Калужской губ... Средний рост чернорабочих всегда превосходит рост самоткачей, но самоткачи московские выше тульских, а тульские - выше калужских; точно так же чернорабочие-москвичи выше чернорабочих-туляян и т. д.» [1, с. 218-219].

Проанализировав взаимосвязь антропометрических данных рабочих, с одной стороны, условий труда, этнической принадлежности и рода занятий – с другой, Е.М.Дементьев приступил к выяснению факторов, которые наиболее губительны для здоровья фабричного рабочего. Огромный вред ему наносят шум, запыленность, вибрация и загазованность, но еще больший – переуплотненность заводских помещений: чем больше человек приходится на метр заводской площади, тем хуже воздух и больше вреда для здоровья. Не меньший вред наносят ему тесные жилые помещения. Если более или менее терпимой нормой в фабричных казармах считается 1 куб. сажень, а что меньше – уже вопиющее нарушение гигиенических норм, то в заводских помещениях ниже гигиенической нормы считался объем пространства менее 3 куб. сажень. Так, из 684 фабрик, обрабатывающих волокнистые вещества, и 94 сит-

ценабивных и отбельно-красильно-отделочных фабриках, нанимающих в совокупности до 150 тысяч рабочих, число мастерских, не удовлетворяющих гигиенической норме в 3 куб. сажени на человека, колебалось от 22 в бумагопрядильных и ткацких до 93% в мелких полукустарных ткацких мастерских и 100% в рогожных [1, с. 237]. Причем чем меньше по размерам и более отсталая по технологии фабрика, тем меньше пространства на одного человека. Небольшие, тесные кустарные мастерские вообще мало чем отличаются от душной кустарной избы крестьянина или набитой народом каморы в казенной казарме. Вымотавшись на работе, человек не получает отдыха и дома.

Проанализировав условия труда и условия быта, Е.М.Дементьев приходит к выводу о том, что и на работе, и дома русскому рабочему одинаково плохо. Казармы, в которых живут рабочие, по санитарно-гигиеническим условиям оказались сопоставимы с фабричным помещением, а те – с тюрьмами. В заводском помещении на человека воздействуют всевозможные промышленные выбросы: пыль хлопка или шерсти, водяные пары, различные газы, вредные испарения (фосфора, мышьяка, ртути). Картину дополняют «ограничения мышечного труда», обусловленные характером труда: скованные позы, статические нагрузки и т.п. «Стоя в узком проходе между двух станков, самоткачи не имеют никаких свободных, а тем более сколько-нибудь сильных движений; работа их состоит лишь в том, что они время от времени поворачиваются лицом к тому или другому автоматически останавливаемому станку и, несколько нагнувшись присучают порвавшуюся нить, так что вся работа их сводится к ничтожной работе мышц кисти и пальцев» [1, с. 241].

Функции сезонного отхода фабричных рабочих

В условиях, когда русская фабрика больше отбирает, чем дает рабочему, уход на полевые работы на свежем воздухе оказывает, по мнению Е.М.Дементьева, «благодетельное влияние». Связь русского рабочего с землей вредна в экономическом плане, но полезна в медицинском. Этот исторический атавизм, присущий в конце XIX века, пожалуй, только России, оказывался спасительным моментом. При всеобщей бедности населения, недостатке капиталов

в развитие промышленности, отсталости технологии, отсутствии или намеренном несоблюдении элементарных гигиенических норм на фабриках, нерешенности жилищного вопроса уход на полгода в деревню представлял собой нечто, напоминающее современный отдых на крымских курортах.

Связь русского крестьянина с землей можно рассматривать с другой стороны. Уход на полевые работы – не только отдых на лоне природы, но также перемена труда. Чередование городского и сельского труда не могло не сказаться благотворно на сохранении здоровья рабочих. Е.М.Дементьев не постулировал, а научно доказал такую благотворность, проведя тщательные антропометрические измерения. Он сравнил две группы рабочих: рогожников и самоткачей. Рогожники – более низкорослые и широкоплечие (окружность груди 54,61 см), чем самоткачи (52,14 см), они больше весят (35,50 кг против 35,43), у них более продолжительный (на 31,2%) и физически более тяжелый труд; при этом они меньше, чем самоткачи, получают (38,4%), работают в гораздо более неблагоприятных санитарных условиях, питаются намного хуже их, но выглядят гораздо лучше самоткачей. Рогожники «здоровее и лучше развиты физически. Единственными причинами этого могут быть... тяжелый, мышечный труд... и еще в большей степени то, что полгода и больше они работают не на фабриках, а в поле и чаще за тяжелой земляной работой. Эта работа не только восстанавливает все потери организма за время зимней работы, но даже дает им запас новых сил, и в конце концов пагубные условия фабричной работы влияют на них гораздо в меньшей степени, чем на самоткачей. Они сами видят в этих земляных работах свое спасение, и они тысячу раз правы. Но таким благотворительным влиянием земли пользуется ничтожное меньшинство рабочих... едва 16,5% из числа всех рабочих мужского пола с восемнадцатилетнего возраста» [1, с. 242-243].

Сравнивая различные типы производства, Е.М.Дементьев выяснил, что в производствах по обработке волокнистых веществ, как наиболее вредных в санитарном отношении, преобладает молодежь, а в производствах, не связанных с волокнистыми веществами, наблюдается «гораздо более равномерное распределение рабочих по возрастам и преобладание возраста зрелого

среди рабочих». Вторая особенность: в первом типе производства происходит усиленная эксплуатация детского (и женского) труда. Здесь труд малоквалифицированный, физически легкий, нет тяжелых мышечных нагрузок, что и позволяет широко привлекать самый незащищенный и слабый контингент рабочей силы. Можно предположить, что подростки, повзрослев и повысив свою квалификацию, плавно переходят к более квалифицированному и благоприятному по санитарным условиям труду. Но зная характер труда на разных типах производства, скорость изнашивания человеческого организма, оперируя а) данными антропометрических измерений, б) статистикой и в) результатами сплошного опроса, Е.М.Дементьев приходит совсем к другому выводу: молодежь во вредном производстве не успевает сделать карьеру и продвинуться потому, что фабрика успевает забрать у них здоровье, а иногда и жизнь. Они стареют раньше, чем взрослеют, их выкидывают за ненужностью с фабрики раньше, чем им удастся перейти к другому занятию. Об свидетельствовали не только антропология и статистика, но также опросы рабочих.

Е.М.Дементьев оказался не только знатком, но и мастером своего дела. Данные сплошного опроса у него дополнены результатами личных наблюдений такого же, если не большего числа людей. Дневниковые записи наблюдений у него соседствуют с количественным материалом заводской статистики и антропометрическими измерениями. В конце антропологического раздела книги Е.М.Дементьев делает неутешительный прогноз о возможном вырождении будущих поколений фабричных рабочих в России. Возвращаясь к своей «теории расового происхождения», он полагает, что приобретенные негативные качества, например, физическая слабость, немощность, податливость заболеваниям и т.п., могут превратить во врожденные черты и передаться детям рабочих. Если фабрика будет и впредь больше отбирать, чем давать, то вредные условия труда станут воздействовать на детей еще сильнее, чем даже на их родителей. С каждым следующим поколением «расположенность» к восприятию негативных черт может усиливаться. Эти черты, при благоприятных условиях труда, могут и не развиваться, но при неблагоприятных они окажутся более разрушительными, чем у их отцов.

Литература

1. Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению, и что она у него берет. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1897.

2. Дементьев Е.М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда. М, 1888. Ч. I.

3. Дементьев Е.М., Эрисман Ф.Ф. Санитарное исследование фабрик и заводов Московской губ. 1879–1885 гг. Общая сводка // Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 2. М., 1893.

4. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 2. Эмпирическая и прикладная социологии – М.: ИНФРА-М, 2004.

5. Кирьянов Ю. И. Бюджетные расходы рабочих России в конце XIX - начале XX в. // Россия и мир. М., 2001. С. 309–310.

6. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России: Конец XIX – начало XX в. М., 1979.

7. Корнев В.П. Видные деятели отечественной статистики. М: Финансы и статистика. 1993. С. 46-47.

8. Кравченко А.И. История отечественной социологии. М.: Академический проект, 2005.

9. Кравченко А.И. История социально-экономической мысли в России. М.: Академический проект, 2010.

10. Крузе Э. Э. Положение рабочего класса в России. Л., 1976.

11. Крузе Э. Э. Условия труда и быта рабочего класса России. Л., 1981.

12. Посвятенко Ю.В. Особенности повседневной жизни рабочих-текстильщиков Верхнего Поволжья во второй половине XIX-начале XX вв.-М.: Контент-пресс, 2011.

13. Посвятенко Ю.В. Решение жилищного вопроса в фабричных центрах Верхнего Поволжья в конце XIX - начале XX вв. // Вестник МГСУ. 2010. Т. 3. № 4. С. 95-100.

Ссылки:

1 Главные труды: Санитарное описание фабрично-промышленных заведений в Подольском, Бронницком, Коломенском и Серпуховском уездах, «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 2. Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губ. за 1879–85 гг., сост. Е. М. Дементьевым и Ф. Ф. Эрисманом, М., 1893; Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, 2 изд., М., 1897; Развитие мышечной силы у человека в связи с его общим физическим развитием, М., 1889 (диссерт.).

Социально-экономическая ценность туризма в современной России

Шаркова Г. Н.

В статье обосновывается приоритетность въездного и внутреннего туризма для трансформирующейся России. Туризм рассматривается как многоотраслевой комплекс, обладающий важными экономическими и социальными функциями. Исследуется мультипликативное влияние туризма на экономику и социальную сферу. Раскрываются преимущества России в сфере туризма и анализируются причины отставания современного российского туризма от мировой туристской индустрии. Для преодоления отставания и развития современного российского туризма предлагается кластерный подход.

Ключевые слова: въездной туризм, внутренний туризм, социальный туризм, функции туризма, эффект мультипликатора в туризме, туристский кластер, многоотраслевой туристский комплекс.

Sharkova G. N.

Socio-economic value of tourism in modern Russia

This article explains the priority of incoming and internal tourism for transforming Russia. Tourism is seen as a diversified complex having important economic and social functions. The multiplicative effects of tourism on the economy and social sphere are investigated. Advantages of the Russia in the tourism sphere are revealed. The reasons for the backlog of modern Russian tourism from the world tourism industry are analyzed. To overcome the backlog and the development of modern Russian tourism cluster approach is proposed.

Key words: incoming tourism, internal tourism, social tourism, tourism functions, multiplier effect of tourism, tourist cluster, diversified tourist complex.

Устойчивое развитие и стабильное увеличение, начиная с второй половины XX века, количественных показателей как путешествующих, так и занятых в сфере туристических услуг, свидетельствует о постоянно растущей социально-экономической ценности туризма. Сегодня туризм представляет собой одну из самых успешно развивающихся мировых индустрий. Со второй половины XX в. численность туристов увеличилась почти в 28 раз, а поступления от этого вида услуг возросли почти в 237 раз. Мировой турпоток в 2006 г. составил 846 млн. чел., в 2013 г. - 1,087 млрд. чел., в 2014 г. - 1,134 млрд. чел., в 2015 г. - 1,184 млрд. чел. Согласно прогнозам, к 2030 году количество международных путешествий достигнет 1.8 млрд. чел. Это означает, что ежегодно 5 млн. человек будут пересекать международные границы с целью досуга, бизнеса или в других целях. Доходы от международного туризма составили в 1950 г. 2 млрд. долл. США, в 2006 году - 733 млрд. долл. США, в 2013 г. - 1,4 трлн. долл. США, а в 2014 г. - уже 1,5 трлн. долл. США.

По данным Всемирной туристской организации при Организации Объединенных Наций (UNWTO), в мировом ВВП туризм сегодня занимает 10%. Доля туризма в мировой торговле услугами составляет 30%. Ежегодный рост инвестиций в сектор составляет около 35%. В сфере туризма работает каждый одиннадцатый житель Земли. Он обеспечивает работой 137 млн. человек. Туризм дает 165 трлн. долларов США экспортных поступлений и 6% общего мирового экспорта. Мультипликативный эффект туризм создает для 52 отраслей экономики. В последний период развития современного общества туризм, став массовым социально-экономическим явлением международного масштаба, оказывает огромное влия-

ние на такие ключевые отрасли экономики, как производство товаров народного потребления, строительство, транспорт, связь, сельское хозяйство и другие. Таким образом, он выступает своеобразным катализатором социально-экономического развития. Развитие туризма позволяет миллионам людей знакомиться с культурой, традициями зарубежных стран, обретать знания истории своей страны. Туризм называют одним из главных феноменов XXI века.

В отчете Всемирной туристской организации отмечено, что в 2015 году, уже шестой год подряд, начиная с посткризисного 2010-го, темпы роста международных прибытий превышали средний уровень, и каждый год этот показатель рос на 4 и более процентов. Генеральный секретарь UNWTO Талей Рифаи отметил, что на результаты 2015 г. оказали влияние необычайно резкие колебания курсов валют, падение цен на энергоносители, активизация терроризма и военных действий. Тем не менее, перспективы на 2016 г. остаются позитивными. Беспрецедентный рост переживает культурный туризм, на который приходится порядка 40% от глобального туризма. Один из наиболее быстро растущих сегментов туристической индустрии формируют молодые путешественники, обеспечивающие 20% от общего объема международных прибытий и оборот в объеме 182 млрд. долларов США в год [1].

Туризм как межотраслевой комплекс имеет огромное значение и ряд характерных особенностей. В современных условиях туризм превратился в один из ведущих секторов мирового хозяйства. Во многих странах мира туризм является одной из наиболее доходных и интенсивно развивающихся направлений экономики [2]. Туризм служит интересам не только отдельного человека, но и общества в целом. Он является источником доходов как на микро-, так и на макроэкономическом уровнях. В высокоразвитых странах большая часть населения проводит отпуска вне дома, что привело к становлению мощной индустрии туризма. Для ряда экономически слаборазвитых стран туризм стал эффективным источником получения иностранной валюты, используемой для экономического роста и решения социальных проблем. Во многих странах численность занятых в сфере туризма уже соизмерима с численностью занятых в остальных отраслях экономики. Туризм становится одним из основных факторов со-

здания дополнительных рабочих мест, он ускоряет развитие дорожного и гостиничного строительства, стимулирует производство всех видов транспортных средств. Туризм способствует сохранению народных промыслов и национальной культуры регионов и стран.

По определению Федерального закона Российской Федерации от 24.11.96 г. (в редакции Федерального закона от 27.12.2009 г. №365-ФЗ), ст.1.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [3], туризм - это временные выезды (путешествие) граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, с постоянного места жительства в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых, спортивных, религиозных и иных целях без оплачиваемой деятельности в стране (месте) временного пребывания.

Совокупность услуг и товаров туристского назначения образует понятие «туристский продукт». Турпродукт включает туры, объединенные по целенаправленности (познавательные, оздоровительные и т. п.); туристско-экскурсионные услуги различных видов (размещение, питание, транспортные услуги и др.); товары туристско-сувенирного назначения (карты, открытки, значки, сувениры и пр.).

Туристские услуги, предлагаемые в качестве товара на мировом рынке, довольно разнообразны. К ним относятся: услуги по размещению туристов (в гостиницах, отелях, пансионатах, кемпингах, боатингах); услуги по перемещению туристов до страны назначения и по стране различными видами пассажирского транспорта; услуги по обеспечению туристов питанием (в ресторанах, кафе, барах, тавернах, кафетериях, пансионатах); услуги, направленные на удовлетворение культурных потребностей туристов (посещение театров, концертных залов, музеев, картинных галерей, природных и исторических заповедников, памятников истории и культуры, фестивалей, спортивных соревнований); услуги, направленные на удовлетворение деловых интересов туристов (участие в конгрессах, симпозиумах, научных конференциях, ярмарках и выставках); услуги торговых предприятий (продажа сувениров, подарков, открыток, диапозитивов); услуги по оформлению документации (паспорта, визы и др.).

Давая определение туризму, А.П. Осауленко пишет, что туризм «представляет собой спе-

цифическое социальное образование, имеющее устойчивые типы и формы деятельности, социально-ценностное ядро, внутреннюю структуру и систему взаимодействий своих элементов, многообразие и динамичность социальных функций в обществе, что позволяет ему занимать самостоятельное место в социальной системе, обеспечивая устойчивость целой области социальных связей и отношений» [4].

Туризм обладает всеми признаками *социального института*. Туристские ценности стали частью массового сознания. Сформировалась профессиональная сфера с системой кадрового воспроизводства. Создана система международных туристских организаций. Туризм является неотъемлемым элементом экономической, политической, социальной, культурной и ценностной сфер современного общества [5].

Вместе с тем в современной России институт туризма трансформируется. Профессор Московского университета, доктор экономических наук Н.Р. Исправникова считает, что «различия в уровнях экономического и социального развития стран, в силу которых одни из них оказываются лидерами, другие – отстающими, третьи – догоняющими, во многом зависят от сложившихся в них институтов. Важность институциональных реформ никем не оспаривается. Но почему одни институциональные реформы оказываются успешными, а другие проваливаются – эта проблема заслуживает отдельного рассмотрения» [6].

Значение и ценность туризма обуславливают те функции, которые он выполняет для общества как часть для целого, участвуя в процессе социального развития. Рассмотрим эти функции, в виду того, что ценность какого-либо феномена может быть обусловлена выполняемыми им функциями [7].

С социально-экономической точки зрения туризм оказывает положительное влияние на другие отрасли народного хозяйства, стимулирует экономическое развитие территории, увеличивает занятость местного населения. При прямом эффекте занятости население получает рабочие места непосредственно в туристских предприятиях, при создании мест в других отраслях экономики осуществляется косвенный эффект.

Экономическая деятельность в секторе туризма вносит вклад в создание национального

дохода. Как фактор развития национальной экономики туризм способствует экономическому развитию слабых в структурном отношении регионов. Туризм способствует повышению квалификации обслуживающих работников и культуры обслуживания, лучшему использованию природных ресурсов страны.

Ценностный характер феномена туризма обусловлен многозначностью той социальной роли, которая закреплена за ним в обществе, что позволяет сделать вывод о том, что туризм в настоящее время является мощным фактором, влияющим на развитие общества и протекающие в нем процессы.

Туризм можно экспортировать и импортировать. Под экспортом туризма понимают вывоз из страны туристских впечатлений, который сопровождается ввозом туристом денег в страну. Потраченные туристом деньги останутся и будут работать на экономику страны-экспортера, рождая мультипликативный эффект. И наоборот, импорт туризма – это ввоз туристских впечатлений и вывоз денег, которые безвозвратно потеряны для страны-импортера. От товарного экспорта туристский экспорт отличается тем, что при туристском экспорте направление денежного потока совпадает с направлением потока туристов, в то время как при товарном экспорте эти потоки направлены противоположно.

Поэтому для экономики страны выгодным является развитие въездного и внутреннего туризма. Въездной туризм – это туристские прибытия иностранцев в страну, гражданами которой они не являются. В отличие от внутреннего туризма въездной туризм легко поддается учету. Главным инструментом статистики въездного туризма является пограничный контроль при пересечении государственных границ. Так, по данным Федерального агентства по туризму Российской Федерации, за девять месяцев 2015 г. в Россию с туристическими целями прибыли 2 539 457 чел., что на 13 % больше, чем за аналогичный период 2014 г. (2 244 586 чел.) [8]. Внутренний туризм – это туристские путешествия жителей какой-либо страны по ее территории. Внутренний туризм по объему и разнообразию составляет преобладающую часть мирового туризма. К сожалению, внутренний туризм плохо поддается статистическому учету, поскольку значительная его часть создается за

счет таких видов путешествий, как самостоятельный туризм, походы выходного дня, пикники на природе, которые нигде не зафиксированы. Внутренний туризм выступает в качестве катализатора и питательной среды для въездного туризма, поскольку он способствует освоению новых туристских ресурсов, центров и регионов. Он помогает созданию и развитию туристской инфраструктуры и индустрии, подготовке профессиональных кадров в сфере туризма, которые впоследствии будут обслуживать въездной туризм. В нашей обширной стране внутренний туризм способствует перераспределению доходов населения из экономически благополучных регионов (Москва, Центральная часть России) в менее благополучные, но обладающие туристскими аттракторами [9], тем самым снижая социальное напряжение в регионах.

Поэтому приоритетом государственной политики любой страны является всемерное развитие въездного и внутреннего туризма. Оба этих вида туризма вносят большой вклад в формирование национального ВВП, обеспечивают за счет строительства и функционирования объектов туристской инфраструктуры создание новых рабочих мест, обеспечивают загрузку смежных отраслей промышленности и сельского хозяйства, снабжающих предприятия туристской индустрии необходимыми материалами и продуктами, способствуют развитию городской инфраструктуры и благоустройству территории в местах посещения туристов. Особое значение въездного туризма состоит в том, что он является источником значительных валютных поступлений в принимающих туристов странах.

Въездной туризм называют «невидимым экспортом», поскольку иностранцы потребляют услуги у нас в стране, но при этом не происходит невосполнимого отчуждения материальных ценностей, как это бывает при экспорте нефти, газа, леса и других полезных ископаемых, и природных ресурсов. Основным товаром во въездном туризме являются впечатления, при этом туристические достопримечательности, так же, как и средства производства туристских услуг (отели, рестораны, транспорт, средства развлечения) остаются, давая возможность и дальше принимать других иностранных туристов. Кроме турпакета, каждый иностранец

покупает в нашей стране значительное количество товаров повседневного спроса: сигареты, почтовые марки и открытки, сувениры, печатную продукцию.

Например, заместитель Мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам экономической политики и имущественно-земельных отношений Наталья Сергунина на состоявшемся 21 марта 2016 г. в Москве круглом столе «Крупные мероприятия – двигатель экономики города» отметила, что фестивали 2015 года принесли бюджету города Москвы 2 миллиарда 719 миллионов рублей: 734 миллиона – прямые доходы, еще 1 миллиард 985 миллионов рублей – опосредованные, через налогообложение. «Жители ближайших регионов, приезжавшие на один день, без ночевки, тратили в среднем по 1 тысяче рублей в сутки, 10 тысяч рублей – когда они приезжали с ночевкой, 37 тысяч рублей в сутки тратили за время визита иностранцы», – рассказала Наталья Сергунина [10].

На экономике страны положительно сказывается то, что сумма ввоза туристами валюты превышает сумму вывоза валюты. Сегодня стоимость российского рубля снижается по отношению к иностранным валютам. В России иностранные туристы могут купить за свои доллары или евро больше товаров и услуг, чем где бы то ни было. Это привлекает иностранцев в Россию и повышает туристский экспорт, что способствует увеличению ВВП. Для России выгоднее привлекать больше туристов и поощрять их тратить у нас больше денег, чем отправлять российских граждан за границу.

Въездной туризм имеет огромное международно-политическое значение. Туристический обмен между странами является надежной основой для развития международного сотрудничества, способствует налаживанию деловых и личных контактов, служит важным каналом публичной дипломатии и трансляции на международной арене привлекательности и «мягкой силы» государства [11].

Согласно рекомендациям Всемирной туристской организации, оптимальным соотношением въездных, выездных и внутренних туристов для развития национального туризма является 1:1:4, т.е. на одного туриста, въезжающего в страну, должен приходиться один выезжающий и четыре, путешествующих на внутренних туристских маршрутах. Именно так обстоит дело

в ведущих туристских странах – Испании, Франции и США. Большое количество внутренних туристов способствует развитию туристской инфраструктуры и улучшению условий, а также снижению стоимости въездного туризма.

В России в 1990 - начале 2000-х гг. благодаря наличию сильного «отложенного спроса» соотношение въездного и выездного туризма составило 1:15, а в 2007 г. - 1:5. В силу особенностей экономического и политического развития России конъюнктура ее туристского рынка до самого последнего времени способствовала выдвиганию на первый план выездного туризма, то есть туристских поездок россиян за границу. Следуя коммерческому спросу, в этих условиях многочисленные российские туристские фирмы активно продвигали разнообразные туристские поездки за границу. Многочисленные обзоры и статьи в специализированных туристских СМИ посвящались выездному туризму. Задачи организации въездного и внутреннего туризма оставались в тени. Создавалось впечатление, что так и должно быть, будет всегда и альтернативы выездному туризму в России нет и быть не может.

Положение начало меняться в 2014 г., когда в России туристический рынок рухнул и многие крупные туроператоры обанкротились. Из-за банкротств туристических компаний большое количество российских туристов не могли вернуться домой. Согласно данным Ростуризма, в январе – сентябре 2014 г. число въездных туристических поездок составило 19 141 тыс., а выездных – 34 485 тыс. И наконец, полностью ситуация изменилась в 2015 г. в связи с западными антироссийскими санкциями из-за присоединения Крыма к России и событий на юго-востоке Украины, падением цен на энергоносители и курса рубля по отношению к доллару США и евро, а также закрытия Турции и Египта – главных направлений выездного туризма из России. Согласно последней информации, рассчитанной Федеральным агентством по туризму в соответствии с Официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок, в январе – ноябре 2015 г. въездной туристический поток составил 20 672 тыс. чел., а выездной - 27 459 тыс. чел. Другими словами, соотношение въездного и выездного туризма в России начинает приближаться к требованиям ВТО.

Туризм – сложное социально-экономическое явление, называемое многоотраслевым комплексом, или агрегированной отраслью экономики. В современной экономике понятие «отрасль» постепенно размывается. Для рыночной экономики характерно не столько развитие обособленных отраслей, сколько функционирование диверсифицированных межотраслевых комплексов [12]. Поскольку в туризме производятся товары (сувениры, продукты питания) и услуги (средств размещения, транспортные), то его можно отнести к межотраслевым комплексам. Межотраслевой комплекс туризма выполняет производственные и непроизводственные функции и называется туристской индустрией. Хозяйственные процессы, происходящие в индустрии туризма, являются производственно-обслуживающими.

По общероссийским классификаторам туризм не выделяется в самостоятельную отдельную отрасль народного хозяйства. Это приводит к недооценке доли туризма в экономике России. Туризм является катализатором развития ряда отраслей экономики, таких как индустрия гостеприимства, строительство, ЖКХ, транспорт и коммуникации, сельское хозяйство, розничная торговля, производство и продажа сувениров. Однако традиционная статистика не учитывает доходы, производимые туризмом в составе других отраслей, и экономическая ценность туризма занижается. Поэтому доля туризма в ВВП России в 1 % отражает лишь доход от прямой продажи путевок, что абсолютно не соответствует истинной экономической, не говоря уже о социальной ценности туризма.

Экономическое влияние туризма многообразно, поэтому в экономической социологии его подразделяют на прямое и косвенное. Прямое влияние туризма на экономику страны выражается в покупке туристом непосредственно турпродукта (турпутевки, размещение, транспортные услуги, экскурсии). Прямое влияние туризма очень важно, поскольку оно запускает все последующие циклы туристских расходов. Кроме прямого влияния туризма на экономику страны существует также косвенное влияние. Многие экономисты считают, что косвенное влияние по своей эффективности превосходит прямое [13]. Сущность косвенного влияния туризма заключается в стимулировании косвенно связанных с ним видов деятельности. Косвенное

влияние туризма получило название «эффект мультипликатора» [14]. Эффект мультипликатора – это количество раз, которое деньги, вложенные туристами в местную экономику, были потрачены в принимающем регионе. Вычисляется эффект мультипликатора как коэффициент влияния туризма на смежные отрасли. Прибыль турпредприятий – это их выручка от продажи туристам товаров и услуг. Доход региона – это налоги, полученные с этой выручки и остающиеся в распоряжении региона. Получив деньги от туриста, турфирма платит налоги и различные сборы в местный бюджет, а также осуществляет инвестиции в развитие туристского рынка, туристской индустрии и на создание новых видов турпродукта. Туристский регион расширяется, совершенствуется его инфраструктура, строятся новые здания и сооружения. Растущие потребности туристов вызывают необходимость в дополнительной рабочей силе. Тем самым создаются новые рабочие места, повышается коэффициент занятости и увеличивается покупательная способность местного населения.

Влияние эффекта мультипликатора на экономику принимающей страны увеличивается, если туристы во время путешествия покупают местные товары и услуги. В этом случае деньги туристов начинают полностью работать на экономику страны. Продавцы этих товаров и услуг, получив деньги от туристов, выплачивают из них заработную плату своим работникам, которые, в свою очередь, тратят их на покупку отечественных товаров и услуг. Однако, если деньги тратятся на покупку импортных товаров или отдых за рубежом, цикл размыкается и происходит утечка денежных средств из региона. Таким образом, эффект мультипликатора тем больше, чем больше денег потратили туристы и местное население в пределах региона. Способность удерживать доходы от туризма в стране зависит от самостоятельности и замкнутости ее экономики. Если отечественная экономика способна производить товары и услуги, пользующиеся спросом у туристов, то эффект мультипликатора будет очень большой. И наоборот, чем больше товаров импортируется, тем он меньше.

Многие страны, получающие значительный доход от туризма (Испания, Франция, Греция, Кипр и др.), развивая эту сферу, первоначально

преследовали сугубо экономические цели. Однако в настоящее время они все больше внимания уделяют *социальным аспектам*. Социологические опросы населения этих стран показывают, что большинство местных жителей отмечают благотворное развитие туризма на состояние общества и связывают с ним перспективы дальнейшего развития.

Рассмотрим слабые и сильные стороны российского туризма. Одной из причин отставания российского туризма от мирового является низкий уровень развития туристской инфраструктуры. Материально-техническая база туризма у нас развита недостаточно. Имеющиеся гостиницы и другие предприятия обслуживания имеют значительный моральный и физический износ и нуждаются в обновлении. Количество средств размещения туристского класса отстает от потребностей.

Дорогой и требующий длительного времени процесс оформления виз отпугивают от России множество потенциальных туристов. Система выдачи российских туристских виз неприемлема для иностранных граждан. Порядок прохождения пограничного контроля, особенно для участников иностранных круизов, утомителен. В России очень сложная система регистрации иностранных туристов, особенно проживающих в малых отелях и частных средствах размещения.

Цена российского турпродукта не соответствует его качеству. Цены на основные туристские услуги – транспортные и размещения, особенно для массовых туристов, очень высокие. Количество повторных посещений России – одно из самых низких в мире.

Качество обслуживания в российской туристской индустрии оставляет желать лучшего из-за низкого уровня подготовки кадров; «несервисного» менталитета россиян, считающих обслуживание униженным; наследия советского «ненавязчивого» сервиса и отсутствия достаточного опыта работы российских турфирм в условиях рынка и конкуренции.

Гостиничная отрасль в России отстает в развитии из-за нехватки средств, недостаточного количества высокопрофессиональных управленческих и обслуживающих кадров, административных барьеров при приобретении земли, прав на собственность. Инвестирование в индустрию гостеприимства затруднено не только эконо-

мическими рисками, но и отсутствием достоверной статистики и серьезной аналитики.

Перед российским туризмом стоит множество других проблем: слабая правовая база, отсутствие целостной стратегии развития туризма, недостаточность государственных инвестиций. Однако основной проблемой российского туризма является человеческий фактор. Ни в одной другой сфере экономики роль кадров не является столь определяющей. Кадры в туризме, действительно, «решают все». Однако еще с советских времен в сфере обслуживания так и не удалось наладить обучение профессиональных высококвалифицированных сотрудников, хотя бы отдаленно приближающихся к международному уровню. Следствием отсутствия системы подготовки и повышения квалификации работников туристской отрасли, относительно невысокого уровня заработной платы в этой сфере, недостаточности моральных стимулов в трудовой деятельности персонала турфирм стали невысокий профессионализм и крайне низкая культура обслуживания.

Исполнительный директор Всемирной туристской организации при ООН Золтан Шомоги, оценивая развитие российского туризма, обращает внимание на важность государственно-частного партнерства. Он считает, что связующим звеном между местным бизнесом, создателями инфраструктуры и туроператорами должна стать администрация того региона, в котором расположена туристская дестинация [15]. Именно администрация должна первой изучить потенциал региона и знать, какие есть возможности для совместной работы с участниками рынка. «Потому что все участники работают только вместе. Если я захочу построить гостиницу просто на пустыре, я должен сказать местным жителям: это для вас, потому что, если будет гостиница, будут туристы, будет больше работы, будет лучше жизнь. Я должен разговаривать с транспортными компаниями: а как туристы приедут сюда? Без частного сектора туризм не работает, без правительства тоже. Только вместе. И для России нет другого выхода» [16].

Необходимость государственной поддержки российского туризма отмечает исполнительный директор Ассоциации туроператоров России Майя Ломидзе. В своем интервью журналу «Эксперт» она отметила, что сейчас операторы

сами, как могут, продвигают свои туры. Денег у них немного. Стоимость турпродукта возросла, но поддержки никакой нет. Рынок в данном случае бессилён. В настоящее время все отрасли российской экономики в минусе, растет только въездной и внутренний туризм. Кроме того, отдачу от денег, вложенных в туризм, можно получить намного быстрее, чем в другие отрасли экономики. Обычно она наступает через полтора сезона [17].

В мире каждый десятый трудоспособный работник занят в области туризма, в России, к сожалению, пока только каждый пятьдесят первый. Доля туризма в мировой структуре ВВП в настоящее время составляет почти 10%, в то время как в России - лишь порядка 1,5%, заявил 13 августа 2015 г. премьер-министр РФ Дмитрий Медведев в ходе вручения премий правительства в области туризма за 2014 год [18].

В современной России в условиях санкций, ослабления курса рубля и удорожания валюты предпочтения российских потребителей туристских услуг активно перемещаются с выездного туризма в направлении внутреннего. По прогнозам Ростуризма в 2016 году внутренний туризм может вырасти на 30 – 50 %. Для туристов растет привлекательность круизов по рекам России, автомобильных и железнодорожных путешествий по Золотому кольцу, Северу России, в том числе - туров выходного дня. Эксперты единодушно подтверждают, что в 2015 году сегмент внутреннего туризма значительно вырос, при том, что тенденция его ежегодного увеличения прослеживается, начиная с 2011 года. По статистическим данным, в 2014 году наиболее привлекательными для туристов стали Краснодарский край, Крым, Подмосковье, курорты Северного Кавказа и Байкал. Крупные туроператоры присоединились к разработке пакетных туров по России. «Тот факт, что туроператоры выездного туризма обратили внимание на путешествия по стране, свидетельствует о перспективах внутреннего рынка и перестройке структуры российского туризма. Теперь мы можем предложить нашим гражданам конкурентоспособный продукт международного уровня», - отметил на пресс-конференции глава Ростуризма Олег Сафонов [19].

В ходе Всероссийского совещания по актуальным вопросам развития сферы туризма, проходящего в рамках Международной выставки

«Интурмаркет-2016», он заявил, что временное «закрытие» Турции и Египта, положительно сказывается на развитии внутреннего туризма. По итогам 2015 года внутренний турпоток в России составил 50 миллионов человек, в то время как, согласно государственным планам, планировалось получить турпоток в объеме 40 миллионов к 2018 году. Таким образом, планируемый на 2018 г. показатель существенно превышен уже в 2015 г. В зимний сезон 2015 - 2016 г. внутренний турпоток увеличился в России на 10%, а в Москве – на 20% [20].

Согласно обзору компании TripAdvisor «Тенденции туризма на Шелковом пути за 2015 год», Российская Федерация вошла в ТОП 10 государств, которыми чаще всего интересуются туристы на маршруте Шелковый путь, наряду с Италией, Испанией, Японией, Грецией, Китаем, Турцией, Индонезией, Египтом и Хорватией. В 2015 году журнал «Forbes» охарактеризовал Шелковый путь как один из самых мощных в мире брендов [21].

Наиболее популярными предложениями для иностранцев в России являются Транссиб и озеро Байкал, Курилы и Камчатка, путешествие в Якутию к полюсу холода, военные туры, космос, тур в русскую деревню, а также охота и рыбалка [22].

Для развития туризма необходимо создание соответствующей инфраструктуры, требующей значительных инвестиций. Потому экономическая значимость туризма в регионе во многом определяется финансовыми ресурсами. Регион, который обладает богатыми природными ресурсами, но имеет ограниченные финансовые возможности, не сможет в достаточной степени развивать въездной туристский сектор.

В последние годы в России в целях развития туристской инфраструктуры, увеличения въездного и внутреннего туризма создаются туристско-рекреационные кластеры. Примерами могут служить туристические кластеры Большого Сочи, Северного Кавказа, Прибайкалья, Амурского района, Пермского края и других регионов России. Кластеры представляют собой комплекс взаимосвязанных объектов рекреационной и культурной направленности коллективных средств размещения, предприятий питания и сопутствующих сервисов, снабженных необходимой инфраструктурой [23]. Туристские

кластеры формируются на базе туристских активностей в регионе и состоят из предприятий различных секторов, связанных с обслуживанием туристов: туроператоров, гостиниц, сектора общественного питания, транспортных предприятий, производителей сувенирной продукции и др.

Цель создания туристского кластера – повысить конкурентоспособность территории на туристском рынке за счет синергетического эффекта, в том числе повышения эффективности работы предприятий и организаций, входящих в кластер, стимулирования инноваций, развития новых направлений деятельности. Основными преимуществами кластерного подхода в туризме являются эффект масштаба, при котором эффективность деятельности объединенных в кластер туристических предприятий выше, чем от самостоятельной деятельности; ускорение инноваций, что достигается встречными потоками информации между объединенными в кластер турпредприятиями; создание регионального рынка труда, что позволяет осуществлять обмен сотрудниками, их стажировку и повышение квалификации; уменьшения себестоимости туристских услуг за счет совместного использования ресурсов и инфраструктуры. Кроме того, предприятия туристического бизнеса, объединившись в региональный туристический кластер, могут эффективнее отстаивать свои интересы в местных органах власти и принимать участие в крупных инвестиционных программах.

Согласно прогнозам ВТО, в ближайшие годы в России ожидается наибольший прирост туристов (8,5% в год), а к 2020 г. Россия может занять 5-е место среди самых популярных у туристов европейских стран, уступая только Франции, Испании, Великобритании и Италии. К развитию въездного и внутреннего туризма в стране существуют объективные предпосылки как внешнего, так и внутреннего характера. Все это позволяет предположить, что сделанные сегодня в туристическую инфраструктуру инвестиции могут стать крайне выгодными.

Литература

1. Официальный сайт Всемирной туристской организации / [Электронный ресурс]. - URL: <http://www2.unwto.org/ru> (Дата обращения 03.05.2016).

2. Туризм: технологии, экономика, управление: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. Г. А. Карповой, Л. В. Хоревой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 276 с.
3. Федеральный закон от 24 ноября 1996г. №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», в редакции Федерального закона от 27.12.2009г. №365-ФЗ), ст.1.
4. Осауленко А. П. Туризм как социальный институт: Дис. ... док. социол. наук: 22.00.04. - Москва, 2002. - С. 20.
5. Шаркова Г.Н. Развитие института туризма в трансформирующейся России // Актуальные проблемы экономической социологии. Роль социальных институтов в современной экономике: Сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей / [Под общей редакцией Н.Р. Исправниковой]. - М.: Университетская книга, 2016. – Вып. № 17. С. 204 – 214.
6. Исправникова Н.Р. Основные проблемы реформирования социально-экономических институтов // Актуальные проблемы экономической социологии. Роль социальных институтов в современной экономике: Сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей / [Под общей редакцией Н.Р. Исправниковой]. - М.: Университетская книга, 2016. – Вып. № 17. С. 7.
7. Шаркова Г.Н. Социально-экономические функции туризма // Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016». - М.: МГУ, 2016.
8. Официальный сайт Федерального агентства по туризму Российской Федерации. / [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.russiatourism.ru/content/8/section/82/detail/3767> Дата обращения: 01.05.2016 г. / [Электронный ресурс].
9. Туристские аттракторы – достопримечательности, способные привлекать туристов.
10. Единый информационный инвестиционный портал города Москвы / [Электронный ресурс]. - URL: <http://investmoscow.ru/calendar-of-events/2016-03/2016-03-22/n-sergunina-krupnyye-festivali-prinosyat-moskve-milliardynalogovykh-dokhodov/> (Дата обращения 01.05.2016).
11. Ney J. Soft power: means to success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.
12. Бухтоярова И.В. Статистический анализ рынка туристских услуг в России. Дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.12. Москва, -2003.
13. Туризм: технологии, экономика, управление: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. Г. А. Карповой, Л. В. Хоревой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 276 с.
14. Квашнина Е. Б. Методика оценки влияния мультипликативного эффекта туристской деятельности на смежные отрасли региональной экономики. Дисс. ... канд. Экон. наук. СПб., 2012.
15. Туристская дестинация – это географическая территория, имеющая определенные границы, которая может привлекать и удовлетворять различные потребности широкой группы туристов.
16. Мировые тренды туризма // Эксперт. № 17 - 18 (985), 25 апреля - 8 мая 2016 г. С. 50.
17. Туризм: как создать стимулы // Эксперт. № 17 - 18 (985), 25 апреля - 8 мая 2016 г. С. 41.
18. Медведев: доля туризма в ВВП России всего 1,5% / [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/61224><http://www.vestifinance.ru/articles/61224>(Дата обращения 21.03.2016)
19. Чернова И. Внутренний туризм может вырасти на 30-50% в 2015 году // Новости внутреннего туризма – TRN News / [Электронный ресурс] // URL: <http://www.trn-news.ru/news/18184> (Дата обращения 19.02.2015)
20. Олег Сафонов: «Не надо повышать цены на внутренний продукт!» Travel Russian News / [Электронный ресурс] // URL: http://www.trn-news.ru/news/36635/?utm_medium=email (Дата обращения 21.03.2016)
21. Россия вошла в десятку самых популярных стран Шелкового Пути // журнал Отдых в России – март 2016 / [Электронный ресурс] // URL: <http://rustur.ru/article/rossiya-voshla-v-desyatku-samyx-populyarnyx-stran-shelkovogoputi> (Дата обращения 03.05.2016)
22. Географическое кафе / [Электронный ресурс] // URL: <http://www.geo-cafe.ru/Russia/Articles/russia95.php> (Дата обращения 03.05.2016)
23. Шкодинский С.В. Экономические аспекты развития туризма в городе Москве // Туризм как фактор развития города Москвы и Московской агломерации. – М.: Моск. городск. ун-т управления Правительства Москвы, 2012. С. 41 – 45.

Воспроизводство инженерных кадров: подготовка и профессиональная карьера женщин

Шевелева О.Р.

В статье были рассмотрены особенности воспроизводства инженерных кадров, с выявлением особенностей труда женщин, получивших инженерно-техническое образование. В статье основной акцент был уделен рассмотрению трех аспектов: профессиональная подготовка, трудоустройство и адаптация, профессиональный и карьерный рост женщин-инженеров. Выводы и рекомендации основываются на результатах социологических исследований, проведенных автором. Ключевые слова: Женский труд. Инженер. Карьера. Профессиональная подготовка. Промышленные предприятия. Урал.

Sheveleva O.R.

Reproduction of engineering training: training and professional careers of women engineers

The article describes the features of the reproduction of the engineering staff, with the identification features of the work of women who received engineering education. In the article the main emphasis was given to the consideration of the three aspects: the training, the employment and the adaptation, professional and career growth of women engineers. Conclusions and recommendations based on the results of sociological research, conducted by the author.

Keywords: Female labor. Engineer. Career. Professional training. Industrial enterprises. Ural.

Современный уровень социально-экономического развития страны, приводит к технологическому перевооружению промышленности: созданию новых, инновационных подразделений, которые становятся конкурентоспособными на мировом рынке. В свою очередь российским промышленным предприятиям требуются высококвалифицированные инженерные кадры, которые способны мыслить нестандартно, творчески подходить к решению технических задач, не бояться фантазировать и ставить перед собой, казалось бы, нереальные цели для совершения прорыва к новым технологиям. «Качество инженерных кадров становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государства и, что принципиально важно, основой для его технологической, экономической независимости» [1].

В общественном сознании сформировалось мнение об инженерном труде как о трудовой деятельности исключительно мужской части населения, обладающей определенными качествами характера, умениями и навыками, способностями к освоению технических дисциплин, а также силой воли, выносливостью и желаниями, устремлениями менять, создавать, изобретать что-то новое [2]. Женщину принято ассоциировать с матерью, женой, хранительницей домашнего очага, а также работницей на предприятиях по гуманитарному, экономическому, педагогическому и т.д. профилю работы.

В российском обществе сложились определенные стереотипы гендерного характера, которые показывают роль женщин в системе профессионального распределения (в частности инженерного труда).

А. Считается, что у женщины существуют сложности в учебе при освоении технических дисциплин в курсе подготовки по инженерным

специальностям в ВУЗах и такие направления подготовки как педагогика, медицина, культурология, социология больше подходят для освоения женским полом. [3].

Б. На производстве женщина не может эффективно справляться с обязанностями инженера, качественно выполнять свои функции, а также существуют определенные трудности у женщин в управлении коллективом [3].

В. Так сложилось, что женский инженерный труд ценится менее чем мужской, и женщины-инженеры получают заработок на порядок ниже, чем мужчины, работающие на инженерных должностях [4].

Г. Женская трудозанятость носит многофункциональный характер. Современным женщинам необходимо эффективно выполнять свои функции как на работе, так и дома. Качество выполнения своих функций в той или иной сфере у женщин падает в зависимости от концентрации сил в определенной области. Выделяются три основные сферы трудозанятости женщин: в качестве жены и матери в построении, сохранении и укреплении семьи и семейных отношений; «хозяйки дома», с целью создания благоприятной атмосферы, содержания быта и уюта домашнего очага и «работающего человека», создавая стабильность финансово-экономического состояния семьи, не редко выступая единственным «добытчиком» [5].

Современная женщина старается ни в чем не уступать мужчине и стремится реализовать себя в различных сферах деятельности, возможно даже выполняя «мужскую работу», причинами этому могут послужить и демократические свободы с отсутствием женской дискриминации, и образцы западного поведения женщин с пропагандой женщины успешной и сильной, участвующей руководителем крупных проектов и самостоятельно контролирующей весь процесс, и возможно даже частичной «деградацией» мужской части населения не желающей трудиться за маленькую зарплату.

Сегодня не редкость увидеть на производстве, в промышленном секторе женщин, работающих по профессии инженера, но насколько руководители предприятий готовы и способны профессиональному и карьерному росту женщин-инженеров.

Воспользовавшись результатами следующих социологических исследований, проведенных при участии и под руководством автора,

рассмотрим профессионально-производственную сферу занятости женщин-инженеров, которую условно можно разделить на этапы: а) профессиональная подготовка; б) трудоустройство и адаптация на предприятии; в) профессиональный и карьерный рост по профессии инженера. А также попытаемся выявить взаимосвязь и влияние семейной и бытовой жизни на профессиональную карьеру женщин-инженеров.

- «Студентки УрФУ-2014»- по квотной выборке в 8-ми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 500 студенток, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и организациях Уральского региона;

- «Студентки УрФУ-2015»- по квотной выборке в 8-ми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток, в продолжении и выполнении опроса 2014 года.

- «ВУЗ-2016» –анкетный опрос 1500 студентов-бакалавров I-IV курса и магистров 1-2 года обучения в 7 уральских ВУЗах;

- «Инженер ЮУрГУ» ? контент-анализ (в 2014 году) автобиографической информации 1100 инженеров-выпускников Автодорожного факультета Южно-Уральского государственного университета;

- «Промышленность-2016» ? опрос 1000 инженеров на 10 промышленных предприятиях военно-промышленного комплекса, металлургической, машиностроительной и энергетической отрасли Свердловской области;

- «Наука-2016» - опрос специалистов с инженерно-техническим образованием, работающих в научно-исследовательских институтах: 100 инженеров в ряде Институтов УрО РАН и 100 инженерных кадров из ряда Институтов отраслевой науки;

- «Эксперт-2016» - опрос 100 экспертов на 10 промышленных предприятиях Свердловской области; глубинное интервью с 50 экспертами (руководителями) промышленных предприятий; глубинное интервью с 50 экспертами (профессора, зав.кафедры) двух технических ВУЗов (УрФУ, УрГУПС); глубинное интервью с 30 экспертами академической и отраслевой науки.

Подробнее остановимся на трех аспектах предложенной проблемы.

А. Профессиональная подготовка по профессии инженера

Девушки сегодня продолжают поступать на технические специальности, их не пугает ни уровень академической нагрузки, который значительно отличается от гуманитарных направлений, ни специфика получения технических знаний, ни сложности в восприятии технических дисциплин. Основными причинами выбора профессии инженера женщинами можно выделить следующие (% от общего числа опрошенных женщин – 230 чел. - «Промышленность-2016»):

- профессия инженера престижна и всегда будет перспективна (29);
- отсутствие склонностей к гуманитарным наукам (27);
- традиции семьи (25);
- так сложились обстоятельства (25);
- профессия дает возможность проявить конструкторские способности (24);
- профессия дает возможность иметь приличный заработок (24);
- желание работать в инновационных сферах деятельности (18);
- по совету друзей/знакомых (10);
- получить достойное образование и уехать в другую страну работать (2).

В ряд причин, которые мотивируют молодых девушек пойти учиться по технической специальности можно внести так же возможность и желание найти «вторую половинку», удачно выйти замуж и создать семью, поскольку на технических специальностях предпочитают учиться в основном мальчики.

По результатам проведенных интервью с экспертами можно было выделить несколько особенностей обучения девушек на технических специальностях:

- если девушки поступают учиться на инженерные направления, по собственной инициативе, то они стараются вникнуть в изучаемые предметы, успешно пройти все аттестационные этапы и в результате получить диплом инженера;
- присутствие девушек в студенческой группе дисциплинирует, воспитывает и в какой-то мере, мотивирует мужскую часть коллектива;
- в связи с двухступенчатой подготовкой по инженерным специальностям, девушки после окончания бакалавриата по определенному направлению предпочитают получить образование по следующей ступени (магистратуры) уже по другому профилю (экономика, управление, менеджмент и т.д.);

Таблица 1

- найти хорошее место работы, которое бы устраивало меня по всем позициям	- 64
- материально «крепко встать на ноги»	- 63
- выйти замуж	- 57
- родить ребёнка	- 46
- путешествовать по миру	- 33
- продолжить учиться, освоить другую профессию	- 20
- серьёзно заняться своим здоровьем	- 19
- уделять больше внимания своему культурному развитию	- 15
- постараться уехать работать и жить в другую страну	- 14
- сделать политическую (общественную) карьеру	- 11
- уйти в науку, попытаться защитить диссертацию	- 5

- в большинстве своем девушки к окончанию обучения находят «вторую половинку» и уже дальнейшее распределение по специальности зависит от того, куда направят ее молодого человека.

Женщине необходимо выполнить свою репродуктивную функцию и одной из основных задач стоящих перед молодыми девушками, после окончания ВУЗа, является возможность найти «настоящего мужчину», ставшим опорой и поддержкой; создание крепкой и дружной семьи; рождение детей и дальнейшее поддержание уюта домашнего очага.

На вопрос: «Какие планы у Вас лично после окончания ВУЗа (в течение последующих 3-5 лет)?» девушки студентки, обучающиеся по техническим специальностям предпочитают следующие варианты: (% от общего числа опрошенных – 450 человек, «Студентки-УрФУ-2015») (см. табл. 1).

Не удивительно, что каждая вторая девушка желает выйти замуж и родить ребенка, но для начала не помещало бы финансовое подкрепление и хорошая, стабильная работа, которая обеспечит стабильный заработок и последующее материальное обеспечение при уходе молодой девушки в отпуск по уходу за ребенком. Некоторые предприятия прописывают в коллективном договоре определенные условия для женщин и лиц с семейными обязанностями, та-

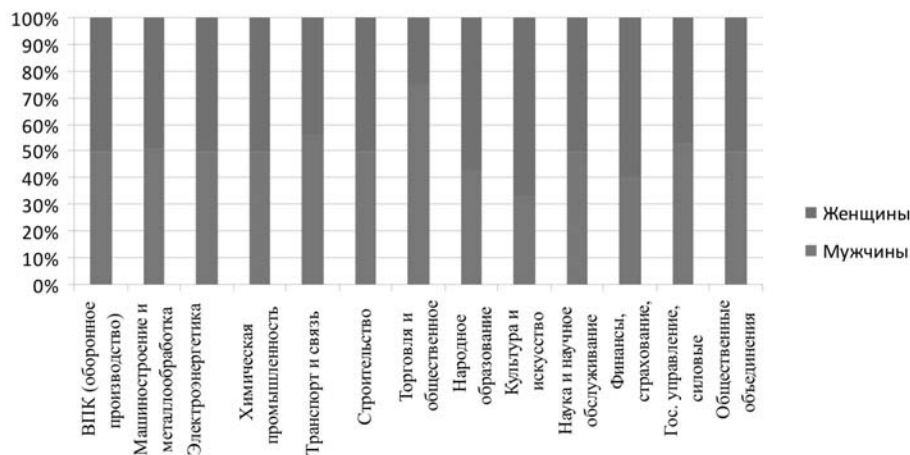

Рис. 1. Сферы деятельности выпускника-специалиста

кие как дополнительный отпуск, условия труда по гибкому графику, материальную помощь, оплачиваемы отпуск в летнее время для родителей воспитывающих трех и более детей и т.д.

Крупные уральские промышленные предприятия и заводы, которые заинтересованные в дальнейшем развитии и процветании уделяют большое внимание подготовке и адаптации молодых специалистов. Такие предприятия как ПАО «Северский трубный завод», ОАО «ЕВРАЗ НТМК», АО «Уралтрансмаш», АО «НПО автоматки», АО «СВЕЛ», а также небольшие предприятия ОАО «Свердловский инструментальный завод», ОАО «Серовский завод ферросплавов», АО «Уральский компрессорный завод» создают условия и активно участвуют во взаимодействии с ВУЗами – стараются привлекать на практику студентов, разрабатываются программы по адаптации молодых специалистов, проводятся стажировки, создаются базовые кафедры и формируются запросы на инженерно-технических специалистов. Социальные гарантии, защищенность, компенсации и льготы, условия для молодых специалистов, женщин и работников с детьми более подробно описываются в коллективном договоре предприятия

Б. Трудоустройство и адаптация на уральских предприятиях

Опрос на уральских предприятиях позволяет условно выделить³ направления работы сотрудников с инженерно-техническим образованием:

- «наука» - инженеров, работающих в данном направлении можно назвать «мыслителями», «изобретателями», способными создавать и реализовывать инновационные идеи, используя знания современных передовых достижений мирового уровня для создания прорывных технологий в высокотехнологичных отраслях и новых конкурентоспособных продуктов. «Для настоящего прорыва в науке – необходима сверхцель. ...необходим прорыв к новым технологиям, нам необходимо превратиться в людей, не боящихся фантазировать, не боящихся создавать принципиально новые вещи. Нужно ставить перед собой большие задачи, которые на нынешнем уровне технологического развития России могут показаться сумасшествием, но... для этого надо постараться заглянуть за горизонт» [6].

- «производство» - специалистов, обладающих энциклопедическими знаниями, работающих в цехах, непосредственно на производственных участках и понимающих весь «жизненный цикл» изготовления продукции обычно называют «производственниками». Такие инженеры обычно хорошо обладают знаниями и навыками эксплуатации современного оборудования и способами организации трудового коллектива. «Навыки, компетенция, знания линейных инженеров во многом определяют надёжность, эффективность производственного процесса, внедрение новых технологий, качество конечного продукта. Именно таких специалистов се-

годня остро не хватает в отечественной экономике. Предприятия буквально борются за грамотных профессионалов» [1].

- «контора» - инженеры, своего рода административно-обслуживающий персонал, находящийся в цехах, в научно-производственных центрах/лабораториях и выполняющий функции обеспечения безопасности, контроля, планирования, обучения, экономического регулирования, инженеров-мыслителей и инженеров-производственников. Именно в этой сфере чаще всего трудятся женщины-инженеры.

На основании данных исследования «Инженер ЮУрГУ» можно проанализировать, в каких сферах деятельности предпочтительно работают женщины и мужчины, получившие диплом по инженерной специальности (рис. 1).

Женщины также предпочитают труд в сферах ВПК, машиностроения, транспорта и связи, поскольку имеют диплом по соответствующему направлению. Однако в отличие от мужчин женщины больше предпочитают трудиться в сферах образования, науки, культуры.

Если же рассматривать труд женщин-инженеров на производстве и в сфере научного приложения труда, то согласно данным проведенного исследования на промышленных предприятиях и научно-исследовательских организациях Свердловской области можно выделить характер и особенности труда женщин. На вопрос: «Каков характер Вашего инженерного труда на предприятии?» женщины и мужчины ответили следующим образом (% от общего числа опрошенных – 1200 человек, в числителе - мужчины, в знаменателе - женщины) (табл. 2).

Предпочтительно женщины-инженеры на промышленных предприятиях трудятся в «конторах» и занимаются бумажной работой – изучают, анализируют, систематизируют, обобщают данные, показатели и результаты работы, проводят необходимые расчеты, а также разрабатывают методические, нормативные, технические документы, учитывая особенности действующих стандартов, технических условий, положений и инструкций, основ экономики, организации, охраны труда и управления, основ трудового законодательства.

Если женщина-инженер предпочитает трудиться в сфере науки, тогда основными задачами ее работы будет являться поддержание творческой инициативы, развитие рационализатор-

Таблица 2

- составление технических чертежей/схем/проектов и проведение расчетов	- 37 / 47
- разработка/внедрение/наладка новых технологических процессов	- 26 / 15
- контроль над качеством выпускаемой продукции	- 25 / 18
- проведение исследований для обоснования технических решений	- 14 / 15
- разработка/внедрение/контроль условий труда, организация труда	- 14 / 10
- проведение испытаний новых устройств/установок	- 12 / 4
- иное	- 15 / 12

ской и изобретательской деятельности для повышения конкурентоспособности и технического перевооружения региона и страны в целом.

Непосредственно на производстве женщин встретить довольно сложно, поскольку условия труда, специфика деятельности промышленных предприятий, а в частности предприятий военно-промышленного комплекса и атомной промышленности не позволяет женщинам присутствовать на определенных участках технологического процесса.

В. Профессиональный и карьерный рост женщин-инженеров

Согласно квалификационному справочнику инженер должен знать: «директивные и распорядительные документы, методические и нормативные материалы по вопросам выполняемой работы; перспективы и условия выполнения работ; основные требования, технического развития и особенности деятельности предприятия (подразделений предприятия); действующие стандарты, технические условия, положения и инструкции по составлению и оформлению технической документации; достижения науки и техники, передовой отечественный и зарубежный опыт в соответствующей области деятельности; основы экономики, организации труда и управления; основы трудового законодательства; правила и нормы охраны труда» [7]. Знания подобного рода требуют регулярного пополнения и обновления, возможности про-

Таблица 3

Соответствующее образование	- 56 / 57
Высокая квалификация	- 56 / 51
Продолжительный опыт работы на предприятии	- 39 / 49
Личные интеллектуальные способности	- 53 / 51
Наличие коммуникативных качеств	- 43 / 41
Наличие лидерских качеств (качеств «управленца»)	- 47 / 35
Хорошая стрессоустойчивость	- 31 / 30
Признание в коллективе	- 24 / 22
Наличие «весомых» связей (родственники, знакомые)	- 21 / 20

Таблица 4
Сравнительный анализ должностного роста инженерных кадров

	На момент опроса	При трудоустройстве
Рабочий	6 / 1	51 / 26
Рядовой служащий	- / -	1 / 3
Рядовой ИТР	53 / 88	41 / 69
Руководитель начального звена	34 / 9	6 / 2
Руководитель среднего звена	6 / 3	1 / -
Руководитель высшего звена	1 / -	- / -

хождения различных курсов/семинаров повышения квалификации и переподготовки, что для семейных женщин является условием, тормозящим карьерный рост. В силу обстоятельств замужние и семейные женщины уделяют больше времени своей семье и в отдельных случаях только встречаются женщины, карьера которых находится «на высоте», но семейный уют и отношения с супругом и детьми чаще всего страдают. Специфика же мужского образа жизни и возможности предлагаемы в сфере трудозанятости позволяют мужчинам более продуктивно прийти к конечному результату.

На вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо для того, чтобы добиться возможности профессионального продвижения на данном предприятии?» респонденты ответили следующим образом (% от общего числа опрошенных – 900 мужчин, 300 женщин; в числителе ответы

мужчин, в знаменателе – женщин) (табл. 3).

Образование, высокая квалификация, опыт работы на предприятии интеллектуальные и коммуникативные способности для женщин являются одними из основополагающих условий для профессионального продвижения на предприятии. А для мужчин, например, наличие лидерских качеств становится важнее продолжительного опыта работы на предприятии.

По результатам проведенного исследования на ряде промышленных предприятий и в институтах отраслевой и академической науки специалисты с инженерным образованием были разделены на 6 категорий, в зависимости от занимаемой должности. На примере, сравнительного анализа рассмотрим возможности карьерного роста мужчин и женщин (% от общего числа опрошенных – 1200 человек, в числителе – мужчины, в знаменателе – женщины) (табл. 4).

Каждый второй представитель мужской части инженерных специалистов приходит работать на предприятие/организацию на должность рабочего, что позволяет в дальнейшем познакомиться со всей технологической цепочкой подготовки продукции и создать «базис» для карьерного и профессионального роста. Большая часть женщин-инженеров трудоустроивается на предприятие на должности рядового ИТР, на каких в последствие и «замораживаются», развиваясь профессионально, путем освоения новых участков работы и углубления знаний в определенной области. Женской части инженерных кадров присуще в большей мере горизонтальная профессиональная мобильность.

В заключении хотелось бы отметить следующее. «Сейчас мы очень заинтересованы в передаче опыта работы от старшего поколения к младшему. Страна нуждается в молодых инженерах, и нужно понять, что это молодым предстоит сделать страну другой – гораздо более сильной и умной. Потому что в этом мире уважают только силу, в том числе и силу интеллекта. Молодёжь должна понимать, что готова себя к жесткой конкурентной борьбе за лучшее место в мире, тем самым готовит к ней и свою страну» [6, 8]. Для реализации целей по воспроизводству инженерных кадров стране необходим приток толковых, ответственных специалистов с инженерно-техническим образованием, которые смогут реализовать свои инновационные идеи, прежде всего для технологического пере-

вооружения промышленности. Необходимость привлечения женщин в ряды инженерного корпуса формируется разработкой государственных и региональных программ по привлечению, сохранению и развитию специалистов на предприятиях, с учетом применения гендерной политики на уровнях профориентации, профотбора, профессиональной подготовки и профессионально-производственного развития и продвижения, учитывая социальную значимость демографического поведения женщин.

Литература

1. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23 июня 2014 год. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/45962> (дата обращения 12.09.14).
2. Павлов Б. С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.
3. Будник Г. А. Высшее инженерно-техническое образование женщин: история и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4. С. 37-44.
4. Шапкина Ю. В., Михайлова Т. Л. Женщина-инженер: проблемы гендерной дискриминации // В книге: Будущее технической науки. Сборник материалов XI Международной молодежной научно-технической конференции. Председатель редколлегии Н. Ю. Бабанов. 2012. С.418.
5. Павлов Б. С. Гендерная компонента процесса воспроизводства и использования инженерного корпуса в промышленности Урала / Б. С. Павлов, Д. А. Сарайкин, О. Р. Шевелева // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Моделирование демографического развития и социально-экономической эффективности реализации демографической политики России». Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. 2015. с. 206-216.
6. Интервью Дмитрия Рогозина. [Электронный ресурс]. // Сайт столичное образование. Режим доступа: <http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru> (дата обращения 09.03. 2016 г.).
7. «Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих» (утв. Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 N 37) (ред. от 12.02.2014). [Электронный ресурс]. // Сайт интернет-версии системы КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.05. 2016 г.).
8. Дмитрий Рогозин: «Мы должны максимально использовать все наши мозги и интеллект». [Электронный ресурс]. // Сайт ЦЭРС ИНЭС - Центр экономического развития и сертификации Института экономических стратегий РАН. Режим доступа: <http://profiok.com>. (дата обращения 09.03.16 г.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Становление гражданской идентичности в современной России

Краснопевцева В. В.

Гражданская идентичность выступает гарантией политической консолидации и единства общества. Ослабление ее значимости порождает серьезные проблемы, связанные с отчуждением общества от государства. В современной России проблема становления гражданской идентичности очень актуальна. Наша страна сегодня находится в состоянии демократического транзита. В сознании граждан возникло глубокое противоречие между ценностями традиционной политической культуры и гражданской культуры, которая находится в процессе своего формирования. Несоответствие ожиданий граждан и действительности породило проблему кризиса гражданской идентичности, которая требует незамедлительного решения как на социальном, так и на институциональном уровнях.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданская нация, гражданская культура, гражданское общество, демократический транзит, Россия.

Krasnopevtseva V. V.

The formation of civic identity in contemporary Russia
Civic identity is a guarantee of political consolidation and social cohesion. The weakening of its importance raises serious problems which are connected with the alienation of the society from the state. The problem of formation of civic identity is very actual in contemporary Russia. Our country is in condition of democratic transition nowadays. There is a great contradiction between the values of the traditional political culture and the civic culture that is in the process of its formation. The inconsistency of citizens' expectations and reality has raised the problem of the civic identity crisis that requires the immediate actions both at the social and institutional levels.

Key words: civic identity, civic nation, civic culture, civic society, democratic transition, Russia

Понятие «идентичность» на сегодняшний день является наиболее используемым, но в то же время одним из самых неопределенных в социальных и гуманитарных дисциплинах. Отечественный социолог В.А. Ядов полагает, что идентичность «есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям – таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом...» [38, с. 159].

Социокультурная идентичность представляет собой отождествление ценностных установок и представлений личности с ценностными установками и ориентирами определенных социальных групп, которые личностью воспринимаются как референтные, т.е. наиболее важные и престижные. Процесс социокультурной идентификации протекает в условиях осмысления человеком его духовно-нравственной принадлежности к группе, позволяющей личности осознать свою социальную и эмоционально психологическую значимость в качестве члена этой группы [14, с. 12].

Изменения, происходящие в современном российском обществе, находят свое отражение в иерархии и содержании ценностных ориентаций и взглядов людей. На фоне острой полити-

ческой, социально-экономической и духовно-нравственной нестабильности российского общества была нарушена целостность и упорядоченность процесса социокультурной идентификации российских граждан. Формирование новой социокультурной идентичности в современной России основывается на определенных объективных и субъективных факторах. Объективные условия социокультурной идентификации непосредственно связаны с трансформационными процессами российского общества, радикальными преобразованиями во всех его сферах. В качестве субъективных факторов социокультурной идентификации следует рассматривать противоречивые ценностные ориентации и установки жителей России, которые сочетают в себе как принципы и ценности демократического государства и рыночного уклада экономики, так и традиции советского общества и менталитет советского человека. Несовпадение компонентов субъективной стороны идентификации влечет за собой немалые трудности в формировании современной социокультурной идентичности, что не позволяет рассматривать ее в качестве фундамента социально-психологической безопасности и стабильности российского общества.

Наиболее значимым элементом социокультурной идентификации в эпоху социальной нестабильности является межпоколенческая идентификация, выступающая основой для формирования у человека устойчивых жизненных ориентиров. Это, в первую очередь, семейно-ролевые и этнические ценностные установки. Иной стороной социокультурной идентификации личности в современных условиях может рассматриваться гражданская идентификация, содержащая в себе гражданские ценностные установки. Оба этих элемента тесно связаны между собой, так как осознание этнической принадлежности, человек начинает ощущать своё гражданство.

Гражданская идентичность представляет собой разновидность социокультурной идентичности и при достаточно развитом гражданском обществе является её наивысший уровень. В то же время гражданская идентичность выступает структурным компонентом политической идентичности и является основанием политического самоопределения индивидов [25, с. 279-281]. Гражданская идентичность –

это «сложная система, которая формируется на основе устойчивых социокультурных характеристик общества, социально-политических, экономических, национально-культурных, религиозных и других особенностей» [36, с. 127]. Она представляет собой принадлежность индивида к некоей гражданской общности (будь то нация, государство или гражданское общество), его обязательное отождествление и соотнесение с ней в конкретном социально-политическом контексте, а также адекватные действия в соответствии с этой общностью, т.е. поведенческую модель гражданина [2, с. 38]. Гражданская идентичность выступает гарантией политической консолидации и единства общества. Ослабление ее значимости порождает во всех сферах серьезные проблемы, связанные с отчуждением общества от государства [21, с. 78].

Современные политологические представления о гражданской идентичности производятся из концепций правового государства и гражданского общества, предполагающих, что индивид связан с государством посредством закрепления правового статуса гражданина и вытекающих из такого статуса свобод, прав и обязанностей. Основанием для формирования гражданской идентичности является потенциальная возможность и уверенность граждан в их способности оказывать влияние на принятие политических решений. Это предполагает поддержку гражданами общественно значимых целей, а также различные формы политического и неполитического участия.

Гражданская идентичность опирается на чувство общности с гражданской нацией. Гражданская нация – это сообщество людей, объединенных единым происхождением, территорией, гражданством, принадлежностью к одному и тому же государству, высоким уровнем патриотизма и солидарности, а также добровольной приверженностью системе ценностей и культуре, которая ассоциируется с этим государством [11, с. 67]. По мнению В.А. Тишкова, «идеология гражданской нации включает принципы ответственного гражданина, версию общего прошлого, с его драмами и достижениями, патриотизм и лояльность государству» [33].

К основным факторам формирования гражданской идентичности можно отнести следующие:

- политическая активность человека, связанная со способностью локализовать и защитить свои интересы;
- способность обозначить свое собственное отношение к явлениям социальной реальности, готовность принимать самостоятельные решения;
- перспективная ответственность за свои поступки, осознание их возможных последствий;
- способность к различным формам совместной деятельности, к солидаризации вокруг общих целей и ценностей [31, с. 88-89].

Стоит отметить, что в современном политологическом дискурсе существуют различные точки зрения на предмет соотношения понятий гражданской, государственной, национальной идентичностей. В системе самоидентификации гражданина, который живет в век глобализации, понятия государства и нации располагаются в одном ряду, но не являются тождественными друг другу. Национальная идентичность может не совпадать с государственно-гражданским правовым статусом. Тем не менее, в российской науке утвердилось понятие государственно-гражданской, или национально-гражданской, идентичности как принадлежности к сообществу граждан государства. Широко используются также термины «национально-государственная идентичность», «российская идентичность», которые употребляются в качестве синонимов гражданской идентичности [25, с. 283-301].

В настоящее время проблема становления гражданской идентичности в России очень актуальна, ведь именно в кризисные и переломные периоды, в каком и находится сейчас наша страна, данная проблема выходит на первый план. Поиск гражданской идентичности у нас несет в себе негативный оттенок и элемент вынужденности, так как толчком к ее формированию стало такое драматичное событие, как распад Советского Союза, вследствие которого наступил идеологический вакуум, и возникла необходимость формирования новой государственной идентичности.

После распада СССР в 1991 году, в России начался процесс демократизации, т.е. страна вошла в состояние так называемого демократического транзита. Это понятие используется сегодня для описания многих процессов, происходящих на территории бывшего Советского

Союза. Переход к демократии был связан с изменениями на двух уровнях: институциональном и социальном. Изменения на институциональном уровне представляют собой реформу экономической и политической системы. Демократизация политической системы и создание экономического рынка требуют, в свою очередь, адаптации массового сознания к современным политическим институтам и ценностям. Успешность институционального перехода во многом зависит от того, насколько он поддерживается гражданами страны. Институциональные изменения в обществе стали причиной социальных преобразований. Трансформации на социальном уровне подразумевают перемены в ментальности и социальной психологии граждан, а также формирование новых ценностных ориентаций и традиций, способов политического участия.

Распад Советского Союза затронул жизнь каждого гражданина. В стране, по сути, революционным путем произошла масштабная замена одной социально-политической системы на другую. Система государственного социализма потерпела свое крушение, а на смену пришли капиталистические социальные отношения. Люди, которые родились и выросли в СССР, нелегко привыкали к новым условиям, новой государственности. Это оказало большое влияние на формирование новых ценностей и образцов политического поведения граждан России.

В советское время действовал жесткий идеологический контроль, политическое воздействие было однонаправленным – сверху вниз. В связи с этим роль лидера была очень велика, народ беспрекословно подчинялся руководству, воспринимал все на веру, так как в сознании людей еще со времен существования монархии сформировался образ правителя-самодержца. Шло формирование авторитарного подданнического сознания; получил свое распространение так называемый феномен вождизма, основанный на культе личности, преданности лидеру [29, с. 49]. Народ сплотился вокруг «сильной руки» и представлял собой единую национальную гражданскую идентичность, гражданскую нацию – советский народ – общность людей разных национальностей, которые имели общую Родину, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общее мировоз-

зрение, а также общую цель – построение коммунизма. У каждого человека существовала чёткая идентификация себя с Советским Союзом. В советское время люди понимали, гражданами какого государства они являлись, с гордостью воспринимали себя таковыми, считали СССР сильным и могущественным. Правительством была выстроена четкая идейно-символическая связь между государством и людьми, постоянно декларировалось единство цели советского народа, осознание гражданами СССР их социально-исторической миссии. После распада Советского Союза все это потеряло свою актуальность, и новое государство не смогло в этом плане предоставить что-то аналогичное.

В начале 1990-х гг. люди возлагали большие надежды на построение демократического общества. В те годы жители нашей страны хотели перемены строя, сближения с Западом и повышения уровня жизни. Демократию тогда восприняли в качестве синонима благополучия, а свободу – синонимом счастья [30]. Тем не менее, реальность заметно разошлась с надеждами граждан и породила разочарование. Вскоре стало понятно, что Россия далека от демократического государства. По данным исследования ВЦИОМ «Двадцать лет без СССР», проведенном в 2012 году, 56% россиян, т.е. каждый второй опрошенный, сегодня с сожалением отзываются о распаде Советского Союза [5].

В посткоммунистическом обществе на смену патерналистской ориентации государства пришел принцип «надежды на самого себя». После начала проведения либеральных реформ государство «ушло в сторону» и практически во всех сферах общественной жизни лишь обозначило свое присутствие, дистанцируясь от общества. На смену государственным организациям пришли так называемые квазигосударственные, частные организации (частные больницы, пенсионные фонды и т.д.). У верхов, в отличие от народа, присутствует уверенность в завтрашнем дне, защищенность и безопасность, что позволяет им в случае недовольства населения, беспорядков и протестов найти пути отступления и «запасные аэродромы». Соответственно, снижается и их ответственность за происходящее в стране, что выражается в низком качестве производимых товаров и оказываемых услуг, закрытии нерентабельных заводов, школ, больниц, вузов, коммерциализации образования и

медицины и т.д. В таких условиях народ перестает ощущать себя хозяином в своей стране. Люди попросту заняты выживанием, растет страх за себя и близких. На первый план выходят материальные ценности и потребность в безопасности, происходит отстранение людей от социума, увеличивается ориентация на семью и бытовые проблемы.

Такая ситуация послужила причиной отчуждения граждан от государства. В данном контексте следует отметить, что в России на сегодняшний день существуют федеральный и региональный уровни идентичности [20, с. 126-145]. За последние годы в стране прослеживается стремление к частичной замене гражданской идентичности этнической и региональной, вследствие чего существует угроза так называемого «синдрома потери идентификации на общегосударственном уровне» [8, с. 272].

Сейчас возникло глубокое противоречие в сознании граждан между ценностями традиционной политической культуры и гражданской культуры. Российская политическая культура отличается традиционализмом, преобладанием пассивно-подданических и патерналистских ориентаций, этатизмом, персонификацией и сакрализацией власти, правовым нигилизмом [13, с. 21]. По мнению Ю.С. Пивоварова, функционирование системы государственного управления диктуется «самодержавной политической культурой» (цит. по: [9, с. 72]). Подтверждением традиционализма российского общества является возрастание роли религии, возвращение религиозных, прежде всего, православных традиций, так называемый «православный ренессанс». По данным Левада-центра, за последнее десятилетие число людей, относящих себя к православным верующим, выросло на 12% [26].

Люди одновременно тянутся к демократическим свободам и «сильной руке государя». У россиян, благодаря их историческому прошлому, все еще сохранилась вера в «царя», «монарха», чей авторитет непоколебим. Так, по словам В.К. Левашова, российское общество «на большей части своего политического маршрута привыкло верить и идти за одним вождем, военачальником, политическим лидером» [12, с. 490]. Исторически сложилось, что у советских людей потребность в гражданском обществе никогда не была ярко выражена. Вследствие этого, как отмечал Ю.А. Левада, и у российских граждан

после распада Советского Союза потребность в политических, гражданских свободах оказалась довольно слабой, люди к ним попросту не привыкли [37].

Вопрос, касающийся становления гражданского общества в современной России, является в определенной степени дискуссионным. Большинство исследователей сходится в том, что оно формируется, однако налицо дефицит адекватных условий для развития главной составляющей гражданина – взаимного признания и учета каждым индивидом интересов другого как равного и достойного уважения человека, обладающего таким же гражданским статусом. Именно равенство лежит в основе современного гражданского общества – отсутствие какой-либо дискриминации по экономическому, социальному, религиозному, этническому основанию.

Социальный потенциал гражданского общества в современной России пока невелик. В ходе реформ сложился так называемый «механизм торможения» становления правового государства и гражданского общества, опасность которого создает правящая элита. Возникает некоторое впечатление, что у власти свое представление о гражданском обществе. Она ограничивает исходящую снизу демократическую, политическую и гражданскую активность и стремится культивировать собственные гражданские объединения, послушные и управляемые. Концепция гражданского общества была предложена «сверху», а между тем, институты гражданского общества должны организовываться «снизу» с помощью самоорганизации граждан и по их инициативе. У народа складывается устойчивое мнение, что источником реальной политической власти и ее носителем является только бюрократия и богатые люди. Тем не менее, согласно принципам демократии, источником политической власти и суверенитета является народ.

В то же время становление гражданского общества в России во многом будет обусловлено реальной политикой государства в экономической, социальной, духовной и политической сферах. Не вызывает сомнений необходимость на переходном этапе сильной власти для формирования условий развития гражданского общества и социально ориентированного правового государства. Необходима политическая воля

и ответственность правящей элиты за настоящее и будущее нашей страны.

Еще одна причина неразвитости гражданского общества в России – относительная слабость среднего класса как его социальной базы. Сегодняшняя действительность демонстрирует то, что в политико-культурном отношении средний класс носителем гражданской культуры пока так и не стал. Он далек от активного участия в политике и взаимоотношений с властью. Более того, численность среднего класса сравнительно невелика. В апреле 2013 года в РАНХиГС на конференции «Средний класс: исторические и социологические вопросы» директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Т.М. Малева отметила, что с 2000 года к среднему классу в России можно отнести примерно 20% населения, и более чем за десять лет данная цифра не изменилась [10]. Как показал опрос ВЦИОМ по заказу международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году, по самоопределению лишь 11% граждан соотносят себя со средним классом [32]. Этот факт, несомненно, является тормозом на пути к формированию гражданского общества в нашей стране. Причины коренятся в ошибочной политике российских реформ, приведшей к сильному расслоению общества, росту нищеты и социальной напряженности, засилью коррумпированного чиновничества. Большинство этих проблем до сих пор остаются нерешенными.

Важным условием формирования гражданского общества и гражданской идентичности выступает социальное доверие, связанное с соблюдением каждым гражданином определенных правил, с верой в их выполнимость и эффективность, а также ожиданием от других исполнения взаимных обязательств. Доверие граждан может проявляться как к политическим и общественным институтам, Правительству и Президенту, так и в сфере межличностных отношений – друг к другу. Таким образом, доверие служит источником социальной и социальной интеграции общества. Особую роль играют, прежде всего, именно горизонтальные связи, с помощью которых люди взаимодействуют между собой как независимые от государства индивиды. Именно такие гражданские добродетели, как доверие, уважение к другому индивиду, равенство и справедливость лежат в основе норм социальных взаимодействий, раз-

личных гражданских практик, в ходе которых реализуется гражданская активность [22, с. 24].

Ослабление законности и правопорядка, рост преступности и коррупция сильно подорвали уважение и доверие граждан друг к другу и к существующим политическим и общественным институтам. Отчуждение граждан друг от друга, как полагает М. Ховард, проявляется в том, что они «сохраняют сильное недоверие к добровольным организациям», «продолжают пользоваться неформальными частными и дружескими связями», ощущают крайнее разочарование политическими институтами и экономической системой, которые еще больше отвращают их от участия в общественной жизни» [35, с. 158]. По данным ВЦИОМ за ноябрь 2015 года, деятельность политических партий и судебной системы не одобряют около 30% населения, профсоюзам не доверяют 31%. Деятельность Государственной Думы и Совета Федерации положительно оценивают чуть более половины населения нашей страны (52 и 53%). Высокой поддержкой пользуются церковь (71%) и армия (84%) [19]. Наибольшее же одобрение, как и следовало ожидать, проявляется в отношении вертикали власти: деятельности Президента (88%) и Правительства (67%) [18]. В.В. Путина как лидеру государства доверяют на сегодняшний день 64% населения страны [7]. По данным ФОМ, 72% россиян избрала бы В.В. Путина на четвертый срок, если бы выборы состоялись в ближайшее время [3].

Тем не менее, часть общества критически воспринимает новый политический курс и все реже с одобрением относится к проведению новых реформ, особенно социальных. По мнению значительной части населения, практически все реформы, начатые в недавнем прошлом, так или иначе завершились неудачно, либо не были доведены до логического конца. Реформы создают напряжение в обществе, люди не могут адаптироваться к новым социальным условиям. Для сравнения: по данным социологического опроса за 2001 год, около 34% населения России выступало против реформ, в 2011 году их доля составила уже 43%. В частности, отношение к либерализации цен и переходу к рыночной экономике в обществе сложилось в большей степени отрицательное (66% против) [6, с. 9]. Все опрошенные в ходе всероссийского социологического исследования сходятся в

том, что в 1990-е гг. был осуществлен худший вариант реформирования экономики и других сфер общественной жизни из всех возможных [6, с. 19]. Негативное отношение граждан к реформам связано с тем, что большинство понимает их цель не как стремление правительства к благоприятным изменениям в государстве и обществе, к прогрессу страны, а как попытку удержать власть в корыстных, зачастую личных целях. Среди наиболее значимых потерь в ходе реформ люди называют снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, отсутствие порядка в стране и рост коррупции, утрату чувства стабильности и безопасности, сильное расслоение общества на богатых и бедных [6, с. 19].

Реформы последних лет также вызывают недоумение и критику со стороны россиян. Так, например, по мнению 62% опрошенных, недавняя реформа образования привела к падению общего уровня российского образования [28], а пенсионную реформу одобряют лишь 7% населения [23].

Все это порождает в обществе разочарование, апатию и нежелание активно действовать во благо своего государства. Наблюдается большой разрыв между индивидуальным и коллективным сознанием. На смену коллективизму, царившего в СССР, пришел эгоистический индивидуализм, так называемый «поведенческий паралич» [1, с. 31]. Происходит отчуждение граждан от общественной и политической жизни, люди все больше и больше испытывают чувство беспомощности и осознают свою неспособность повлиять на происходящее. Налицо низкая гражданская и правовая культура людей, неумение и нежелание бороться за свои права.

Если говорить о политическом поведении граждан в период трансформации общества, то здесь имеет место тип политической культуры «наблюдателей», или культура «сторонних зрителей». В ней высокий уровень интереса к политике сочетается с политической апатией и нежеланием участвовать в политической жизни общества, т.е. политическим абсентизмом. Ту или иную степень политической активности сегодня демонстрируют 57% россиян, из которых лишь 12% практикуют деятельные формы участия, а 45% проявляют интерес к политике, но пока не выходят за рамки эпизодической и преимущественно формальной включенности [16].

Неспособность власти обеспечить механизмы вовлечения граждан в социально-политические процессы можно рассматривать как кризис политического участия. В последние десятилетия создается такое впечатление, что для правящего класса политическая активность населения невыгодна. Выборы являются основным демократическим институтом, позволяющим гражданам воздействовать на власть, тем не менее, в наши дни уровень абсентеизма очень велик. Это связано с нежеланием граждан принимать участие в заранее подготовленном сценарии, так как, по мнению значительной части населения страны, результаты выборов predetermined, а сама процедура утратила свою прозрачность. Так, по данным Левада-центра, лишь 8% граждан были абсолютно уверены в том, что выборы 13 сентября 2015 года были проведены честно и прозрачно [15].

Политические партии не смогли пока в полной мере внести свой вклад в формирование гражданского общества в России. Граждане скептически относятся к поправкам 2012 года к закону «О политических партиях» [34]. Согласно ему, минимальная численность членов партий, необходимая для их регистрации, сокращается с 40 тысяч до 500 человек, что ведет к резкому росту новых партий. Опрос, проведенный Левада-центром в июле 2012 года, показал, что россияне не видят особого смысла в подобных нововведениях: 56% респондентов высказались против создания в нашей стране новых политических партий, лишь 24% считают необходимым их появление. Граждане считают, что новые партии в основном создаются с целью удовлетворения амбиций отдельных политиков (22%), а также большинство склоняется к тому, что России сейчас необходимы две или три большие партии (44%) [17].

Большое влияние на кризис гражданской идентичности оказало отсутствие в нашей стране четких целей политического развития и ценностных ориентаций, «национальной идеи». По словам А.И. Соловьева и В.П. Пугачева, кризис идентичности «наступает тогда, когда распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминирующей политической культуры, заставляет людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в обществе и связей с государством» [27, с. 372]. Общество, утратившее общую цель, становится очень неста-

бильным, так как формирование национальной идеи является условием единой политико-культурной идентичности государства. Одним из недостатков государства в эпоху либерально-демократических преобразований явился дефицит в системе четких идеологических ориентиров, способствующих легитимации проводимых реформ и осознанию пути, по которому должна развиваться страна. Ряд отечественных специалистов считает, что в России для интеграции всего общества необходим «достойный общегражданский проект» [4, с. 75], нередко определяемый как потребность в национальной идее или даже общегосударственной идеологии.

Негативную роль в формировании гражданской идентичности сыграло и то, что с началом либеральных реформ государство заняло изоляционную позицию по отношению к молодежи - молодое поколение было отпущено в «свободное плавание». Государство не уделяло должного внимания осуществлению молодежной политики из-за отсутствия четкого курса государственного развития. Вследствие этого у молодых людей возникло ответственное чувство безразличия к государственным структурам, произошло их дистанцирование от общественно-политической жизни. Тем не менее, в последние несколько лет, впервые за годы реформ, молодежь стала рассматриваться именно как стратегический ресурс развития страны. Осознавая реальную роль молодого поколения в воспроизводстве социальных и политических структур и формировании гражданского общества и гражданской культуры, а также принимая во внимание ошибочность политики 1990-х годов, государство пытается наладить контакт с молодыми людьми. Политические элиты во многих городах России создают молодежные организации, молодежные кадровые резервы для социальных институтов, представительных и исполнительных органов государственной и местной власти, «молодежные правительства», «молодежные парламенты». Развиваются национальные проекты, ориентированные на молодежь, молодых людей включают в партийные списки, рекрутируют во властные структуры.

Помимо этого важен поиск путей успешной политической социализации подрастающего поколения, в частности совершенствование программ по гражданскому образованию и воспи-

танию. Вместе с тем необходимы изменения в политической, экономической и социальной сферах, формирование условий для дальнейшего развития гражданского общества и гражданской идентичности населения.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: Логос, 2005. - 390 с.
2. Большаков А. Г., Зазнаев О. И. Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012. - № 12 (26): в 3-х ч. - Ч. II. - С. 38-41.
3. В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы. URL: <http://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения: 01.02.2016).
4. Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. Магун В.С. - М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. - С. 74-102.
5. Двадцать лет без СССР. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113508> (дата обращения: 01.02.2016).
6. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад / под ред. Горшкова М.К., Крумма Р., Петухова В.В. - М.: Издательство Института социологии РАН, 2011. - 304 с.
7. Доверие политикам. URL: <http://wciom.ru/confidence-politicians/> (дата обращения: 03.02.2016).
8. Ионин Л.Г. Социология культуры. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. - 427 с.
9. Карпова Н.В. Социология политической культуры современной России. - М.: ООО НИЦ «Инженер», 2012. - 168 с.
10. Консервы среднего класса. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2013/05/23_a_5333537.shtml (дата обращения: 02.02.16).
11. Кузнецова Е.И. Проблемы формирования гражданской нации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2012. - Вып. 150. - С. 63-67.
12. Левашов В. К. Социополитическая динамика российского общества (2000-2006). - М.: Academia, 2007. - 514 с.
13. Мамина Н.А. Влияние политических традиций на механизмы функционирования политических систем: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. - М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. - 180 с.
14. Миранович В.Н. Социокультурная идентификация личности: социологический анализ: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. - Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2004. - 163 с.
15. Мнение россиян о региональных выборах. URL: <http://www.levada.ru/old/23-09-2015/edinyi-den-golosovaniya> (дата обращения: 02.02.2016).
16. Общероссийское исследование ИС РАН «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического развития». URL: [http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014(1).pdf) (дата обращения: 03.02.2016).
17. Общественное мнение о политических партиях. URL: <http://www.levada.ru/09-08-2012/obshchestvennoe-mnenie-o-politicheskikh-partiyakh> (дата обращения: 31.01.2016).
18. Одобрение деятельности государственных институтов. URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения: 01.02.2016).
19. Одобрение деятельности общественных институтов. URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshchestvennykh_institutov/ (дата обращения: 01.02.2016).
20. Паин Э.А. Распутица. Полемиические размышления о предопределенности пути России. - М.: РОССПЭН, 2009. - 269 с.
21. Панкратов С. А., Тельнова Н. А. Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Известия Саратовского университета. - 2011. - Т. 11. Сер. Социология. Политология. - Вып. 4. - С. 75-79.
22. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. - 2009. - № 6. - С. 24-32.
23. Пенсионная реформа: осведомленность и отношение россиян. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/11189> (дата обращения: 31.01.2016).
24. Политика невмешательства. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=1130> (дата обращения: 15.12.2015).

25. Политическая социология. Учебно-методический комплекс / под ред. Евгеньевой Т.В. - М.: РОССПЭН, 2013. - 520 с.
26. Православных россиян все больше, в церковь ходят все меньше. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/12/131224_russia_religion_polls.shtml (дата обращения: 30.01.2015).
27. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 382 с.
28. Россияне о ЕГЭ: мониторинг. URL: <http://wsciom.ru/index.php?id=459&uid=114253> (дата обращения: 31.01.2016).
29. Самсонова Т.Н. К вопросу о формировании гражданственности в современной России // Гражданское общество: теория и практика. Ежегодник / под ред. Миронова Б.Г. и Резника Ю.М. - М.-Чебоксары: ЧГПУ, 2011. - Выпуск 5. - С. 49-62.
30. Свобода или счастье? Социолог М. Горшков – о народной мечте и взрослении общества // АиФ. - 2013. - № 12.
31. Семенова Ю.А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестник ОГУ № 7 (113). - Июль 2010. - С. 87-92.
32. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. Социологический опрос. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf (дата обращения: 27.01.2016).
33. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Известия. - 2007. - 19 июня.
34. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О политических партиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146131/ (дата обращения: 30.01.2016).
35. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. - М.: Аспект Пресс, 2009. - 192 с.
36. Шикова Р.Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. - Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2009. - № 1. - С. 126-132.
37. Юрий Левада: «Запугивание населения – признак растерянности власти» // Новая газета. - 2004. - 15-17 сентября.
38. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. - 1995. - № 3-4. - С. 158-181.

Информационные войны США с исламскими странами

Кобелева Е.С.

Значимые политические события, произошедшие за последние десятилетия, сопровождались массированными информационными воздействиями конфликтующих сторон как друг на друга, так и на мировое общество в целом по всем доступным каналам средств массовой информации (пресса, радио, телевидение, Интернет). Предпринята попытка разобраться в способах и методах ведения информационной войны США, проводимой ими как самостоятельно, так и с использованием влияния и возможности стран-спутников. Подробно описаны методы информационного воздействия, использованные американцами в своё время при насаждении «демократии по-американски» во Вьетнаме в 1965-1973 годах, в Югославии (в 1992-2003 годах) в 1999 году, в Афганистане (с 2001 года по настоящее время), в Ираке (в 2003-2011 годы), в Ливии (в 2011 году), в Сирии (с 2011 года по настоящее время), в Египте, Тунисе, Йемене и других. А теперь ещё и в Украине – начиная с ноября 2013 года.

Ключевые слова: информация, информационные войны, межгосударственные отношения, каналы средств массовой информации (пресса, радио, телевидение, Интернет), информационное пространство, Соединённые Штаты Америки, Россия, Ирак, Сирия, Ливия, Египет, Тунис, Йемен, НАТО, ООН.

Kobeleva E.S.

Information america's warfar with islamic countries

Significant political developments in recent decades have been accompanied by a massive information influences the conflicting parties as to each other and to the global society at large through all available media channels (press, radio, TV, Internet). An attempt to understand the ways and methods of information warfare by the U.S., conducted by them, both independently and using the influence and capabilities of the satellite countries. To learn more information influence methods used by the Americans at the time, in the imposition «of American-style democracy» in Vietnam in 1965-1973 years, in Yugoslavia (1992-2003) in 1999, in Afghanistan (2001-present), Iraq (2003 to 2011), in Libya (2011) Syria (2011-present), Egypt, Tunisia, Yemen and others. And now in Ukraine since November 2013.

Key words: information, information warfare, international relations, channels of mass media (press, radio, TV, Internet), information space, United States of America, Russia, Iraq, Syria, Libya, Egypt, Tunisia, Yemen, NATO, UN.

Значение информационных войн в современной мировой политике вряд ли у кого вызывает сомнение. Все значимые политические события, произошедшие за последние десятилетия, сопровождались массированными информационными воздействиями конфликтующих сторон как друг на друга, так и на мировое общество в целом по всем доступным каналам средств массовой информации (пресса, радио, телевидение, Интернет). Начиная с вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году, ни один из международных вооружённых конфликтов (в Югославии, в Ираке, в Афганистане, в Ливии, в Сирии, а теперь уже и в Украине) также не избежал боёв и битв в информационном пространстве. До недавнего времени, после разрушения Советского Союза, в мире действовала однополярная система взаимоотношений, при которой Соединённые Штаты Америки в одностороннем порядке присвоили себе право определять, что хорошо, а что плохо для себя и всех остальных государств мира. Рассматривая события, происходящие в различных уголках нашей планеты, невольно приходишь к мысли: а насколько соответствуют истине понятия о добре и зле, проповедуемые и насаждаемые по всему миру этим государством? Попробуем разобраться в способах и методах ведения информационной войны США, проводимой ими как самостоятельно, так и с использованием влияния и возможности стран-спутников. Остановимся подробнее на методах информационного воздействия, которые были использованы американцами в своё время при насаждении «демократии по-американски» во Вьетнаме в 1965-1973 годах, в Югославии (в 1992-2003 годах) в 1999 году, в Афганистане (с 2001 года по настоящее время), в Ираке (в 2003-2011 годы), в Ливии (в 2011 году), в Сирии (с 2011 года по настоящее вре-

мя), в Египте, Тунисе, Йемене и других. А теперь ещё и в Украине – начиная с ноября 2013 года.

Рассмотрение начнём с примеров организованного информационного воздействия американцев в их борьбе с мусульманскими странами Ближневосточного региона. В этой связи необходимо упомянуть американский план «Великий Ближний Восток», который президент Джордж Буш-младший подписал на саммите НАТО в Анкаре в 2004 году. Этот план, в котором заложена идея разрушения свойственного арабским государствам традиционного «закрытого» общества и перемешивания его иерархических слоёв, целенаправленно реализуется Соединёнными Штатами и при действующем президенте – Бараке Обаме. Цели, обозначенные в «Великом Ближнем Востоке», планируются достичь путём разжигания [7] гражданской войны, с неизбежно сопутствующим ей большим количеством беженцев, перемещающихся как внутри страны, так и за её пределы.

Анализируя события, произошедшие в регионе после 2004 года, неизбежно приходишь к выводу о том, что формирование конфликта интересов значительных социальных групп в стабильном обществе патриархальной страны невозможно добиться без массивного и длительного информационного воздействия, направленного на зарождение и укрепление антагонистического недовольства населения действующим режимом.

В настоящее время, думаю уже можно констатировать, что череда так называемых «цветных революций», начавшаяся в декабре 2010 года [8] в Тунисе, и «пулемётной очередью» расстрелявшая Египет (начиная с января 2011 года), Йемен, Ливию, Бахрейн, Ирак, Иорданию и даже Иран (все – февраль 2011 года) финансировалась и организовывалась из одного центра [9] и имела своей целью отнюдь не декларируемые идеалы демократии и свободы... Как показало прошедшее время, целью этих спровоцированных и проплаченных извне вспышек массового народного недовольства существующими (правда, отнюдь не «белыми и пушистыми») политическими режимами было насаждение более кровавых форм правления и/или всеобщего хаоса и раздробленности в межгосударственных отношениях региона.

Независимо от успешности конечных результатов указанных антиправительственных дей-

ствий, а также с учётом проходивших в этот же период акций протеста в Марокко, Алжире, Судане, Омане, Джибути и Кот-д'Ивуаре, становится ясно, что понятие «демократия» различными слоями общества в различных странах интерпретируется по-разному. Несомненно при этом и то, что содержание и методы достижения внешнего облика «демократического общества», количество жертв для его достижения для внешних «кукловодов» существенной роли не имеют.

Внешние «режиссёры» и «спонсоры» обеспечивают информационное и экономическое расшатывание и развал существующих форм общественного устройства. А доморощенные национальные «революционеры», являющиеся всего лишь движущей силой, топливом и жертвами (одновременно) процессов свержения существующих режимов правления, даже не понимают, что реализуемые их руками «революции» приводят к власти других людей, навязанных извне этими самими «режиссёрами» и «спонсорами».

Раз уж мы коснулись понятия «демократия» в приложении к псевдореволюционным процессам, происходившим в недалёком прошлом в отдельных странах Ближнего Востока [10, с. 169], то хотелось бы остановиться на трёх типах демократии, которые французский философ Ален де Бенуа выделял в своей работе «Проблема демократии» (1985). Под первым типом - «Демократией свободы», он понимает либеральную демократию, которая насаждается Западом, и которую можно разделить на американскую и европейскую. Ко второму типу Бенуа относил «Демократию равенства», к которой можно отнести все социалистические модели государственного устройства, например: Германская Демократическая Республика, Китайская Народная Республика, Союз Советских Социалистических Республик (так называемая «советская демократия»), Демократическая Республика Конго, и др. Под третьим типом, - «Демократией братства», он понимал государственное устройство, характерное для традиционных клановых обществ «закрытого» типа, свойственных большинству арабских государств. Исходя из данной терминологии можно предположить, что целью действий США и их союзников в Ближневосточном регионе являлась замена «демократии братства» на «демократию

свободы». Характерным подтверждением этого тезиса может служить опубликованная на сайте «Викиликс» («Wikileaks») информация о подготовке Вашингтоном в 2011 году государственного переворота в Арабской Республике Египет. План этого переворота отразил все основные элементы американско-натовского шаблона свержения законной власти в государствах (и не только мусульманского Востока), действия которых в чём-то не устраивают Америку. В соответствии с положениями американского плана, непосредственным проявлением гражданского неповиновения отдельных групп населения (на площади «Тахрир»), высказывающих недовольство политикой действующих властей, предшествовала длительная кропотливая работа американских неправительственных организаций по следующим направлениям деятельности:

- подготовка определённых слоёв населения (в основном молодёжи и людей среднего возраста);
- формирование недовольства среди критически настроенных участников местных социальных сетей;
- объединение их в сплочённые группы;
- выработка системы связи для одновременного вывода их на улицы и площади городов при поступлении соответствующей команды от внешних кураторов «псевдореволюции».

При этом нелишне будет отметить, что если хорошенько покопаться в источниках финансирования указанных американских неправительственных (вроде) фондов и ассоциаций, можно наткнуться на государственные деньги.

Анализируя события, произошедшие в Египте после января 2011 года, полагаю необходимым более подробно остановиться на месте и роли электронных сетевых ресурсов в происшедших событиях. Особо хотелось бы отметить социальные сети «Твиттер» («Twitter»), «Фейсбук» («Facebook») и «Блекберри мессенджер» («Blackberry Messenger»), сыгравшие ключевую роль в объединении и координации оппозиции. Созданный в 2006 году «Твиттер» объединяет свыше 200 млн. пользователей, которые каждый день составляют 50 млн. коротких сообщений. Крупнейшая в мире социальная сеть «Фейсбук» объединяет более 500 млн. только зарегистрированных пользователей. В результате активных, не контролируемых со стороны офи-

циальных властей Египта, действий в этих сетях египетской оппозиции, хорошо подготовленной извне и хорошо мотивированной, происходила координация действий недовольной молодёжи, пропаганда, агитация и вербовка новых сторонников. Характерно, что одним из лидеров египетской оппозиции являлся сотрудник американской интернет-компании «Гугл» («Google»), предоставляющий услуги поиска информации в Интернете. Перечисленные социальные сети в Интернете оповещали молодёжь о месте и времени акций протеста, предоставляли возможность для выражения несогласия с действиями властей и организации антиправительственных демонстраций. В результате, даже некоторые западные средства массовой информации называли события в Тунисе и Египте «Фейсбук- и Твиттер-революцией». Кроме этого, необходимо отметить, что социальные сети, круг пользователей которых распространяется не только на другие страны, но и на другие континенты, является прекрасным средством для соответствующей подготовки и организации больших масс людей с целью достижения определённых, как позитивных, так и деструктивных, результатов. Соцсети позволяют не только подготовить морально или аморально и собрать в определённом месте в конкретное время значительное количество людей, но и вооружить их определёнными знаниями и навыками, обеспечить им сбор финансовых средств, подготовку сочувственного общественного мнения как в своей стране, так и по всему миру.

Однако всё это возможно только при одном условии: если этим действиям не воспрепятствует страна, на территории которой сети зарегистрированы, на территории которой располагаются их основные ресурсы и гражданами которой являются владельцы этих сетевых ресурсов. Ещё одним примером сказанному могут служить массовые выступления граждан по всей Франции с одобрения властей с социальными лозунгами в поддержку Сирии и арабского мира в борьбе с американским произволом [10, с. 259]. Эти митинги сопровождались уличными беспорядками и погромами с участием жителей арабских кварталов, что представлялось миру посредством средств массовой информации как угроза массовых арабских выступлений [10].

При рассмотрении трёх типов демократии «по Алену де Бенуа» необходимо понимать, что

простая замена «демократии братства» не могла быть реализована по обычному сценарию пошаговой сетевой войны, первым шагом которой является насаждение идеологического влияния. Традиционные клановые общества относятся к «закрытому» типу, а это означает их крайнюю невосприимчивость к западным идеологическим ценностям. Указанное свойство таких обществ подтверждает и теоретик западной глобализации Карл Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги» [14]. Поппер утверждает, что «закрытые» общества являются врагами «открытых», так как отвергают лишь западное цивилизационное воздействие. Отсюда, по его мнению, и следует вывод о том, что названный первый шаг сетевой войны (насаждения идеологического влияния) просто не сработает. В действительности так и произошло: под «идеологемами» свободы и демократии протестующие понимали свои, сугубо арабские, категории, в значительной степени отличающиеся от американско-европейского их понимания. Это во многом и определило дальнейшее смещение вектора направления развития событий от запланированного внешними кураторами.

Далее оппозиция приступила к реализации второго пункта разработанной стратегии – воспользовавшись недовольством некоторых групп населения экономическим положением в стране, дестабилизировать общественные настроения с целью дальнейшего перехода к развязыванию гражданской войны с вовлечением кланов в конфликт и друг с другом.

Далее происходит подрыв традиционного консервативного общества «закрытого» типа и замена его гражданским обществом со свойственными ему индивидуализмом и одиночеством каждого индивида. Таким обществом становится проще управлять по технологии «управляемого хаоса», что легко приводит к заранее продуманной ещё до начала процесса цели.

Подробное описание данной теории можно найти у известного современного американского стратега, геополитика и дипломата Стивена Манна в работе «Теория хаоса и стратегическое мышление» [13]. Получается, что в этом, собственно, и заключается глобальный изначальный смысл так называемой «Арабской весны», спланированной и реализовавшейся в отдельных арабских странах Соединённым Штатами Америки и их союзниками в Арабском мире.

Характерным, и по-своему первым, примером информационной войны против руководителя государства, негодного Америке и отдельным странам Евросоюза, можно считать информационную составляющую уничтожения Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии.

Свержение Моаммара Каддафи, а затем и его физическое уничтожение является ярким примером проявления беззакония в международных отношениях, уже не раз проявленного «Евроатлантическими» союзниками при достижении своих корыстных целей.

Путём применения на первом этапе агрессии организованного информационного воздействия легитимный руководитель государства был оклеветан в мировом масштабе, заклеимён как сатрап, уничтоживший все свободы в государстве и физически истребивший представителей отдельных групп граждан.

Результатом второго и основного этапа агрессии группы государств против Ливийской Джамахирии явилось физическое устранение её лидера и полное разрушение государства.

Примечательно, что при молчаливом непротиводействии ООН подобному воздействию может быть подвергнута практически любая страна мира за «непослушание» воле (или интересам) глобальной «сверхдержавы». При необходимости (ведь не все же позволяют себя безнаказанно «бить») «наказание» может быть даже «легитимизировано» через резолюцию Организации Объединённых Наций. Резолюция при этом будет иметь текст, содержание которого любая из стран-оппонентов может не только толковать в пользу своих интересов, но и наносить бомбовые и ракетные удары по территории суверенной страны.

Яркой особенностью динамики развития событий в Ливии является их постоянное широкое освещение (можно даже сказать в реальном масштабе времени) в мировых средствах массовой информации. Наглядно и последовательно проследить развитие информационной войны вокруг Ливии можно, проанализировав реакцию мировых СМИ на события в этой стране. Что это информационная война, сомневаться в настоящее время уже не приходится: это признано даже в Америке. США признали, что они играют информационную войну Ливии, признав тем самым ведение этой информационной

войны - это, во-первых. То, что начали её Соединённые Штаты Америки – это, во-вторых. И, в-третьих, подтвердив тем самым подготовку к военной агрессии против суверенной Джамахирии, первым этапом которой, как правило, информационная война и является.

Ливия вынуждена была отвечать на агрессивные действия против себя в информационном пространстве. Причём отвечать удавалось настолько неплохо, что британское издание «The Independent» в своём номере от 21 марта 2011 года [4] «озаботилось» этой проблемой в редакторской статье под заголовком: «Запад должен позаботиться о том, чтобы не проиграть пропагандистскую войну». У англичан не вызывало сомнений безусловное военное преимущество сил НАТОвской коалиции, наносившей уже к тому времени бомбовые и ракетные удары по городам Ливии. Они видели опасность в другом: как победить в информационной войне, в которой преимущество на тот момент было не на их стороне.

Не останавливаясь подробно на всей истории вооружённого конфликта в Ливии, рассмотрим, каких же результатов добились противостоящие стороны по итогам борьбы в информационном пространстве. При этом необходимо отметить, что в век «галолирующего» глобализма, сопровождающегося бурным (на много опережающим развитие других, - социальных и экономических, процессов) развитием средств коммуникаций и информационных технологий, в локальных конфликтах, подобных ливийскому, немаловажное значение имеет то, на чьей стороне окажется мировое общественное мнение.

На основании чьей информации и в соответствии с какими критериями «добра и зла» формируется это общественное мнение – вот в чём вопрос, ответить на который в большинстве случаев очень затруднительно.

Восприятие мировым сообществом и общественным мнением отдельных стран формируется не только официальными и неофициальными государственными и частными традиционными средствами массовой информации, но и свободными (относительно, конечно же) интернет-изданиями, отдельными популярными блогерами, неожиданными «вбросами» в интернет-пространство ярких фото- и видеоматериалов неизвестного происхождения.

Умело «сдиржированное» одновременное негативное или позитивное воздействие множества таких источников информации неизбежно создаёт впечатление объективности освещения подаваемой ими ситуации, может привлечь симпатии на сторону одной из конфликтующих сторон, и даже вызвать стихийные протестные действия.

Лидеру Ливийской Джамахирии Моаммару Каддафи на определённом этапе удалось привлечь мировое общественное мнение на свою сторону и завоевать симпатии людей по всему миру. На фоне классических СМИ, таких как печатные, TV и радио, а также интернет-изданий, по своему аккумуляющему воздействию в большей степени выделяются социальные сети, обеспечивающие как политикам, так и обществу в целом, очень быстрое, оперативное понимание реакции людей на освещаемые события. Кроме этого, подписчики социальных сетей, относясь (как правило) к наиболее активным слоям населения и становясь участниками событий в своём городе и регионе, «выплёскивают» свою реакцию на происходящее (своё отношение к текущим событиям, свою позицию по конфликтным вопросам) оперативнее, чем официальные СМИ, зачастую определяя тем самым и реакцию информационных агентств на события.

В Ливии, да и в том же Египте, пользователем социальных сетей является каждый третий житель страны. Во время начавшихся уличных беспорядков, несмотря на отключение действующими властями Интернета, активность участников социальных сетей не пошла на убыль. А наоборот - соцсети стали основным источником информации, сообщавшем миру о ситуации в стране. Стоит также упомянуть, что первые беспорядки в Ливии начались после публикаций компрометирующих материалов на семью самого М. Каддафи и с создания его сыном собственных вооружённых формирований [11].

Попробуем разобраться, какие же действия предпринимались участниками натовской коалиции в информационной войне против Ливии. Как уже мы раньше отмечали, фактически это был первый в новейшей истории случай массивного информационного воздействия до и в ходе вооружённой агрессии с целью обособить необходимость её проведения и оправдать сопутствующие жертвы. Информационную под-

держку своих действий они, конечно, проводили. Но как-то хаотично и бессистемно, без единого плана. Это обстоятельство не вызывает удивления, если учесть спонтанность и непредсказуемость самих действий коалиции, положительно объяснить которые часто было затруднительно. Впрочем, и сейчас складывается впечатление, что начав эту войну (не информационную) активные участники коалиции вряд ли представляли, во что она может вылиться и как будут её заканчивать.

Уделяя первоначально ливийским событиям лишь немного внимания и никак не выделяя их на фоне Туниса, Египта и Ливана, информационная война в западных СМИ постепенно начала набирать обороты. Но, - опять-таки как-то неуклюже, - сопровождаясь постоянными «утками» про Каддафи, которые очень быстро разоблачались (бегство его в Венесуэлу, предательство сына Сейфа и др.), придавая больше сомнительности всем последующим информационным «вбросам». Сообщения о том, что армия и полиция перешли на сторону «народа», что Триполи уже почти захвачен оппозицией и Каддафи вот-вот будет свергнут, на фоне телевизионной картинке, показывающей этот самый «народ», суетящийся на прекрасной асфальтированной дороге среди пустыни, стреляющий в воздух из всех видов имеющегося оружия и тыкающий пальцами в какие-то непонятные дымы на горизонте, не очень-то вызывали доверие.

Подобные «картинки» действий «повстанцев» заставляли усомниться в серьезности их намерений. Как дилетантские воспринимались и «придумки»: про авиацию Каддафи, которая, якобы, бомбит города - при этом никаких воронок показано не было. Про его артиллерию, которая в упор расстреливает мирные демонстрации (чему свидетелей не находилось, а только кто-то где-то слышал звуки, похожие на пушечные выстрелы), про зверствующих африканских наёмников, воюющих на стороне проправительственных ливийских войск - несмотря на то, что большая часть населения Ливии - представители негритянской расы. Про подрывы его сторонниками резервуаров с нефтью - а ведь в течение всей так называемой «революции» ливийская нефтяная промышленность работала практически бесперебойно.

После того, как «почти свергнутый» полковник Каддафи за время, немногим более недели,

вдруг разгромил почти всех «повстанцев», США и другие члены коалиции наконец-то «правильно» расшифровали резолюцию №1973 (2011) Совета безопасности об установлении над Ливией бесполётной зоны. Они начали наносить хаотичные ракетные и бомбовые удары по ливийской территории, причём в основном по городам и столице. Стали гибнуть мирные люди - в большинстве своём старики, женщины и дети. Такая операция, конечно же, всеобщего одобрения в мире не получила. Но война уже перешла в «горячую» фазу. А, учитывая соотношение сил коалиции ливийской армии, результат был уже предreshён, несмотря на всеобщее общественное мнение. В дальнейшем антиливийская (по-другому не назовёшь - ведь правление «лидера нации» полковника Каддафи и его правительства были законными и легитимными) коалиция для исправления информационных «ляпов» постаралась «правильно» работать со СМИ, ввести более жёсткую цензуру информации из зоны боевых действий и активнее использовать возможности Интернета в своих целях.

Несмотря на поражение в вооруженном конфликте, постигшее армию Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в борьбе с многократно превосходящими (как по численности, так и по качеству вооружений) силами НАТОвской коалиции, можно считать, что информационную войну полковник Каддафи всё-таки выиграл. Даже его трагическая смерть нанесла серьёзный удар по имиджу агрессоров. Лидер Ливийской Джамахирии и его советники проявили большую компетентность и, можно сказать, креативность в вопросах информационного противодействия. Каддафи практически по всем направлениям переиграл своих «информационных противников». Сразу же после возникновения первых беспорядков в Ливии полковник обвинил в их организации США и пронатовские силы и в дальнейшем жёстко придерживался этой позиции. Прогноз Моаммара Каддафи о том, что Америка готовит вторжение в его страну, также оказался верен. В своей позиции он разумно рассчитывал на симпатии той большой части человечества, которая по тем или иным причинам недолюбливает США и их союзников. В своих речах и воззваниях он очень разумно подбирал риторику: для европейцев он говорил о «несправедливости» и

«правах человека», для американцев – что «повстанцами» руководит «Аль-Каида», для мусульман – сравнивал антиливийскую коалицию с «крестовым походом», а для ливийцев – о «священной войне» с оккупантами. И почти везде находил понимание. Ливийский лидер умело сочетал воинственные речи с жестами доброй воли (перемирие после резолюции ООН, освобождение итальянского корабля).

Использовал он и имевшиеся у него (или мнимые) компрометирующие материалы, чтобы подорвать авторитет лидеров стран противостоящей ему коалиции. Примером данного тезиса может служить вопрос о финансовой помощи на предвыборную кампанию Президента Франции Николя Саркози. И, конечно же, не последнюю роль играло хорошо продуманное, взвешенное и подтверждённое телевизионными кадрами информирование всего мира о жертвах среди мирного ливийского населения, в том числе и в семье самого Каддафи (гибель троих внуков). Эта информация возмущала и мобилизовывала ливийцев и жителей арабских стран, а европейцев и американцев – деморализовывала.

Неоценимую помощь в информировании мирового сообщества ему оказали и неправительственные организации Западных стран. Так, британская неправительственная организация British Civilians For Peace in Libya, проведя расследование в марте 2011 года, засвидетельствовала многочисленные случаи гибели мирных жителей в результате бомбардировок авиации НАТО. Сотрудник этой организации Дейв Робертс, проводивший расследование в Ливии, осудил западные СМИ за искажённые репортажи о событиях, происходивших в Джамахирии. По его мнению, журналисты не смогли выполнить свои обязанности о честном информировании общественности.

Помогла Каддафи, конечно же, и непродуманная, шаблонная организация информационной войны Америкой и её союзниками по коалиции. Откровенные «ляпы» руководителей стран НАТО, систематически дискредитировавшие информацию, подаваемую СМИ этих стран, подрывали доверие к позиции стран коалиции в ливийском конфликте. Среди примеров подобных событий можно отметить информацию о якобы имевшем место побеге Каддафи в Венесуэлу, распространённую через британское ин-

формационное агентство Би-Би-Си лично Министром иностранных дел Великобритании Уильямом Хейгом. Сюда же можно отнести и признание Госсекретаря США Хиллари Клинтон о том, что у Америки нет неопровержимых доказательств событий, происходящих в Ливии (на 16-ой сессии Совета ООН по правам человека в Женеве), а также её же сообщение о создании «временного переходного правительства» Ливии ещё до объявления об этом самого этого якобы-Правительства. У. Хейг, возможно, хотел подорвать веру в Каддафи у его сторонников, но на самом деле не прибавил веры к своим дальнейшим словам. Х. Клинтон же своими словами лишней раз подтвердила, что «музыку заказывает» в ливийском конфликте именно государство, которое она представляет.

Опыт антиливийской кампании стран коалиции показал, что в подобных конфликтах информационно-психологические формы воздействия на неудобные режимы выдвигаются на первый план.

В настоящее время внимание всего мира приковано уже к событиям в Сирии. Развитие информационной войны вокруг Сирийской Арабской Республики с 2011 года по настоящее время по многим позициям созвучно начальным событиям вокруг Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (с 9 января 2013 года – Государство Ливия) [12].

В связи с этим уместно привести слова популярного французского блогера Аллена Жюля: «События в Сирии – отличная лакмусовая бумажка, способствующая выявлению лицемерия, характерного для Запада. Ведь единственным стремлением последнего было удаление со сцены Муаммара Каддафи – для того, чтобы поставить на его место кого-нибудь управляемого и послушного. В то же время в отношении Сирии со стороны Запада следуют лишь осуждения – устные и письменные. При этом улик против сирийского режима становится все больше, в то время как в Ливии – ничего. Никаких улики против лидера, якобы стреляющего в собственный народ. 4 июня 2011 года в Сирийской Арабской Республике в ходе крупнейших демонстраций протеста, прошедших в рамках начавшегося в середине марта восстания, направленного против режима президента Сирии Башара Асада, погибли больше полсотни мирных жителей. При этом руководитель одной из правоза-

щитных организаций предупреждал, что страна находится «на краю пропасти». Что же приняло пресловутое мировое сообщество? Ничего. Спешу вас заверить: я не выступаю за иностранное военное вмешательство в Сирии. Я лишь хочу продемонстрировать ту ложь, которой эти люди потчуют нас целыми днями по поводу диктаторов, на которых они остановили свой выбор» [1].

С беспрецедентным цинизмом практически те же страны декларативно «выстреливали» и устные, и письменные заявления о расстрелах правительственными войсками мирных демонстраций сирийцев. Конечно же – по приказу сирийского президента. Соответствующее информационное освещение в мировых СМИ, направленное на свержение Башара Асада, неудобного США, странам Запада и неудобного правящим кланам Турции, Саудовской Аравии и Катара, и уничтожение Сирийской Арабской Республики, как светского государства, послужило началом целого комплекса антисирийских действий, приведших, в конечном итоге, к гражданской войне в Сирии, продолжающейся вот уже четыре года и стоившей жизни (только по официальным данным) 450000 жителей страны.

На протяжении всего этого времени подтвердилось проявившееся ещё в кампании по уничтожению Ливийской Джамахирии возрастающее в современных условиях значение информационно-пропагандистского фактора в случае применения Америкой и её союзниками военно-силовых методов для свержения нежелательных им режимов в других странах. Причиной этого является существенная роль, которую играют СМИ (в том числе и Интернет с его всевозможными сообществами) в формировании общественного сознания.

В интересах обоснования необходимости вмешательства международного сообщества в разрешение якобы конфликтной ситуации в Сирийской Арабской Республике, Соединёнными Штатами Америки, Англией и Францией, Саудовской Аравией и Объединёнными Арабскими Эмиратами, Кувейтом и Катаром, а также Турцией и Израилем активно проводилась и проводится целенаправленная дезинформация, при которой акцент делается на «преступлениях» правительственных войск и верных президенту Б. Асаду патриотических сил. При этом всячески замалчиваются деструктивные и про-

тивозаконные действия так называемой «умеренной оппозиции», воюющей против законного Правительства Сирии.

При рассмотрении ситуации, сложившейся в Сирии, нельзя не остановиться на двух существенных факторах, отличающих её от ситуации в Ливии: стойкости и верности своему руководителю Правительственных войск Сирии и их союзников, а также возникновению и укреплению так называемого «Исламского государства».

Активная деятельность упомянутых выше стран-участников процессов, происходящих в Сирии, по информационному воздействию на правительственные войска такого успеха, как в Ливии и Ираке, не имела. Антиасадовская пропаганда не смогла полностью дезорганизовать сирийские вооружённые силы и подавить их волю к борьбе с захватчиками. Отдельные случаи проявления дезертирства, конечно же, имели место. Но массового характера это явление не носило. Кроме того, сирийское правительство в июне 2012 года освободило 500 заключённых, подозревавшихся в причастности к беспорядкам, происходившим в стране, но на руках которых не было крови.

Подобные действия неоднократно имели место со стороны правительственных войск в отношении мятежников и дезертиров, добровольно сдавшихся в период объявлявшихся амнистий в честь государственных праздников Сирии и перемирий. Бывшие боевики, сложившие оружие, и на руках которых не было крови мирных граждан, давали обещание «больше не прибегать к оружию и не участвовать в подрывной антиправительственной деятельности», и освобождались от судебного преследования. «Исламское государство» (ранее – «Исламское государство Ирака и Леванта») возникло и окрепло на нефтеносных территориях Ирака и Сирии в результате разрушения Ливии и Ирака, а также попыток свержения Президента Башара Асада и исламизации сирийского конфликта.

Сейчас уже ни у кого нет сомнений в том, кто финансирует, поддерживает и прикрывает эту, запрещённую в России и во многих других странах, террористическую мусульманскую организацию. Симптоматично, что в её рядах находится примерно 1500 граждан Великобритании (по оценке члена Лейбористской партии Халида Махмуда), 650 граждан Германии (по дан-

ным главы внутренних дел Томаса де Мезьера), от 800 до 1700 граждан Российской Федерации (по данным ФСБ России), 100 жителей Грузии (по информации заместителя министра внутренних дел Левана Изория).

Кроме того, из азиатских стран, - от Индии до Тихого океана, к ИГИЛ присоединились около 1000 человек, чтобы воевать в Сирии или Ираке. По данным американской «The New York Times», в ряды ИГИЛ вступили и проникли через Турцию на территорию Сирии около 20 граждан США, что явилось результатом активной вербовки молодежи в Миннеаполисе.

«Исламское государство» долгие годы расширяло своё влияние на территориях Сирии и Ирака, подпитываемое из различных источников деньгами и оружием, торгующее контрабандно нефтью, культурными ценностями и антиквариатом, получая деньги от захвата заложников. Имитация ударов с воздуха по его объектам силами антисирийской коалиции (включающей 6 самолётов Бельгии и 6 самолётов Нидерландов, 8 самолётов Австралии, 4 самолёта ОАЭ, 4 самолёта Иордании, 4 самолёта Саудовской Аравии, 2 самолёта Бахрейна, 7 самолётов Дании, 9 самолётов Канады, 12 самолётов и один корабль Франции, и, - конечно же, - десятки американских самолётов и вертолётов, а также эскадру кораблей США, включая авианосец «Джордж Буш») особого дискомфорта главнокомандующему этого самопровозглашённого почти-государства самопровозглашённому Халифу Ибрагиму (Абу Бакар аль-Багдади) и их бандитам-союзникам из «Джебхат ан-Нусра» (Лидер – Абу Мухаммид аль-Джулани), а также так называемой «Свободной Сирийской Армии» (Лидер – Абдель Илляхи аль-Башир), не доставляла.

Однако вступление с 30 сентября 2015 года в борьбу с ИГИЛ Российской Федерации по просьбе законного правительства Сирийской Арабской Республики существенно подорвало военный и финансовый потенциалы террористов. Удары российских Воздушно-космических сил по каналам контрабанды нефти в Турцию, лагерям подготовки боевиков, штабам и укрепленным пунктам игилловцев позволили Сирийской армии перейти в наступление и изгнать террористов-захватчиков с большинства своей территории.

И вот теперь, в феврале 2016 года, когда войскам Башара Асада осталось совсем немно-

го до освобождения Алеппо и перекрытия границы с Турцией, через которую идёт снабжение террористов ИГИЛ и их союзников, на переговорах Министра иностранных дел России С. - Лаврова и государственного секретаря США Д. - Керри достигнута договоренность о необходимости прекращения огня в Сирии. Конечно же, прекращение боевых действий на территории многострадальной Сирии, достигнутое к тому же благодаря успехам русского оружия, не может не радовать.

Однако, проставляя в один ряд такие события, как быстрое открытие границы со стороны Турции для эвакуации мирных жителей – беженцев из Алеппо; всякое «капризничанье» на переговорах по мирному урегулированию в Сирии так называемых «умеренных оппозиционеров», представляющих неизвестно кого; результаты предыдущих международных конференций по Сирии (так называемые «Женева-1» в 2012 году и «Женева-2» (правда, в швейцарском городе Монтрё) в 2014 году); сбор средств «Клубом друзей Сирии» (в 2012 году на конференции в Марракеше участвовали представители из 114 стран [3], в 2013 - число стран-участников сократилось [2] до 11: Великобритания, Германия, Египет, Иордания, Италия, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция [5]) на восстановление страны (читем – «на участие оппозиции в будущих «честных» выборах президента Сирии») почему-то не добавляют уверенности в скором разрешении сирийского кризиса, а также в том, что к позиции Российской Федерации там будут прислушиваться и в дальнейшем.

В заключение хотелось бы отметить, что в результате ливийского конфликта был опробован и практически реализован (в отношении Сирии сценарий полностью реализовать в настоящее время не удалось, однако его реализация ещё не завершена) эффективный способ отстранения от власти неугодных Западу режимов.

Способ этот опирается на использование, в первую очередь, информационно-пропагандистских, дипломатических и экономических форм воздействия с переходом (при необходимости) к традиционным военным средствам, и подразумевает следующие составляющие:

- формирование протестных настроений и поддержку антиправительственных действий среди населения и элиты страны;

- создание и поддержку антиправительственных и националистических групп, партий и движений, а также подконтрольных Западу СМИ;
- проведение широкомасштабной антиправительственной кампании по дискредитации правящего режима и подрыву легитимности его власти;
- инспирирование жестокости властей по отношению к протестующему населению и провоцирование его на расширение антиправительственных выступлений;
- организацию массовых протестных действий, которые вынуждают власти жестко реагировать на них;
- организацию международного осуждения жестокости властей и скрытую поддержку радикальных группировок, провоцирующих ее;
- создание и поддержку параллельных структур власти в стране из состава оппозиции;
- привлечение к поддержке оппозиции международных организаций и структур, а также усиление экономического давления на режим и введение различных санкций;
- организацию международной кампании по признанию легитимности создаваемых оппозицией территориальных и национальных образований;
- провоцирование властей на применение силы в отношении таких образований;
- создание коридоров и зон безопасности вокруг районов, контролируемых оппозицией, с одновременным их расширением, а также ввод «ограниченных контингентов» войск с целью «защиты» населения;
- проведение ограниченной военной операции против неугодного режима (если это необходимо).

Литература

1. Allain Jules Syrie – Mais qu'est-ce qu'ils attendent pour attaquer Damas? / Centpapiers. Канада. 04.06.2011. // Аллен Жюль Ну почему же они не бомбят Дамаск? 07.06.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inosmi.ru/asia/20110607/170367194.html#ixzz3Luhuvild> (Дата обращения: 25.01.2016).
2. Friends of Syria Deliver Nothing New. // Allmonitor. The Pulse of the Middle East. Turkey pulse. 19.03.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/04/syrian-opposition-radical-elements-wester-arms.html#> (Дата обращения: 25.01.2016).
3. Friends of Syria recognizes opposition coalition as legitimate representative of Syrian people. // English.news.cn. China, Xinhua. 12.12.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/world/2012-12/12/c_132036841.htm (Дата обращения: 25.01.2016).
4. The West must be careful not to lose the propaganda war. / The Independent. 21.03.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/voices/editorials/leading-article-the-west-must-becareful-not-to-lose-the-propaganda-war-2247792.html> (Дата обращения: 25.01.2016).
5. US set to boost support for Syria opposition. // Middle east online. 28.02.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.middle-east-online.com/english/?id=57241> (Дата обращения: 25.01.2016).
6. Аллен де Бенуа. Проблема демократии, 1985.
7. Аналитический портал о Балтийском регионе. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru>
8. «Арабская весна» хронология. // ТАСС Информационное агентство России. 26.05.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tassgraphics.ru/item?id=24055> (Дата обращения: 25.01.2016).
9. Как идут деньги российским правозащитникам. 20.03.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://denisbeta.properm.ru/blog/27278/> (Дата обращения: 25.01.2016).
10. Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
11. Кудряшов А. Использование за рубежом сети Интернет в интересах ведения информационной войны. // Зарубежное военное обозрение, 2001. № 4. С. 11-20.
12. Ливийские власти сменили официальное название страны с «Великой Джамахирии» на «государство Ливия». // Сетевое издание «Интерфакс». 09.01.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/284289> (Дата обращения: 21.12.2015).
13. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. // Parameters, 1992.
14. Пoppers К.П. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992.

Специфика трансформации межнациональных отношений в Нижегородской области. Аналитический обзор социологических исследований в Нижегородской области в период с 2012 по 2015 гг.

Выполнено при поддержке РФФ, проект № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)» (руководитель Дмитриев А.В.)

Морозова Н.М., Устинкин С.В.

В Нижегородской области в период с 2012 по 2015 осуществлен ряд социологических исследований, направленных на изучение тенденций развития общества, в том числе, в области межнациональных и этноконфессиональных отношений. Они позволяют проанализировать место и роль этнических сообществ в региональном социуме, выявить точки напряжения между коренными жителями и представителями диаспор, на начальном этапе диагностировать возникновение и углубление противоречий.

Ключевые слова: межэтнические отношения и процессы Нижегородской области, специфика межэтнических отношений, миграционная политика, национальная политика, диаспорные группы, межэтнический конфликт, рост напряженности на межэтнической почве, молодежь.

Morozova N.M., Ustinkin S.V.

Specifics of Transformation of Interethnic Relations in Nizhny Novgorod Region (the analytical review of sociological research in Nizhny Novgorod region from 2012 till 2015)

In Nizhny Novgorod region in the period from 2012 till 2015 sociological research was conducted which was aimed at the examination of the tendencies of society development including international and inter-confessional relations. They help analyze the place and role of ethnic communities in society, identify zones of tension between indigenous communities and representatives of diasporas, and diagnose the emergence of contradictions at the initial stage.

Key words: interethnic relations and processes in Nizhny Novgorod region, specifics of interethnic relations, migration policy, national policy, diasporas, interethnic conflict, rising tensions on ethnic grounds, the youth

В условиях глобализации, усиления международного экономического кризиса, роста числа конфликтов на мировой политической арене произошла активизация миграционных процессов, повлиявших на стабильность Российского государства в целом и его регионов в частности. Ситуацию в сфере межнациональных отношений на территории Нижегородской области эксперты характеризуют как стабильную и относительно спокойную [4]. Это связано с исторически сложившимися традициями взаимодействия народов, проживающих на территории региона долгое время [11], этнодемографическим составом населения [1], социально-политической обстановкой, экономическими, религиозными факторами [12].

С 2000-х г. в федеральных и региональных СМИ все чаще появляются сообщения об обострении противоречий на межнациональной основе и возникновении открытых конфликтов, что коррелируется с усилением миграционных процессов, фактическим отсутствием национальной политики вплоть до 2012 г., нарастанием социальной напряженности в стране. В СМИ освещен широкий спектр произошедших конфликтов, от локальных (Татарстан, Москва и Московская область, Свердловская область, южные районы России) до массовых (г. Пугачев и Бирюлево). Последние вызвали самый сильный общественный резонанс и общественные беспорядки в Москве. Эксперты высказывали опасения, что на волне возникшего социального напряжения возможен рост числа конфликтов в регионах [5]. Отголоском «Бирюлево» в Ниже-

городской области стал конфликт в Арзамасе, произошедший в декабре 2013. Он продемонстрировал недовольство коренных жителей по отношению к представителям некоторых этнических групп, обладающих, по мнению арзамасцев, рядом экономических привилегий и не уважающих местные традиции.

Не смотря на это событие, в региональном медиадискурсе сформирован позитивный информационный фон межнациональных отношений, что, на наш взгляд, является закономерным итогом национальной политики, осуществляемой в регионе в настоящее время. Программы по гармонизации межнациональных отношений, принятые в Нижегородской области, представляют собой комплекс мероприятий в области культурного взаимодействия (праздники национальных культур, национальных кухонь, межнациональные субботники и т.п.) [2, 10]. Целью их является создание благоприятных условий для общения и взаимодействия представителей этнических групп и местных жителей, формирования толерантности в обществе, борьба с настороженностью по отношению к мигрантам и членам диаспор.

Сложность изучения межнациональных отношений заключается в «закрытости» диаспор, предоставлении не всегда объективной информации о событиях. В связи с этим исследователи зачастую «работают» с коренными жителями, выявляют отношение русского населения к другим национальностям/мигрантам, проживающим в регионе, а также проблемам, существующим в данной сфере общественных отношений.

В настоящей статье предпринимается попытка аналитического обзора некоторых репрезентативных социологических исследований, проведенных профессиональными социологическими группами в период с 2011 по 2015 гг. в Нижегородской области.

Проблемы межнационального характера, являясь частью общественно-политического дискурса, как правило, включаются в исследования общественно-политической и экономической ситуации в регионе. В качестве источников, позволяющих выявить и определить тенденции и проблемное поле межнациональных отношений, можно проанализировать ежеквартальные мониторинги общественно-политической ситуации в Нижегородской области, выпол-

ненные по заказу Управления делами Правительства Нижегородской области. В ряде случаев исполнителем выступал Приволжский филиал Института социологии РАН.

Мониторинги социально-экономической и общественно-политической ситуации в Нижегородской области были проведены Приволжским филиалом Института социологии РАН с I по IV кварталы 2012 г, и в I квартале 2013 г². Включали в себя блок вопросов, касающихся отношения населения к проблемам миграции.

Среди опрошенных в ходе осуществления мониторинга социально-экономической ситуации в Нижегородской области в первом квартале 2012 г. оказалось 2% тех, кто не считает себя коренным жителем Нижегородской области. Доля мигрантов в Нижнем Новгороде несколько выше, чем в других населенных пунктах области, что вполне понятно, так как возможности найти работу и жилье в Нижнем Новгороде гораздо больше [6].

Во втором квартале 2012 г. доля участвующих в исследовании мигрантов составила 3% (Нижегородская область - 3%; Н.Новгород - 3,2%; Область без Н.Новгорода - 2,9%).

В первом квартале 2012 г. исследовался общий социально-политический фон, настроения жителей области по отношению к мигрантам. Полученные данные свидетельствуют об относительной стабильности и отсутствии острых противоречий между коренными жителями региона и мигрантам.

Участники опроса вне зависимости от того, являются ли они коренными жителями или мигрантами отмечают проявление временами враждебности со стороны людей других национальностей (часто - 1,5%, довольно часто - 5,7%). В Нижнем Новгороде с такими ситуациями люди встречаются чаще, чем в остальных населенных пунктах области. Большая часть опрошенных (больше 55-62%) не чувствовали проявлений враждебности со стороны других национальностей.

При этом сами проявляют враждебность к людям другой национальности несколько чаще (1,7% часто, 7,7% - довольно часто). И снова жители областного центра более агрессивны по сравнению с остальным населением области.

Несмотря на невысокий уровень враждебности по отношению к мигрантам присутствует значительная доля настороженности. В целом

по Нижегородской области в разной степени отрицательно относятся к проживанию в их населенных пунктах мигрантов и/или переселенцев из стран ближнего зарубежья 35,3% участников опроса. Среди жителей области таких около 32%, а в Нижнем Новгороде – 40,7%.

Положительно к мигрантам относятся около 13% респондентов. Эти цифры говорят о существовании заметной напряженности в межнациональных отношениях, что необходимо учитывать представителям органов власти при формировании программ социально-экономического развития региона, а также при освещении своей работы в средствах массовой информации.

Мониторинг социально-политической ситуации в Нижегородской области во втором квартале 2012 г. показал, что актуализируется проблема, связанная с ростом числа мигрантов [7]. Приезжие, как правило, вызвали опасения и настороженность со стороны коренных жителей. Кроме того с 2012 г. выявилась острая потребность в усилении контроля за миграцией со стороны власти.

В составе прибывающих в Нижегородскую область мигрантов преобладают лица, имеющие низкий уровень образования, квалификации, со слабым знанием русского языка, норм общения и правил проживания. Все это затрудняет их трудовую и социально-культурную адаптацию, обуславливает рост социальной напряженности в регионе.

Первые три места в рейтинге первоочередности задач, которые должны быть решены в отношении мигрантов, занимают следующие задачи: формирование уважительного отношения к нормам поведения и традициям коренного населения (46,5%); ужесточение контроля за соблюдением миграционного законодательства (35,1%); обязательное обучение русскому языку (29,6%).

Коренных жителей Нижегородской области беспокоят правонарушения в среде мигрантов как по отношению друг к другу, так и по отношению к местным жителям. Рост негативных настроений обусловлен также более высоким уровнем инфекционных заболеваний, обнаруживаемых у мигрантов.

Одной из важнейших проблем является сложившийся в сознании местного населения негативный образ мигранта как личности, склонной

к совершению правонарушений, асоциальному и маргинальному поведению. Причем многие мигранты не предпринимают усилий для интеграции в новый для них социум. Такое восприятие во многом вызвано недостаточной степенью осведомленности местного населения относительно роли иностранной рабочей силы в деле поддержания экономики страны, определенными попытками внести раздор во взаимоотношения между населением и мигрантами для дестабилизации обстановки в государстве и на региональном уровне.

Идея социально-культурной адаптации мигранта при наличии желания и ресурсов реальна и возможна. Это должно выражаться в сбалансированной государственной и региональной политике в деле поддержки роли русского языка в мигрантской среде и создании школ, специализированных языковых центров, главной целью которых будет заключаться в ознакомлении мигрантов с основами русской культуры, традициями и правом.

Взаимное неприятие серьезно затрудняет адаптацию мигрантов, способствует закрытости отдельных групп мигрантов и минимизации контактов с местным населением, что создает замкнутый круг: отсутствие личного взаимодействия становится основой для искажения реальных фактов в сознании взаимодействующих субъектов.

По итогам мониторинга социально-политической ситуации в Нижегородской области в третьем квартале 2012 г. проблема «усиления контроля за миграцией» снова оказывается в «пятерке» лидеров [8].

По итогам этого исследования отмечается рост уровня межнациональной напряженности связанный с увеличением количества трудовых мигрантов и иммигрантов, прибывающих из северокавказских регионов Российской Федерации и из стран ближнего зарубежья.

Среди участников опроса оказалось 6,3% тех, кто не считает себя коренным жителем Нижегородской области. 93,7% от числа участников опроса относит себя к коренным жителям области. Доля мигрантов и иммигрантов в Нижнем Новгороде несколько выше, что объясняется доминирующим вектором трудовой миграции, в то время как многие иммигранты предпочитают районы области, где ниже стоимость жилья.

Наибольший уровень социальной напряженности вызывают взаимоотношения местного населения с выходцами с Северного Кавказа (30,6%) и из Средней Азии (25,7%). При этом, фактически не играет никакой роли факт, что значительная часть выходцев с Кавказа является гражданами Российской Федерации. Лишь 23,1% жителей Нижегородской области спокойно относятся к мигрантам из других регионов, что свидетельствует о значительном уровне обеспокоенности населения проблемами межэтнического взаимодействия.

В отношении оценки уровня межнациональной напряженности мнения жителей области разделились практически поровну. Менее половины нижегородцев оценивает межнациональные отношения в городе (или районе) проживания как спокойные – 42,2%. Практически равное количество нижегородцев – 40% - считает межнациональные отношения напряженными (26,1%), либо конфликтными (13,9%).

Культурные особенности этнических групп чаще всего вызывают раздражение у жителей города и стимулируют появление межнациональной напряженности (24,1%). Важную роль играет экономическая составляющая (20,2%) – мигранты выполняют низкооплачиваемую, черную работу, а коренные нижегородцы, отказываясь от нее, оказываются безработными.

Конфликты на межнациональной основе попали в проблемное поле Нижегородской области, составленное по итогам мониторинга социально-политической ситуации в Нижегородской области в четвертом квартале 2012 г. 16,7% жителей области и 15,3% жителей г.Н.Новгорода считают эту проблему острой, что свидетельствует о необходимости принятия соответствующих мер со стороны областной власти.

В результатах аналогичного мониторинга, выполненного в первом квартале 2013 г. [9], позиция по конфликтам на межнациональной основе присутствует, но доля выбравших ее респондентов немного меньше, чем в 2012 г. 10,3% жителей области в целом (9,7% жителей г.Н.Новгорода, 13,7% жителей малых городов и 0,4% сельского населения) считают эту проблему острой. Некоторое снижение интереса к данной теме обусловлено, на наш взгляд, обострением тем, связанных с ростом цен на услуги ЖКХ и продукты питания, невысокими зарпла-

тами, неудовлетворенностью состоянием жилищно-коммунального хозяйства.

В 2011, 2014 и в 2015 г. НГЛУ им. Н.А. Добролюбова были проведены исследования, направленные на изучение ценностных ориентаций молодежи и включающие блок вопросов по межнациональным отношениям. Опрос осуществлялся методом формализованного интервью с закрытыми вопросами в учебных заведениях (вуз, ссуз, школа) [3].

Результаты анализа установок молодежи в сфере межнациональных отношений свидетельствуют о том, что большая часть молодежи достаточно позитивно относится к представителям других национальностей.

По большей части молодежь нейтрально относится как к мигрантам, так и к представителям других национальностей, проживающих на территории страны. Причем в 2015 г., по сравнению с 2014 г., значительно уменьшилась доля респондентов отрицательно относящихся к представителям других национальностей – с 24,5% до 15,7%, но увеличилось число ребят с нейтральным отношением (63,5% - в 2014 г. и 66% - в 2015).

По данным 2015 г. молодые люди чаще испытывают негативное отношение к мигрантам (35,1%), чем девушки (24,4%). Причем девушки, в свою очередь, несколько реже интересуются проблемой, связанной с мигрантами (30,8%), чем юноши (34%).

Сравнение результатов опросов 2011 и 2014 годов свидетельствуют о том, что обострение межнациональных отношений связано, в первую очередь, с отношениями с трудовыми мигрантами, которые прибывают, в основном, из Средней Азии.

Часто причину радикализации настроений в молодежной среде указывают деятельность средств массовой информации. Существует устойчивое убеждение, что именно чрезмерное внимание СМИ к межнациональным проблемам провоцирует в обществе рост ксенофобии и взаимного недоверия. Именно под влиянием подобной установки был проведен целый ряд мероприятий по ограничению числа публикаций данной направленности и, в частности, было запрещено указывать в СМИ национальность лиц, совершивших преступления.

В настоящее время механизм запуска межнациональных конфликтов выглядит следую-

Таблица 1
Динамика отношения молодежи к мигрантам из других стран и представителям других национальностей нашей страны (% по столбцу)

		Время опросов (год)		
		2011	2014	2015
Как вы относитесь к мигрантам из других стран в нашей стране?	Положительно	11,5%	8,3%	11,12%
	Нейтрально	69,1%	60,5%	68,06%
	Отрицательно	19,4%	31,2%	18,31%
Как вы относитесь к представителям других национальностей в нашей стране?	Положительно	16,0%	12,0%	15,09%
	Нейтрально	69,1%	63,5%	66,08%
	Отрицательно	15,0%	24,5%	15,72%

щим образом: увеличение численности мигрантов ведет к росту их влияния на жизнь поселения; в силу роста частоты контактов с коренным населением между ними возникают конфликты; рост числа конфликтов, участниками или свидетелями которых становятся молодые люди, ведет к усилению негативного отношения к мигрантам.

Приведенные результаты исследования НГЛУ вызывают вполне закономерный вопрос: насколько правомерно предположение, что рост антимигрантских настроений привел к обострению межнациональных отношений. Не являются ли эти процессы изолированными, а зафиксированные проблемы в межнациональных отношениях лишь по форме являются национальными, а по сути это лишь негативная реакция коренного населения на наплыв приезжих гастарбайтеров. Для того чтобы избежать такой содержательной подмены, было проведено сопоставление динамики отношений, как к мигрантам, так и к представителям коренных национальностей, проживающих в России.

Результаты такого сопоставления выглядят следующим образом (табл. 1).

Представленные результаты свидетельствуют о том, что хотя отношение к другим народам страны лучше, чем к мигрантам-иностранцам, тем не менее, процессы, связанные с этими двумя группами, развиваются по схожему сценарию. Исследование выявило высокую степень корреляции между ростом негативных настроений, как в отношении мигрантов, так и в отношении представителей других национальностей нашей страны.

Среди тех молодых людей, которые положительно относятся к мигрантам из других стран, 66,2% также положительно относятся и к лицам других национальностей, проживающих в России. Однако если опрошенные негативно относятся к мигрантам-иностранцам, то в 61,3% случаев, они будут также отрицательно относиться и к другим национальностям своей страны.

Причем отрицательное отношение к мигрантам оказывает более сильное влияние на рост межнациональной напряженности в обществе, чем положительное отношение к мигрантам на снижение такой напряженности. Негативное отношение к мигрантам оказалось существенно более дифференцирующим фактором, чем отношение позитивное. Отсюда следует, что даже незначительное увеличение доли людей, ставших по каким-либо причинам отрицательно относиться к мигрантам, может существенно изменить общую атмосферу в обществе в сфере межнациональных отношений.

Таким образом, проблема трудовых мигрантов из внешней начала превращается во внутреннюю проблему. Частный вопрос отношения коренного населения к мигрантам-гастарбайтерам перерос в проблему межнациональных отношений внутри страны.

Фактор принадлежности коренного населения и мигрантов к различным цивилизационным ареалам: православному и исламскому, формирует благоприятную почву для конфликта между ними. А поскольку эти две группы различаются и этнически, то конфликт сразу переходит в статус межнационального конфликта.

В данном случае, 41,9% молодежи, идентифицирующей себя с православной системой ценностей, считают, что мигранты оказывают отрицательное влияние на жизнь в их поселениях, в то время как положительно это влияние воспринимают лишь 8,8% такой молодежи (по данным исследования 2014 г.).

Совершенно иная картина наблюдается среди молодежи, позиционирующей свою исламскую идентичность. В этой среде отношение к мигрантам гораздо позитивнее. Доли в этой группе молодежи давших либо положительные, либо отрицательные оценки влиянию присутствия мигрантов практически равны и составили по 24%.

Столь существенный разрыв между позициями двух групп молодежи, которые различаются между собой лишь религиозной идентификацией, говорит том, что элементы цивилизационного конфликта действительно присутствуют в жизни современного российского общества и носят они объективный характер.

Достаточно тревожным следствием этого процесса становится рост этнического фактора, который разделяет консолидированную позицию коренное население по отношению к общей проблеме. В данном случае речь идет о проблеме мигрантов.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в стране за последние годы произошли существенные изменения в сфере межнациональных отношений, которые носят неблагоприятный характер. Это вызывает настоятельную необходимость выработки новых инструментов государственной политики в области межнациональных отношений и миграционных процессов, адекватных современным реалиям российского общества.

Таким образом, в результате проведенных исследований были выявлены следующие наиболее значимые факторы, определяющие в настоящее время уровень межнациональной напряженности в молодежной среде в Нижегородском регионе:

- Масштаб присутствия мигрантов по месту жительства респондентов;
- Личный опыт межнациональных конфликтов;
- Религиозная самоидентификация;
- Национальная принадлежность.

Вышеперечисленные исследования и мониторинги рассматривали проблему межнациональных отношений в контексте общественно-

политических тем, как один из элементов, составляющих проблемное поле общественных отношений в регионе. Непосредственно изучением проблем, связанных с реализацией миграционной политики в Поволжье, занимается Межрегиональная благотворительная общественная организация «Приволжский миграционный центр». В 2015 г. МБОО «Приволжский миграционный центр» совместно с Нижегородским филиалом Высшей школы экономики было проведено исследование по теме «Соблюдение прав мигрантов в Приволжском федеральном округе и готовность их к интеграции в принимающее сообщество» [13]. Одной из основных целей данного исследования было осуществление анализа миграционной ситуации в пяти субъектах ПФО: Нижегородской, Оренбургской, Саратовской областях, Мордовии и Чувашии. Ключевыми задачами являлось изучение национального, этнического, социодемографического, социокультурного состава мигрантов и иммигрантов, а также определение их готовности к интеграции в принимающее сообщество.

Исследование проводилось в форме стандартизированного интервью. Оно включало в себя массовый опрос в пяти региональных центрах ПФО, и два малых опроса среди мигрантов (иммигрантов), обучающихся на семинарах, проводимых МБОО «Приволжский миграционный центр». Общий объем выборки составил 202 человека. Опрос проводился среди лиц от 18 до 53 лет. Гендерный состав респондентов: 67% мужчин и 33 % женщин. Преобладание мужской части опрошенных в целом соответствует миграционной ситуации в России.

В Нижегородской области подвыборка по национальностям имела следующий вид: 30% узбеки, 16% армяне, 11% азербайджанцы, 10% таджики, 9% украинцы, 8% казахи.

По итогам исследования выявлен сдвиг в уровне образования среди мигрантов: у молодых мигрантов зафиксирован уровень образования выше, чем в других возрастных группах. Более 50% опрошенной молодежи имеют профессиональное образование, т.е. владеют определенными профессиями, а у 70% опрошенных имеются документы об образовании. При этом четверть респондентов не ценят своего образования, вполне довольны своим положением, будучи нанятыми на простых работах. Но у мигрантов появляется стремление реализо-

вать свои знания в профессиональной сфере: 35% опрошенных рассказали о попытках устроиться на работу, требующую специальных знаний и навыков. Таким образом, ситуация с использованием мигрантов в качестве рабочей силы в России может измениться, поэтому даже при сохранении современных условий (отсутствие серьезных изменений в миграционной политике), в будущем можно ожидать трансформации рынка труда и занятости в России.

Абсолютное большинство опрошенных мигрантов ориентированы на изучение русского языка (90%), т.к. это необходимо им для работы, и только 5% работающих могут обходиться без знания русского языка. Однако знание языка принимающего сообщества у мигрантов оставляет желать лучшего: большая часть респондентов владеет языком «плохо» (8%) или удовлетворительно (59%).

Слабое владение русским языком крайне затрудняет исследования, предполагающие опрос мигрантов. Это подтвердилось и в ходе данного проекта: выявилась сложность заполнения анкеты на русском языке участниками опроса, хотя опросник составляли простые и повседневные вопросы. Больше всего проблем с языком у молодых мигрантов: более 18% признались сами в плохом владении русским языком, такие же проблемы испытывают 10% лиц среднего возраста и никто из старшей возрастной группы. На наш взгляд, такое распределение во владении языком принимающего сообщества коррелируется с двумя аспектами: уровнем образования и временем (продолжительностью) пребывания в России.

В рамках изучения особенностей интеграции и адаптации мигрантов в России особый интерес представляет самооценка мигрантами своего правового положения. Мигранты имели возможность выбрать соответствующий на их взгляд правовой статус из множества вариантов. Доминирующими ответами оказались: «иностранный работник», «гражданин одной из стран СНГ» и «иностранный предприниматель».

Результаты ответов по данному вопросу показали, что многие с трудом определяют свое правовое положение, могут наделять себя дополнительными или наиболее распространенными обозначениями. Особенно это касается таких популярных в общественном сознании форм как «иностранный работник» и «гражданин

одной из стран СНГ». Единичные упоминания статусов, расположенных в конце списка, свидетельствуют о нераспространенности такой миграции в России.

Самоопределение правового статуса женщин имеет свои особенности: они чаще, чем мужчины, выбирают вариант «лицо без гражданства» и «не имею правового статуса».

Еще одним значимым выводом, сделанный в ходе исследования, касается того, что социальные связи и отношения мигрантов носят преимущественно родственный характер: большинство (35%) респондентов проживают в России со своей семьей; чуть меньше (33%) - с друзьями, земляками или в одиночку; 18% живет с родителями. Соответственно, круг привычного повседневного общения мигрантов образуют семья, родственники, друзья, соседи по месту жительства. За какой-либо помощью мигранты обращаются к людям из своего близкого окружения. Следствием данной особенности становится расселение мигрантов в непосредственной близости друг с другом и образование своеобразных «анклавов» проживания.

Наиболее острые проблемы для опрошенных мигрантов заключаются в разлуке с близкими: 78% респондентов в настоящее время скучают по родственникам, а 69% - испытывают ностальгию по родине. На втором месте в рейтинге актуальных и острых проблем для мигрантов занимают материальные проблемы (74%). Сами мигранты в ходе исследования указали, что в среднем заработки составляют 20-25 тыс. руб. (что соответствует средней зарплате в Нижегородском регионе), а 45% опрошенных выбрали вариант ответа «свыше 25 тыс. руб.». Вероятнее всего, материальные проблемы связаны с тем, что основную часть своего дохода мигранты отправляют родственникам на родину, а сами довольствуются незначительной частью заработка. Языковой барьер в качестве проблемы выбрало 30% опрошенных. 41% респондентов ощущают себя чужими в обществе, и это является для них проблемой. Эти две проблемы способны значительно тормозить их адаптацию в принимающем обществе. Следует заметить, что проблемы, с которыми мигранты столкнулись по приезду в Россию, значительно обострились на момент социологического опроса. В меньшей степени это касается проблемы владения русским языком.

Адаптация мигрантов во многом зависит от их дальнейших планов: оставаться в России или возвращаться на родину, зависит от цели их пребывания в России.

По данным исследования больше половины опрошенных мигрантов так или иначе хотели бы остаться в России (66%), а 35% рассматривают Россию как «временный этап», в качестве страны, где можно заработать. Примечателен тот факт, что та часть респондентов, которая связывает свое будущее с Россией, на данный момент испытывает большую потребность в консультационных услугах, в оформлении документов, в организации профессионального обучения, что в очередной раз доказывает корреляцию между целями мигрантов и процессом адаптации. Также в ходе исследования было выявлено, что чаще задумываются о том, чтобы остаться в России женщины, а также люди в возрасте 31-45 лет; семейные мигранты чаще хотят остаться, а одинокие – покинуть Россию. Если рассматривать этот аспект в разрезе доходов, то преимущественно стремятся остаться в России мигранты с высокими доходами, имеющие же средние зарплаты хотят покинуть эту страну.

Результаты данного исследования позволили выявить основные условия, помогающие мигрантам с адаптацией к иным жизненным обстоятельствам. В первую очередь, это знание законов РФ (98%), владение русским языком (97%), наличие постоянной работы (96%), близкое окружение, готовое помочь (94%) и посещение особых интеграционных курсов (89%). Причем потенциал принимающего сообщества не является ценным для ведения успешной жизни мигрантов. Об этом свидетельствуют относительно низкие значения связей и отношений с местными жителями (68%), наличие родственников в России (60%). Запасы материальных средств активная позиция также получили не очень высокий процент.

Ценность исследования «Соблюдения прав мигрантов в ПФО и готовность их к интеграции в принимающее общество» заключается в том, что, пожалуй, это первое исследование в регионе, изучающее проблемы и специфику межнациональных отношений со стороны мигранта, а не коренного жителя региона. Это принципиально новый и важный момент, позволяющий комплексно исследовать проблему межнацио-

нальных воздействий в разных ее аспектах и сферах жизни.

Результаты проведенного вторичного анализа свидетельствуют о том, что проблемы в области межнациональных отношений в Нижегородской области назревали постепенно. Особым образом на этом процессе отразился рост мигрантов в Поволжский регион. Сообщения в СМИ об участии представителей этнонациональных групп в правонарушениях усиливают негативное отношение к ним со стороны коренных жителей. В этой связи необходим регулярный мониторинг состояния межнациональных отношений, с целью выявления проблем и обострения противоречий в данной сфере общественных взаимодействий и последующего оперативного реагирования на них со стороны власти. Кроме того, требуется выработка комплексного подхода к исследованию межнациональных отношений в Нижегородской области, позволяющего оценить происходящие процессы не только со стороны коренных жителей, но и приезжих, а также представителей разных национальных групп долгое время проживающих на территории области.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Оф. сайт Федеральной службы государственной статистики [Электр. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Государственная программа «Гармонизация межнациональных отношений в Нижегородской области» [Электронный ресурс] // Оф. сайт Министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области <http://mvp.government-nnov.ru/?id=48880>
3. Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006-2014): монография / под общ. ред. проф. Савруцкой Е.П. – Н.Новгород: «НГЛУ», СПб, 2014. – 232; Савруцкая Е.П. Динамика ценностных ориентаций молодежного массового сознания: региональный аспект // Человек в системе коммуникации. Проблема глобализации и молодежь: сборник научных трудов участников XI международной научно-практической конференции / под ред. Е.П. Савруцкой, А.В. Никитина. – Н.Новгород, 2015. – С.21-25; Устинкин С.В., Савруцкая Е.П. IX Международная

научно-практическая конференция «Человек в системе коммуникации. Проблема глобализации и молодежь» // Власть. 2015. №7. С. 204 - 207; Устинкин С.В., Рудакова Е.К. Отчет о проведении международной научно-практической конференции «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества» / Власть. 2015. №10. С. 234-236; Устинкин С.В., Савруцкая Е.П., Морозова Н.М. Влияние глобальных миграционных процессов на межнациональные отношения в Нижегородской области С.155-174 // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: [сборник статей] / Под ред. А.В. Дмитриева. - М., 2016. - 226 с.;

4. Зорин В.Ю. Диалог культур против конфликта цивилизаций. Российские аргументы // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. Т. 1 : Доклады. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 592 с. С. 309

5. Могут ли события в Бирюлево повториться в других регионах / Биржа №41 от 29 октября 2013 г. [Электр. ресурс]. URL: http://www.birzha.ru/newspapers/birzha/ekspert_klub/14795/?sphrase_id=33535

6. Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области: отчет о НИР / Приволжский филиал Института социологии РАН; рук. Лубяной М.С.. – Нижний Новгород., 2012. – 115 с. – Исполн.: Труфанов А.Ю., Морозова Н.М., Самсонов А.И., Златов А.Ю.. – Библиогр.: с. 57-60. – № ГР 01840051145. – Инв. № 0452456233675

7. Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области: отчет о НИР / Приволжский филиал Института социологии РАН; рук. Лубяной М.С.. – Нижний Новгород., 2012. – 123 с. – Исполн.: Труфанов А.Ю., Морозова Н.М., Самсонов А.И., Златов А.Ю.. – Библиогр.: с. 53-58. – № ГР 01840068432. – Инв. № 0452456235893

8. Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области: отчет о НИР / Приволжский филиал Института социологии РАН; рук. Лубяной М.С.. – Нижний Новгород., 2012. – 119 с. – Исполн.: Труфанов А.Ю., Морозова Н.М., Самсонов А.И., Златов А.Ю.. – Библиогр.: с. 51-55. – № ГР 0184003276. – Инв. № 0452456258934

9. Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области: отчет о НИР / Приволжский филиал Института социологии РАН; рук. Лубяной М.С.. – Нижний Новгород., 2013. – 115 с. – Исполн.: Труфанов А.Ю., Морозова Н.М., Самсонов А.И., Златов А.Ю.. – Библиогр.: с. 115. – № ГР 02386052348. – Инв. № 059556235684

10. Перечень основных мероприятий государственной программы [Электронный ресурс] / Оф. сайт Министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области <http://mvp.government-nnov.ru/?id=48880>

11. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В. Динамика ценностных ориентаций молодежи: межэтнический аспект // Власть. - №10. – 2014. С. 126-127

12. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Федорова М.В. Отношение молодежи к религии // Власть. - №12 – 2014. С. 47-52

13. Соблюдение прав мигрантов в Приволжском федеральном округе и готовность их к интеграции в принимающее сообщество: Научный отчет / Межрегиональная благотворительная общественная организация «Приволжский миграционный центр»; НИУ Высшая школа экономики. – Н.Новгород, 2015. – 75 с.

Ссылки:

1 Выборка каждого исследования составляла 1.500 респондентов, в возрасте от 18 лет и старше, постоянно проживающих на территории Нижегородской области. Опросы проводились методом личного интервьюирования по месту жительства респондентов

«Мягкая сила» и международный имидж Российской Федерации

Невская Т.А.

В статье делается вывод о том, что понятия «мягкая сила» и международный имидж прочно вошли в российский политологический дискурс. В современном глобальном мире, который переживает сегодня эпоху перемен, государства стараются использовать все доступные средства для удержания и укрепления своих позиций. Обращается внимание на то, что Россия пока еще сильно отстает от своих партнеров в этом вопросе. Обосновываются предложения, какими ресурсами реализации «мягкой силы» она располагает, как и за счет чего может совершенствовать свой международный имидж.

Ключевые слова: «мягкая сила», имидж, международный имидж государства, динамика развития, тенденции, проблемы, Российская Федерация.

Невская Т.А.

«Soft power» and the international image of the Russian Federation

The article concludes that the concept of «soft power» and international image have become part of the Russian political science discourse. In today's globalized world, which is today in an era of change, states try to use all available means to keep and strengthen its position. Attention is drawn to the fact that Russia is still far behind their counterparts in this respect. The offers what resources the implementation of «soft power» it has, how and by what means can improve its international image.

Keywords: «soft power», the image, the international image of the state, dynamics, trends, issues, Russian Federation.

Политика «мягкой силы» и международный имидж – две тесно связанные категории, обуславливающие одна другую. В отечественной науке до сих пор нет единого мнения и ясности относительно характера их взаимосвязи. Ряд экспертов приводит аргументы в пользу того, что «мягкая сила» является собой лишь инструмент построения внешнего имиджа страны. Другая половина исследователей фокусирует внимание на международном имидже государства как одном из компонентов политики «мягкой силы» [6]. В социально-политическом дискурсе также существует точка зрения, согласно которой концепция «мягкой силы» в полной мере раскрывает специфику механизмов формирования внешнеполитического имиджа государства [8].

Однако несложно проследить основное различие между двумя категориями: «мягкая сила» – стратегия действия, а внешний имидж – лишь сконструированный (естественно или искусственно) образ, который может формироваться в процессе проведения такой политики. Таким образом, анализируя международный имидж России, мы можем выявить глубину реализации «мягкой силы» нашей страны, а так же наметить потенциальные сильные и слабые пути продвижения указанной политики.

Пристальный интерес к проблеме формирования международного имиджа государства был ознаменован появлением на свет в конце 50-х годов XX столетия понятия «имидж». Именно тогда американским экономистом К. Боулдингом был предложен данный концепт, в сути которого он усмотрел «определенный поведенческий стереотип, основанный не на действительных фактах, а на престиже, мнениях, иллюзиях, которые люди создают о самих себе, на мифологических представлениях о прошлом, на

воображаемом представлении о будущем, и который способен влиять на поступки отдельных личностей и групп, так и на поведение целых наций» [12].

Большинство определений понятия международного имиджа в своей основе восходят к концепции К. Боулдинга, однако не отрицают влияния фактов и реальных характеристик носителей имиджа. Так, Н.Н. Медведева определяет имидж государства как «упрощенный символический образ всей совокупности институтов власти государства, основанный как на их реальной деятельности, так и создаваемый стихийно или целенаправленно на основе мифов и стереотипов массового сознания, тем самым формируя устойчивые политические мотивации людей» [7].

На возможность целенаправленного формирования имиджа государства в своем определении данного концепта указывает М.А. Коломенский: «Внешнеполитический имидж государства можно определить как целенаправленно формируемый (специалистами по связям с общественностью и политической элитой) образ страны, призванный оказывать политическое и эмоционально-психологическое воздействие на мировое общественное мнение» [5].

Ещё в середине прошлого столетия великий русский мыслитель И.А. Ильин говорил: «Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для нее неправда. Ее пресса готова печатать о нас самый последний вздор, если этот вздор имеет характер хулы и поношения. Европейцам «нужна» дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии» [4].

Резонанс между мыслью великого философа прошлого столетия и современным отношением к России за рубежом потрясающ, хотя несколько не удивителен. Сложно вспомнить период в истории нашего государства, когда оно вызывало исключительно одобрительные чувства и восторженные отзывы у зарубежного общества. По мнению российского политолога К.С. Гаджиева, «чаще всего наша страна внушала ок-

ружающему миру страх, обеспокоенность и недоверие своими невероятными размерами, непредсказуемостью векторов развития» [2].

Особо актуальной проблема международного имиджа стала для России после распада Советского Союза, в период гипертрофированного обострения основных негативных стереотипов, господствующих в сознании международного сообщества в отношении нашей страны. Бытует мнение, что именно в постсоветский период на смену антисоветизму пришла так называемая «русифобия». Столь негативной окраски имидж нашего государства не обрел даже в самых критических ситуациях времен «холодной войны».

Имидж постсоветской России основывался на ряде реально отражающих её внутреннее состояние факторах, прочно осевших в сознании зарубежного сообщества. Полный развал народного хозяйства, займы у Международного фонда, экономический кризис 1998 года – безусловно, все эти обстоятельства сформировали за рубежом образ России как экономически слабой страны, «подсевшей на долговую иглу». Именно экономическая составляющая постсоветского кризиса, в котором погрязло наше государство в 90-е годы, являлось определяющим фактором формирования международного имиджа Российского государства.

Не обошлось и без сохранения пережитков Советского Союза – господствующие стереотипы об образе «тоталитарной машины» не покидали умы зарубежных граждан. Коммунизм, снег, КГБ, водка, медведи, мафия – основные ассоциативные понятия, с которыми нередко отождествляют нашу страну за рубежом.

Весомый вклад в формирование негативного международного имиджа России внесли такие факторы, как чеченская кампания, выступившая в глазах европейцев свидетельством нарушения норм международного права, коррумпированность всех областей российской власти, массовое обнищание населения, феномен олигархии, преступный характер российского бизнеса. При этом необходимо обратить внимание на гипертрофированный и крайне искаженный характер вышеперечисленных стереотипов в зарубежном сознании.

Однако стоит отметить, что с приходом к власти в России Президента В.В. Путина и появлением четкой стратегии формирования по-

зитивного восприятия РФ за рубежом в ситуации с международным имиджем наметились положительные перспективы развития. Высокие цены на энергоносители обеспечили России экономический рост и дипломатическое влияние на международной арене. Фактически, Россия получила статус энергетической державы и поставщика энергоресурсов, коим она обладает и по сей день. Трактую эту ситуацию с иного ракурса, можно предположить, что особого веса на международной арене с этим приобретением наше государство не получило: из экономически слабой страны оно превратилось в энергетический ресурс Европы, которая выстраивает траекторию взаимодействий с Россией, учитывая фактор своей зависимости от её нефтегазовых ресурсов.

В той же мере несостоятельной является и политическая составляющая международного имиджа России в постсоветскую эпоху. Авторитарный характер политической власти в России, деспотизм и подавление инакомыслия, отрицание ценностей плюрализма, нарушение демократических свобод российских граждан – вот далеко не весь список черт, на котором сходятся европейские СМИ при описании политической системы постсоветской России. Особый, но неоднозначный резонанс у международной аудитории вызывает лидер современной России – Владимир Путин. «Ему как-то удается совмещать ношение прекрасно скроенных костюмов с сапогами, которыми он давит у себя в стране оппозицию и демократию» [11] – исчерпывающий пример описания российского лидера за рубежом.

Вместе с тем нельзя утверждать, что международный имидж России в постсоветский период однозначно носит негативную окраску. Достижения нашей страны в области спорта, искусства, балета, литературы всегда по достоинству были оценены за рубежом и редко подвергались критике в международных СМИ. Наконец, настоящим прорывом, способствовавшим укреплению имиджа России на международной арене, стала Сочинская Олимпиада 2014 года. Наше государство не только смогло доказать, что может выступать прекрасным организатором международного события такого масштаба, но и являться его победителем.

Несмотря на явные положительные тенденции в развитии международного имиджа Рос-

сии, на протяжении всего постсоветского периода он не переставал быть неоднозначным, противоречивым и шатким. Особое значение и окраску он приобрел в настоящее время – в условиях введенных США и странами Европейского Союза экономических санкций против России. Глядя на список факторов, способных влиять на формирование международного имиджа страны, можно без усилий прийти к выводу, что санкции как один из экономических факторов оказывает довлеющее влияние на конструирование всего внешнего образа государства, оказавшегося под действием подобных мер.

Формирование позитивного имиджа России в мире в условиях международной турбулентности и трансформации глобального порядка – одна из ключевых внешнеполитических задач страны. На высшем уровне этот вопрос был поднят еще в июле 2012 г. на Совещании послов. В.В. Путин констатировал тогда: «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко... А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию» [10].

Рассматривая международный имидж России в нынешних условиях, невозможно не отметить тенденции его негативной динамики. В первую очередь санкции, как экономическая мера изоляции государства, наносит огромный ущерб его международному статусу. Сейчас санкционные меры фактически дискредитируют Россию как надежного и успешного партнера в экономических отношениях. Более того, в силу своего содержания они производят запрет даже на рассмотрение России в качестве такого партнера. Однако здесь важно учесть, что не столько сами экономические санкции, сколько сопровождающая их информационная атака со стороны Запада разрушает объективный образ России на международной арене, погружая её в состояние ещё большей международной изоляции.

Данный тезис отнюдь не баснословный и имеет четкое эмпирическое обоснование. Согласно данным опроса, проведенного социологической организацией Princeton Survey Research Associated International в период с 17 марта по 5

июня 2014 года среди 48643 респондентов в 44 странах (включая РФ), неприязнь к России неумолимо набирает обороты. Примечательно то, что «почти все опросы были проведены после того, как Путин объявил 18 марта о присоединении Крыма. Большинство интервью во Франции, Германии, Греции, Италии, Польше, Испании и Великобритании были проведены в течение недели после этого объявления» [9].

Результаты исследования можно свести к трем кратким выводам, которые наиболее актуальны для характеристики современного международного имиджа России:

1. Странников России становится всё меньше;
2. Широкою популярностью обретает недоверие к политическому лидеру России – Владимиру Путину;
3. Российское государство не уважает личные свободы своих граждан.

Оценка России с 2013 года стала существенно более негативной в 20 из 36 опрошенных за оба года стран. За последнее время больше всех озлобились на Россию американцы и европейцы. Более шести из 10 респондентов в Польше, Германии, Италии, Испании, Франции, США и Британии относятся к России отрицательно. Во всех этих странах, кроме одной, негативные оценки с прошлого года выросли на двузначное число: на 29% в США, на 27% в Польше, на 24% в Британии и на 23% в Испании.

Как и в случае с рейтингом России в целом, оценки Путина отличаются наиболее единообразным негативным характером в США и Европе. Восемь из 10 американцев говорят, что не очень доверяют или вообще не доверяют российскому руководителю. С ними согласно большинство во всех опрошенных странах.

Американцы и европейцы особенно отрицательно относятся к деятельности Москвы в сфере защиты гражданских свобод. Примерно три четверти и более опрошенных в Германии, Франции, США, Польше, Испании, Британии и Италии считают, что Россия не уважает личные свободы своих граждан.

Вывод очевиден: тенденции трансформации внешнего имиджа России в европейских странах носят скорее негативную окраску, нежели позитивную или нейтральную.

Со столь неутешительной картиной международного имиджа России в условиях санкций

соглашается Исследовательский Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). В своем аналитическом докладе «Санкции +. Что еще в арсенале давления Запада на Россию?» специалисты центра утверждают, что введенные санкционные меры сопровождаются перманентной информационной атакой со стороны Запада, которая направлена на дискредитацию образа нашей страны. «Информационная атака на Россию началась давно, но санкционный уровень враждебной риторики сопоставим с периодом холодной войны. Агрессивная пропаганда ведется в СМИ и Интернете, откуда в европейское общество транслируется мысль о том, что Россия является государством агрессором с имперскими амбициями» [1].

Санкционный режим в отношениях с Европой порождает новые вызовы и новые проблемы формирования позитивного международного имиджа страны, в борьбе с которыми Российское государство должно прийти к качественно новым способам укрепления своего положения на международной арене.

Отечественный имиджеолог А.Держач утверждает, что «каждая нация за долгий срок своего существования накапливает большое количество специфических черт, образцов поведения, «думания» и реагирования, отличающих её от других, которые в результате приводят к легкой узнаваемости. В связи с этим справедливо утверждать, что содержание группового имиджа находится в тесной, но опосредованной связи с объективными свойствами отображаемой группы» [3]. Иными словами, международный имидж представляет собой хоть и кривое, но всё же зеркало, отражающее основные объективные характеристики государства-носителя. Следуя методу от противного, нельзя исключать, что внешний имидж России может быть укреплен посредством улучшения её объективных черт и показателей развития.

Можно с уверенностью сказать, что имидж нашего государства сегодня искусственно занижен усердием средств массовой информации. Политическая и экономическая составляющая внешнего имиджа России находится в упадке по ряду причин, последствия которых сложно преодолеть политикой «мягкой силы». Европа, главным образом, выступает союзником США, поэтому невозможно оказывать прямое воздействие на её решения, особенно методами при-

нуждения и запугивания. Поэтому мы вновь обращаемся к инструментам «мягкого» воздействия при выстраивании отношений с европейскими государствами.

Россия в настоящий момент терпит поражение по двум фронтам реализации «мягкой силы»: внешняя политика и политические ценности. Как нам удалось увидеть, внешнюю политику Российской Федерации за рубежом характеризуют такими эпитетами, как имперская, захватническая и оккупационная. Политические ценности России (безропотно перенятые у европейской либеральной демократии) кажутся сообществу фиктивными, получающими реализацию лишь на бумаге. Россия в глазах европейцев – страна с имперскими амбициями, яростно давящая свободомыслие и презирующая права человека внутри своих границ.

Однако в Европе не распространено негодование относительно российской культуры, её уникальности и богатства. И сегодня мы можем видеть, какой резонанс в мировом сообществе вызывает наше культурное наследие. В силу специфики политического и экономического контекста, в условиях которого в настоящее время развивается Россия, политика «мягкой силы» не в состоянии изменить облик нашей страны в Европе. Однако социокультурный контекст открывает перед нами огромный потенциал для продвижения стратегии «мягкой силы». Россия обладает значительными ресурсами для продвижения политики «soft power» в Европе, однако серьезно отстает от своих геополитических конкурентов. Сегодня использование культурного потенциала России в качестве инструментария «мягкой силы» фактически сведено к минимуму [8].

В целом можно сказать, что существует два пути продвижения эффективного международного имиджа государства за рубежом: естественный и искусственный. В первом случае государство «автоматически» улучшает свой имидж на мировой арене благодаря успехам в экономике, развитию культуры, науки, легитимности политики, проводимой внутри страны и на мировой арене. Во втором случае предполагается проведение различных мер информационного, рекламного и пропагандистского характера, направленных на улучшение международного имиджа государства, т.е. продуманная и целенаправленная политика «мягкой силы».

В нынешних непростых геополитических условиях России необходимо максимально эффективно использовать оба пути, и для этого у нее есть все необходимые ресурсы.

Литература

1. Аналитический доклад центра научной политической мысли и идеологии «Санкции +. Что ещё в арсенале давления Запада на Россию?». [Электронный ресурс] URL: <http://rusgrand.ru> (дата обращения – 29.03.2015).
2. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. М., 2007. С. 55.
3. Деркач А.А. Политическая имиджелогия. М., 2006. С. 203.
4. Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи. М., 2011. С. 187.
5. Коломенский М.А. Формирование внешнеполитического имиджа современной России. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 38.
6. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства. Обозреватель – Observer, №4, 2013. С.29.
7. Медведева Н.Н. Внешнеполитический имидж России в контексте развития отношений с Европейским союзом. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. С. 41.
8. Наумов А. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (дата обращения: 23.04.2016)
9. Негативный имидж России в мире на фоне украинского кризиса. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine> (дата обращения: 29.03.2015).
10. Совещание послов и постоянных представителей России // Президент России. Официальный сайт. <http://www.kremlin.ru/news/15902>.
11. Уиник Дж. Владимир Великий? The Washington Post. 2 сентября 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.inosmi.ru/translation/236367.html> (дата обращения: 15.03.2015).
12. Boulding K. The Image. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956. – P. 32.

Развитие детского и молодёжного движения в Ямало–Ненецком автономном округе как фактор формирования и повышения гражданской позиции молодёжи

Фаст С.П.

В статье рассматривается деятельность молодежных объединений Ямало-Ненецкого автономного округа, проводится анализ их вклада в решение проблем региона, исследуются основные приоритеты и направления молодежной политики округа. Анализ положительных результатов деятельности молодежных объединений, в частности волонтерских организаций, Молодежного парламента и Молодежного правительства, позволяет сделать вывод о наличии сложившейся системы участия молодежи округа в социально-экономическом и культурном развитии Ямала. Вместе с тем в статье указывается на ряд проблемных тенденций, сдерживающих развитие социально значимой активности молодёжи, прежде всего это замыкание молодежных объединений на решении локальных задач; вопросы трудовой занятости и здоровьесбережения молодого поколения; делается вывод о необходимости дальнейшего осмысления концептуальных оснований деятельности молодежных объединений.

Ключевые слова:

Молодежь, молодежные объединения, молодежная политика, социально-экономические проблемы, социальная практика

Fast S.P.

The development of children's and youth movement in the Yamalo-Nenets Autonomous District as a factor in the formation and improvement of the civil position of youth. The author of the article examines the activities of the youth associations of the Yamal-Nenets Autonomous District, analyses of their contribution to solving the problems of the region and explores the priorities of youth policy. Analysis of the positive results of the youth associations activities, such as voluntary organizations, the Youth Parliament and the Youth Government, gives a chance to make a conclusion about th. However, the author points to a number of problematic trends hampering the development of the young people socially significant activities. There are the closure of youth associations on local tasks, issues of employment and health preservation of the younger generation. The author makes conclusion on the need for further understanding of the conceptual foundations of youth associations.

Keywords: youth, youth associations, youth policy, social and economic problems, social practice

Социокультурные изменения, социально-ценностные сдвиги, формирование новых социальных институтов при разрушении традиционных в совокупности вызывают неоднозначные последствия в социальных настроениях, поведенческих практиках и ценностных ориентациях молодого поколения. С одной стороны, можно сказать, что молодежь является поколением социального оптимизма, достаточно успешно вписавшимся в новые социальные и экономические реалии, с другой стороны – возрастают социальная индифферентность, аполитизм, постоянное сужение поля социального интереса, что стимулирует межпоколенческие разрывы, осложняет процессы социализации и интеграции молодого поколения.

Решение накопившихся проблем во всех важнейших сферах жизнедеятельности российского общества и его молодого поколения, во многом определяется решением такой важной проблемы, как воссоздания с учетом изменившихся социокультурных, экономических и политических условий, системы гражданского сознания молодежи. «Кроме того, один из парадоксов создания российского гражданского общества заключается в том, что нередко отдельные общественные гражданские инициативы возникают с подачи государства»¹. Как отмечают исследователи, в настоящее время периодически предпринимаются попытки возродить организованные формы молодежной активности, которые дают необходимый молодежи концепт гражданственности. И именно государственный заказ во многом не дает возможности молодежи самовыражаться, а значит нередко вызывает протестный контекст. При этом важнейшими показателями гражданственности молодежи нередко выступают некоторые стабиль-

ные факторы: патриотизм, ориентация на российскую (не западную) культуру, отношение к службе в рядах российской армии, а также укорененность в местной культуре и миграционные планы.

В современной научной литературе изучение проблемы формирования в молодежной среде гражданской позиции представлено следующими направлениями исследований:

1. Формирование научно-теоретических и организационно-практических основ для определения важнейших факторов и принципов воспитания гражданского сознания. Для данной исследовательской позиции характерны определенные аспекты: взгляд на гражданское воспитание как на часть общего процесса воспитания; стремление связать процесс гражданского воспитания с происходящими в обществе явлениями; определенный приоритет формирования гражданских качеств среди других; связь гражданского воспитания с конечным результатом воспитательной работы и т.д. Этот аспект достаточно плотно изучался на протяжении долгого времени в ряде научных исследований (Гриценко Г.А.², В.П.Беспалько³, Л.М.Семенюк⁴, С.А.Абакумов⁵, А.Г.Агаев⁶ и др.). При этом воспитательный процесс как потенциал трансформации гражданского сознания определяется первичным.

2. Второе направление исследования проблемы гражданского сознания молодежи определяется понятием «гражданская зрелость» как определяющим. Данный подход представлен в исследованиях Р.Г. Гуровой⁷, Е.И. Кокориной⁸, Ю.А. Маринкиной⁹, Р.И. Хмелюк и др. Они разрабатывают понятие «гражданская зрелость» и определяют его как такое положение личности в обществе, в системе общественных отношений, когда она выступает полноправным субъектом прав и обязанностей. Это понятие, по мнению ученых, является собой результат гражданского воспитания.

3. Интерпретация понятия «гражданское сознание» в процессе формирования молодежи в современных условиях в контексте происходящих социокультурных изменений в российском обществе и определяется посредством формирования и актуализации социальных качеств самореализации, ответственности, участия, определяя сущность процесса в автономности гражданского воспитания, независимости от форм

внешнего принудительного воздействия (Е.А.Гришина¹⁰, Г.А.Чередниченко, В.И.Чупров, А.И.Шендрик и др.).

Социальная практика работы с молодежью по формированию гражданской позиции в Ямало-Ненецком автономном округе на современном этапе определяется рядом проблем, связанных с практической реализацией активных жизненных стратегий молодежи в процессе управления социальным инновационным проектированием. Заявленные перспективы в сфере организации на практике идеи целенаправленной корректировки гражданской позиции реализуются на практике недостаточно и несистематично, не полностью. Однако даже их неполная реализация вносит принципиальное изменение, поскольку идея управления социальным инновационным проектированием в молодежной среде может принести обществу огромный эффект в потенциальном будущем. Прежде всего, данная концепция весьма успешно начала реализовываться посредством развития детского и молодежного движения.

На данный момент, в Ямало-Ненецком автономном округе осуществляют свою деятельность 144 детских общественных объединения (в том числе школьных) с общим количеством участников 18 376 человек и 101 молодежное общественное объединение (в том числе студенческие) с количеством участников 4 289 человек. В общем, в автономном округе в деятельности детских и молодежных общественных объединений участвуют свыше 22 тыс. человек, а общее количество объединений вместе с региональными (Ассоциация детских и молодежных общественных объединений, Молодежное правительство ЯНАО и др.) достигает 249. И это значительный показатель не только для региона, но и в целом по России.

Данный показатель существует и в соотношении занятости молодежи в рамках данных общественных объединениях: в их задействовано 12,4% от общего количества молодых людей в возрасте от 8 до 30 лет, зарегистрированных в Ямало-Ненецком автономном округе (общее количество по данным органов статистики – 183 094 чел.). В данном случае важно отметить увеличение по сравнению с показателями на начало 2015 года – на 1,4%.

Достаточно широк и спектр направлений деятельности детских и молодежных обществен-

ных объединений. Среди них наиболее распространенными являются следующие:

– пропаганда здорового образа жизни, защита окружающей среды (Школьное молодежное движение «ОАЗиС» Надымского района, местное отделение ВОО «Молодая Гвардия» Красноселькупского района, Общественная организация «Союз активных туристов» Пуровского района и др.);

– содействие реализации творческого, интеллектуального потенциала детей и молодежи (детская организация «Флотилия «Фортуна» МБОУ СОШ № 6 города Новый Уренгой, общественное объединение «Дизайн – студия «АРТиШок» города Ноябрьск, Студенческие совет города Губкинский и др.);

– организация досуга сверстников посредством проведения различных мероприятий (в т.ч. интеллектуальных, творческих, образовательных), акций (городская общественная организация «САМИ» города Лабытнанги, «Школа аниматоров досуга» города Муравленко);

– развитие и поддержка институтов молодой семьи (клуб молодых семей «Приоритет» города Лабытнанги, читательский клуб «Кругозор» и др.);

– содействие повышению трудовой активности молодых людей, профориентационная работа (городское общественное движение «Альфа+» города Новый Уренгой, городской педагогический отряд «Перспектива» города Ноябрьск, Центр молодежных инициатив Пуровского района и др.);

– развитие детских и молодежных СМИ;

– гражданско-патриотическое воспитание молодежи («Юный Патриот» Надымского района, детская школьная организация «Ялэмд. Рассвет» Тазовского района, молодежное объединение «Факел надежды» Надымского района и др.).

Таким образом, в деятельности детских и молодежных объединений Ямало-Ненецкого округа представлены все основные направления, отражающие государственную политику в области молодежного движения и создания оптимальных условий для развития в среде молодежи активной гражданской позиции. Одним из направлений деятельности общественных объединений округа также является повышение электральной активности молодежи. Так, например, общественный штаб «Молодёжь выбирает будущее» (г.Ноябрьск) привлек к участию в

проводимых мероприятиях весны 2012 года более 300 человек.

2012 год в Ямало-Ненецком автономном округе был объявлен Годом подготовки квалифицированных кадров, что позволило реализовать на территории ряд значимых мероприятий. В ноябре 2015 года членами Молодежного совета Надымского района был организован районный конкурс фотографий «Слава человеку труда!».

В первом квартале 2012 года по распоряжению Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Д.Н.Кобылкина впервые в округе в рамках нового социального проекта сформировано Молодежное правительство, которое Губернатор возглавил лично. Тем самым, члены Молодежного правительства получили сегодня возможность практически узнать специфику работы органов исполнительной власти и возможность реализовать себя в общественно значимой деятельности. Более того, за каждым членом Молодежного правительства закреплены по одному куратору от Правительства автономного округа, которые в том числе привлекают молодых коллег к своей работе: встречам с жителями автономного округа, поездкам по муниципалитетам и др. Это несомненно большой опыт и достаточно серьезная ответственность, которая формирует в молодых людях новый уровень гражданской активности и ответственности.

Данная практика стала передовой на территории Российской Федерации, что подтверждается положительными отзывами участников всероссийских мероприятий от других регионов о структуре и системе работы ямальского Молодежного правительства, а также созданными впоследствии молодежными объединениями такого уровня в разных регионах России. Практика Ямало-Ненецкого автономного округа стала отправной точкой для создания сети Молодежных правительств регионов, которая впоследствии стала иерархической структурой в федеральном масштабе.

Постановлением Законодательного Собрания автономного округа от 21 марта 2012 года № 974 утверждено новое Положение о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ямало-Ненецкого автономного округа – совещательном и консультативном органе, осуществляющем свою деятельность на обще-

ственных началах с целью обеспечения активного участия молодежи, молодежных организаций в формировании и реализации молодежной политики в автономном округе, содействия деятельности Законодательного Собрания автономного округа в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи.

Молодёжный парламент сформирован в основном из депутатов представительных органов городских округов и муниципальных районов автономного округа в возрасте от 18 до 35 лет. 17 октября 2012 года состоялось первое (организационное) заседание Молодёжного парламента при Законодательном Собрании Ямало-Ненецкого автономного округа.

Молодёжное парламентское движение в Ямало-Ненецком автономном округе сегодня полноценно: сформированы Молодёжное правительство как совещательный орган при исполнительных органах власти, Молодёжный Парламент – при законодательных органах власти. Такая структура стала необходимой для разграничения полномочий и меры ответственности каждого участника такого движения.

Более того в ряде муниципальных образований активно включились в работу молодёжные совещательные структуры (например, Совет молодёжи муниципального образования Приуральский район, Молодёжный Совет при Главе города Губкинский, Молодёжный Совет при Администрации города Ноябрьска и др.). Всего в молодёжных совещательных структурах в автономном округе работают 105 человек.

В 2012 году в рамках Года подготовки квалифицированных специалистов, проходящем в ЯНАО, также сформирован Совет молодых учёных и специалистов при Губернаторе Ямало-Ненецкого автономного округа. Положение о Совете и его состав утверждены постановлением Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 19 июля 2012 года № 96-ПГ.

В течение 2012 года детские и молодёжные объединения реализуют большое количество различных мероприятий, в которых задействуют почти 70 000 жителей, а значит, в среднем одно детское или молодёжное общественное в 2012 году привлекает к участию в своем мероприятии порядка 280 человек.

Сегодня, со стороны государства развитию и поддержке детского и молодёжного движе-

ния уделяется большое внимание, что подтверждается системной работой органов по делам молодёжи на окружном и муниципальном уровне.

В муниципальных образованиях автономного округа по-прежнему площадками для формирования детских и молодёжных общественных объединений являются учебные заведения, учреждения сферы молодёжной политики, клубы по месту жительства, учреждения среднего и дополнительного образования, промышленные организации и предприятия.

Развитие диалога с неформальными молодёжными сообществами тоже является важным условием, позволяющим сформировать у молодёжи позитивное отношение к своему муниципальному образованию, удержать активность молодых людей в социально приемлемых рамках. Муниципальными органами молодёжной политики осуществляется деятельность по вовлечению неформальных объединений в реализацию молодёжной политики, поддержке культурных, творческих и иных инициатив неформальных объединений, в том числе, предоставление территории для организации постоянной деятельности и разовых проектов.

С целью подготовки кадров общественных объединений, развития навыков проектной культуры, популяризации детского и молодёжного движения в муниципальных образованиях округа проводится достаточно большое количество мероприятий. На этом хотелось бы остановиться более подробно, поскольку эти мероприятия составляют целостную систему формирования единой концепции в формировании гражданской активности и позиции молодёжи.

В целях обмена опытом по работе с молодёжными общественными организациями, а также создания благоприятной атмосферы общения между представителями детских и молодёжных общественных объединений на базе отдыха «Северное сияние» р-на Коротчаево 12 – 13 мая 2012 года состоялся выездной Сбор актива молодёжи, в котором приняли представители молодёжных общественных объединений МО город Новый Уренгой, районов Коротчаево и Лимбьяха – ГОО «Альфа+», МОД «Сибирь Молодая Православная», ВОО «Молодая Гвардия Единой России», Совет студентов ГОУ СПО ЯНАО «Новоуренгойский многопрофильный колледж», Совет студентов ТюмГУ, Моло-

дѣжный совет общественной безопасности и др. Участникам Сбора была предложена программа, которая включала в себя игровые и психологические тренинги на сплочение, соревнования по фрироупу, обучение основам социального проектирования и проектной деятельности.

В городе Ноябрьске на базе муниципального бюджетного учреждения «Центр детских и молодежных инициатив» в 2012 году реализовывался проект «Школа лидера». Основной целью лидеров стало участие в различных программах и проектах. Неким итогом реализации проекта стал городской конкурс «Лидер Года», который ориентирован на формирование позитивного имиджа лидера детского и молодежного объединения, а также популяризацию детского и молодежного общественного движения в городе Ноябрьске.

В октябре 2012 года в г.Салехард с целью формирования позитивного профессионального имиджа лидеров и руководителей школьных и студенческих структур самоуправления, детских и молодежных общественных объединений, пропаганды ценностей позитивного лидерства в молодежной среде состоялся городской конкурс «Лидер - 2012» на базе муниципального автономного учреждения культуры «Культурно-досуговый центр» «Наследие». В конкурсе приняли участие учащиеся школ города и студенты сузузов (более 40 человек). Программа конкурса включала проведение мероприятий, раскрывающих организаторские, креативные, коммуникативные способности, умения и навыки участников. «Школы лидера», конкурсы, фестивали для участников детских и молодежных объединений проводятся и в ряде других муниципальных образований автономного округа.

На окружном уровне департаментом молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа также проводится работа по взаимодействию с детскими и молодежными объединениями в рамках действующего в Российской Федерации законодательства.

Детским и молодежным общественным объединениям в 2012 году осуществляется следующая поддержка:

1. Финансовая. В рамках окружной долгосрочной целевой программы «Молодёжь Ямала» проводятся конкурсы грантовой поддержки на реализацию социальных проектов:

- конкурс грантовой поддержки детских и молодежных общественных объединений (в 2012 году фонд конкурса составил 150 тыс. рублей);

- конкурс грантовой поддержки социально-ориентированных проектов в рамках общественно-образовательного проекта «Деловая молодёжь Ямала» (общий фонд в 2012 году - 1140 тыс. руб.);

- Конкурсы мини-грантов в каждом муниципальном образовании. Было рассмотрено более 120 проектов (в сравнении – в 2011 году всего в рамках «Деловой молодёжи Ямала» было рассмотрено около 80 проектов). Поддержку в 2012 году в размере 20 тыс. рублей получили 42 проекта.

- Окружной конкурс грантов. Представлен на интернет-сайт www.delovayamolod.ru - 56 проектов. 3 проекта в 2012 году получили поддержку в размере 100 тыс. рублей.

2. Информационная. В автономном округе продолжают функционировать следующие окружные молодежные интернет-ресурсы: www.yamolod.ru, www.delovayamolod.ru. Кроме того, для информирования актива детских общественных объединений о проводимых мероприятиях используется sms-рассылка. В течение года издаётся и распространяется, в том числе среди молодежных и детских общественных объединений, журнал «Юность Ямала».

3. Подготовка и переподготовка кадров для молодежных и детских общественных объединений. Для лидеров и руководителей детских и молодежных общественных объединений в рамках ОДЦП «Молодёжь Ямала» разработана и реализуется общественно-образовательная программа «Кадровый резерв Ямала». Основная цель программы – подготовка кадров для работы в детских и молодежных общественных объединениях. В программу включены следующие молодежные проекты:

- окружной общественно-образовательный проект «Школа лидера» (участники – активисты общественных объединений – 100 чел.);

- окружной конкурс лидеров и руководителей детских и молодежных общественных объединений «Будущее Ямала» (проект включает и образовательную программу, количество участников – 100 человек);

- фестиваль детских и молодежных общественных объединений «О'круг Дружбы» (учас-

тники – активисты и руководители общественных объединений – 100 человек);

- семинар для руководителей детских и молодёжных общественных объединений (участники – руководители общественных объединений, специалисты учреждений сферы молодёжной политики, органов по делам молодёжи муниципальных образований, количество участников в 2012 году – 30 человек);

- семинар и фестиваль для участников и руководителей добровольческих сообществ «Равный поможет равному» (количество участников – 200 чел.);

- Ямальская школа тренеров (образовательный проект для социальных технологов – 30 человек).

Кроме того подготовка и переподготовка кадров для работы в детских и молодёжных общественных объединений ведётся в рамках общественно-образовательного проекта «Деловая молодёжь Ямала» (в 2012 прошло 18 семинаров во всех муниципальных образованиях автономного округа, участниками которых стали также представители ДиМОО).

В 2012 году департамент также организовал участие представителей детского и молодёжного движения автономного округа в следующих межрегиональных и всероссийских мероприятиях:

- форумы молодёжи Уральского федерального округа «Урал – территория развития!» (август, Свердловская область) и «Актив 2012» (сентябрь, город Тюмень);

- форум-фестиваль молодёжи Уральского федерального округа «Мы за мир во всём мире!» (август, Болгария, г. Китен, ММЛ «Ямал»);

- всероссийский конкурс лидеров и руководителей детских и молодёжных общественных объединений «Лидер 21 века» (октябрь, Кабардино-Балкарская Республика);

- всероссийский молодёжный форум «Селлигер» (июль-август, Тверская область).

Роль детского и молодёжного движения в общественной жизни автономного округа сегодня достаточно заметна и будет возрастать с каждым годом, что подтверждается указанными выше качественными и количественными характеристиками.

Растёт конкуренция среди объединений в части реализации социально-ориентированных проектов и мероприятий, о чём свидетельству-

ет количество подаваемых заявок на получение финансовой поддержки со стороны государственных структур.

Качественная государственная поддержка, оказываемая детским и молодёжным общественным объединениям на муниципальном и окружном уровне в Ямало-Ненецком автономном округе, даёт свои результаты. Специалистами отмечается более высокий уровень проектной культуры участников объединений, качественная подготовка делегаций к окружным мероприятиям (конкурс лидеров и руководителей «Будущее Ямала», выставка общественных объединений в рамках фестиваля «О'круг Дружбы»).

Департамент молодёжной политики и туризма в части работы с общественными объединениями продолжает совершенствовать свою деятельность. В 2013 и 2014 годах планировалось изменить профиль окружных проектов, что действительно реализовалось, и теперь у региона появились новые концепции и проекты по продвижению молодёжной политики на качественно новом уровне. Так, например, впервые состоялась школа студенческого актива для представителей студенческого самоуправления, начал свою работу модуль детских и молодёжных общественных объединений в рамках интернет-сайта департамента www.yamolod.ru, что позволило общественным объединениям иметь свою страничку в интернете. Сотрудники департамента совместно с партнёрами выработали очень простой механизм регистрации и интерфейс. Объединения получают возможность загружать информацию о своих проектах, фотографии, ежедневно размещать новости своих объединений.

Доминирование социологических подходов, имеющих, несомненно, эвристическое значение для исследования социальных параметров формирования гражданских установок и качеств российской молодёжи, в определенной мере влияет на редукцию исследуемой проблемы к описанию социальных детерминант, оставляя без внимания сферу социальных значений, смыслов гражданского воспитания, как формы человеческой деятельности и самостоятельности, как структуры, связывающей индивидуальное бытие с внешними социальными формами, что делает обоснованной актуализацию предприняемого исследования.

Решающим в формировании представлений о гражданственности эффективного граждан-

кого сознания является комплексное решение проблемы, которое может быть представлено только в контексте социального проектирования, представляющим собой трансформацию всех сфер деятельности молодежи и дающим возможность реализации молодежных инициатив в контексте решаемых задач.

Литература

1. Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период. Резолюция 50/81 от 13 марта 1996 года // Генеральная Ассамблея ООН. Пятидесятая сессия. Пункт 105 повестки дня.

2. Государственная Программа Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие туризма, повышение эффективности реализации молодежной политики, организация отдыха и оздоровления детей и молодежи на 2014–2020 годы» [Электронный ресурс] Департамент молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа [сайт]. – URL: <http://www.yamolod.ru/content/gosudarstvennaya-programma-yamalo-neneckogo-avtonomnogo-okruga-razvitiye-turizma-povyshenie> (Дата обращения 10.02.2014).

3. Ильинский И.М. Прошлое в Настоящем: Избранное. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-а, 2011. – С. 419–420.

4. Отчет о деятельности Молодежного правительства Ямало-Ненецкого автономного округа за отчетный период (февраль-декабрь 2012 года) [Электронный ресурс] Департамент молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа [сайт]. – URL: <http://www.yamolod.ru/content/molodyozhnoe-pravitelstvo-yamala-otchitalos-ob-itogah-raboty-v-2012-godu>.

5. Пересмотренная Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне от 23 мая 2003 г. / Конгресс местных и региональных властей Европы. – 29 с.

6. Положение молодежи в Ямало-Ненецком автономном округе. Российское общество социологов, департамент молодежной политики ЯНАО, Центр независимых исследований Горизонт. – СПб.: Любавич, 2011. – С. 34.

7. Развитие молодежного парламентского движения. О Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ямало-Ненецкого автономного округа: выступление заместителя Председателя Законодательного Собрания ЯНАО, председателя Комитета Законодательного Собрания ЯНАО по бюджету, налогам и финансам С.М. Ямкина на заседании Совета Законодателей в г. Ханты-Мансийск 31.10.2013 г. [Электронный ресурс] Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [сайт]. – URL: http://www.dumahmao.ru/povest/povest_2805?%282?%29/16/8.pdf.

Ссылки:

1 Андреева, Ю.В. Нам нужны права, а не обязанности»: гражданская активность российской молодежи / Ю.В. Андреева, И.В. Костерина // Журнал исследования социальной политики. – 2006. – Т.4. – № 3. – С. 400-401. (397-412)

2 Гриценко Г.А. Подростково-молодежный клуб по месту жительства. – Екатеринбург, 2007. – 161 с.

3 Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М., 1989.

4 Семенюк Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. – М., 2007.

5 Абакумов, С. А. Гражданское общество в России (от Древней Руси до наших дней). М.: Галерея, 2005.

6 Агаев, А.Г. Философия совести. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995.

7 Гурова Р.Г. Современная молодежь: социальные ценности и нравственные ориентиры // Педагогика. – 2000. – № 10. – С. 32.

8 Кокорина Е.И. Гражданский облик выпускников советской средней школы. Автореф. дисс. канд. пед. наук, Новосибирск, 1973.

9 Маринкина, Ю.А. Воспитание гражданской зрелости у учащихся старших классов. Автореф. дисс. канд. пед. наук. – М., 1967.

10 Гришина, Е.А. Исследование динамики эмоциональных состояний личности в условиях временной кросс-культурной миграции // Миры культур и культура мира: сб. науч. тр. – М., 2011. – С. 34-35.

Основы конституционного устройства постсоветской России в политико- социологическом учении И.А. Ильина

Федорова Е.В.

В статье рассматриваются основные принципы конституционного устройства постсоветской России, сформулированные русским социальным философом, государствоведом и правоведом И.А. Ильиным. Автор анализирует его рукопись «Проект основного закона Российской Империи» (1938 г.) и другие работы с целью сопоставить взгляды мыслителя с конституционными основами современного российского общества, а также показать актуальность предложенных им идей и возможность их применения для совершенствования государственно-правовой организации жизни в постсоветской России.

Ключевые слова: И.А. Ильин, «Проект основного закона Российской Империи», конституция, права и обязанности, законы, глава государства, выборы.

Fedorova E.V.

The foundations of Post-Soviet Russia's constitutional system in I.A. Ilyin's political and sociological doctrine. The article dwells on the basic principles of Post-Soviet Russia's constitutional system that was formulated by Russian social philosopher, specialist in studying of state and law I.A. Ilyin. The author analyzes his manuscript "The draft of the basic law of Russian Empire" (1938) and other works with the aim to compare the thinker's views with the constitutional bases of modern Russian society, as well as to show the urgency of his ideas and the possibility of their use to improve state and law organization of life in Post-Soviet Russia.

Key words: I.A. Ilyin, "The draft of the basic law of Russian Empire", constitution, rights and responsibilities, laws, head of the state, elections.

Вот уже более двух десятилетий в России осуществляются либерально-демократические преобразования, последовавшие после распада Советского Союза и отказа от коммунистической модели построения государства, а также соответствующего ему права. В связи с этим возникла необходимость разработки нового комплекса нормативно-правовых основ, которые, с одной стороны, отвечали бы общим тенденциям развития мирового сообщества, признавшего либеральную демократию наиболее успешной и эффективной формой общественно-политического устройства, а, с другой стороны, соответствовали национальной специфике и той исторической ситуации, в которой Россия оказалась после краха социалистической системы. Результатом стала принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года Конституция Российской Федерации, действующая в стране и поныне. Будучи основным законом, она регламентирует важнейшие принципы нынешнего российского конституционного строя, а именно, характеризует Россию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [7, 4], как государство социальное, где высшей ценностью является человек, его права и свободы; утверждает в стране плюрализм, справедливость и равенство; признает светский характер государства и общества, идеологическое многообразие и многопартийность; приветствует рыночную экономику и частную собственность; подразумевает разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную, а также признает и гарантирует местное самоуправление.

По оценкам многих специалистов социально-гуманитарных наук, экспертов в области исследования государства и права, перечисленные выше конституционные принципы носят преимущественно декларативный характер, поскольку они лишь указывают на некий обще-

ственный идеал, до сих пор не получивший реализации в действительности. Так, российский правовед Л.С. Мамут, принимавший участие в подготовке проекта действующей Конституции РФ, заключает, что «с общественно-исторической точки зрения это объясняется тем, что закрепленные в Конституции РФ ценности по своему смыслу и содержанию релевантны другой реальности — развитой демократически-правовой государственности, цивилизованной рыночной экономике, сложившемуся и упрочившемуся гражданскому обществу, высокому уровню политико-юридической культуры людей и т. п. На начальном этапе постсоветского периода (именно в нем мы пока находимся) все это в России — надо честно признаться — отсутствует» [9, 52]. Вот почему закрепленные в Конституции РФ принципы требуют корректировки и существенной доработки в соответствии с российской спецификой и ее нынешними реалиями. Это поддерживает и 35% населения страны (из которых 6% выступают даже за отмену действующей Конституции) [12], о чем свидетельствуют данные опроса общественного мнения, проведенного Левада-Центром в 2013 году.

Одним из главных критериев, на который следует опираться при адаптации нынешней конституционной модели к существующему состоянию общества, на наш взгляд, является не столько ориентация на переменчивые тенденции современности, сколько обращение к традиционным основам российской государственности, права и народного правосознания, формировавшимся и закреплявшимся на протяжении всей истории России. В связи с этим, значительный интерес представляет конституционный проект, разработанный социальным мыслителем эпохи Русского Серебряного века, государствоведом и правоведом Иваном Александровичем Ильиным (1883 — 1954 гг.). Будучи одним из выдающихся религиозных философов, юристом, писателем и публицистом, он выступал с последовательной критикой коммунизма и полагал, что данный строй чужд российскому обществу, его национальной специфике и духовной культуре. Поэтомu И.А. Ильин пророчески предсказал его крах и предвидел, что в посткоммунистический период Россия должна вновь обратиться к своим глубинным корням и найти такую государственную форму, которая бы органически подходила именно ей.

В своей работе «Основы государственного устройства» (доклад, с которым мыслитель выступил в Женеве в 1937 г.) он утверждал, что грядущему российскому обществу необходима совершенно новая конституция, которая явилась бы следствием, с одной стороны, наличествующей исторической ситуации, в которой будет пребывать Россия после отказа от коммунизма и перехода к новой модели социального устройства, а с другой стороны, принципиальных основ правосознания и государственности, складывавшихся веками и органически вплетенных в ткань русской жизни. Не берясь однозначно предсказывать цели, задачи и интересы исторически данной России в посткоммунистический период, И.А. Ильин все же намечает общие принципы и идеи ее будущей государственно-правовой организации.

Так, он предлагал в корне изменить представление о политике, призывая рассматривать ее не как сферу обмана, насилия, интриги, расчета и честолюбия, а как «властно внушаемую солидаризацию народа, авторитетное воспитание автономного правосознания; созидание национального будущего через эксплуатацию национального прошлого, собранного в национальном настоящем» [4, 491 — 492]. Мыслитель также предостерегал от идеализации демократии и безусловного выбора ее в качестве формы правления в постсоветской России, полагая, что русский национальный характер всегда тяготел к порядку, отеческому попечению и авторитетному воспитанию со стороны главы государства и сильной единой верховной власти, что в большей степени соответствует монархии. И наконец, И.А. Ильин полагал, что будущее устройство страны должно основываться на новом качественном отборе правящего меньшинства, переосмыслении идеи политической партийности (по его мнению, партии могут преследовать лишь единое общенародное благо, а не частный классовый или же профессиональный интерес), а также утверждении сформулированных им аксиом правосознания (к ним относятся чувство собственного духовного достоинства, способность к автономному самоуправлению и взаимное духовное признание) в качестве основы государственной жизни.

На основании перечисленных выше общих предпосылок государственно-правового устройства постсоветской России И.А. Ильин и раз-

работал свой вариант ее конституции, который он изложил в рукописи «Проект основного закона Российской Империи» (издана в 1938 г.) и в двух отрывках из нее – «Кое-что об Основных Законах будущей России» и «О правах и обязанностях российских граждан», – которые были опубликованы в 1952 г. и вошли в знаменитый сборник мыслителя «Наши задачи: статьи 1948 – 1954 гг.» (вышел в свет в 1956 г.). Предложенный им нормативно-правовой документ [5] состоит из 14 разделов и «Добавления к Основным Законам», где определены принципы управления и организации процедуры выборов на местах в переходный постсоветский период.

В первом разделе И.А. Ильин сформулировал общие положения относительно того, каким должно быть российское государство. Так, уже в первых статьях он определял его как «установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов» [5, 510], а также как правовой союз, где каждый человек обладает неприкосновенными правами и неотъемлемыми обязанностями, где всеми сферами общественной жизни руководит принцип законности. Грядущая Россия также призвана стать священным союзом, объединяющим людей не только внешне, но и внутренне. «Российское Государство, – отмечал И.А. Ильин, – служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального духа в его единстве и в его всенародной и общенародной совокупности» [5, 510 – 511]. Грядущее государственное устройство в стране мыслитель видел и как исторически преемственное, властное, действенное объединение, как братский союз, в котором все люди друг другу помогают и ни один человек не остается наедине со своей бедой. Главными идеологическими принципами должны стать патриотизм, т. е. благородное и жертвенное служение своему Отечеству, многонациональность, а именно, признание права на культурную самобытность всех составляющих Россию народов, при этом, всякая национальная вражда признается преступной, а также честное, правое и верное служение на благо государства, будь то служба чиновника, судьи или солдата. И наконец, И.А. Ильин утверждал в качестве общегосударственного русский язык, допуская существование наряду с ним местных языков и диалектов.

Второй раздел конституции мыслитель посвятил проблемам веры и религии. Признавая главенствующую роль в грядущем российском государстве за Православием, поскольку именно оно испокон веков было основополагающим религиозным и, в целом, духовным фундаментом российского общества и во многом определило его характерные черты, он подчеркивал, что всем гражданам должна быть обеспечена свобода выбора веры, молитвы и богослужения, за исключением тех вероучений, которые изначально носят безнравственный и противогосударственный характер. «Никто, – утверждал И.А. Ильин, – не может быть преследуем за исповедуемые им верования. Никто не может быть принуждаем к участию в обрядах иного вероисповедания. Однако присутствие на официальных, торжественных и воинских богослужениях обязательно для всех российских чиновников по принадлежности» [5, 514]. И, тем не менее, безбожие мыслитель называл «личным духовным несчастьем человека» [5, 515], которое не осуждается, но и не пропагандируется. Кроме того, церковь и государство должны быть отделены друг от друга, им следует разграничивать сферы влияния и выполняемые функции, поэтому «никакое принудительное оцерковление политики, жизни и духовной культуры недопустимо» [5, 516]. Но они также призваны быть в непрерывном взаимодействии, согласовывать свои цели и действия, ориентироваться лишь на взаимное уважение и творческое сотрудничество, а также быть органично взаимосвязанными, дополнять и совершенствовать деятельность друг друга.

В третьем разделе И.А. Ильин рассматривал основные права и обязанности российских граждан в грядущем постсоветском обществе. Само понятие гражданства он характеризовал как звание настолько высокое и почетное, насколько ответственное и обязывающее. В связи с этим, по мнению мыслителя, настоящему гражданину всегда должно быть присуще чувство собственного духовного достоинства, внутренняя свобода и самостоятельная дисциплина, способность к взаимному уважению и доверию, которая связывает человека с остальными согражданами и с государственной властью, и наконец, «умение его превращать свою свободу в добровольную лояльность. А это значит переживать и осуществлять свои публично-право-

вые права как вмененные самому себе обязанности, а свои публично-правовые обязанности как свои драгоценные и почетные права» [3, 85].

Помимо российского гражданства к другим важным и неприкосновенным правам И.А. Ильин относил свободный выбор веры, службу в армии, уплату налогов и пошлин, возможность открыто и мирно организовывать собрания, образовывать политические партии (но не противогосударственные и революционные), обладать собственностью, а также считать свое жилище, равно как и тайну переписки, неприкосновенными. Особое внимание мыслитель уделял правам и обязанностям тех, кто находится на профессиональной службе у государства. Так, по его глубокому убеждению, быть государственным служащим — значит честно, ответственно и строго служить своему народу, поэтому чиновник, «творящий кривду или растрату разрушает Отечество и позорит себя. Российское чиновничество обязуется помнить, что оно призвано строить и украшать свою Родину» [2, 84]. Мыслитель подчеркивал, что все граждане должны быть равны перед законом, поэтому российский правопорядок не предполагает существование каких-либо сословий, обладающих особыми правами и привилегиями. При этом военные и гражданские должности могут занимать только граждане России. Иностранцы, проживающие на территории страны, не обладают подобным правом, равно как они существенно ограничены и в других правах (к примеру, им запрещено публично высказываться или публиковать суждения о российском государстве, о его внутренних и внешних делах). Смысл всех конституционных прав и обязанностей россиян И.А. Ильин определял следующим образом: «гражданам не предоставляется свобода зла, бесчестия и предательства, доноса и шиканы, но им обеспечивается свобода патриотической инициативы, соответствующая их духовному достоинству» [3, 92].

Четвертый раздел мыслитель посвятил российским законам. Он подчеркивал, что принцип законности является основным и обязательным для всех, в том числе и для иностранцев. Незнание закона не освобождает от ответственности, хотя И.А. Ильин делал исключение для безграмотных (свою безграмотность они еще должны доказать в присутствии трех свидетелей, священника и местного школьного учителя)

и не знающих русский язык (когда российский закон не переведен на их родной язык, хотя законы должны быть переведены на языки всех российских национальностей). Этим категориям граждан делается снисхождение. Наука законоведение также должна преподаваться как в школах, так и в высших учебных заведениях (на всех факультетах), обеспечивая правовое воспитание и просвещение всего населения страны. Законы издаются, обнародуются, если необходимо дополняются обычным правом, после чего они подлежат исполнению и хранятся в списках Правительствующего Сената.

Описывая структуру государственной власти, И.А. Ильин придерживался принципа ее разделения на три основные ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Во главе государства должен находиться Верховный Правитель, который и призван осуществлять законодательную власть, от его лица также исходит управление, суд, командование и контроль. В связи с этим, в пятом разделе своей конституции мыслитель рассматривал полномочия и обязанности Главы Государства. Так, длительность его пребывания у власти составляет 10 лет, члены его семьи и родственники на высшие государственные посты назначаться не могут; Глава Государства утверждает законы, а также определяет направление внутренней и внешней политики страны; он обязан иметь российское воинское звание и воинский чин; он играет руководящую роль в деятельности всех социальных институтов, вплоть до того, что лично определяет внешний вид монет; все российские граждане имеют неотъемлемое право обращаться к нему с просьбами и предложениями. Новый Глава Государства избирается посредством тайного голосования (не менее 4/5 голосов) представителей высших государственных структур или они принимают решение о переходе к монархической форме правления. Таким образом, И.А. Ильин выступал за персональное единовластие достойного лидера, который бы оказался способен соединить свою власть с «народом живыми, отзывчивыми установлениями, а также должностными лицами, отобранными из лучших людей страны» [5, 526]. Только такой сильный и авторитетный правитель, по его мнению, способен обеспечить единство, мощь и процветание российского государства.

Остальные разделы И.А. Ильин посвятил функциям и полномочиям тех государственных структур, которые необходимы Верховному Правителю для эффективного осуществления законодательной, исполнительной и судебной власти. Так, в предложенной мыслителем модели конституционного устройства постсоветской России главными законодательными учреждениями являются Государственный Совет и Земский Собор при сохранении «права почина по всем предметам законодательства» [5, 527] за правящим лидером. Обе структуры создаются для обсуждения всевозможных законодательных инициатив, при этом Земский Собор состоит из выбранных народных представителей мужского пола не моложе 40 лет, умеющих свободно читать и писать и осуществляющих свои полномочия на начальном этапе два года, а затем пять лет, а членами Государственного Совета могут быть граждане обоего пола, но не моложе 50 лет, имеющих высшее образование и наделенных полномочиями на десятилетний срок. Именно эти две структуры и должны, по мнению мыслителя, составлять парламент грядущего российского государства.

Другими структурами, на которые возлагается исполнительная и судебная власть, являются: 1) Совет Министров (подчиняется непосредственно Главе Государства и находится в тесном взаимодействии со всеми государственными органами); 2) Совет Старейшин (также состоит при Верховном Правителе и по его поручению осуществляет надзор, контроль и ревизию всех внутригосударственных дел); 3) Сенат (ведает правом и законом, а также верховным правосудием, его призвание «состоит в собирании, хранении, согласовании, приведении в единство, толковании и приведении в жизненное действие тех начал права, на которых строится российское государство» [5, 557]); 4) Высший Церковно-Исповедный Суд (занимается общерелигиозными и междуисповедными делами, его председатель – Святой Патриарх Православной Церкви, основными задачами являются сохранение междуисповедного мира в стране, предоставление религиозных прав и свобод всем российским гражданам, контроль законности и обеспечение справедливости во взаимоотношениях различных церквей и религиозных сообществ, недопущение недобросовестной религиозной пропаганды, совмест-

ная борьба всех признанных в государстве религий с безбожием и безнравственными верованиями, а также «взаимная поддержка всех исповеданий в воспитании российских граждан к религиозной вере, к добродетели, отечественной верности и духовному характеру» [5, 561]); 5) Высшие Советы при Главе Государства (посольский, военный, финансовый, совет народного воспитания, земледельческий, совет торговли и промышленности); 6) и наконец, Дума Национального Единения (ведает «делом духовного и государственного единения всех российских национальностей» [5, 565], т. е. создает и делает прочным межнациональный мир, обеспечивает национально-культурную свободу представителей всех народностей, а также ведет совместную борьбу с сепаратистскими и противогосударственными течениями в России).

В «Добавлении к Основным Законам» И.А. Ильин определял общие принципы организации выборов в местные органы власти, полагая, что в России необходимо развивать самоуправление и гражданскую активность населения везде, где это только возможно и уместно. В переходный период развития страны мыслитель призывал придерживаться приблизительных организационных схем и избирательных процедур, которые будут применяться до установления окончательных законных форм управления. Так, он полагал, что оставшееся от советской эпохи административное деление государства на области, республики, края и т. п. необходимо временно сохранить и все административные единицы переименовать в Наместничества, во главе которых должен находиться Наместник, назначаемый Верховным Правителем. Кроме того, маленькие Наместничества необходимо объединять в более крупные области, у которых также будет свой Правитель, назначаемый лично Главой Государства. Для организации управления во вверенной ему территории Наместнику необходимы верные и волевые, компетентные и ответственные помощники, часть из которых он назначает, а часть должна быть избрана. Процедура выборов, которую предлагал И.А. Ильин, представляет собой многоэтапный качественный отбор наилучших представителей от каждой административно-территориальной единицы и социальной общности, начиная с собрания врачей, ремесленников, лиц с высшим образованием и т. д., которые избира-

ют из своей среды по одному наиболее выдающемуся делегату, и заканчивая Советом Наместничества и Городской Управой, в состав которых при таком отборе должны попасть только лучшие из лучших.

В целом, мыслитель полагал, что в первые годы постсоветского периода развития России ей будут необходимы как раз такого рода многостепенные выборы на всех уровнях государственного управления. Он был убежден, что до той поры, пока в стране не решены возникшие после краха советской системы хозяйственные, национальные, религиозные и социальные проблемы, а также не достигнут приемлемый уровень народного правосознания, общегосударственные выборы будут невозможны. «Пока национальный диктатор, — отмечал И.А. Ильин в своей статье «Какие же выборы нужны России?» (публиковалась частями в период с 1951 по 1952 гг.), — не подберет себе честный и идейный правительственный аппарат, способный честно составить законные избирательные списки, до тех пор говорить о выборах невозможно» [1, 18]. Кроме того, первоначально необходимо осуществить «всенародный перебор граждан», предполагающий, что избирательного права должны быть лишены мужчины до 25 и женщины до 30 лет (именно такой порог совершеннолетия устанавливал мыслитель), сумасшедшие, ведущие порочный образ жизни (пьяницы, наркоманы, воры и т. д.), коммунисты, политические доносчики (лишаются права голоса на 20 лет), а также бывшие члены Совнаркома, Политбюро, ЧК, НКВД и ГПУ (лишаются права голоса навсегда).

В этом «переборе» должен участвовать весь народ на местах, например, в деревнях, городах, на предприятиях, в учебных и научных учреждениях, т. е. в любых уцелевших организационных структурах. Только после данного этапа составляются избирательные списки граждан, которые и будут активно участвовать в дальнейших выборах. При этом И.А. Ильин призвал отказаться от принципа партийности, апеллируя к личной известности и уважаемости каждого кандидата, что означает обратиться к спокойному, трезвому, осмысленному и деловому отбору наилучших людей, достойных той миссии, которая на них будет возложена. Именно поэтому выборы должны быть общими, тайными, равными и многостепенными, только тогда

можно достигнуть подлинного сотрудничества, взаимного уважения, доверия и духовного единения народа и избранных им представителей государственной власти, достойных своего ранга и ответственных за свои поступки.

Таким образом, разработанная И.А. Ильиным модель конституционного устройства постсоветской России могла бы стать содержательным дополнением действующего основного закона страны. При том что она не получила окончательного завершения и, по заверению самого мыслителя, носит черновой характер, поэтому многие изложенные в ней тезисы являются достаточно абстрактными суждениями, не до конца продуманными выводами, а также отражением субъективного отношения И.А. Ильина к советской власти (отсюда его стремление ограничить коммунистов в правах), все же она содержит много ценных и конструктивных идей. По мнению одного из выдающихся исследователей творчества мыслителя Ю.Т. Лисицы, «Проект основного закона Российской Империи» читается «с живым интересом, в отличие от многих подобных документов, содержащих, может быть, много верных, но бездушных положений, ибо написан он любящим сердцем, страдающим о «временно падшей и униженной Родине — России». Даже если ни одна строка его в ближайшее время не войдет в поправки или в проекты новых конституционных документов, тем не менее, читатель может себе представить после чтения, в какой стране он мог бы жить, какими органичными и естественными законами могла бы регулироваться его жизнь!» [8, 1–2].

В настоящее время потребность в совершенствовании российского законодательства ощущается не только специалистами в области юридических наук, но и подавляющей частью российского общества. Так, согласно опросам общественного мнения треть россиян (30%) считают, что Конституция РФ не играет значительной роли в жизни страны [6], только 14% хорошо знают ее содержание [11] и почти половина населения России (47%) [10, 162] не чувствуют себя под защитой закона, не знают его и не считают опорой своей жизни. Все эти данные говорят в пользу необходимости осуществления действенной и эффективной трансформации политико-правовых институтов российского общества, и конституционный проект И.А. Ильина мог бы стать ее органичной, творчес-

кой, а также идеологической и духовной основой.

Литература

1. Ильин И.А. Какие же выборы нужны России? // И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг.: В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2008. Т. 2. С. 18 – 29.
2. Ильин И.А. Кое-что об Основных Законах будущей России // И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг.: В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2008. Т. 2. С. 81 – 84.
3. Ильин И.А. О правах и обязанностях российских граждан // И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг.: В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2008. Т. 2. С. 84 – 92.
4. Ильин И.А. Основы государственного устройства // И.А. Ильин. Собр. соч. в 10 тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. Т. 7. С. 488 – 509.
5. Ильин И.А. Проект основного закона Российской Империи // И.А. Ильин. Собр. соч. в 10 тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. Т. 7. С. 509 – 573.
6. Конституция России: менять или не менять? / Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2186 от 11.12.2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113463> (дата обращения: 20.05.2016).
7. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит., 2009. 64 с.
8. Лисица Ю.Т. Проблемы государственного строительства и гражданского общества // Ильин И.А. Основы государственного устройства: проект основного закона Российской Империи / составление, предисловие и примечания Ю. Т. Лисицы. М.: Рарогъ, 1996. 161 с.
9. Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. М.: Наука, 2008. № 4. С. 46 – 57.
10. Общественное мнение – 2015. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2016. 307 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2015/> (дата обращения: 25.02.2016).
11. Российская конституция: первые 20 лет / Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2474 от 12.12.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114640> (дата обращения: 24.05.2016).
12. Россияне о Конституции / Пресс-выпуск Левада-центра от 10.12.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/old/10-12-2013/rossiyane-o-konstitutsii> (дата обращения: 18.05.2016).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Огарков К.А.

Социально-экономическое неравенство регионов России: мир-системный подход

В статье рассматривается проблема неравенства регионов в России. Автор применяет мир-системного подхода к конкретной стране (России), что предполагает выделение ядро, полупериферию и периферию. Приводятся проявления внутренней эксплуатации одними регионами других и общие направления улучшения ситуации.

Ключевые слова: неравенство российских регионов, мир-системный подход, ядро, полупериферия, периферия, эксплуатация, сырьевая рента, бюджетный федерализм, миграция.

Ogarkov K. A.

Socio-economic inequality of regions of Russia: world-system approach

In this article the relevance of the problem of regional inequality is stayed. Certain country (Russia) is investigated with world-system approach. Russian regions are classified in core, semiperiphery and periphery. Aspects of inner exploitation are discovered. Common directions of improvement of situation are given.

Key words: inequality of Russian regions, world-system approach, core, semiperiphery, periphery, exploitation, raw economy, budget federalism, migration.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что сегодня Россия – активно развивающаяся страна. Европейские санкции подстегнули процесс импортозамещения, обновления экономики, перенос акцентов с экспорта топливно-энергетических ресурсов на поиск инновационных источников повышения благосостояния страны.

Однако этот процесс развития осложняется территориальными и социально-экономическими особенностями России. Чем дальше по расстоянию расположен определённый регион от Москвы как ядра России, условно рассматриваемой как мир-система, тем с большей вероятностью в этом регионе низкий уровень жизни и тем сильнее ему подходит характеристика периферии. Большой разрыв по уровню жизни между регионами может привести к центробежным тенденциям внутри России и привести к её распаду.

Ситуацию в современной России не понять без учёта её положения в глобализирующемся мире и её специфики как автономной целостности. Мир-системный анализ обладает большой эвристической способностью и позволяет понять Россию и как полупериферию в современной мир-системе, и, спускаясь на ступень

Таблица 1
Показатели экономического развития Москвы и Санкт-Петербурга.

Показатели	Москва	Санкт-Петербург
Количество инвестиций в регионе («инвестиции в основной капитал на душу населения») 2014 г	121,6 тыс. руб.	97,4 тыс. руб.
Показатель валового регионального продукта на душу населения в 2013 г.	965,8 тыс. руб.	491,4 тыс. руб.
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, 2014 г.	61,2 тыс. руб.	40,6 тыс. руб.
Оборот розничной торговли (доля в процентах, среди остальных регионов, 2014 г.)	16,8%	3,86%
Место в товарной цепи (поставка сырья или его обработка и сбыт) ¹	—	—
Уровень развития науки: количество предприятий, осуществляющих научные исследования и разработки (2014 г.)	709 шт.	300 шт.

¹ Критерий «место в товарной цепи (поставка сырья или его обработка и сбыт)»: Москва и Санкт-Петербург ни добывают ресурсы, ни обрабатывают их, а занимаются лишь управлением отдалённых производств, поэтому в этом критерии города равны.

ниже, как автономную вселенную, обособленную мир-систему, в которой есть ядро, полупериферия и периферия.

Основной причиной неравенства регионов в России является внутренняя эксплуатация ядра полупериферии и периферии.

Современная российская исследовательница А.А. Изгарская обобщила критерии выделения структурных элементов мир-системы. Для уровня отдельной страны применимы следующие критерии: 1) количество инвестиций в регионе 2) показатель валового регионального продукта на душу населения 3) средняя зарплата 4) оборот розничной торговли 5) место в товарной цепи (поставка сырья или его обработка и сбыт) 6) уровень развития науки: количество предприятий, осуществляющих научные исследования и разработки. Явными претендентами на ядро России, условно рассмотренной как мир-система, являются 2 города федерального значения: Москва и Санкт-Петербург. Сравним их показатели (табл. 1).

Таким образом, чуть ли не по всем критериям Москва почти в два раза превышает Санкт-Петербург. Поэтому ядром можно считать только Москву.

Россия в достаточно большой степени существует за счёт природной ренты. Поэтому полупериферийными регионами являются добыт-

чики природных ресурсов – по типологии подразделённого Минрегионразвития сырьевые регионы: республики Коми, Саха (Якутия), Кемеровская, Сахалинская, Тюменская области, а также входящие в последнюю автономные округа Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский, и входящий в Архангельскую область Ненецкий автономный округ.¹

Остальные регионы являются периферийными. Например, Пензенская область и Чукотский автономный округ, а также Псковская область, Рязанская область, Камчатская область, Магаданская область, республики Калмыкия, Карелия. Это те регионы, которые согласно типологии Минрегионразвития являются депрессивными, характеризующиеся низким социально-экономическим развитием. При этом к периферии не относятся регионы-доноры, уровень развития которых позволяет им самим обеспечивать свою доходную часть бюджета²; это такие регионы, как Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, республика Татарстан, Самарская, Калужская, Свердловская, Ярославская области.³ Данные области можно не включать в анализ, так как влияние Москвы как ядра является решающим. Также данные регионы не являются нефтегазовыми, поэтому их нельзя отнести к полупериферии. А значение полупериферийных регионов больше, так как

Россия стремится найти свою нишу в мировом разделении труда в рамках современной мир-системы через специализацию своей экономики⁴, превращаясь в поставщика сырья для стран ядра. Скорее, регионы-доноры занимают промежуточное положение между ядром и полупериферией.

Эксплуатация ядром регионов, составляющих полупериферию, заключается в том, что доход нефтегазовых компаний от эксплуатации природных ресурсов аккумулируется в Москве, так как именно в Москве расположены головные офисы данных компаний («Газпром», «Роснефть», «Лукойл»). Так, по размеру валового регионального продукта на душу населения Ненецкий автономный округ находится среди других субъектов РФ на 1 месте.⁵ Однако в рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ (который составляется на основе четырёх групп показателей: масштаб экономики, эффективность экономики, состояние бюджетной сферы, состояние социальной сферы) данный регион находится на 51 месте.⁶

Россия живёт на сырьевую ренту: доходы от продажи нефти и газа (которые добываются в регионах) аккумулируются в федеральном бюджете и составляют основной источник доходов. При этом распределение субсидий и субвенций по регионам-реципиентам «происходит крайне непрозрачно, с очень высокой долей лоббизма и даже коррупции».⁷

Неравный уровень жизни приводит к трудовой миграции. Главный центр притяжения временных трудовых мигрантов (не маятниковых) – Москва и Московская область, привлёкшие в 2012 г. 822 тыс. работников из таких регионов, как Тульская, Пензенская, Ивановская, Тамбовская, Брянская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская области, республики Чувашия и Марий Эл. Данные регионы относятся к периферии российской мир-системы.

Полупериферийные регионы, такие как Тюменская область и входящие в неё Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа используют рабочую силу в первую очередь республики Башкортостан, а также Омской, Свердловской, Курганской, Челябинской, Новосибирской, Кировской, Оренбургской областей, республик Татарстан, Удмуртия, и Пермского края⁸. Все эти регионы, за исключением Татарстана, относятся к периферии российской мир-

системы. При этом данные 20 периферийных регионов характеризуются повторяющимся из года в год отрицательным значением среднего коэффициента миграционного прироста на 10000 человек, поэтому денег в виде зарплат работников в эти регионы привозится всё меньше.

Ещё одной причиной регионального неравенства является специфическое положение России в современной мир-системе как полупериферии. Для того чтобы включиться в отношения обмена со странами ядра, Россия вынуждена занять некую нишу в мировом разделении труда. Этой нишей стала поставка природных ресурсов в развитые страны. А это влечёт за собой неравенство регионов, так как у власти отсутствует стремление к развитию в регионах современных высокотехнологичных производств, вместо этого только усиливается добыча нефти и газа на экспорт (а это подразумевает отсутствие импульса к развитию производств в нессырьевых регионах).⁹

Для уменьшения негативных последствий неравенства регионов необходимо принять следующие меры: 1) крупный российский нефтегазовый бизнес должен осознать, что Россия нуждается в их действиях для сохранения своей целостности, а именно: бизнесу нужно не безгранично накапливать капитал, а больше инвестировать в развитие периферийных регионов через создание на их территориях обрабатывающей промышленности, а также высокотехнологичных производств, и это снизит отрицательный миграционный прирост в периферийных регионах 2) правящему классу необходимо сделать осуществление межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в региональные более прозрачным и объективным.

Таким образом, только сознательное устремление высшего слоя предпринимателей и правящего класса к выравниванию региональной дифференциации сможет улучшить социально-экономическое состояние России сегодня и в будущем.

Ссылки:

1 Типология субъектов Российской Федерации, подготовленная Министерством регионального развития Российской Федерации (2006 г.). [Электронный ресурс], URL: <http://studme.org/48857/ekonomika/>

tipologiya_subektov_rossiyskoy_federatsii_podgotovlennaya_ministerstvom_regionalnogo_razvitiya (дата обращения: 22.03.2016).

2 В.П. Васильев. Государственное управление: учебное пособие. М.: Дело и Сервис, 2009. С. 198.

3 Общий аршин. Российские регионы в рейтингах по итогам 2015 года. // Бизнес-журнал. 2016. №1-2 (238). С. 16.

4 Изгарская, А. А. Внешние и внутренние конфликты России с позиции геополитической теории и миросистемного подхода // Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 7. С. 13.

5 Регионы России. Социально-экономические показатели – 2014 г. // Статистический сборник. [Электронный ресурс], URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/lssWWW.exe/Stg/d02/10-02.htm

6 Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ – 2015. [Электронный ресурс], URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20150616/61065887.htm>

7 Плохая стабильность. // Интервью с Натальей Зубаревич. // Бизнес-журнал. 2016. №1-2 (238). С. 10.

8 Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Внутренняя миграция и российский рынок труда // Миграция и рынок труда. Аналитический доклад. М.: РАНХиГС, 2014. с. 21-56 [Электронный ресурс], URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/analit01.php> (дата обращения: 23.03.2016).

9 См.: Изгарская, А. А. Внешние и внутренние конфликты России с позиции геополитической теории и миросистемного подхода // Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 7. С. 13.

Перевернутая Т-образная модель социальной структуры в современном Китае

Уяо

Статья посвящена исследованию социальной структуры в современном китайском обществе. Автор рассматривает не только основные теории и критерии измерения престижа профессий на Западе (Блишен, Дункан, Трейман, Граф), но и их применение в практике классификации общества в Китае - модель «перевернутая Т-образная», разработанная социологом Ли Циань. В статье раскрыты причины формирования этой модели и сопровождающие функционирование модели социальные проблемы.

Ключевые слова: социальная структура, классификация, модель «перевернутая Т-образная», Китай, Ли Циань, ISEI

Wu Yao

The inverted T-shaped model of social structure in modern China

This article is about one of the most important models in research of social structure of modern Chinese society. In article we talk about not only the basic theories and criteria of measuring prestige of different occupations in Western country (Blishen, Duncan, Treiman, Graaf), but also their adaptation to the research of Chinese social classification by sociologist Li Qiang. At the end of the article discussed about the reasons that lead to the forming of this model and the following social problems.

Keywords: social structure, classification, model «inverted T-shaped», China, Li Qiang, ISEI.

Социологи считают, что человеческие общества могут выглядеть по-разному, чаще всего они определяют тип структуры современного общества в виде «пирамиды» или «маслины». - Например, для получения картины социальной структуры, российский социолог Т.Е. Тихонова использовала графические тесты, которые отражают социальную структуру российского общества в сознании населения страны, в них представлены модели, характеризующие реальную социальную структуру российского общества.

Таким образом, в социологии для описания картины социальной структуры широко используют разнообразные модели, большинство учёных согласно с тем, что при анализе социальной структуры в современном китайском обществе в основном применяют две главные модели: модель «10 социальных страт» и модель «перевернутая Т-образная». Поскольку в мировой социологии по первой модели и её составным классам написано много книг и статей, мы обратим внимание на вторую, которая является особенно актуальной для современного Китая.

Китайский социолог Ли Циань отмечает, что социальная структура в Китае представляет собой не «пирамиду» и не «маслину», а «перевернутую Т-образную» модель (inverted T-shaped social structure)². В своих исследованиях он применил социально-экономические критерии для классификации занятого населения. На основе этой классификации Ли Циань выявил, что в обществе существует такая социальная группа, которая находится в крайне низком социально-экономическом положении, вместе с тем классы, имеющие разные социальные статусы, сформировали столбчатую форму. На основании чего учёный маркировал социальную структуру в Китае моделью «перевернутой Т-образной».

Существует общепринятое представление, что при классификации структуры общества

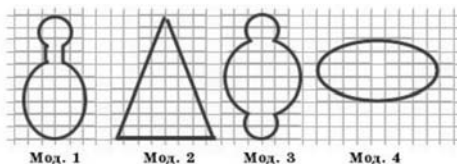

Рис. 1. Представления россиян о том, какая модель в наибольшей степени отражает реальную социальную структуру российского общества¹.

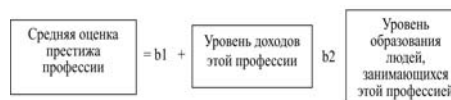

Рис. 2. Схема измерения престижа профессии Блишера и Дункана² (Авторский перевод)

Таблица 1
ISEI Scale Scores for measures of Occupational Status (авторский перевод)⁵

Профессия	ISEI	Профессия	ISEI
Коммерчески й менеджер отдела по продукции [Банковские работники]	87	[Мелкое предприятие] Генеральные менеджеры	51
Работники здравоохранения (Кроме услуг на сиделку)	85	Научно-технический персонал в сфере физики и технологии	49
Преподавательский состав в сфере высшего образования	77	Кассиры	48
Специалист по образовательному стандарту	70	Персонал по обслуживанию отдельных лиц и по профилактическому техническому обслуживанию [служба охраны безопасности]	38
Корпоративные менеджеры	68	Работники в ресторанах и бытовой сервис	32
Специалисты по общественной науке, профессора	65	Работники, обслуживающие личной гигиены	25
Законодательский орган, должностные лица и менеджеры.	55	Садовод, овощевод, растениевод и полевод	23

применяют не только количественный, но и качественный подход. Задача второго подхода состоит в том, чтобы описать оттенки различий между людьми разных социальных статусов. В этом процессе социологи используют разнообразные измерения, в том числе измерение престижа профессий, разделение по доходам и т.д. По вопросу престижа профессий значительный интерес представляет работа социологов Блишера (Blisshen McRoberts) и Дункана (Otis Dudley Duncan), которые занимаются оценкой престижа профессий по уровню доходов, образованию и т.д. Они разработали следующую схему (рис. 2).

На основе этой схемы, американские социологи Трейман (Donald Treiman), Граф (Paul de Graff) развивали систему «социально-экономический индекс статуса профессий» (International social-economic index of occupational Status, дальше мы его называем ISEI), в котором показан социальный статус разных классов по уровню

престижа их профессий.⁴ Согласно их теории, чем больше баллов у конкретной профессии, тем более престижной она является.

В данной таблице приведены несколько примеров для объяснения корреляции между профессиями и их баллами ISEI (табл. 1).

В исследовании социальной структуры китайского общества социолог Ли Циань применил формулу ISEI для классификации профессий. Рассмотрев перепись китайского населения в 2000 году (Fifth National Population Census of PRC), на основании идеи Треймана Ли Циань разработал новую модель социальной структуры в Китае.

Из таблицы мы видим, что те, кто занимает самую большую долю $\text{J} \text{E} 63,2\% \text{J} \text{C}$ – получили 23 балла. В эту группу в основном входят крестьяне, которые составляют основную часть китайского населения. Масштаб этой группы и баллы ISEI показывают, что в Китае большинство находится в низшем слое.

Таблица 2
Баллы ISEI, соответственные численности населения и их проценты в Китае⁶

ISEI	Численность населения	Процент (%)	ISEI	Численность населения	Процент (%)
16	1,744	0,3	52	1,036	0,2
20	6,655	1,0	53	776	0,1
22	1,151	0,2	54	1,414	0,2
23	405,659	63,2	55	212	0,0
24	5,322	0,8	56	74	0,0
25	1,428	0,2	57	91	0,0
26	951	0,1	58	320	0,0
27	3,114	0,5	59	34	0,0
28	4,579	0,7	60	19	0,0
29	18,739	2,9	61	2,563	0,4
30	30,004	4,7	64	261	0,0
31	9,520	1,5	65	631	0,1
32	4,443	0,7	66	7,178	1,1
33	7,645	1,2	67	105	0,0
34	10,948	1,7	68	7,387	1,2
35	2,530	0,4	69	13,786	2,1
36	6,955	1,1	70	95	0,0
37	26,089	4,1	71	72	0,0
38	11,578	1,8	73	963	0,2
39	3,456	0,5	74	478	0,1
40	2,759	0,4	77	2,343	0,4
41	2,589	0,4	78	17	0,0
42	131	0,0	79	45	0,0
43	9,959	1,6	82	143	0,0
44	754	0,1	83	177	0,0
45	7,817	1,2	85	481	0,1
46	445	0,1	88	2,804	0,4
47	3,245	0,5	90	218	0,0
50	3,064	0,5	Итого	641,547	100,0
51	4,551	0,7			

От 29 до 31 балл получило 9,1% населения, составной частью которого являются рабочие-строители. Из них многие в прошлом были крестьянами – поэтому они представляют собой мигрантов – из деревни в город. Подобно крестьянам, у них низкий уровень жизни и низкий социальный статус.

От 33 до 38 баллов получило 10,3% населения, составной частью которого являются работники из транспортного сервиса, специалисты по ремонту и технический персонал, а также те, кто работает в сфере обслуживания. Они занимают промежуточное положение между средним классом и синими воротничками, и называются «высшим слоем синих воротничков» или «низшим слоем среднего класса».

От 43 до 45 баллов получило 2,9% населения, представители этой группы являются учителями, садовниками, медсестрами, офисными работниками и сотрудниками в компаниях. Они рассматриваются как типичные белые воротнички.

От 68 до 69 баллов получило 3,3% населения – менеджеры, специалисты в научной сфере, инженерно-технический персонал, учителя средней школы и другие педагоги, а также административно-управленческий персонал.

Наивысшие оценки в системе ISEI – 85-88 баллов, получила группа, составляющая лишь 0,5% от общей численности населения. В эту группу входят менеджеры банков и финансовых корпораций, врачи, профессора высших учебных учреждений, адвокаты и государственные служащие.

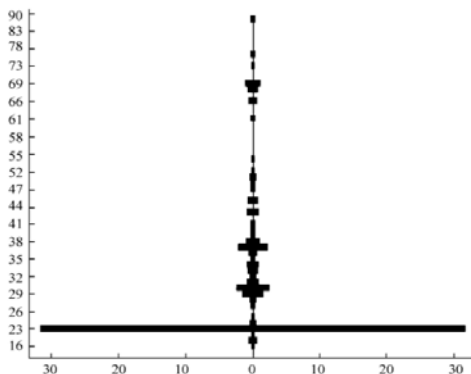

Рис. 3. Социально-экономическая структура в современном Китае (на основе ISEI)⁷

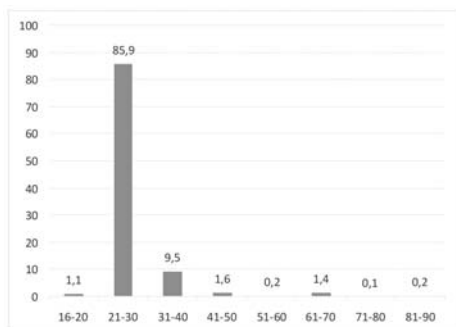

Рис. 4. Проценты населения, занимающегося разными по баллам ISEI профессиями в китайских деревнях.

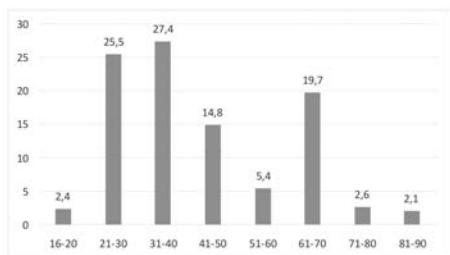

Рис. 5. Проценты населения, занимающегося разными по баллам ISEI профессиями в китайских городах.

Если мы более образно рассмотрим эту таблицу в блочной диаграмме, мы получим следующее изображение (рис. 3).

Отметим, что модель «перевернутая Т-образная» представляет собой такую социальную структуру, в которой низкий слой представляет подавляющее большинство, количество людей среднего класса на удивление мало, а высшего класса

еще меньше. По сравнению с формальными моделями стратификации общества, которые мы условно назовём «пирамидой» и «ромбом», для модели «перевернутая Т-образная» характерно отсутствие активного участия среднего класса⁸.

Причина, вызывающая данный феномен, естественна. Строгая система прописки напрямую увеличивает разрыв между городскими и сельскими жителями, тем более многие согласны с тем, что до начала проведения экономической реформы китайское общество уже представляло собой модель «перевернутую Т-образную», однако в то время социальная структура носила явный политический характер, у большинства населения был очень высокий социальный статус. Однако, после 1978 года правительство стало вновь экономически-ориентированным, в связи с чем социальное неравенство становится все более заметным, особенно между городом и селом. По сравнению с деревней город обладает значительными преимуществами: в городе сосредоточиваются большие капиталы, высококачественная рабочая сила, а сам город является центром динамической во всех смыслах экономической и социальной деятельности. Из-за жесткого ограничения системы прописки, крестьяне, даже если они переезжают в город и становятся мигрантами-рабочими, им приходится работать на вторичном рынке труда, где платят низкую зарплату. По данным, в конце 90-х годов и начале нашего века, разница в доходах и потреблении между городским и сельским населением уже достигла пика, тем не менее, по прошествии 15 лет, то есть к сегодняшнему дню, никаких кардинальных изменений не произошло. На рисунке ниже показано, чем реально различаются ISEI городских и сельских жителей.

Из рис. 4 (по сельскому населению) мы узнаем о том, что крестьяне и строители, получившие меньше 30 по своим профессиям, занимают вместе 78,3% от численности сельского населения. Оценки ниже 40 баллов, имеющие процентное соотношение 96,7%, обозначает, что китайское сельское общество состоит из тех, у которого низкий социальный статус, и в нем совсем отсутствует средний класс. На рис.5 по оценкам классифицированы 3 разных группы: группа с оценками от 16 до 40 баллов – низкий социальный статус (55,3%); группа с оценками от 41 до 70 баллов – средний социальный статус (39,9%); группа с оценками от 70 до 90 бал-

лов – высший социальный статус (4,7%). Таким образом, в городской модели низший слой занимает больше половины, соответственно, средний и высший слой – меньше половины. Естественно, модель городской социальной структуры отличается от сельской, процент низшего слоя в городе небольшой, большая часть людей находится в промежуточном слое между низким и средним слоями. В связи с чем, некоторые учёные признают то, что в Китае фактически существует 2 системы социальной структуры: они функционируют отдельно и не имеют практически никакой связи друг с другом⁹.

Модель «перевернутая Т-образная» иллюстрирует такое общество, в котором отношения между социальными членами очень напряжённые, и постоянно возникают социальные проблемы и обостряются социальные конфликты. Считается, что такая социальная структура в современном Китае стала главной причиной социальных напряжений. Согласно теории Р. Мертона, некоторые элементы общественной структуры (обнищавшие слои, расовые меньшинства и т.п.) могут быть социально дисфункциональны из-за отсутствия социальных условий и невозможности реализации культурных целей. Здесь понятие культуры следует трактовать расширенно, включая технологию и экономику, образование и искусство, религию и науку. Человек, который не может достичь определенных ценностей, будет реагировать на сложившуюся ситуацию той или иной формой девиантного поведения, вплоть до применения агрессии или насилия.¹⁰ Так что при социальных напряжениях социальные отношения между разными социальными группами находятся в противоречивом, и даже конфликтном положении. В таком режиме общество скорее всего возрождает рефлексивный комплекс социальных проблем, например, растёт организованная преступность и коррупция.

В современном Китае в обществе наблюдается непрерывное увеличение социального разрыва, между богатыми и бедными формируются сословные различия. Кроме того, общие ценности начали сильно девальвировать. Например, появились некоторые новые ценностные системы, характеризующиеся противоречивой между собой природой. Как пишет Сергей Капица, «причину перехода следует искать в идеях, управляющих поведением людей, в системе моральных норм, ценностей, которые формируются и закрепляются традицией в течение

длительного времени... В эпоху же быстрых перемен этого времени просто нет».¹¹ Вследствие чего возникли всякие проблемы в разных социальных отраслях: безопасность продуктов, бедность, преступление, нарушение социального порядка и т.д. Ухудшение социальных отношений всегда связано с увеличением социального неравенства, вследствие чего учёные считают, для решения выше перечисленных проблем, в обществе должно развиваться средний класс, в частности, средний класс сельского населения.

Ссылки:

1 Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа. М., 2007.

2 Ли Циань. Социальная структура и социальное напряжение // Социологические исследования, 2005. № 2.

3 Anthony P. M. Coxon, Charles L. Jones. Average person's judgement of the prestige of the occupation. 1978. P 47.

4 Harry B.G. Ganzeboom, Paul M. De GraafJ–Donald J. Treiman. A standard international socio-economic index of occupational status. Social Science Research, USA. 1992.

5 Harry B.G. Ganzeboom, Paul M. De GraafJ–Donald J. Treiman. A standard international socio-economic index of occupational status. Social Science Research, USA. 1992.

6 Ли Циань. Социальная структура и социальное напряжение. Журнал «Социологическое исследование», ном.2. 2005. В этой таблице использовали данные из пятой переписи китайского населения в 2000 году, делая выборку из данных с процентом 0,95 %. Выборка состоит из 1,180,111 человек, из которых взяли 641,547 человек с возрастом от 16 до 64 лет.

7 Ли Циань. Социальная структура и социальное напряжение // Социологические исследования, 2005. № 2.

8 Ли Циань. 10 лекций: социальная стратификация. Пекин, 2011. С. 249-251.

9 Ли Циань. 10 лекций: социальная стратификация. Пекин, 2011; Е Цицзян. Структура, идеология и власть. Самокритика концепции “социальной структуры”. Тайбэй, 1992.

10 Хомич. А.В. Психология девиантного поведения. Ростов-на-Дону, 2006.

11 Капица. С. П. «Парадоксы роста. Законы развития человечества». М., 2010.

Социология СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИЯ

Индийская социология о социальных проблемах женщины в современном обществе Индии (на примере традиции брачного дара)

Автандилян Е. А.

Статья посвящена анализу одной из специфических социальных проблем положения женщины в современном индийском обществе - традиции брачного дара (приданого). Данный анализ, проведенный, в первую очередь, индийскими социологами, позволяет детально рассмотреть характерную для индийского общества и уходящую своими корнями вглубь веков, проблему брачного дара, показать присущую ей многоаспектность и противоречивость. Исследование проблемы брачного дара обладает определенной эвристической ценностью для понимания социального статуса современной женщины в Индии, влияния традиционных, в том числе, религиозных ценностей на ситуацию в индийском обществе в целом.

Ключевые слова: рост численности населения, гендерные диспропорции, социальный статус женщины, социальные проблемы женщин, Ведические традиции, религиозные ценности, брак, брачный дар (приданое).

Avtandilian E.A.

Indian sociology about social problems women in contemporary society of India (on example of the tradition of the marital gift)

The article is devoted to one of the specific social problems of women in contemporary Indian society – the tradition of marriage gift (dowry). This analysis is conducted, first and foremost Indian sociologists, allows us to consider typical for the Indian society and rooted deep into centuries, problem of the marriage gift, to show its inherent complexity and inconsistency. The study of the problem of the marriage gift has a certain heuristic value for understanding the social status of modern women in India, influence traditional, including religious values on the situation in the Indian society as a whole.

Key words: the population growth, gender disparities, women's social status, the social problems of wome, the Vedic tradition, religious values, marriage, the marriage gift (dowry).

К ИСТОРИИ ВОПРОСА: ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

В индийском обществе гендерные вопросы традиционно, особенно в древний Ведический период, были связаны с религиозными ценностями и представлениями. В Индии как мужчина, так и женщина издревле рассматривались как два аспекта проявления единой высшей сущности – Бога, что предполагало равенство их статуса. В законах Ману (древнеиндийском своде общественных законов) говорилось о том, что Брахма (Бог - Творец), разделив свое собственное тело на две части, из одной создал мужчину, из другой – женщину. Другого индуистского Бога - Шиву, также изображают состоящим из двух половин – мужской и женской, и называют «Ардханаришвара».

В древние времена женщина рассматривалась как существо, обладающее большей силой по сравнению с мужчиной; эту женскую силу называли богиней «Ади Шакти». Как мужчина, так и женщина совместно играли жизненно важную роль в создании, сохранении и развитии семьи, соблюдения традиции ритуальных подношениях богам, а следовательно и всего общества.

Индийский исследователь Чанд Митра говорит о том, что в далеком прошлом индийские

женщины изучали санскрит, приводит свидетельства того, что многие из них участвовали в диспутах и даже становились известными философами. Он ссылается на древний текст «Маханирвана Тантра» (одно из значений слова «тантра» - это «текст»), в котором указывалось на необходимость заботы о девушках, их обучения, с тем, чтобы они могли выйти замуж за образованного мужчину [11;481].

Другой индийский ученый Рам Мохан Рой утверждает, что в духовной области индийские женщины не находились в нижестоящем положении по сравнению с мужчинами. В качестве примера используется ситуация, описанная в одной из древнейших Упанишад (Упанишады – священные тексты, своего рода философское «обоснование» Вед) – «Брихадараньяка Упанишад». Мудрец и учитель Яджнявалкья, объяснял сложные духовные вопросы своей супруге Майтрейи; при этом она оказалась способна не только понять сказанное, но достигла реализации священных истин в собственной жизни, что свидетельствовало о высоком уровне ее духовного развития. В «Ригведе» – древнейшей из четырех Вед, также говорится об уважении к женщине.

Некоторые исследователи полагают, что в древние времена индийские женщины обладали значительной свободой, также как, например, женщины в Древней Греции. Поэтому в «золотой век арийской цивилизации» женщины были хорошо образованны, обладали высокой культурой и глубокими духовными знаниями, участвуя в ведических ритуалах подношения богам наравне с мужчинами. При этом, по мнению индийских ученых, они воплощали собой образец совершенной любви по отношению к своей семье и целомудрия [11;482].

Подобная идиллическая картина положения женщины в древней Индии, представленная индийскими исследователями, противоречит нынешнему состоянию во многих сферах индийского общества, в первую очередь, в области образования и грамотности населения.

Неграмотность среди молодежи выше у девушек по сравнению с юношами. Причины несколько. Одна из них состоит в том, что родители больше предпочитают давать образование сыновьям, а не дочерям. Это связано с тем, что, как это ни странно выглядит, «инвестировать» в образование дочерей, которые все равно по-

кинут отчий дом и полностью перейдут под «патронаж» семьи мужа, невыгодно.

Другая причина того, что девочек не посылают учиться в школу, заключается в необходимости для дочери оставаться с матерью, помогая в домашнем хозяйстве. В соответствии с национальной традицией, обязанности женщины находятся главным образом в области ведения домашнего хозяйства.

Третья причина неграмотности среди девушек, - бедность родителей, которые не могут покрыть расходы на образование всех своих детей в традиционно многодетных индийских семьях. С проблемой неграмотности связана и сохранившаяся с древних времен система брачного дара, поскольку первая и третья вышеуказанные причины действуют похожим образом и в том, и в другом случае.

По мнению российского исследователя Юрловой Е.С., «исторические корни современной проблемы неграмотности в Индии уходят вглубь веков. Одной из причин провала многочисленных планов и программ ликвидации неграмотности является традиционный запрет представителям низких каст и женщинам приобщаться к грамоте. На протяжении столетий знание священных текстов и законов было привилегией мужчин из высших каст» [8;75].

В таблице грамотности различных групп населения в современной Индии женщины обладают существенно более низкими показателями по сравнению с мужчинами – 39 и 64 % соответственно среди всего населения в целом, 24 и 50% соответственно, т.е. более чем в два раза, ниже показатели грамотности среди женщин по сравнению с мужчинами у представителей зарегистрированных каст, и еще ниже данное соотношение у представителей зарегистрированных племен – 18 и 41 % соответственно. (Источник: Report of the National Commission for Scheduled Castes and Scheduled Tribes. Fourth Report (1996-1997 and 1997-1998). Vol. 1. New Delhi; EPW. Nov. 11. 1995. P. 2870) [15]. Бывший президент Индии К.Я. Нараянан прямо сказал об этом: «Во-первых, неграмотные - это женщины всех классов и каст, особенно женщины низких каст» [8;76]. В целом, в настоящее время в Индии положение женщины сильно отличается от «ведических времен» и характеризуется целым рядом серьезных проблем, угрожающих не только ее социальному статусу, но по-

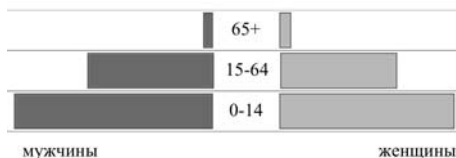

Рис. 1.

рой и самой жизни, так как рост разного рода насилия по отношению к женщинам в последнее время значительно усилился.

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ДИСПРОПОРЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ КАК ОДНА ИЗ БАЗОВЫХ ПРИЧИН СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНДИЙСКИХ ЖЕНЩИН

Одной из базовых причин, во многом порождающей остальные социальные проблемы женщин, является резкий рост численности населения (в Индии сегодня проживает более 1,5 миллиарда человек), гендерные диспропорции, отсутствие планирования численности семьи и системы адаптации растущего количества молодежи к общественным потребностям.

По данным департамента статистики ООН по экономическим и социальным вопросам, скорость прироста населения Индии в 2016 году составит в день (!) 45516 человек.

Распределение по возрасту на начало 2016 года следующее [15]:

- процент людей младше 15 лет – 29,7%;
- процент людей в возрасте от 15 до 65 лет – 64,9%;
- процент людей старше 64 лет – 5,5%.

Эти данные свидетельствуют о значительной доле (почти 30 %) подрастающей молодежи, для которой необходимо создать равные условия в образовании, с тем, чтобы у них была возможность сознательного выбора стратегии собственного развития, включая весьма «чувствительные» для индийского общества вопросы семьи и брака, связанные с доминированием древних традиций и привычек.

Модель возрастно-половой пирамиды в индийском обществе демонстрирует примерно равные показатели как у мужчин, так и у женщин. Однако, за исключением старшего возраста (после 65 лет), количество женщин, особенно от 0 до 14 лет, ниже количества мужчин [15]: (рис. 1).

Такая диспропорция, несмотря на кажущуюся незначительность, имеет серьезные соци-

альные последствия, в том числе негативные, проявляющиеся, в частности, в существующей системе брачного дара (приданого).

По данным опубликованного в 2010 году отчета Программы развития ООН, Индии не хватает 43 миллионов женщин. По переписи 2011 года на 1000 индийцев приходится всего 940 индианок. Среди детей до шести лет этот разрыв еще больше: 914 девочек на 1000 мальчиков. Последние десятилетия он становился все глубже: 947 девочек на 1000 мальчиков в 1991 году, 927 в 2001 году и 914 сегодня. Эти цифры свидетельствуют об устойчивости тенденции, которая подвергается сильнейшей критике в индийском обществе – это проблема аборт, ликвидации девочек еще до их рождения. С чем связана подобная тенденция, какие исторические и социальные корни она имеет?

Существующая до сих пор, несмотря на законодательный запрет, система брачного дара (приданого), позволяет пролить свет на некоторые из этих причин.

РОЛЬ КАСТОВОЙ СИСТЕМЫ В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИИ БРАЧНОГО ДАРА (ПРИДАНОГО) В ИНДИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

«В Индии живучесть традиций предвзятого отношения к женщине в Индии связана в первую очередь с сохранением кастовой организации общества», - полагает Юрлова С.Е. [9;105]. Это связано с ролью женщины в семье, разработанной в каждой касте до мельчайших деталей. В кастовом строе строго соблюдается правило эндогамии, когда брак заключается в пределах одной и той же касты. Ввиду того, что на женихов из богатых и благополучных семей всегда существует повышенный спрос, приданое невесты, точнее его количество и ценность становится ключевым фактором при заключении межсемейного соглашения.

Традиция брачного дара возникла в высших варнах – брахманов (священнослужителей) и кшатриев (воинов), способных подарить значительные и ценные подарки во время или после замужества дочери. Позднее она распространилась среди представителей других варн и каст, включая неприкасаемых (далитов). Удивительная жизнеспособность самой кастовой системы, ее высокая адаптивность к современным условиям, по-видимому, способствует сохране-

нию и стойкости многих древних традиций, включая систему приданого.

Садхакар Рао, профессор социальной антропологии Университета Хайдерабада приводит в пример ситуацию, когда далиты в южноиндийских штатах не желают отмены кастовой системы, поскольку она позволяет сохранять эндогамию, запрещая межкастовые браки. Таким образом, интересы и ценности их каст остаются незатронутыми: если, по мнению далитов, «каждая каста имеет свой путь» и занимает нужное место, то «зачем нужны межкастовые браки?» [13;161].

Определение брачного дара (приданого).

Согласно определению, приведенному в Новом Международном Словаре Уэбстера («Webster's New International Dictionary») «Брачный дар - это деньги или недвижимость, которую женщина отдает мужу в момент замужества». Другое определение гласит: «Брачный дар - это собственность, которую мужчина получает, когда женится, от своей жены или ее семьи» [11;486]. В древние времена приданое, называемое «*maritagium*», или «брачный товар» могло включать деньги, украшения, одежду или другие предметы, представляющие материальную ценность. Данные ценности семья жениха или сам жених мог получить не сразу, но по обещанию невесты или ее семьи в течение какого-то времени после свадьбы. Изначально, существование системы брачного дара имело положительный эффект. Но причины «живучести» этой системы включают как позитивные, так и негативные аспекты.

Причины существования системы брачного дара (приданого), включая позитивные аспекты:

- Приданое дает возможность девушке получить «долевое участие» в собственности родителей.
- Для девушки это также средства к существованию и пропитанию.
- Родители стремятся выдать дочерей замуж как можно раньше, чтобы избежать любого рода добрачных отношений с мужчинами.
- Приданое может помочь парам, которые вскоре должны пожениться, в утверждении статуса мужчины как нового главы семьи.
- За счет хорошего приданого даже некресивые и необразованные девушки могут выйти замуж.

- В индийском обществе роль девушки рассматривается как «второстепенная» по сравнению с мужской; соответственно, для организации женихом брачной церемонии (которая является весьма затратной) требуется приданое со стороны отца невесты.

Однако, в индийской социологии система брачного дара в настоящее время рассматривается как социальное «зло», связанное с вопросами собственности, принадлежащей семье невесты и отданной семье жениха. Стоимость этой собственности может быть весьма значительной.

По мнению индийского профессора С. Р. Мунени, система брачного дара до сих пор преобладает в Индии вследствие недостатка свобод и образования для женщин. Богатое приданое является воплощением желания родителей невесты найти жениха из обеспеченной семьи, с хорошей заработной платой и высоким социальным статусом, с тем, чтобы их дочь жила счастливой и процветающей жизнью.

Другими факторами, в той или иной степени способствующими сохранению системы брачного дара (приданного), являются:

- «соревнование» с соседями,
- желание престижно выглядеть в глазах родственников и друзей,
- жадность и желание быстрого, легкого обогащения (со стороны жениха и его родителей),
- психология потребительства и чрезмерная ориентация на ложные материальные ценности [11;487].

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СИСТЕМЫ БРАЧНОГО ДАРА (ПРИДАНОГО)

В древний «ведический» период система брачного дара доминировала в обществе для того, чтобы отцы невест могли привлечь наиболее выгодных женихов для своих дочерей. Постепенно эта система была закреплена в качестве одного из «культурных кодов» нации и глубоко пустила свои корни во всех слоях индийского общества. В более поздний период истории приданое рассматривалось как собственность, принадлежащая женщине (*stridhan* – «стридхана»). Поскольку в соответствии с традицией в индусских семьях вся недвижимость, дом и земля, переходила по наследству исключительно детям мужского пола, то «стридхана» дочерей включала все виды подарков от роди-

телей, братьев и сестер, например, золотые украшения. Индийский закон также признавал за женщиной право владения этим видом собственности.

Существуют примеры владения женщинами земельной собственностью в деревнях, что в индийской социологии рассматривается как позитивное явление. Например, Ритамбхара Хеббар, социолог из Бомбея, говорит о роли индийской женщины, обладающей земельной собственностью, в становлении такого образа жизни и системы знания об окружающем мире, при которых выстраиваются принципиально новые отношения с естественной средой обитания - более гуманное и человеческое отношение к природе и земле [14;77-78].

Ситуация с собственностью, принадлежащей женщине, существенно изменилась в последние десятилетия. Теперь приданое рассматривается в качестве цены, за которую отец невесты «покупает» жениха для своей дочери, т.е. в качестве «стоимости» самого жениха. Как это ни странно, повышение уровня образованности в индийском обществе только укрепило этот процесс, возможно, в связи с активно продолжающимся в последние десятилетия внедрением в индийскую культуру «западных ценностей», ориентирующих человека, в первую очередь, на достижение материального успеха, заключающегося в максимально возможном присвоении материальных благ.

Как правило, приданое пропорционально доходам семьи, при этом оно рассматривается в виде своего рода «задолженности», которую обязан выплатить отец невесты. Зачастую родители невесты жертвуют интересами и долей собственности своих сыновей или других дочерей, для того, чтобы удовлетворить материальные запросы жениха и его семьи относительно размеров приданного, что порождает конфликты между родственниками в семье невесты. Нередки случаи, когда, выйдя замуж, девушка подвергается остракизму, моральному унижению и даже физическому насилию (побоям) в семье мужа, если ее приданое недостаточно удовлетворяет запросы той семьи, которая теперь становится для нее «родной».

Если девушка убегает обратно к своим родителям, то для последних она становится тяжелой обузой, поэтому они любыми способами убеждают ее терпеть и вернуться в семью мужа.

К этому добавляется обида ее родственников, - братьев и сестер, лишившихся из — за нее своей доли наследства. Подобные ситуации способны привести к суициду, что нередко случается в индийских семьях. Индийские социологи отмечают явный недостаток поддержки женщин со стороны государственных социальных структур, их социальной защиты от древнего патриархального порядка в этой сфере [11;490].

Таким образом, система брачного дара, возникшая в свое время как средство для обеспечения материального благополучия невесты, в настоящее время превратилась в не только в «социальное зло», но порой в «социальный кошмар», и даже «повод для стыда» со стороны всего индийского общества.

В индийской социологии выявлены следующие негативные последствия системы брачного дара (приданого):

1. Главный вред системы брачного дара заключается в том, что родители невесты вынуждены вносить его как своего рода «плату» за замужество дочери. Если семья невесты будет не в состоянии «выплатить» обещанное приданое в полном объеме во время или сразу после свадьбы, то невеста вынуждена будет страдать — ее не будут уважать, с ней будут плохо обращаться, поскольку она будет находиться на положении «нищенки» в семье жениха.

2. Вследствие традиции обязательной выплаты приданого девочки являются нежеланными детьми в семье, в случае болезни их иногда не лечат, встречаются даже случаи убийства детей женского пола; по этой причине, отчасти, увеличивается количество аборт (в Индии закон разрешает делать аборт даже на поздних стадиях беременности).

3. Статус женщины в целом становится пониженным из — за системы брачного дара. Женщина «оценивается» по количеству приданого, в случаях с недостаточным приданым она может ощущать себя существом «второго сорта».

4. Доверительным отношениям между супругами изначально наносится вред из — за традиции обязательной выплаты приданого; психологическая атмосфера в молодой семье может быть изначально испорчена в случае недовольства приданым.

5. Огромным «социальным злом» система приданого является также многим другим причинам:

- все еще встречающихся случаев убийства детей женского пола;
- самоубийств юных девушек, понимающих, что они не смогут выйти замуж из – за отсутствия приданого;
- позднего замужества женщин, вынужденных ждать, когда появятся средства для выплаты брачного «дара»;
- «неравных браков», когда невеста находится в унижительном положении «бесприданницы»;
- отмены уже намеченных браков;
- соблазна вседозволенности и запретных внебрачных отношений в случае неудавшихся браков;
- психических заболеваний женщин вследствие стресса.

6. Некоторые из девушек, которые не могут выйти замуж ввиду финансовой неспособности родителей выплатить приданое, становятся на путь аморальной жизни в стремлении добыть деньги любым способом. Это приводит к коррумпированности всего общества и снижает престиж индийской нации в целом в глазах других наций и государств. В ведической традиции считается, что моральное разложение женщин приводит к разложению всего общества, поскольку женщина является его основой в силу материнства и важнейшей социальной функции воспитания детей.

7. Пределным случаем, доказывающим тезис индийских социологов о том, что традиция брачного дара превратилась в «социальный кошмар» являются попытки саможжения невест, когда девушки в отчаянии обливают свою одежду керосином и поджигают, если родители не могут выплатить приданное семье жениха. Судья Р.М. Сахаи из индийского штата Раджастан утверждает: «Попытки саможжения невест являются позором нашего общества» [11;488]. С этим утверждением трудно спорить..

Закон о запрещении свадебного дара (приданого).

Для уничтожения традиционной системы свадебного дара в 1961 году индийским конгрессом был принят закон о ее запрете (The Dowry Prohibition Act). Очевидно, что одним актом принятия запретительных мер невозможно уничтожить привычки и обычаи, которые складывались тысячелетиями. Несмотря на то, что запрет на законодательном уровне не был способен устранить глубинные корни этой социальной пробле-

мы, закон явился важным и необходимым фактором для дальнейшего образования населения в этом вопросе на законодательном уровне.

В законе были предусмотрены конкретные виды наказания за его нарушение, то есть за дачу и принятие свадебного дара, – штраф не менее 15000 рупий (на момент принятия закона в 1961 г. это были огромные деньги для обычной индийской семьи) и даже лишение свободы на срок не менее пяти лет (хотя в законе также предусматривалась возможность снижения срока по решению суда).

В законе предусматривалась ответственность за побуждение (вымогательство) другой стороны к даче брачного дара, причем не только во время, но и после свадьбы. В этом случае наказание варьировалось лишением свободы на срок от шести месяцев до двух лет и штрафом в 10000 рупий [11;491]. Закон принуждал сторону, получившую приданное вернуть его женщине или ее семье в полном объеме.

При этом в законе также оговаривалась возможность дарить невесте или жениху подарки во время свадьбы, если эти подарки не были заранее «затребованы» одной из сторон и не противоречили запретительному списку, указанному в законе. Де – факто, это стало одной из «лазеек» для того, чтобы закон можно было «обойти».

Необходимо отметить, что возможность действовать в обход закона всегда существовала как в индийском, так и в других обществах, при этом никакой статистики по понятным причинам на эту тему не существует. Поэтому точные параметры эффективности действия запрета с социологической точки зрения оценить довольно сложно.

Однако, даже само принятие закона прошло долго и с большими сложностями, поскольку для вступления в силу на местах решения одной центральной власти было недостаточно, - в каждом штате необходимо было получить одобрение законодательного собрания штата. Для того, чтобы правительства штатов приняли этот закон как обязательный потребовалось 15 лет (!) напряженной борьбы со стороны женских организаций.

Закон был одобрен лишь в 1975 году, который был объявлен международным годом женщин, и вступил в силу в 1976 г. в восьми индийских штатах: Раджастан, Пенджаб, Химачал-Прадеш, Бихар, Западная Бенгалия, Карнатака, Орис-

са, Хариян. При этом до 1982 г. он так и не был введен в действие в большинстве штатов.

В 1976 году правительство Индии, пытаясь ограничить действие системы брачного дара в среде высших государственных чиновников, ввело правило, в соответствии с которым под угрозой наказания они не должны были «давать, брать или содействовать выдаче и получению приданого, либо требовать прямо или косвенно от родителей или опекуна невесты какое бы то ни было приданое либо выкуп...» [9;108].

Вместе с тем, индийские социологи признают, что решить проблему брачного дара с помощью полиции и государственных структур, призванных следить за соблюдением данного закона практически невозможно. Это, во – первых, связано с тем, что решение принимают конфиденциально обе семьи – жениха и невесты. Во – вторых, препятствием является неразвитость инфраструктуры государственных надзорных органов на уровне районов и областей [11;493]. Вследствие этих факторов, эффективность действия закона резко снижается. Призыв индийских ученых к более сознательному и критичному отношению общественности по вопросу дискриминации прав женщин в системе брачного дара, до сих пор остается неуслышанным.

Несмотря на принимаемые государством меры, в общественном сознании система брачного дара продолжает доминировать во многих традиционных семьях, причем не только в Индии, но и за ее пределами. Например, отец двух дочерей, проживающий в настоящее время с семьей в индийском квартале Лондона, в интервью автору данной статьи рассказал о том, что, в соответствии с этой традицией, для того, чтобы выдать индийскую дочь замуж в Великобритании за индуса, необходимо копить на приданое «с момента ее рождения». Поэтому и сейчас рождение дочери в индийской семье означает дополнительное финансовое бремя для родителей.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В ИНСТИТУТЕ БРАКА В СОВРЕМЕННОМ ИНДИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Среди индийских социологов существует мнение, что в последние годы наблюдается по-

зитивная динамика в сфере семьи и брака, которая, в частности проявляется в следующем:

1. В современном индийском обществе практически исчезли детские браки.

2. Снижается роль выбора родителей (мнение которых ранее было доминирующим) при выборе будущего супруга или супруги.

3. Постепенно нивелируется система «выплаты» приданого для невесты.

4. Брачный возраст юношей и девушек увеличивается до 21 года и 18 лет соответственно.

5. Увеличивается количество образованных и социально «продвинутых» людей, пропагандирующих межкастовые браки (что было строжайше запрещено в древней Индии). Более того, правительства некоторых индийских штатов вводят законодательно закрепленные способы поощрения межкастовых браков, такие как денежные премии, преференции при приеме на работу и т.п.

6. Наблюдаются некоторые изменения в отношении разведенных женщин и мужчин. Все большее количество людей готовы к браку с разведенными женщинами и мужчинами.

7. Количество браков, заключенных со вдовами не становится меньше, при этом обряды «сати» (самосожжения вдовы после смерти мужа) практически сведены к нулю, за исключением нескольких отдельных случаев [11;445].

Вместе с тем, профессор социологии Деллийского Университета Андрэ Бетейль считает, что иногда индийские социологи концентрируются на более глубоком исследовании самих фундаментальных общественных институтов, таких как семья и брак, нежели на практической стороне вопроса, т.е. выработке рецептов для улучшения деятельности этих институтов и конкретных рекомендаций для политиков по решению данных проблем [12;237-238].

Литература

1. Авдиев В.И. История древнего востока. М. 1970
2. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: Философия, наука, религия. М. 1980
3. Бэшем Артур. Цивилизация древней Индии. Екатеринбург. 2007
4. Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. М.: Наука, 1992.
5. Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане. М. Наука, 1971

6. Чанышев А.Н. История философии Древнего мира. М. Академический проект. 2011
7. Юрлова Е.С. Индия: гендерные проблемы на рубеже XXI века // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 83-88.
8. Юрлова Е.С. Социальные аспекты проблемы неграмотности в Индии // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 75-79.
9. Юрлова Е. С. Женщины Индии. Традиции и современность. М. Институт востоковедения РАН. 2014. – 520 с.
10. Indian social system. Ram Ahuja. Rawat Publications. New Delhi. 2013
11. Sociology. Dr. S.R. Myneni. Allahabad Law Agency. Faridabad. 2013
12. Studies in Indian Sociology. Indian Sociology. Issues and Challenges. Vol.1. Sage Publications. 2012
13. Studies in Indian Sociology. Indian Sociology. Issues and Challenges. Vol.2. Sage Publications. 2012
14. Studies in Indian Sociology. Indian Sociology. Issues and Challenges. Vol.3. Sage Publications. 2012

Генеалогические исследования как фактор формирования и развития семейных ценностей

Бухтиярова И.Н., Грудина Т.Н.

В статье рассматриваются особенности изменения ценностных ориентаций современной молодежи в процессе генеалогического исследования, а также влияние такого рода исследований на трансформацию коммуникативных приоритетов молодежи. Особое внимание уделено вопросам взаимосвязи генеалогической культуры с формированием семейных ценностей при изучении родовой истории. Проанализированы направления использования глобальных компьютерных сетей, интернет-технологий в генеалогическом исследовании на различных этапах.

Ключевые слова: генеалогическая культура, семейные ценности, семейная коммуникация, родовая память, генеалогические социальные сети, облачные технологии.

Bukhtiyarova I.N., Grudina T.N.

Genealogical research as a factor in the formation and development of family values

This article discusses the characteristics of changes of value orientations of modern young man in the process of genealogical research, and the impact of such research on the transformation of communicative priorities. Special attention is paid to the genealogical relationship of culture with the formation of family values in the study of ancestral history. Analyzed trends in the use of global computer networks, Internet technology in genealogical research at various stages.

Key words: genealogical culture, family values, family communication, memory of generations, family social network, cloud computing.

...Но ощущать себя в тысячелетье,
Учитывать слагаемые суммы,
Знать формулу своей сложнейшей крови,
Доказывать себя как теорему
На основании линий родословья...
...В семье наук, своих сестёр державных,
Генеалогия не знает равных.

Л. Лихачёв

Семья в современном обществе претерпевает множество изменений [18]. В научном сообществе существуют разные точки зрения на комплекс явлений, происходящих в семейно-демографической сфере. С одной стороны, модернизация всего общества ведет к трансформации и преобразованию всех социальных институтов, в том числе и семьи. С другой – происходящие преобразования разрушают сложившиеся традиционные семейные ценности и устои, которые развиваются и укрепляются благодаря преемственности поколений. Ведь именно через семью закладываются основы национальной культуры, транслируются семейные традиции и образцы социального поведения, осуществляется как физическое, так и духовное воспроизводство населения [5]

Результаты многочисленных исследований позволяют сделать вывод о том, что семья – одна из важнейших жизненных ценностей современных россиян, намного более значимая, чем, например, интересная работа, материальное благополучие, успехи в профессиональной деятельности [20] (см. рис. 1). Вместе с тем, семья – одна из наиболее неблагополучных, кризисных сфер жизни нашего общества. Это проявляется в неустойчивости браков, росте разводов, дезорганизации общения в семье и социализации детей, нуклеаризации и малодетности [3]. Семейный образ жизни, ценностные ориентации на семью с несколькими детьми в настоящее время становятся менее значимыми, чем

Рис. 1. Наиболее ценные респондентами стороны жизни («ценности»), (средние ранговые значения - чем меньше значение среднего, тем более значимой является эта ценность).

ценностные ориентации на профессиональную деятельность и статусные характеристики, благополучие и комфорт.

Система ценностных ориентаций - важнейший компонент образа жизни. В современном обществе система ценностей является элементом мировоззрения личности, оказывающим влияние на её развитие, а также построения семьи, профессиональной деятельности. Можно сказать, что во всех сферах жизни система ценностей является тем фундаментом, на котором держатся все социальные взаимодействия. Тогда как именно через институт семьи, на наш взгляд, происходит формирование личности, осуществляется накопление и передача опыта, ценностей, традиций. Результатом всех этих процессов является воссоздание определенного образа жизни, образа мыслей, отношений. В семье формируются и закладываются базовые ценностные ориентации и представления личности, которые при функционировании систем родства могут транслироваться из поколения в поколение. В данном контексте ценностные ориентации личности выступают важнейшим фактором мотивации поведения человека и лежат в основе его социальных поступков.

По мнению А.Б. Синельникова, историческая трансформация семьи как социального института происходит как минимум по четырем параметрам [18]:

1. Рождаемость (число рожденных детей).
2. Отношение к браку
3. Отношение к разводу.
4. Нуклеаризация (деление) семей и межпоколенные отношения.

В таблице 1 представлены этапы исторической трансформации семьи, где она описана по рассмотренным выше четырем параметрам. Процесс преобразования семьи как социального института складывается из трансформации разных параметров, характеризующих различные стороны семейной жизни, межпоколенных отношений.

В связи с этим Н.М. Римашевская справедливо констатирует: «Семья, бесспорно, является общечеловеческой ценностью, транслятором культурного наследия, национальных традиций и этнических норм, значение которых сегодня возрастает не только для каждой отдельной личности, но и для России в целом» [16]. Потому формированию семейных ценностей и их развитию уделяется сейчас особое внимание.

Одним из возможных направлений в данной области могут послужить генеалогические исследования семейно-родственных отношений, выявление связей между поколениями, создание родословной семьи. Цель генеалогического исследования состоит в восстановлении прошлого семьи, в изображении жизненных путей

Таблица 1
Трансформация семьи как социального института [16]

Индивидуализм и фамилизм	Рождаемость (число рожденных детей)	Отношение к браку	Отношение к разводу	Нуклеаризация (деление) семей и межпоколенные отношения.
Первый этап				
Полное преобладание фамилизма над индивидуализмом	Многодетность (5 и более детей) 1. Без искусственного ограничения рождаемости в браке 2. С ограничением рождаемости в браке	Брак по воле родителей и под давлением общественного мнения, осуждающего безбрачие. (Главные критерии выбора супруга экономические и социально-престижные)	Полная недопустимость развода. (Это имело место лишь в католических странах. В других странах развод всегда допускался и трансформация отношения к нему началась сразу со второго этапа).	«Преобладающая неделимость» семей. А. Семейная община задружного типа (объединение родственников, живущих в одном поселении). Б. Расширенная разветвленная ветвь.
Второй этап				
Частичное преобладание фамилизма над индивидуализмом	Среднедетность (3-4 детей)	Брак по воле родителей и под давлением общественного мнения, осуждающего безбрачие, заключается по личному выбору, но с согласия родителей	Допустимость развода только по объективным причинам А. Развод-кара (из-за вины мужа или жены) Б. Развод-исцеление из-за болезни мужа или жены)	Частичная нуклеаризация. Расширенные одноветвевые семьи (главная ветвь) + отличившиеся нуклеарные семьи (боковые ветви) А. Майорат Б. Минорат
Третий этап				
Частичное преобладание индивидуализма	Малодетность (1-2 ребенка)	Брак по личному выбору без обязательного согласия родителей, но под давлением общественного мнения	Развод-крушение по субъективным, но проверяемым причинам (долгое раздельное проживание супругов и т.п.)	Полная территориальная нуклеаризация с сохранением единой общесемейной деятельности
Четвертый этап				
Полное преобладание индивидуализма	Массовая добровольная бездетность, не осуждаемая общественным мнением	Свобода выбора между браком и безбрачием, уже осуждаемым общественным мнением.	Развод – подтверждение по немотивированному требованию одного из супругов	Этап полной функциональной нуклеаризации с прекращением единой общесемейной деятельности

различных поколений, в процессе которого происходит укрепление семейных ценностей, внутрисемейной коммуникации. По словам известного писателя И. С. Аксакова, «память о своих предках, чувство рода – доброе чувство, чувство историческое». Взаимодействие с родными и близкими в данном направлении способствует формированию бережного отношения к семейным ценностям, сохранению семейных связей.

Понятие генеалогии, генеалогической культуры все чаще употребляется в концепциях нравственного возрождения России. В психолого-педагогической литературе [19] наряду с основными потенциалами личности, обеспечивающими формирование её мировоззрения (познавательным, духовным, творческим, коммуникативным и эстетическим), исследуются аксиологический и нравственный потенциалы. Одним из первых русских генеалогов был М.В. Ломоносов. Вопросы формирования генеалогической культуры, влияние ее на ценности молодежи отражены в работах И.Н. Извекова, Ю.О. Баиновой, О.А. Щекиной, И.А. Суриной, А.В. Краско, С.Д. Котельников.

Генеалогия представляет собой систематическое собрание сведений о происхождении, преемстве и родстве родов и фамилий [6]. Несмотря на то, что знание своих предков и истории своей семьи появилось одновременно с человеком, а сведения по генеалогии содержатся еще в летописях, данное понятие известно с конца XV века, тогда же в русском языке возникает термин «генеалогия». Одним из первых примеров родословных книг является Государев родословец, составленный в 1555 году. Уже тогда четкое позиционирование и представление своего происхождения играет важнейшую роль в цепочке государство-общество-человек. Создание специального органа – Разрядных приказов, занимающихся вопросами службы дворян, – говорит о тесной связи «службы» и «происхождения». Именно документально зафиксированные факты генеалогии давали возможность членам рода занимать определенную ступень сословной лестницы, предоставляя им соответствующие права и привилегии.

Генеалогическая культура определяется совокупностью ценностей – общечеловеческих: отражающих связи с семьей, принадлежность к семье; государственных и общественных: отра-

жающих осознание причастности к стране и роли предков в истории отечества; патристических и гражданских: влияющих на духовно-нравственное развитие личности. Среди основополагающих понятий генеалогической культуры выделяется родовая память, являющаяся связующим генеалогическим звеном индивидуального и общественного сознания, когда семейно-родовой опыт составляет основу нравственного багажа общества, собирая воедино духовные ресурсы многих поколений.

Формирование генеалогической культуры молодежи происходит в процессе генеалогического исследования, реконструкции персональных родовых событий, посредством приобщения к семейной истории, где возникает возможность наглядно продемонстрировать ценностный опыт, присущий каждому поколению, каждой ветви родового древа. Оно дает возможность почувствовать свою принадлежность к семье и к фамильному роду, продемонстрировать графический результат проводимого исследования, соединяющего воедино все звенья персонального рода, получить знание своих корней, своей родословной, а также осознать значимость и роль каждого отдельного человека в семейной генеалогии.

Составление генеалогического дерева своей семьи на протяжении всей истории становится педагогически верной традицией, благодаря которой формируются прочные родовые связи, восстанавливаются старые и создаются новые знания о своей семье, закладываются семейные ценности и традиции. Узнаются внутрисемейные и межпоколенные связи, перенимается положительный опыт старших поколений и обеспечивается их преемственность, что особенно актуально на этапе трансформации семьи в кризиса семейной коммуникации, наблюдаемого в последнее время, в эпоху информационной революции. Дети в этих обстоятельствах, ввиду присущей им возрастной готовности принимать все новое, являются более адаптированными к новым технологиям и становятся проводниками современных общественных ценностей, реализуя их в собственной семье. Все чаще родители обращаются к несовершеннолетним детям за консультацией по жизненным вопросам, корректируя через детей свои представления о реальных ценностях современного российского общества, нарушая всю сло-

жившуюся практику поколенных взаимоотношений в семье. В связи с этим следует также отметить трансформацию отношения молодежи к старшему поколению, принимающему осуждающий, иногда даже отвергающий характер, демонстрируя в некоторой степени превосходство над старшими. Что совершенно противоречит исторически сложившимся традиционным для России семейным ценностям почтительного отношения к предкам. Если на этапе становления личности детей и молодежи не культивировать эти ценности, мы видим проявление результатов такого воспитания в общественных явлениях, когда пожилые люди становятся брошенным поколением, лишаются сочувствия, сопереживания и помощи со стороны младших членов общества.

Несмотря на то, что составление истории своего рода - процесс уникальный и персонализированный, можно выделить основополагающие этапы этой работы:

1. мотивационный;
2. поисково-исследовательский: опрос родственников; работа с семейным архивом; поиск в Интернете, библиотеках, музеях; генеалогические экспедиции; работа в публичных архивах;
3. фиксация и систематизация информации для членов рода - построение родословного древа, поколенной росписи, родословных таблиц;
4. оформление результатов исследования в форме семейной монографии или родовой книги.

У каждого исследователя своя персональная история возникновения интереса к изучению своей родословной, связанная с различными событиями или семейными реликвиями. Тем не менее, многие начинающие исследователи задаются вопросом – зачем это нужно? Прежде всего, генеалогический поиск - это приобретение позитивного созидательного опыта. Выстраивание структуры и жизнедеятельности рода, попытка воссоздания смысла событий и самой атмосферы минувшего приводят личность к положительному взгляду на прошлое и будущее своей страны [11], самоидентификации человека с отечественной историей, становлению крепких семейно-родовых традиций (нравственных, эстетических, интеллектуальных, профессиональных). Таким образом, можно утверждать, что в процессе формирования генеалогической

культуры развивается сам механизм воздействия на субъективную систему мировосприятия исследователем происходящих событий, а также налаживаются и укрепляются внутрисемейные и межпоколенные взаимодействия, формируется чувство рода и родства, складывается прочная семейная коммуникация.

Основным источником русской генеалогии являются родословные росписи нисходящего и восходящего родства, включающие легенду о происхождении семьи, где записан ее родоначальник, и поколенную роспись - перечень всех членов семьи с указанием степени родства [9], содержащий основную массу уникальных сведений. На этапе составления поколенных росписей реализуется масштабная поисково-исследовательская деятельность, сбор и систематизация информации по истории семьи. Одновременно с формированием поколенной росписи происходит схематическая фиксация степеней родства всех членов рода в виде генеалогических схем, традиционно называемых генеалогическими деревьями.

Влияние самого процесса генеалогического исследования на разных его этапах на развитие коммуникативных приоритетов молодежи достаточно велико: в процессе сбора генеалогической информации происходит живое, эмоционально и духовно наполненное общение молодежи со старшим поколением, утрачивающее свою значимость в современном мире. Все чаще мы встречаем подмену сформированных семейных традиций совместного семейного досуга общением в социальных сетях или другими действиями, связанными с техногенным воздействием современных информационных технологий. Появление карманных компьютеров (смартфонов, планшетов) смещает коммуникативные приоритеты не только молодежи, но и всей семьи в целом, со временем отчуждая ее членов друг от друга, разобщая их интересы. Например, с развитием глобальных сетей и их массовой доступности в современной городской семье уже почти не происходит ежедневного диалога культур, теряется желание совместного отдыха на свежем воздухе или вечернего семейного ужина, вместо чего практически каждый член семьи погружен в экран персонального гаджета.

Изучение родовой истории является ярким мотивом к возвращению базовых семейных коммуникаций, проявлению личностного интере-

са, воссозданию семейных реликвий, бережно передаваемых из поколения в поколение - легенд, преданий, семейных фотографий, документов и наград. В процессе сбора информации о персонах, составляющих фамильное родовое дерево, исследователю открываются семейные истории и предания о героических или просто неординарных личностях, участниках исторических событий, отечественных войн, в результате чего отношение к сохранившимся в семье документам и наградам будут пересмотрены и вновь дана оценка героизму и нравственным качествам предков, проецирование их на собственные ценности и идеалы.

Немаловажным также является аспект репродуктивного здоровья молодежи, являющийся, несомненно, важной составляющей семейных ценностей, формированию которой также способствует анализ полученной при изучении рода информации, тех ценностных ориентаций, в которых воспитывался человек. Исследования доказывают, что большинство детей из многодетных семей при создании собственной семьи проецируют образ родительского дома, культурных особенностей, поведенческие и воспитательные стереотипы, ориентируясь также на многодетность. Желание иметь детей, продолжить свой род, передать потомкам родовую память семьи – важнейший результат включенности молодежи в процесс изучения своей родословной.

С развитием глобальных компьютерных сетей появляется понятие Интернет-генеалогии, меняющее стереотипы, связанные с образом исследователей генеалогов, представлявших в образе архивных работников и публицистов. Продуцируется работа по оцифровке архивных и библиотечных фондов, размещая их в открытый доступ в сети Интернет. Поиск генеалогической информации возможен с использованием разнообразных ресурсов глобальной сети – поисковых систем, данным телефонных справочников, открытым базам данных различных организаций. Особое внимание следует обратить на специализированные генеалогические сайты, содержащие свои фамильные базы данных, а также большой объем справочной, исторической, архивной информации, являющейся неотъемлемой частью генеалогического исследования: Всероссийское генеалогическое древо (<http://www.VGD.ru>), Союз Возрождения Ро-

дословных Традиций (<http://www.svrt.ru>), Центр генеалогических исследований (<http://www.rosgenea.ru>), Коллекция старинных карт территорий и городов России (<http://old-map.net>).

В последние годы все большее распространение получают социальные сети. Время использования социальной сети в большем объеме складывается из удовлетворения интересов молодежи (просмотр новостных лент, участие в обсуждениях в группах по интересам, просмотр мультимедиа-файлов). В процессе генеалогического исследования происходит смещение ценностных ориентаций и информационного наполнения сеансов работы в социальных сетях: приоритетные информационные ресурсы Интернета развлекательного характера замещаются фамильными группами, историческими и патриотическими блогами и сайтами, общением с единомышленниками-генеалогами.

На этапе составления родовых схем уместно использовать ряд специализированных программ для построения генеалогических деревьев (например, GenoPro, Древо Жизни), а также технологии Web 2.0 (облачные технологии, социальные сети и др. сервисы).

Отдельно стоит обратить внимание на специализированные генеалогические сети (MyHeritage.com, Geni.com, Родовид и др.), активно используемые в сети Интернет любителями генеалогии. Генеалогическая социальная сеть, это такой информационный облачный ресурс, после регистрации и создания аккаунта, в котором появляется возможность создавать генеалогические деревья различных родов, открывать доступ к редактированию, наполнению их конкретной информацией, совместно строить схему по объединяющей фамилии, а также возможность просмотреть интересующую фамилию на всех родословных схемах участников сети, тем самым обнаруживая новые родственные пересечения и связи.

Среди плюсов подобных сетей можно выделить возможность потенциального вовлечения в строительство родословных схем родственников, в частности, активно использующую Интернет молодежь, повышая культуру их семейной коммуникации и расширяя знания об истории, прямиых и боковых ветвях своего рода, а также персоналиях, отображенных в генеалогической сети.

Построенное в специальных программах генеалогические деревья позволяют не только грамотно отобразить все родственные связи одного рода, но и дают исследователю возможность провести первичный статистический анализ полученных данных – частотное распределение данных по годам рождения, количеству детей, возрасту рождения детей и смерти, а также сделать качественный анализ представленной информации. В результате проделанной работы выполняется образовательная и развивающая компонента генеалогической культуры – формирование специальных знаний, умений и навыков, необходимых для поисково-исследовательской и аналитической работы с информацией, развитие, настойчивости, организаторских способностей, деловых качеств личности.

На последнем этапе работы над составлением своей родословной происходит оформление результатов исследования в форме семейной монографии или родовой книги. Необходимо отметить, что с момента начала исследования до последнего этапа может пройти не один месяц, исследовательская работа увлекает человека на много лет, и всегда находится информационная ниша, требующая, на взгляд исследователя, дополнительного рассмотрения. В данном случае рекомендуется делать промежуточные итоги исследования, оформляя их в качестве черновых вариантов родовой книги.

В результате проведенной работы появляется документальное печатное свидетельство существования и развития целого семейного рода, в котором отражены его фамильные, культурные особенности, география проживания, документы, свидетельствующие о происхождении и социальных статусах персон, семейные реликвии в виде фотографий, историй и др. Все это представляет большую семейную ценность. Однако, в дополнение к практической значимости, за время исследования происходит изменение взаимоотношений между членами рода, добавляются потерянные персоны боковых ветвей нисходящего дерева – 4,5,6-юродные родственники, целые семьи, среди которых возможно появление подобных исследователей, транслируется и переосмысливается опыт предшествующих поколений, постигаются нравственные ценности, семейные традиции, присущие всему фамильному роду, передаваемые из по-

коления в поколение, формируется и сохраняется фамильная родовая память.

Таким образом, фокусирование ценностных ориентаций молодежи на традиционных семейных ценностях в процессе генеалогического исследования способствует укреплению внутрисемейных связей, переосмыслению семьи в историческом и аксиологическом аспекте.

Литература

1. Алексеев А. Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socio.ru/public/alekseev/Biogr.doc>
2. Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется. Семья в России. – 1999. № 1-2. С.33-34.
3. Антонов А.И. Демография в эру депопуляции. Источник: «Демографические исследования», № 1 (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=19&idArt=78).
4. Баикина Ю.О. Генеалогическая традиция и потенциал семьи в системе факторов формирования духовных ценностей личности: дис. канд. социол. наук. – Тюмень, 2002.
5. Белобородов И.И. Трансформация семейно-брачного поведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=2174.
6. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article009315.html>
7. Бухтиярова И.Н. Духовно-нравственные аспекты формирования генеалогической культуры молодежи // Материалы V международной научно-практической конференции «Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика». – Прага: Sociosfira-CZ, 2016.
8. Бухтиярова И.Н., Прончев Г.Б. Использование облачных технологий при подготовке студентов-социологов // Образование и воспитание, № 2, 2015, с. 72-78.
9. Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004.
10. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Открытое о-во». - М., 1998.

11. Кабачек О.Л. Методико-библиографическое сопровождение для участников и организаторов Всероссийского конкурса «Моя семья». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/kabacek.htm>
12. Краско А. В. Школа практической генеалогии. Методическое пособие для начинающих генеалогическое исследование. СПб.: Российская национальная библиотека, 2014.
13. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. Психодиагностическая серия. Вып. 5. М., 1992.
14. Носкова А.В. Семья в России: тысячелетняя история глазами социолога. М.: Изд-во РГСУ, 2004.
15. Петриченко М. Б. Компьютер в генеалогических исследованиях. — М.: РОИА, 2004.
16. Римашевская Н.М. Исследование жизнедеятельности семьи как теоретическая основа семейной политики // Семья в России, 1995. №1,2.
17. Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте преподавателем института Л. М. Савеловым. Т. 1-2. М., 1908–1909.
18. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие. М.: КДУ, 2008.
19. Сластенин В.А. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов. — М.: Академия, 2005.
20. Семья, дети - жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография / Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Научно-исследовательский центр Фонда Андрея Первозванного, Институт социологии Российской академии наук. М.: Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы, 2015.

ДЕБЮТ

Оценка общественных благ в контексте социально-гуманистического развития общества

Лебедев И. Ю.

Общество осознало, что к настоящему моменту времени именно качество существования человечества и жизнь человека как биологического вида чрезвычайно зависят от доступности общественных благ, в которые мы предлагаем включать и количество и качество энергетических ресурсов. Именно качество энергоресурсов, под которым мы понимаем сохранение определенных пропорций между возобновляемой и не возобновляемой энергетикой, будет формировать новый социум 21 века, что требует философского осмысления.

Ключевые слова: глобальная проблема, социум, альтернативная энергия, охрана окружающей среды, развитие, философский взгляд.

Lebedev Igor Yu.

Assessment of the public benefits in the context of social and humanistic development of society.

The society realized that to this point in time it is the quality of human existence and human life as a biological species is extremely dependent on the availability of public goods, which we propose to include the quantity and quality of energy resources. It is the quality of energy, by which we mean maintaining certain proportions between renewable and non-renewable energy, will form a new society of the 21st century that requires philosophical understanding.

Key words: global problem, society, alternative energy, environmental protection, development, philosophical view.

Актуальность данной темы научной статьи объясняется тем, что производство общественных благ и их потребление в обществе напрямую связано с уровнем общественного благосостояния и является одной из важнейших задач в любой стране, в том числе в Российской Федерации. Перечень общественных благ (традиционный подход):

- Обеспечение безопасности;
- Формирование инфраструктуры (дорожной, транспортной);
- Предоставление социальных благ (образование, здравоохранение);
- Сохранение природы посредством системы экологических мероприятий.

Наша позиция состоит в том, что в общественные блага нужно включать и энергетические составляющие, особенно в части альтернативной (возобновляемой энергетике). Использование этого вида энергии соответствует гуманистическим ценностям. В современных условиях развития России и мира в целом рост производства и потребления общественных благ определяется не только и не столько причина-

ми экономического характера, но также и социальными факторами и приобретает все большее значение во всех областях функционирования общества. В экономике страны общественные блага представляются как достаточно сложный процесс по факторным условиям формирования в целом и по своей внутренней структуре в частности. Они выступают основным результатом деятельности специфического сектора экономики – общественного сектора, являются важнейшим представителем особого продукта в экономике – услуги, и служат источником глубокой спецификации предприятий, учреждений, различных организаций, производящих конкретное общественное благо.

Современная теория экономики общественного сектора решает проблему определения ценности общественных товаров следующим образом: в качестве методологии используется теория предельной полезности. Еще одним вариантом решения поставленной задачи является трудовая теория стоимости, хотя и она не свободна от недостатков, препятствующих окончательному решению проблемы. Поэтому проблему оценки общественных благ рассматривают с позиций маржиналистской теории ценности. Можно выделить три причины.

Во-первых, субъективная оценка чего бы то ни было есть аксиома. Поскольку двух абсолютно одинаковых оценок в природе не существует («сколько людей. столько мнений») постольку дифференцированный предельный анализ вполне оправдан гносеологически - со стороны субъективного познания и онтологически - со стороны объективной природы вещей. Крайний субъективизм (агностицизм) Беркли неопровержим и, как ни странно, именно в этой неопровержимости заключается его объективная сторона. Субъективизм оценки не исчезнет от того, направляется ли он на благо общественное или частное. Кто-то нуждается в общественном товаре больше, кто-то меньше. Налицо возможность применения дифференцированного подхода, в частности, методологии предельной полезности.

Во-вторых, в XX в. в экономических науках доминировал функциональный (статистический) анализ связи явлений над каузальным (сущностным), что не могло не сказаться на развитии методологии.

А. Маршалл был последним великим экономистом, кто уделял фундаментальной категории потребностей достойное внимание, советуя и другим ученым в своих исследованиях не увлекаться математической интерпретацией экономических отношений. Функциональный анализ неявно предполагает, что общественная потребность является простой суммой индивидуальных потребностей, не более того. Упускается из вида особое звучание, качество категории общественные потребности и, как следствие, специфическое содержание категории экономической сущности (или ценности) явления упала на благодатную почву «природы вещей», согласно которой смешанные общественные блага распространены гораздо сильнее «чистых», что позволяет «до поры до времени» применять старую методологию, не заботясь о более совершенной.

Третья причина непосредственно связана со второй. В реальной жизни общественные товары существуют преимущественно не в чистой, а в смешанной форме. Последняя возникает тогда, когда «ограничительный» принцип предельной полезности действует наряду с фундаментальными принципами неисключаемости и несоперничества в потреблении чистого общественного блага.

История вопроса подтверждает обоснованность подобных критических замечаний. Первым, кто четко поставил вопрос о ценности общественных благ, был Ж. Дюпюи в статье «О мере полезности гражданских сооружений» (1844), конечно, экономисты и раньше задавались этим вопросом. Но, во-первых, весьма отрывисто и поверхностно, так: как не видели здесь специальной проблемы ценности. Во-вторых, решали его с позиций производительного и непроизводительного труда А. Смита. Если общественное благо способствовало увеличе-

нию национального продукта, как, например, строительство дорог вызывало дополнительный прирост не только товарооборота, но и прирост самого производства, то ценность общественного блага признавалась положительной и пропорциональной данному приросту. Когда же общественный институт требовал непроизводительного труда для своего содержания, как, например, двор монарха, тогда его ценность была нулевой, так как ничего не добавляла (по А. Смит) к совокупному национальному доходу.

В целом, до XX в. среди экономистов отсутствовало понимание оценки применительно к категории «общественное благо». Сам Дююи прямо заявляет, что «общественная полезность ничем не отличается от других видов полезности». Работа примечательна не столько тем, что в ней раньше, чем у А. Маршалла, обосновывается категория излишков, сколько тем, что делается это на примере производства и потребления общественного товара (строительство моста). Это возможно сделать только в одном случае: если общественное благо существует в смешанной стоимостной форме. Уже одно это доказывает не разработанность центральной категории теории общественного сектора в то время. Впрочем, другого положения дел быть и не могло.

Набиравшая силу с 70-х гг. XIX в. маржиналистская революция ценности по причине своей молодости сулила экономистам больше перспектив, чем разочарований. Должно было пройти какое-то время, чтобы в среде ее приверженцев созрело более адекватное и критическое отношение. Пока же «первая» и «вторая волны» маржиналистской революции на рубеже веков накрывали «с головой» итальянскую (М. Пантелони, У. Маццола) и шведскую (К. Висселль, Э. Линдаль) школы государственных финансов. «Эти исследователи явились пионерами использования предельного анализа и теории цены для изучения бюджетного процесса, а также для моделирования спроса и предложения на рынке общественных благ».

Правда, в работе К. Висселля «Исследования в области теории общественных финансов» (1986) уже даются определения чистого и смешанного общественного блага, но это никак не отражается на методологии исследования автора. Он по-прежнему считает возможным, рассуждая об общественной ценности, оперировать традиционными кривыми спроса и предложения, не замечая того очевидного положения, что специфика ценности чистых общественных благ как раз в том и проявляется, что не допускает своей графической интерпретации. Чистые общественные блага не имеют ни потребительского излишка, ни излишка производителя.

Спрос на общественные блага предъявляется обществом, и предложение общественных благ предоставляется обществом. Спрос и предложение принадлежат одному субъекту и поэтому должны совпадать.

Более того, исходя из свойств неисключаемости и несоперничества общественных благ, можно констатировать, что предельные издержки их производства и предельная полезность их потребления не только равны между собой, но также равны нулю. Следовательно, никаких кривых спроса и предложения в данном случае просто быть не может, так как каждая точка этих кривых представляет собой некую определенную предельную величину. В лучшем случае графическая интерпретация чистых общественных благ допускает точку ценности (цены) в системе традиционных координат, но не более.

Цена чистых общественных благ совпадает с их ценностью по той же причине, по которой у них отсутствуют излишки потребителя и производителя. Конечная причина существования общественных товаров - некая общественная потребность (необходимость), которая рождает действие, направленное на удовлетворение потребности. Это действие и есть цена (ценность) чистого общественного блага, рассмотреть в котором категорию излишка логически невозможно (необходимость потому и называется необходимостью, что не допускает свобо-

ды. некоего варианта действий. некоего излишка. В точке, где предельные общественные издержки совпадают с предельной общественной полезностью излишка быть не может). Ученик К. Висселля Э. Линдаль уходит еще дальше от подлинной сущности общественных благ. Он формулирует знаменитый по сей день в теории государственных финансов принцип предельного налогообложения: предельная ставка налогов должна соответствовать предельной полезности общественного блага, получаемого взамен. Данный принцип имеет спорную теоретическую и практическую значимость.

Это доказывается следующим образом. Во-первых, предельная и средняя ставки налогообложения зависят не от предпочтений человека, а, как показал Дж. М. Кейнс, от его дохода. Во-вторых, предельные и средние ставки налогов устанавливаются не индивидуально, а законодательно. В-третьих, налоги «обезличиваются» в государственном бюджете, производство конкретных общественных благ никак не связано (за исключением маркированных налогов) с конкретными ставками налогообложения. В-четвертых, общественное благо в принципе неделимо, поэтому не может быть никакого обмена его предельной полезности на предельные издержки его производства. Несмотря на данные недостатки, подход Висселля - Линдаля благополучно применяется в теории и в наши дни.

Какую бы высокую оценку ни придавал человек товару или иному чистому общественному благу, это не имеет никакого значения для реального бытия последнего. Значение имеет предельная общественная полезность, а не «просто предельная полезность». Общественная полезность дает возможность человеку «скрывать» свою истинную зависимость от данного блага и платить за него наравне со всеми другими членами общества. В этом суть чистого общественного блага.

Ценность общественного блага обладает неоспоримым преимуществом по сравнению с ценностью частного блага - она допускает свое измерение. Ценность же частного блага имеет

непреодолимую методологическую трудность - невозможно измерить излишек потребителя: (производителя). исходя из его (блага) цены. Невозможно ни теоретически, ни практически перейти от предельной полезности последней единицы блага к полезности предыдущих частей. Каждый человек индивидуален, у каждого свой излишек. свои представления о ценности. Тогда как общественное благо, по определению, никаких предельных величин не имеет.

Подчеркнем различие. Ценность частного блага зависит как от количества потребляемых единиц блага, так и от изменившейся предельной полезности (ценности) каждой единицы. Ценность общественного блага зависит только от количества его потребителей. Потребители, несмотря на дифференциацию субъективных оценок, всегда платят одинаковую между собой цену за воспроизводство данного общественного блага.

Принцип предельной полезности, присутствующий во всех экономических оценках, «побеждается» на этот раз принципом общественной предельной полезности. Кто-то нуждается в общественном благе больше, чем другой, но в том-то и дело, что это не может повлиять на издержки воспроизводства общественной полезности.

По сути, ценность чистого общественного блага - это ценность с чрезвычайно долгим, если не бесконечным, сроком окупаемости. Те издержки воспроизводства общественного блага, которые в виде налога заплатила определенная часть общества, трансформируются в экономии издержек труда всех членов общества, что и составляет субстанцию «подлинного» экономического излишка того или иного общественного блага.

Итак, ценность общественного блага, как и частного, определяется категорией «излишек». Но излишек общественного блага принципиально иного рода. Если для частного блага причиной излишка, а значит и ценности, является его дефицитность, редкость, ограниченность, то излишек чистого блага есть функция от количе-

ства потребителей и времени его потребления. Методология предельной полезности «бессильна» определить такого рода излишек. Наоборот, теория трудовой стоимости предоставляет такие возможности. Таким образом, всякое чистое общественное благо есть нечто неделимое, цельное, единое. Потребность общественная неделима. Поэтому также не может быть делимой и общественная полезность, удовлетворяющая данную потребность.

Как уже отмечалось выше, представляется необходимым включать в перечень общественных благ энергетическую составляющую (обеспечение общества энергией, теплом и т.п.).

Рассматриваемая составляющая обладает вместе с тем существенной спецификой, отличающей ее от других видов общественных благ.

В принципиальном плане суть вопроса сводится к тому, что потребности общества в энергии могут быть реализованы как за счет традиционных, так и посредством возобновляемых источников. Очевидно, что общественная ценность первого и второго вариантов не одинакова: невозобновляемые источники в нынешних условиях требуют меньших затрат, в то время как получение развитие альтернативной энергетики сопряжено с существенными инвестициями в наукоемкие технологии. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что в долгосрочной перспективе второй вариант окажется более экономичным с точки зрения всей системы общественного воспроизводства.

Следовательно, налицо объективное противоречие между потребностями текущего цикла воспроизводства и возможностями перспективных моделей общественного развития. В свете вышеизложенного встает сложный в методологическом и теоретическом плане вопрос об оценке данного вида общественных благ, что будет нами рассмотрено в следующих статьях.

Литература

1. Ахитов Г.А. Экономика общественного сектора: учебное пособие/Г.А. Ахитов, Е.Н. Жильцов. - М.: ИНФРА - М, 2009.
2. Белоусова С.В. Общественные блага и актуальные аспекты их создания: монография// С.В. Белоусова. – Новосибирск: ЦРИС – изд-во «СИБ-ПРИНТ», 2009
3. Болонин А.И., Ануприенко В.Ю. О некоторых проблемах финансирования общественных благ // Вестник Академии. 2012. № 4.
4. Большой юридический словарь. Сост.: А. Борисов. М.: Книжный мир, 2014.
5. Генкин Б.М. Основания экономической теории и методы организации эффективной работы -М.: Норма, 2007.
6. Дюпюи Ж. О мере полезности гражданских сооружений: в 6т. / пер. Л. Горшковой / Вехи экон. мысли. - СПб.: 1999.
7. Жильцов Е.Н. Экономика общественного сектора / Е.Н. Жильцов, П.В. Савченко, И.А. Погосов. – М.: ИНФРА-М, 2010.
8. Иохансен Л. Некоторые заметки по поводу предложенной Линдалем теории определения государственных расходов: в 6 т. Вехи экон. мысли. - СПб.: Экон. шк. - Т. 4. - 2004.
9. История экономических учений/ под ред. В. Автономова. О. Ананьина, Н. Макашевой. - М.: ИНФРА-М, 2009.
10. Капитонов И.А. Ресурсный потенциал углеводородного и альтернативного сырья в России и в мире // Вестник экономической интеграции. 2011. № 5. С. 111-117.
11. Капитонов И.А. Трансформация национальной системы энергетической безопасности под влиянием стоимостных факторов в России и за рубежом // Вестник экономической интеграции. 2013. № 7 (64). С. 44-51.
12. Капитонов И.А. Эколого-экономические проблемы и перспективы перехода к шестому технологическому укладу в мире и в России. Вестник экономической интеграции. 2012. № 1. С. 86-91.
13. Капитонов И.А., Шулу А.А. Внедрение современных технологий в отечественном ТЭК как фактор инновационного развития российской экономики // Вестник НГИЭИ. 2016. № 11 (66). С. 58-65.

14. Кочагина Т.В. Новая экономика и мериторные блага // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010.

15. Федорова Ю.В. Соотношение индивидуального и общественного интереса при про-

изводстве общественных благ // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 1. С. 40.

16. Экономический словарь // http://www.vedomosti.ru/glossary/econ_dict

Перспективы социологического подхода к изучению литературной культуры

Морковкина А.Г.

В статье анализируются основные теории социологии литературы. Исследуются их объяснительные возможности применительно к изучению литературной культуры.

Ключевые слова: социология литературы, литературная культура, поле литературы, социальный институт, культурное производство, культурное потребление

Morkovkina A.G.

Perspectives the sociological approach to the study of literary culture

The article analyzes the basic of sociology of literature. The explanatory power of these theories is found out in relation to the study of literary culture.

Key words: sociology of literature, literary culture, the field of literature, social institutions, cultural production, cultural consumption

Литературная культура в рамках социологии изучается, в частности, теорией среднего уровня – социологией литературы. В научных работах граница между этой дисциплиной и литературоведением проводится следующим образом: литературоведение по преимуществу исследует содержательные и эстетические характеристики художественных текстов, их внутреннюю структуру, а социология литературы – их социальный контекст, распространение и потребление литературы, связанные с этими процессами социальные роли и статусы [1]. Для определения релевантных теоретических подходов к литературной культуре проанализируем существующие в социологии литературы направления.

Из традиционных парадигм социологии, используемых для изучения литературы, первой стал детерминизм. Такой подход к литературе оформился еще в социальной философии. Так, французский философ Ипполит Тэн (1828-1893), которого Алан Свингевуд называет основоположником социологии литературы [2], исследовал социальные предпосылки литературы, применяя по преимуществу позитивистские методы. Он пишет, что литература – это не просто игра индивидуального воображения, а выражение современного образа жизни, проявление определенного образа мышления [3]. Роман – наиболее влиятельный жанр в индустриальном обществе, по мнению Тэна – представляется им как «портативное зеркало, которое может быть повешено где угодно и отражает все стороны жизни и природы, духа времени и нации». Точность такого отражения при этом во многом зависит от мастерства писателя и его психологических черт.

В своей теории Тэн создал формулу, согласно которой факторами, определяющими литературную деятельность, называются раса, момент времени и среда, сочетание которых и характеризует определенные исторические периоды. Под расой здесь понимаются все харак-

теристики наследственности и менталитета, происходящие из природных условий, под моментом – социальный, экономический и политический контекст, преобладающие в данную эпоху модели мышления и образцы поведения, под средой – климат и географическое положение. Итак, Тэн предпринял попытку исчерпывающего каузального объяснения литературы, однако стремление напрямую связать природную среду и искусство зачастую приводит к достаточно упрощенным выводам.

Детерминистская линия в интерпретации литературы продолжается марксистскими теориями. В отличие от Тэна, который помимо внешних факторов уделял большое внимание индивидуальной психологии, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, в ряде работ обращавшиеся к проблемам литературы, приводили только материалистические объяснения. Дальнейшее развитие социология литературы получила в трудах неомарксистов, придерживавшихся структуралистского подхода, – Георга Лукача и Люсьена Гольдмана. В теории Лукача все произведения искусства признаются продуктом деятельности коллективного сознания конкретных социальных групп и классов, преломляющегося через индивидуальность автора [4]. Каждое реалистическое произведение, по мнению Лукача, является достоверным отражением действительности, показателем состояния общества на данном историческом этапе [5].

Люсьен Гольдман также расценивал литературу как производную коллективного сознания, классовой идеологии. Роман в его теории – это средство осознания классом своих интересов, роли и места в социальной структуре. В произведении формируется целостное мировоззрение, складывающееся из категорий мышления конкретного класса. Гольдман не отрицал наличия у автора права на свободу творчества, отсутствия жестких ограничений в выборе предмета описания и средств выразительности, но при этом был убежден, что сознание литератора полностью задано положением и моделями поведения класса, к которому он принадлежит [6]. В отличие от Лукача, Гольдман считал литературу не отражением объективной реальности, а «потенциальным» сознанием социальной группы, своего рода виртуальной реальностью, которая не только подвержена влиянию общественного мнения, но и способна на него воздействовать. Для этого ученого целью социологии литературы заключа-

ется в определении связи между классовой идеологией и литературным жанром.

Близок к рассмотренным выше теориям подход французского социолога литературы Пьера Зима. По его мнению, актуальные социальные и экономические проблемы всегда отражаются в языке, а дискурс неразрывно связан с конкретной социальной позицией и выражает присущие ей идеи и ценности [7]. В дискурсе Зима выделял четыре уровня: лексический, семантический, нарративный и прагматический [8]. Единство этих уровней и составляет единство означающего и означаемого, погруженное в социокультурный контекст. Данная теория может применяться довольно узко, так как действует только на уровне текста.

Все рассмотренные выше концепции имеют дело исключительно со взаимодействием художественных произведений и социальной среды. Пьер Бурдьё дополнил проблемное поле социологии литературы анализом механизмов взаимодействия акторов, вовлеченных в литературную сферу. В своем анализе литературы он стремился объединить два подхода: структурно-лингвистический, обращающийся лишь к внутренним характеристикам текста, и чисто социологический, связанный с исследованием исключительно социального контекста. На его взгляд, значимыми являются как социально-экономические условия и роль автора, так и внутренняя логика произведения [9], при этом писатель не изучается как изолированный субъект, а рассматривается во взаимодействии с другими агентами: критиками, издателями, читателями и т.д.

Литературную деятельность, как в последствии и многие другие сферы общественной жизни, Бурдьё поместил в рамки разработанной им теории поля. Согласно его предположению, для объяснения характеристик культурных продуктов необходимо учитывать их взаимосвязь не только с социальным полем в целом, но и с уникальными чертами того поля, где они производятся [10]. Специфическими чертами поля литературы являются особая значимость символического капитала, относительно слабая институционализированность, отсутствие всецелого подчинения законам рынка, сравнительно большая автономия. Однако эти черты распределены неравномерно. В системе производства и распространения литературы Бурдьё выделяет два полюса: наиболее автономный из них во многом отрицает логику рынка и утилитарист-

кие ценности, в то время как противоположный ему действует в полном соответствии с принципами рыночной экономики.

Бурдьё посвятил отдельные исследования анализу культурного потребления и производства. Существенным аспектом потребления культурной продукции являются вкусы, формирование которых происходит под воздействием условий социализации и позиции индивида, но внешне часто предстает результатом осознанного выбора. Наиболее значимыми факторами, определяющими культурные предпочтения, согласно результатам исследований Бурдьё, являются уровень образования и семейное воспитание, определяющееся накопленным семейным культурным капиталом [11]. В наибольшей степени названные факторы проявляются при восприятии авангардных художественных произведений, для оценки которых недостаточно обыденного опыта. Вывод ученого звучит следующим образом: восприятие произведений искусства и позиция в поле культуры (культурный габитус) взаимно обусловлены.

В процессе производства литературы, по Бурдьё, складывается иерархия жанров и произведений, определяющаяся степенью признания публикой и другими авторами. Для успешного вхождения в систему писатель должен учитывать сложившуюся иерархию, а также посредством новаций, трансформирующих существующие позиции, закрепить свои отличия от других авторов.

Теория литературного поля Пьера Бурдьё предстает достаточно перспективным инструментом анализа. Ее значимым преимуществом является стремление избежать односторонности в исследовании поля литературы, вследствие чего появляется возможность охватить максимальное количество аспектов литературной культуры.

Принципиально новое направление в социологии литературы было обозначено Б.В. Дубиним и его соавторами (Л.Д. Гудков, А. Левинсон, А.И. Рейтблат, Н.А. Зоркая и др.). Теоретическая база этого направления - понимающая социология Вебера, структурный функционализм, символический интеракционизм и феноменология, теория повествования Поля Рикёра, рецептивная эстетика Яюсса и Изера [12].

Первостепенной задачей данного теоретического подхода является выяснение внутреннего устройства литературы как института. При этом особое внимание уделяется историческому характеру института литературы: его отдель-

ные функции оказываются значимыми лишь в определенных временных рамках. Появление литературы в ее современном понимании авторы теории относят к XVIII веку. Являясь изначально лишь одним из центров фиксации важнейших для общества культурных значений, со временем литература становится полноценным «субститутом культуры» вбирая в себя все ключевые представления о мире, обществе и человеке [13]. В секуляризирующемся обществе литература приобретает универсальную значимость, становясь основой воспитания и образования. Институционализация литературы, по мнению Дубина, происходит в обществе модерна, когда она освобождается от привязки к аристократическим кругам. Именно в это время оформляется публика, большая анонимная общность читателей, начинают формироваться литературный рынок, литературная классика, явление массовой литературы.

В связи с изложенными заключениями основным методом исследования литературы как социального института называется сравнительно-исторический, позволяющий провести сопоставление социальных, культурных и литературных значений, на разных исторических этапах.

На уровне текста такой анализ выражается в выделении моделей поведения, традиций, ценностей и норм, воспроизводимых в художественных произведениях. На уровне чтения процесс восприятия произведения интерпретируется как одна из форм социального взаимодействия. Читательские предпочтения на конкретных исторических этапах в рамках данного теоретического подхода предстают источником информации «о социально-культурных процессах в стране, динамике ценностей и интересов разных групп», функциональным ответом на потребности обществ». Еще один аспект рассмотрения литературной системы – структурная организация литературного творчества, изменяющаяся и дифференцирующаяся с течением времени: от первичного выделения литературной классики к разделению уже к XVIII веку литературы на элитарную и массовую и последующему размыванию этих понятий. Помимо процессов, относящихся собственно к содержанию, особенностям восприятия и процессу производства литературы, рассматриваемый теоретический подход предоставляет средства для изучения тенденций в функционировании литературной критики и литературоведения, историчес-

кой трансформации их категорий, принципов и оценочных критериев.

В результате проведенного анализа социологических теорий литературы наиболее продуктивными из них следует признать теории Б.В. Дубина и П. Бурдьё, поскольку они характеризуются достаточной объяснительной силой, охватывают различные стороны исследуемого явления, а также были опробованы в эмпирических исследованиях. Данные теории рассматривают социальную систему литературы под разными углами, поэтому их применение позволит наиболее полно оценить текущее состояние литературной культуры и происходящие в ней изменения.

На основе теорий литературной культуры были выделены следующие ее компоненты:

- производство и распространение литературных произведений, включающие в себя деятельность писателей, издательств и библиотек;
- групповая или индивидуальная культура чтения, восприятие литературы, специфика читательских предпочтений;
- состояние системы коммуникаций, связанных с литературой, которую формируют конференции, посвященные литературе, книжные выставки, специализированные журналы, рецензии в СМИ, интернет-сообщества и рекомендательные сервисы;
- сложившееся в обществе отношение к литературе, традиции, связанные с литературой, уровень ее включенности в функционирование различных социальных институтов и степень воздействия на него [14].

Поскольку литературная культура является достаточно разносторонним явлением, для ее изучения целесообразно объединить объяснительные конструкции различных теорий, применяя разные подходы к отдельным элементам литературной сферы. Из рассмотренных теорий для оценки первых двух компонентов в большей степени эффективна теория П. Бурдьё, характеризующая функционирование рынка литературы и выделяющая факторы формирования читательских предпочтений. Для исследования оставшихся компонентов релевантные объяснительные конструкции предоставляет теория Б. Дубина, подробно освещающая развитие литературных коммуникаций и положение литературы в обществе.

Литература

1. Черновская М.С. Зарубежная социология литературы: основные направления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. – С. 178-190.
2. Taine H. History of English Literature, trans. H. van Laun, 4 vols., London, Chatto & Windus, 1906.
3. Swingewood A. The sociology of literature / D. Laurensen, A. Swingewood – Schocken Books, 1972. – 166 p. – Pp. 31-40.
4. Лукач Г. Литературные теории XIX века и марксизм. М., 1937.
5. Lukacs G. Histoire et conscience de classe. Paris: Minuit, 1960.
6. Гольдман Л. Структурно-генетический метод в истории литературы // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Тракта-ты, статьи, эссе. – М., 1987.
7. Zima P.V. Pour une sociologie du texte litteraire. Paris: UGE, 1978.
8. Zima Pierre. Pour une semiotique sociocritique // Revue des Sciences humaines. 201. T LXXII (janvier mars 1986). P. 22.
9. Bourdieu P. Flaubert's Point of View / Trans. by P.P. Ferguson // Literature and Social Practice / Ed. by Ph. Desan, P.P. Ferguson, W. Griswold. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – P. 217.
10. Боскетти А. Социология литературы: цели и достижения подхода Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. – Том VII. – №5. – С. 115-125.
11. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. P.: Minuit, 1979.
12. Кастэ И. Как возможна литература? Как возможна социология литературы не по Бурдьё? // НЛО. № 132 (2/2015). - <http://www.nlobooks.ru/node/6143> (дата обращения 19.11.2015).
13. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 1994. – 532 с. – С. 14.
14. Морковкина А.Г. Литературная культура как социальный феномен: от нового времени к современности // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции 31 мая 2015 г.: в 7 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. – Часть III. – 160 с. – С. 111-120.

Жизненная стратегия: ориентация на счастье или ориентация на успех

Официрова Д.А.

Данное исследование посвящено изучению степени и характера влияния ценностных ориентаций на счастье и успех на жизненную стратегию. Предполагалось, что представление респондентов о жизни, которую можно охарактеризовать как счастливую, и жизни, которую можно охарактеризовать как успешную, состоит из двух взаимоисключающих наборов характеристик. Замысел исследования состоял в том, чтобы изучить представление респондентов об идеальном жизненном пути, соотнести черты этого описания с набором характеристик счастья и успеха и выяснить к чему человек стремится больше: к счастливой жизни или к достижению успеха.

По результатам исследования удалось выделить шесть жизненных стратегий, учитывающих ориентацию на счастье и на успех, а также найдена латентная переменная - ориентация на личные ощущения или оценку значимых других, на основе которой респонденты были разделены на три группы.

Ключевые слова: успех, счастье, жизненная стратегия, материальные и духовные ценности, ценностные ориентации.

Ofitserova D.A

Life strategy: aspiration for happiness or aspiration for success

The research is dedicated to study of the way of influence of happiness and success on people's life strategy. With the assumption that people tend to describe happy and successful life differently, it was decided to study people's perception of happiness and success and correlate it to perception of ideal life strategy.

The results of the research showed six life strategies depending on attitude to happiness and success. Moreover the latent variable was found, and it became a base for classification according to priority of personal feelings or perception of significant others.

Key words: success, happiness, life strategy, material and spiritual values, attitudes.

Проблема исследования

Каждый ставит цели и задачи. Обычно они основаны на ценностных ориентациях, которые в свою очередь находятся под влиянием ценностей, доминирующих в больших и малых группах, ценностей значимых других. Параллельно с целеполаганием человек каждый день сталкивается с выборами, определяющими его жизненный путь, и то решение, которое он принимает, зависит от ценностной ориентации, которая в данный момент им руководит. Получается, что ценностные ориентации влияют и на планирование действий, и на их непосредственное осуществление. Их сущность можно отразить в определении: ценностные ориентации - «социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения» [1].

Однако информационная эпоха вносит свои коррективы в отлаженный механизм принятия ценностей. Сейчас в поле информационного зрения человека находится большее количество ценностей - его потенциальных ценностных ориентаций. Их отбор и принятие усложняется: индивид каждый день видит множество материальных ценностей, стремление к которым можно сделать целью своей жизни, видит рекламу, подкрепляющую желание этими ценностями обладать, общается с семьей, друзьями, коллегами, привносящими свои ценностные ориентации, черпает из книг, интернета, кино установки на те же самые или другие духовные идеалы и материальные объекты; и он не может не растеряться. Такой ступор постмодерна, растерянность современного человека перед ветвистым деревом решений, принимать или не принимать которые - его воля, становится причиной психологических и социальных проблем формирующейся личности, а в следствие все большей распространенности данного феномена - проблемой общественной.

Тем не менее, индивиды делают свой выбор. Примеряя, принимая и отбрасывая соци-

альные роли, человек останавливается на тех, которые ему ближе, и строит в соответствии с ними свой жизненный путь. Здесь интересно отследить, какие ориентации повлияли на него в больше степени. Живет ли он так, что хочет купить дорогую машину или хочет хорошо воспитать детей? Может быть, он стремится получить фундаментальное образование, или продвигаться по карьерной лестнице, или хорошо выглядеть, или много путешествовать? Сгруппировав установки в две категории, мы получили две обширные ключевые: «прожить счастливую жизнь» и «добиться успеха».

В терминологии М. Рокича [3] терминальная ценность успеха: достижения результата, материальной обеспеченности, признания, противопоставлена инструментальной ценности счастливой жизни: свободы самовыражения, наслаждения происходящим и жизнерадостности. И обе они оказывают влияние на жизненную стратегию человека, понимаемую как «динамическую, саморегулирующую систему социокультурных представлений? личности о собственной? жизни, ориентирующую и направляющую её поведение в течение длительного времени» [2]. Отсюда возникает социально философский вопрос: «Как прожить счастливую жизнь и добиться успеха?» и исследовательский: «Как человек совмещает в своей жизненной стратегии ценностную ориентацию на счастье и ценностную ориентацию на успех?»

Цели и задачи

Цель исследования - установить, какая из ориентаций - прожить счастливую жизнь или добиться успеха, в большей степени влияет на жизненную стратегию человека. *Задачи* исследования: 1) Выявить представление людей о счастье. 2) Составить список черт, характеризующих счастливую человека. 3) Выявить представление людей об успехе. 4) Составить список черт, характеризующих успешного человека. 5) Соотнести представления людей об идеальной жизненной модели с набором характеристик счастья и успеха выделить стратегии её выбора.

Для достижения цели и задач исследования было проведено 34 глубинных интервью, в ходе которых респондентам было задано три вопроса: 1. Назовите человека или несколько людей, которых вы считаете счастливыми. (Расскажите, почему). 2. Назовите человека или несколь-

ко людей, которых вы считаете успешными. (Расскажите, почему). 3. Назовите человека - конкретную личность или категорию людей - жизнь которого вы хотели бы прожить. Это может быть исторический персонаж, известный человек или просто знакомый. (Расскажите, почему).

Ясно, что с проблемой выбора жизненного пути индивид сталкивается в молодости, поэтому в первую очередь интересно было выявить представление об идеальном жизненном пути у людей до тридцати лет. Однако для сравнения был также изучен опыт людей зрелых, уже сделавших свой жизненный выбор и каким-то образом его оценивающих.

Респонденты были разделены на три возрастные категории в соответствии с теорией развития личности Эрика Эриксона [4]: 1) 12-18 лет - кризис подросткового возраста, когда происходит идентификация личности или путаница ролей; 2) 19-30 лет - молодость, когда человек колеблется между одиночеством и близостью; 3) 30-60 лет - зрелость, когда человек решает дихотомию общечеловечности и самопоглощенности. Психологический подход к возрастной периодизации обусловлен инструментарием исследования - глубинное интервью часто обнаруживает не только социальные, но и психологические стороны личности.

Гипотезы исследования

- Пол определяет доминирующую ориентацию при выборе жизненной стратегии (женщины руководствуются ориентацией на счастье, мужчины - ориентацией на успех).
- Возраст влияет на доминирующую ориентацию (подростки находятся под влиянием установки на успех, молодые люди - под влиянием установки на счастье).
- Материальная обеспеченность является основным показателем успеха.
- Наличие семьи является основным показателем счастья.

Результаты исследования

Счастье. Самой сложной оказалась задача привести пример счастливого человека. Этот вопрос вызвал затруднение у половины респондентов. На основе анализа интервью было выявлено два представления о том, какие люди счастливы. 1. Счастье можно описать чем-то материальным: счастье - это путешествовать; счастье - заниматься тем, что нравится; счастье

- когда есть семья, дети. 2. Счастье исходит изнутри, обусловлено нематериальными причинами: «счастье - осознание себя счастливым»; «счастье - радоваться тому, что у тебя есть»; счастье уникально, оно у каждого свое. Описывая счастливого человека, респонденты упоминали следующие его качества: бескорыстный, искренний, добрый, увлеченный, беззаботный, свободный. Примем данный набор в качестве эталонного и будем использовать его для сравнения жизненными стратегиями.

Интересно, что респонденты говорили о том, есть ли у счастливых людей желания. По одной версии счастливы те, у кого нет желаний (например, Будда). Это предположение молодых. По другой - мы счастливы, когда у нас есть желания (мы постоянно стремимся к чему-то, у нас есть цели, мечты, мы живы). Такое мнение характерно для людей старшего возраста. Также прозвучали следующие характеристики счастливого человека:

- «когда женщины в возрасте красивые, они обычно счастливы. Для женщин красота - один из показателей счастья», - Анна, 30 лет, Москва.

- «счастливый тот, кто просыпается во сколько захочет, а не во сколько надо», - Станислав, 25 лет, Москва.

Успех. Перейдем к представлению об успехе. Его оценивали по следующим показателям:

- финансовое благосостояние (Дональд Трамп, Уоррен Баффет, Роман Абрамович),

- власть (Владимир Путин, Уинстон Черчилль, Екатерина Великая),

- спортивные достижения (Елена Исинбаева, Криштиану Роналду),

- творческое признание (Алла Пугачева, Андрей Бартенев, Джим Керри).

Многие респонденты приходили к выводу, что успешен тот, кто добивается своих целей вне зависимости от того, какие они. «Успешен каждый второй из известных людей», - Мария, 29 лет, Москва. Однако конкретного персонажа респонденты выбирали в зависимости от личных доминирующих ориентаций (на материальную обеспеченность, власть, спортивное или творческое признание).

Во многих интервью выбор определенной личности совершался в зависимости от дополнительных критериев: 1) бизнесмен, который не просто добился финансового благосостояния, но сделал это честно; 2) спортсмен, у которого

благополучная семья. Только один респондент назвал в качестве примера успешного человека себя (против троих, назвавших себя счастливыми). Лишь двое назвали успешными своих знакомых, а не человека, имеющего мировую славу (против шести, назвавших знакомых в качестве примера счастливых людей). Также на основе ответов респондентов составим образ успешного человека для использования его при сравнении с жизненными стратегиями. Успешный человек еще и: волевой, самодостаточный, настойчиво идет к своей цели, проходит сложный путь вверх, ведет за собой, признан окружающими.

Изначальной идеей исследования, его замыслом было предположение о том, что люди, осознавая, кто для них успешен, а кто счастлив, стараются выстроить свою жизненную стратегию на пересечении этих двух групп. Если предположить, что первая и вторая группа - круги Эйлера, то предполагалось, что их пересечение немногочисленно, и в эту ограниченную группу люди пытаются попасть. Оказалось, что такой подход - не единственный. Далее перейдем к основной части исследования - жизненным стратегиям и соотношению их с представлением о счастье и успехе.

Для изучения жизненной стратегии использовалось описание личности, жизнь которой человек хотел бы прожить. После анализа представлений респондентов об идеальных жизненных моделях удалось выявить следующие стратегии их выбора:

Стратегия 1. «Объять необъятное». Люди в поиске гармонии между домом, работой, увлечениями, отношениями с окружающими, самореализацией, финансовым благосостоянием, интеллектуальным и духовным развитием. Респонденты, в описании идеальной жизненной модели которых прослеживается такая многозадачность, амбициозны и оптимистичны, думают, что могут быть и успешными, и счастливыми одновременно, и приводят тому соответствующие примеры. Что бы для них ни значил успех и счастье, они говорят, что на их долю хватит и того, и другого.

Респонденты с такой стратегией описывали желание совместить ориентацию на счастье и успех следующими способами.

1. Называли несколько жизней, которые они хотели бы прожить.

Например,

- счастлив знакомый Олег («с ним столько разных ситуаций происходило, но он всегда очень мягкий, открытый, готов к изменениям»),
- успешен Андрей Бартенев («творит, что хочет, уверен в своих действиях и всем это нравится»),

• прожить жизнь Сальвадора Дали («мог творить, что угодно») или Будды («просветленный»).

2. Называли одного человека в качестве примера во всех категориях.

Например, Радханадх Свами («это отшельник, который потом приходит к Богу», «такой человек, он и есть успешный», «... в последнее время я начала переосмысливать счастье. Никакая цель материального мира не может дать тебе счастье»).

3. Называли трех разных людей, но описывали жизнь, которую хотели бы прожить через показатели, также являющиеся показателями счастья и успеха.

Например,

- счастлива группа татуировщиков («набивают татуировки и путешествуют по миру. Делят про это шоу. Им все это очень нравится»)
- успешна педагог Мария Монтессори («Раньше образование было палками, розгами. А потом она сделала реформу, и каждый ребенок занимался тем, чем хотел. У него был свободный выбор. Играть, ходить на лепку, рисовать. В Европе теперь везде такое образование. Она сделала глобальный прорыв - все дети стали заниматься тем, чем хотели, и результаты улучшились. Вот такой вот мощной она была»)
- прожить жизнь телеведущей Жанны Бадоевой («Она основала телеканал. Мощная. Сильный и хороший человек. Вот такую жизнь я хотела бы прожить. В путешествиях»).

Стратегия 2. «Быть как кумир». Также популярным был выбор личности, которая добилась успеха в сфере, где респондент - новичок, но хотел бы реализоваться. Данная жизненная стратегия тяготеет к ориентации на успех. Приведем примеры:

- Татьяна Волосожар («Она двукратная олимпийская чемпионка по фигурному катанию. Мне нравится все, что связано с фигурным катанием. Мне кажется, это интересно»).
- Кристина Машевская («чемпионка мира по бальным танцам. У нее очень насыщенная жизнь. Я сама занимаюсь бальными танцами, я

не так много путешествую. А она путешествует, занимает призовые места»).

- Энди Уорхол («меня всегда привлекали творческие люди»).

Данная стратегия более типична для первой возрастной категории (12-18 лет).

Стратегия 3. «Добиться». Респонденты, выбравшие в качестве примера жизнь человека, которому пришлось многое преодолеть, чтобы стать успешным. Здесь, как и во второй стратегии, прослеживается ориентация на успех.

- Майя Плисецкая («В глубине души я мечтаю о славе. Готова работать, чтобы этого достичь. Жизнь её была непростая, она была еврейской. Ей было тяжело, но она была светом. Такую жизнь я хотела бы себе - интересную яркую, но не простую»).

• Алекс Фергюсон («Он начал с низов. Он был обычным, никому не известным и достиг того, что королева пожаловала ему рыцарский титул. Людей, которых называют «сэр», не так много. А если называют, то за что-то большее, чем за заслуги в какой-то игре. Человек, если далек от футбола, то для него один футбольный матч посредственен. Для него намного более важно, что вот, врач, он лечит людей, или пожарный тушит пожары, или полицейский спасает человека. Вот это важные дела, за это можно пожаловать титул сэра. Но он столько всего сделал для социального развития людей, что это потрясает. Столько мальчишек он выдернул из улиц и сделал людьми»).

- Анжелины Джоли («Несмотря на то что она в юном возрасте употребляла наркотики, у нее была тяжелая жизнь, сейчас она стала известной женщиной, знаменитой»).

Стратегия 4. «Сорвать куш». Несколько раз была озвучена стратегия, согласно которой талантливый человек однажды становится успешным благодаря удачно сложившимся внешним обстоятельствам. Данная стратегия также демонстрирует ориентацию на успех больше чем на счастье.

- Жозе Мауриньо («Сейчас это самый сильный, самый знаменитый тренер в мире. Кумир миллионов. Я бы хотел повторить его путь. Он, наверное, и не мечтал столько выиграть»).

• Бейонсе («Мне интересно прожить жизнь человека знаменитого, который обладает каким-то талантом и прославился благодаря тому, что он что-то клево делал»).

Интересно, что молодые респонденты описывают более скорый успех. Они говорят не об успехе в конце жизни, а о молодых успешных людях, об успехе здесь и сейчас. Также они не готовы ждать счастливой минуты, потому хотят быть счастливыми много, долго и прямо сейчас. В то время как зрелые люди говорят о том, что успех - это добиться чего-то, подняться, преодолеть трудности и обрести признание.

Стратегия 5 «В погоне за впечатлениями».

Стратегия, согласно которой человек выбирает жизнь, насыщенную теми впечатлениями, которых нет в его собственной. Эти впечатления чаще всего связаны с путешествиями, свободой, беззаботностью, увлеченностью процессом. Поскольку именно эти показатели были выделены как черты счастливого человека, то можно считать данную стратегию тяготеющей к ориентации на счастье.

- Серфингисты («Я хочу прожить жизнь серфингистов, которые живут дикой природой, спортом, работают в серфинг-школе, например. Я бы хотела жить вот так. Не потому что это роскошь, а потому что это неопишываемые впечатления. Я хотела бы прожить жизнь людей, которые постоянно на волнах. У них есть, конечно, свои заботы, но на очень многие вещи они смотрят просто и очень много вещей им в принципе не нужно»).

- Певица («Путешествия, разъезды, туры, ты отдаешь себя людям, и самое главное - эмоции, которые ты получаешь. Не в том плане, чтобы быть знаменитым, а чтобы получать удовольствие»).

- Адам Ламберт («Он звезда моей любимой команды. Её сердце, её диспетчер. Я хотел бы испытать одну эмоцию. Понять, с чем сравнимо, когда ты выходишь на восьмидесятитысячный стадион и забиваешь гол»).

- Джимми Хендрикс («Было одно историческое выступление на Вудстоке, когда толпа и он выступает. Не всю жизнь, а именно этот момент, я прожил бы в теле этого человека. Это что-то ультраканоническое»).

Стратегия 6. «Моя жизнь и только моя».

Несколько человек наотрез отказались назвать человека, жизнь которого хотели бы прожить, и все они были из старшей возрастной категории. Один респондент согласился поразмыслить о личности, жизнь которой он согласился бы прожить только при условии, что у него «в

любой момент была бы возможность вернуться домой. Жить своей жизнью».

Заключение

Оказалось, что размышление о своей потенциальной жизни в категориях успеха и счастья в меньшей степени зависит от возраста или пола. Пол не выступил в качестве фактора влияния ни в одном случае, не считая тенденции женщин называть и мужские, и женские жизни в качестве идеальной жизненной модели, а мужчин - исключительно мужские. Возраст выступил в качестве значимой переменной только в следующих случаях:

- зрелые люди склонны считать счастливыми тех, у кого много желаний и устремлений, молодые - тех, у кого желаний нет,

- люди первой возрастной категории (от 12 до 18 лет) склонны описывать идеальную жизненную модель по примеру кумира, человека, который реализовался в сфере, которой они увлечены,

- молодые люди описывают более скорый успех и счастье, зрелые склоняются к представлению о достижении успеха и счастья со временем;

- люди из старшей возрастной категории чаще затрудняются описать идеальную жизненную модель или отказываются назвать человека, жизнь которого хотели бы прожить, аргументируя это тем, что предпочитают свою жизнь жизни других.

В большей степени жизненная стратегия зависит от личной ориентации на оценку других или на личные ощущения, основываясь на которой можно выделить несколько подходов к жизненной стратегии:

- Ориентация на других. Люди, которые хотят быть признанными, и это признание в любой выбранной сфере дает им ощущение, что жизнь прожита не зря.

- Ориентация на себя. Люди, которым наличие или отсутствие личных ощущений дает удовлетворение от прожитой жизни.

- Двойственная ориентация. Люди, которые пытаются тем или иным образом совместить признание и впечатления - например, посредством выбора деятельности, дающей и то, и другое.

В целом люди очень расширительно описывают и счастье, и успех, даже если приводят

конкретные примеры счастливых и успешных. Понятие о счастье не ограничивается представлением о счастливой семье, а понятие об успехе - успехом материальным. Часто те кто, руководствуется одной из стратегий с ориентацией на успех, говорят, что счастье тоже важно, но во вторую очередь. Одновременно те, кто руководствуются ориентацией на впечатления, эмоции (то есть на личную удовлетворенность, счастье), говорят о том, что если делать свое дело хорошо, то успех рано или поздно придет. То есть можно наблюдать тен-

денцию тяготения двух противоположных ориентаций друг к другу.

Литература

1. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М, 2014.
2. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования, 1995, №12.
3. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса, 1973, №5.
4. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Летний сад, 2000.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Программа «Социальная стратификация в современном обществе» для бакалавров

Батуренко С.А.

I. Цели и задачи освоения дисциплины:

Целью освоения дисциплины «Социальная стратификация в современном обществе» является изучение студентами теоретико-методологических основ исследования социальной стратификации и неравенства современных обществ, ознакомление студентов с различными подходами к анализу социальной стратификации и неравенства, предлагаемые зарубежными и современными российскими социологами.

Задачи освоения дисциплины «Социальная стратификация в современном обществе»:

1. дать целостное представление об историко-социологическом анализе основных подходов к исследованию систем социальной стратификации;
2. дать представление о тенденциях развития социологической теории и современных устойчивых моделях исследования систем социальной стратификации;
3. на основе теоретико-методологического анализа показать основные подходы к исследованию социальной стратификации, существующие в отечественной социологической науке, их классификацию;
4. на основании факторов, используемых в современных исследованиях описать реальный контур социальной стратификации;
5. дать общую характеристику и показать особенности социальной стратификации современного российского общества.

II. Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины:

- способность к самостоятельному обучению, построению и реализации перспективных линий образовательного, интеллектуального, культурного, нравственного и профессионального саморазвития и самосовершенствования (ИК-9);

- способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации информации, к постановке целей профессиональной деятельности, выбору оптимальных путей и методов их достижения (СК-1);

- способность к адаптации известных научных методов, разработке новых подходов и инновационных технологий для решения актуальных задач профессиональной деятельности (СК-2);

- владение классическими и современными методологическими подходами и методами социологических исследований (ПК - 1);

- способность разрабатывать научный аппарат прикладных социологических исследований (ПК - 2);

- способность представлять в средствах массовой коммуникации результаты социологических исследований, аналитической работы по актуальным социальным, социально-экономическим, социально-политическим и социокультурным проблемам с учетом особенностей потенциальной аудитории (ПК - 5);

- владение классическими и современными социологическими теориями, новейшими тенденциями и направлениями современной социологии, как основой профессиональной деятельности (ПК - 6);

- способность применять в профессиональной деятельности знания по теории и методологии социологии для решения социально значимых проблем, противоречий и проблемных ситуаций (ПК - 7);

- способность анализировать, интерпретировать и обобщать социальную, демографическую, политическую, экономическую, культурную, духовно-религиозную и естественнонаучную информацию на основе когнитивных и объяснительных возможностей социологической теории (ПК - 8);

- способность использовать знание теорий и методов социальных и гуманитарных наук в работе с методическим инструментарием, нормативными документами, информационными материалами для осуществления исследовательской, аналитической и консалтинговой деятельности (ПК - 9).

III. В результате освоения дисциплины обучающийся должен

ЗНАТЬ:

1. предмет, методологические установки, основную проблематику исследований социальной стратификации в современном обществе;

2. содержание основных понятий и категорий теории социальной стратификации;

3. основные методологические подходы к исследованию социальной стратификации, сложившиеся в истории социологии и современной социологической теории;

4. реальный профиль и характерные черты систем социальной стратификации в современных обществах;

5. особенности тенденций динамических изменений систем стратификации в современном обществе.

УМЕТЬ:

1. ориентироваться в научном информационном поле по проблеме социальной стратификации общества;

2. понимать особенности различных теоретических и эмпирических исследований, их соответствие поставленным целям, задачам, интерпретацию результатов исследования;

3. работать с данными теоретических и эмпирических исследований социальной стратификации;

4. использовать полученные знания при исследовании различных проблем систем социальной стратификации современного общества;

5. опираясь на анализ данных исследований, составить целостное и детальное представление о системах социальной стратификации в современном обществе.

ВЛАДЕТЬ:

1. понятийно-категориальным аппаратом в объеме пройденного материала;

2. методологией и методикой самостоятельного поиска, систематизации, защиты и анализа информации по проблемам социальной стратификации современного общества;

3. навыками работы с результатами теоретических и эмпирических исследований систем социальной стратификации.

IV. Общая трудоемкость дисциплины и виды контроля:

А. Дисциплина «Социальная стратификация в современном обществе» входит в образовательный стандарт Московского государственного

ного университета имени М.В. Ломоносова по направлению 39.03.01 «Социология», квалификация (степень) «бакалавр».

Б. Дисциплина «Социальная стратификация в современном обществе» относится к вариативной части профессионального цикла дисциплин. Дисциплина изучается на 3 курсе в 6 семестре.

В. Исходной базой для усвоения материала курса являются знания, приобретенные в ходе изучения курсов «Общая социология», «История классических теорий», «История русской социологии», «Зарубежная социология XX века» и др.

Г. Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 академических часа), из которых 72 часа составляет контак-

тная работа обучающегося с преподавателем (18 часов занятий лекционного типа (ЛК), 18 часов занятий семинарского типа (ПЗ)) и 36 часов самостоятельной работы (СР) обучающегося.

Д. В рамках данной дисциплины осуществляются следующие виды контроля:

1) текущий контроль – учет посещаемости лекций и семинаров, оценки за доклады, эссе, активную работу на семинарских занятиях, контрольные работы;

2) промежуточный контроль – внутрисеместровые аттестации (практические задания и контрольные работы);

3) итоговый контроль – зачет по всей программе курса в устной форме.

V. Распределение трудоемкости по разделам, темам и видам занятий:

№ п/п	Наименование и краткое содержание разделов и тем дисциплины (модуля)	Всего (час.)	Контактная работа (в ак. часах) по формам занятий (для дисциплин) и видам работ (для практик)		СРС
			ЛК	ПЗ	
1	Тема 1. Теоретическое осмысление проблемы социальной стратификации в истории классической социологии		2	3	5
2	Тема 2. Трансформация теоретического объяснения проблемы социальной стратификации в XX веке в западной социологии		3	2	5
3	Тема 3. Современные тенденции в исследовании социальной стратификации		3	2	4
4	Тема 4. Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России		3	2	5
5	Тема 5. Возможности и методологические проблемы изучения социальной стратификации посредством градиционного подхода (одномерной классификации)		1	2	4
6	Тема 6. Проблема средних классов в современном обществе		2	3	5
7	Тема 7. Исследование элит как особое направление изучения социальной стратификации		2	2	5
8	Тема 8. Андеркласс в системе стратификации современных обществ: проблема идентификации		2	2	3
10	ИТОГО:	72	18	18	36

VI. Содержание дисциплины

Тема 1. Теоретическое осмысление проблемы социальной стратификации в истории классической социологии

Основная характеристика учений о социальном неравенстве до возникновения социологии. Оформление понятия «класс» в рамках французской исторической мысли и политической философии XVII-XVIII века (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.Ж. Руссо, Ф. Гизо, О. Тьери). Разработка понятия социального класса в политической экономии в конце XVIII века (А. Смит, Д. Рикардо). Возникновение классовых теорий социальной стратификации и их развитие в истории классического периода социологии: Огюст Конт, Герберт Спенсер. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и их последователи. Возникновение стратификационно-статусных теорий, их развитие, трансформация в социологической мысли начала XX века: М. Вебер, П. Сорокин, У. Уорнер.

Тема 2. Трансформация теоретического объяснения проблемы социальной стратификации в середине XX века в западной социологии

Трансформация понятия «класс» в середине XX века. Рассмотрение марксистской теории классов с точки зрения ее трансформации в связи с возникновением неомарксистской критики и изменением природы обществ XX столетия. Социологическая дискуссия об эвристической ценности классовой теории общества. Пересмотр классических классовых теорий и оценка их адекватности при исследовании современных обществ. Создание теорий среднего класса, возникновение дискуссии о рабочем классе, его месте в структуре общества, его роли. Морис Цейтлин об изменении в сфере собственности и контроля. Гарри Браверман о деградации труда в XX столетии. Чарлз Райт Миллз: оформление новой социально-классовой и профессиональной структуры. Эрик Олин Райт: пересмотр критериев выделения класса в классовой теории.

Тема 3. Современные тенденции в исследовании социальной стратификации

Рассматриваются подходы к исследованию социальной стратификации, разработанные в западной социологии в конце XX — начале XXI

века. Теории социальной стратификации постиндустриального общества. Критика теорий социальной стратификации позднего индустриального общества. Социальный конфликт, проблема эксплуатации власти и доминирования в работах Алана Турена и Ральфа Дарендорфа. Главным направлением изменения систем стратификации становится их фрагментирование, следующее путем утверждения плюрализма социальных элементов. Теория социальной стратификации и социальной мобильности Пьера Бурдьё. Рассматриваются изменения социальной стратификации и социальной мобильности современных обществ под влиянием факторов глобализации: Иммануил Валлерстайн, Ульрих Бек, Зигмунт Бауман.

Тема 4. Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России

На основании анализа современной российской социологической литературы рассматриваются теории, в которых получили отражение сложные процессы трансформации, качественно изменившие систему социальной стратификации российского общества и социальный статус большинства её членов. Основные критерии построения современной социальной стратификации российского общества. Профили системы социальной стратификации. Динамика и тенденции изменения складывающихся систем социальной стратификации. Этапы изучения системы стратификации российского общества. Отечественные социологи, исследующие системы стратификации советского, постсоветского и современного российского общества: М.Н. Руткевич, Г.В. Осипов, Л.Н. Коган, Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, С.А. Кугель, Н.М. Римашевская, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев, Л.А. Беляева, З.Т. Голенкова, М.Н. Горшков, Ю.А. Левада, Н.Е. Тихонова и др.

Тема 5. Возможности и методологические проблемы изучения социальной стратификации посредством градационного подхода (одномерной классификации)

Популярность использования различных градационных подходов к исследованию системы социальной стратификации в современной социологии. Возможности эмпирических исследований и особенности одномерной классифи-

кации по шкале «богатые-бедные». Исследование бедности как одно из ведущих направлений изучения социальной стратификации в современном обществе. Определение понятий «богатые» и «бедные», трансформация данных понятий в соответствии с изменением современной социальной стратификации, основанных на реальном образе жизни. Основные классы российского общества по шкале «бедность-богатство». Факторы, обуславливающие принадлежность к разным классам данной шкалы. Современные эмпирические исследования бедности и богатства.

Тема 6. Проблема средних классов в современном обществе

На основании анализа современной социологической литературы рассматривается особое внимание к вопросу формирования среднего слоя или среднего класса в современных обществах. «Средний класс» в современной западной социологии: Дж. Голдторп. А. Гоулднер о двойственной структуре «нового среднего класса». Структурно-деятельностный подход к идентификации «среднего класса» Э. Гидденса. Стиль жизни и потребительское поведение «среднего класса» в работах Ж. Бодрийяра. Факторы образования современного «среднего класса», поведенческие и ментальные характеристики данной социальной группы. Изучение среднего класса в современном российском обществе. Проблемы идентификации «среднего класса» в России. Трансформация определения «среднего класса» применительно к современному российскому обществу и его отличие от «среднего класса» в западном понимании. Анализируется возникновение и возможность существования современного «среднего класса» в России, его границы, численность и роль в современной системе социальной стратификации российского общества.

Тема 7. Исследование элит как особое направление изучения социальной стратификации

Возникновение теории элит в XIX веке: Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс. Властный и меритократический подходы. Развитие теорий элит в XX веке: Х. Ортега-и-Гассет, Р.Ч. Миллз, Р. Арон, Т. Веблен. Элита как «новый класс» в обществах советского типа: М. Джилас. Выделение элитных групп по формальным позициям, по репу-

тации тех или иных групп в глазах населения и по оценкам экспертов, по участию в принятии наиболее важных решений, по степени влияния и управления общественным мнением. Исследование элиты в современном обществе, как одно из основных направлений изучения социальной структуры, об актуальных вопросах, решаемых отечественными элитологами: Г.К.Ашин, Ф.М.Бурлацкий, П.Гуревич, Ю.Ю. Фигатнер, А.Г. Здравомыслов, Л.А. Беляева, В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, Т.И. Заславская, Н.Ю. Лапина, О.В. Крыштановская и др.

Тема 8. Андеркласс в системе стратификации современных обществ: проблема идентификации

Андеркласс как объект социологического исследования. Возникновение категории «андеркласс» и ее трансформация в современной социологии. О. Левис, Дж. Мирдал о необходимости изучения культуры бедности в 60-х годах XX века. П. Саундерс об идентификации андеркласса в обществе конца XX века. Депривация, социальная маргинальность, зависимость, субкультура фатализма как основные характерные черты, отличающие андеркласс. Андеркласс в классово-стратификационной структуре российского общества. Андеркласс и категория класса в современной отечественной социологии. Определение, основные характерные черты, специфика и структура, субкультура андеркласса в России.

Планы практических занятий

Занятие 1.

Семинар-круглый стол по теме: Теоретическое осмысление проблемы социальной стратификации в истории классической социологии

Вопросы и задания для работы:

1. Классические классовые теории социальной стратификации.
2. Классические стратификационные и статусные теории социальной стратификации.

Задание для самостоятельной работы:

- Подготовить рефераты и доклады на темы:
1. А. Сен-Симон о классовой структуре промышленного общества.
 2. Классическая классовая теория К. Маркса в истории социологии.

3. Русские марксисты о классах: В.И. Ленин, Г.В. Плеханов.

4. Анализ социальной стратификации М. Вебера: основные понятия.

5. Теория социальной стратификации и социальной мобильности П. Сорокина.

6. Модель социальной стратификации в исследованиях Л. Уорнера.

7. Возможности описания психологических особенностей социальных классов.

Литература

1. История социологии (XIX – первая половина XX в.). М.: ИНФРА-М, 2004. - 592 с.

2. Фундаментальная социология. Т. 5. Социальная структура. М.: ИНФРА-М, 2004. - 1096 с.

3. Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. - М.: Наука, 1990. - 132с.

4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. - 543 с.

5. Сорокин П. Социальная мобильность. - М.: Академия, 2005. - 588 с.

6. Волгин В.П. Изложение учения Сен-Симона (1828-1829). М., Петроград: Государственное издательство, 1923.

7. Маркс К. Письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852г. Соч. Т.28.

8. Солнцев С.И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

9. Рахманов А.Б. Класс, сословие, партии М.Вебер (пер. с нем.) Вестник Московского университета. Серия «Социология и политология», 2003, №4. с. 141-149.

Занятие 2.

Тема: Трансформация теоретического объяснения проблемы социальной стратификации в середине XX века в западной социологии

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Возникновение в западной социологии в середине XX века теорий среднего класса.

2. Дискуссии о рабочем классе, его месте в структуре общества, его роли в социальном развитии.

Задание для самостоятельной работы:

Подготовить устные сообщения с презентацией в PowerPoint на темы:

1. Исследование усложнения социальной стратификации и неравенства Ч.Р. Миллза.

2. Особенности трансформации социальной стратификации. Концепция Г. Брейвермана («тезис Брейвермана»).

3. Изменение факторов оформления классов по Э.О. Райту.

Литература

1. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. // Рубеж 2000, №15, с. 36-85.

2. Миллз Ч.Р. Властвующая элита. - М.: Издательство иностранной литературы, 1959. (Миллс Р. Властвующая элита. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007).

3. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. - 378 с.

4. Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия для вузов. М.: Академический проект, Фонд «Мир», 2004. - 736 с.

Занятие 3.

Семинар-круглый стол по теме: Современные тенденции в исследовании социальной стратификации

Вопросы и задания для работы:

1. Характеристика классовой структуры новыми «теоретиками конфликта» во второй половине XX века.

2. Новые тенденции теоретических исследований систем социальной стратификации в современном обществе.

Задания для самостоятельной работы:

Подготовить рефераты на темы:

1. Теория социальной стратификации А. Турена.

2. Теория социальной стратификации и жизненных шансов Р. Дарендорфа.

3. Исследования социальной стратификации П. Бурдьё: основные понятия.

Литература

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 288 с.

2. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. - 528с.

3. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. - М., Научный мир, 1998. - 204с.

4. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

5. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. – 285 с.

Занятие 4.

Семинар-круглый стол по теме: Теоретики глобализма о влиянии глобализации на процессы изменения социальной стратификации в современном обществе

Вопросы и задания для работы:

1. Влияние глобализации на процессы социальной стратификации в исследованиях теоретиков глобализма.

2. Формирование транснациональных классов.

3. Бедность как глобальная проблема современности.

Задания для самостоятельной работы:

Подготовить рефераты на темы:

1. Влияние глобализации на процессы социальной стратификации в исследованиях И. Валлерстайна.

2. Ульрих Бек о современном социальном неравенстве.

3. Бек У. об обществе риска в условиях глобализации.

4. Зигмунт Бауман: теория «войны за пространство».

5. Зигмунт Бауман о процессе «рестратификации» в мировом масштабе.

6. Современные представления о «новой глобальной элите».

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. - 188с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 366 с.

3. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 303 с.

4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. – 355 с.

5. Валлерстайн И., Балибар Э. Раса, нация, классы. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. - 146 с.

6. Рахманов А.Б., Добренев В.И. Социология глобализации. М.: Академический проект, 2014. - 633 с.

7. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. - 576с.

Занятие 5.

Семинар-круглый стол по теме: Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России

Вопросы и задания для работы:

1. Социальная стратификация в советском обществе.

2. Социальная стратификация в современном российском обществе.

Задания для самостоятельной работы:

Необходимо разделить на две группы. Одна группа проводит анализ основных подходов к исследованию социальной структуры в советский период, другая – на современном этапе:

1. Основные теоретические подходы к исследованию социальной структуры советского общества.

2. Основные теоретические подходы к исследованию социальной структуры современного российского общества.

Каждая группа проводит анализ теоретических и эмпирических разработок отдельных исследователей по следующим направлениям. Необходимо подготовить краткое описание:

1. Назвать авторов и теоретико-методологические подходы к исследованию системы социальной стратификации, период исследований.

2. Факторы, оказавшие влияние на изменение системы социальной стратификации в России в советский период и в 90-х гг.

3. Профиль стратификации: общая характеристика, перечисление выделяемых слоев, классов или другие элементы.

4. Критерии определения принадлежности индивида к классу (группе, слою и т.п.).

5. Специфика систем социальной стратификации в указанный период.

6. Описание динамики изменения социальной стратификации.

7. С какими проблемами столкнулись исследователи социальной структуры советского общества и в связи с изменениями социальной структуры современного российского общества?

Дискуссия после выступлений групп. Выводы.

Литература

1. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. - 320 с.

2. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Институт социологии РАН, 2014. - 408 с.

3. Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008. - 287 с.

4. Голенкова З.Т. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Изд-во ин-та социологии. 2000. - 480 с.

5. Гордон Л.А. Потери и обретения в России девяностых: Ист.-социологические очерки экономического положения народного большинства. М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 511 с.

6. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность. (Социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2003. - 512 с.

7. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. - 400 с.

8. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. - 568 с.

9. Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. - 176 с.

10. Социальная стратификация российского общества. /Под ред. Голенковой З.Т./ М.: «Летний сад» Институт социологии РАН, 2003. - 366 с.

11. Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: ИФ РАН (Институт философии Российской Академии Наук), 1997. - 173 с.

12. Руткевич М.Н. Социальная структура. Москва: Альфа-М, 2004. - 272 с.

13. Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977. - 95 с.

14. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970. - 252 с.

15. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. - 560 с.

16. Борисов В. Социальная мобильность в Советской России // Социологические исследования. - 1994. - №4.

17. Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000. - 280с.

18. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 - 1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН, 1996. - 349 с.

Занятие 6.

Семинар-мозговой штурм по теме: Проблема богатства и бедности в современной отечественной социологии. Богатые и бедные в системе социальной стратификации современного российского общества.

Вопросы и задания для обсуждения:

Работа в 2 подгруппах:

Мозговой штурм по темам:

1. Как преодолеть сильный разрыв между богатыми и бедными в современной России. (Рекомендации, опыт других стран).

2. Как решить проблему безработицы в современной России (необходимо уточнить о каком виде безработицы идет речь, рекомендации).

Задания для самостоятельной работы:

Студентам необходимо найти и изучить эмпирические исследования, посвященные проблеме бедности и богатства в России и других странах (разные исследовательские центры), рассказать о них, как отличаются идентификации понятий в разных исследованиях, какая методология применялась и т.д. Провести сравнительный анализ.

В итоге необходимо понять, какие предметные области в проблеме богатства и бедности являются актуальными для изучения, специфику методологии исследования данных тем. Оформить в виде презентации.

Проблема сравнительных исследований в современной социологии (опыт изучения бедности, богатства, неравенства). Привести примеры конкретных исследований, кто из социологов в России и за рубежом занимается сравнительными исследованиями богатства и бедности. Оформить в виде презентации.

Написать аналитическую записки на темы:

1. Место безработных в современной системе социальной стратификации российского общества. (Необходимо использовать данные статистики).

2. Социальные группы бедных в современной России.

3. Самые богатые в России: место в социальной структуре.

Литература

1. Бедность и богатство в трансформирующемся обществе. Козырева П.М. Россия реформирующаяся. 2008. №7. С. 101-120.

2. Образы бедности и богатства в российском общественном сознании. Львов С.В. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. №1[81]. С. 34-44.

3. Россия – новая социальная реальность: Богатые. Бедные. Средний класс. (Под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е.). М.: Наука, 2004. -259 с.

4. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т.15. М.: Инфра-М, 2004. - 1030 с.

5. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. - М.: Институт социологии РАН, 2007. - 320 с.

6. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. - 408 с.

7. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования 2006, №9.

8. Радаев В.В. Работающие бедные: велики ли запас прочности // Социологические исследования 2000, №8.

9. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация в России // Социологические исследования 2004, №4.

10. Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования 1994, №3.

Занятие 7.

Семинар-круглый стол по теме: Исследование формирования среднего класса в отечественной социологии.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Определение категории «средний класс» в западной и отечественной социологии.

2. Различные подходы к исследованию среднего класса в современном российском обществе. Особенности методологии выделения среднего класса.

Задания для самостоятельной работы:

1. Исторические типы среднего класса в России.

2. Исследование «старого» и «нового» среднего класса в западной и отечественной социологии.

3. Российский средний класс: условия формирования, структура, состав, границы, численность.

4. Средний класс России: социальные функции в условиях трансформации общества, перспективы развития.

5. Перспективы формирования коллективного сознания среднего класса и участия среднего класса в реализации и защите своих интересов.

6. Средний класс: роль среднего класса в современных обществах, глобальные тенденции.

Литература

1. Средний класс в современной России. М: Ин-т социологии РАН, 2008. - 320 с.

2. Россия - новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс.- М.: Наука, 2004. - 259 с.

3. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. - 320 с.

4. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009. - 320 с.

5. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. - 560 с.

6. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. 10 лет постсоветского развития. М.: Академия, 2001. - 186 с.

7. Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социс 2005, №12.

8. Беляева Л.А. И вновь о среднем классе России // Социс 2007, №5. с. 3-13.

9. Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999. - 299 с.

10. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002. - 285 с.

11. Кивинен М. Средний класс в современной России. // Мир России. 2004. №4.

12. Климова С. Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации. // Социологические наблюдения. 2002-2004. М.: Институт Фонда «Общественное мнение» 2005.

13. Малева Т. (ред) Средний класс в России. Экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф, 2003. - 506 с.

14. Малева Т. (ред) Средний класс в России: количественные и качественные оценки. М.: ТЕИС, 2000.

15. Умов В.И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фактор. // Полис. 1993, №4.

16. Хахулина Л. А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. №2.

Занятие 8.

Семинар-круглый стол по теме: Новые слои в системе социальной стратификации современного российского общества

Вопросы и задания для обсуждения:

На основе анализа изменения системы стратификации современного российского общества, определить новые возникшие и возникающие слои (в период 90-е годы XX века до настоящего времени). Описать качественные и количественные характеристики, а также их идентификационные особенности.

Задания для самостоятельной работы:

На основании анализа эмпирических исследований описать социальные портреты представителей новых групп, составляющих социальную структуру современного российского общества (демографические, социально-эконо-

мические, адаптационные, психологические, поведенческие и др. характеристики):

1) бизнес-группы: предприниматели, самозанятые, бизнес-менеджеры, полупредприниматели, менеджеры совладельцы, «классические» менеджеры;

2) элита, субэлита, правящая элита, олигархия, «новые русские»;

3) рабочий класс, когнитариат, интеллигенция, «массовая» интеллигенция;

4) «бомжи», социальное дно, андеркласс, криминальные слои;

5) креативный класс, прекариат и другие.

Литература

1. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // СоцИс. 2006. №11, с. 29-38.

2. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. - 320 с.

3. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Институт социологии РАН, 2014. - 408 с.

4. Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008. - 320 с.

5. Голенкова З.Т. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Изд-во ин-та социологии. 2000. - 480 с.

6. Гаман – Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции – М.: Интеллект, 1998. – 415с.

7. Российская элита: Психологический портрет. /сост. Давыдов О.В./ – М.: Ладомир, 2000. - 319 с.

8. Лапина Н.Ю. Формирование современной российской элиты: Проблемы переходного периода. М.: ИНИОН, 1995. – 59с.

9. Интеллектуальная элита России на рубеже XIX-XX веков: Материалы международной научной конференции. Киров, 2001. - 227с.

10. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. - 384с.

11. Васильева Л. Элита и эрзац-элита: политическое будущее России // Общественные науки и современность. 2007. №1

12. Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Экономические элиты России в восприятии населения. М.: Наука, 2006. - 500 с.

13. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. - 372 с.

14. Абрамов Р.Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: КомКнига, 2005. - 280 с.

15. Заславская Т., Крылатых Э., Шабанова М. Новое поколение предпринимателей и менеджеров. М.: МВШСЭН, 2005. - 320 с.

16. Литовченко С. Социальный профиль российского менеджера: результаты исследования. М.: Ассоциация менеджеров, 2004. 120 с.

17. Рошин С.Ю., Солнцев С.А. Рынок труда топ-менеджеров в России. М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2006. - 251 с.

18. Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Профессионалы и менеджеры в сфере занятости – положение и реальное поведение // Социологические исследования 2006, №12

19. Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Социально-экономическое положение профессионалов и менеджеров // Социологические исследования 2006, №10

20. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. - 400 с.

VII. Перечень учебно-методического обеспечения для самостоятельной работы обучающихся по дисциплине и методические указания для обучающихся по освоению дисциплины

Учебно-методические рекомендации для обеспечения самостоятельной работы студентов.

Программой дисциплины «Социальная стратификация в современном обществе» предусмотрено 36 часов для самостоятельной работы студентов с целью углубленного изучения тем и вопросов курса. Для подготовки к занятиям требуется ознакомление с учебной литературой, монографиями, периодическими источниками, результатами эмпирических исследований, статистическими данными, нормативно-правовыми актами. Перед каждым занятием студент должен изучить проблемы, которые выносятся для

обсуждения на практическое занятие, подготовить доклады по обозначенным вопросам и заданиям, написать реферат.

Изучение дисциплины следует начать с библиографического поиска. Для подготовки к занятиям требуется ознакомление с учебной литературой, монографиями, периодическими источниками, статистическими справочниками. Перед каждым занятием студент должен изучить проблемы, которые выносятся для обсуждения на практическое занятие. Знакомство с материалом считается завершенным, когда обучаемым выделена совокупность смысловых структурных элементов материала, состоящая из: 1) списка тезисов смысловых единиц анализируемого текста, 2) перечня основных понятий рассмотренного смыслового блока, 3) перечня неясных вопросов, тех по которым требуются пояснения преподавателя. Из всей совокупности сложных для каждого студента вопросов составляется общий ранжированный ряд проблемных мест в материале, которым на практическом занятии уделяется повышенное внимание.

Для осуществления контроля за самостоятельной работой студентов преподаватель на семинарских занятиях проводит устный опрос студентов, а также обсуждение актуальных проблем и контрольные работы по изучаемым темам.

Ресурсное обеспечение дисциплины

Список литературы

Основная литература:

1. История социологии (XIX – первая половина XX в.). М.: ИНФРА-М, 2004. - 592 с.

2. Солнцев С.И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

3. Сорокин П. Социальная мобильность. – М.: Академия, 2005. - 588 с.

4. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. – 378 с.

5. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Институт социологии РАН, 2014. - 408 с.

6. Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008. - 320 с.

7. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. - 560 с.

8. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

9. Рахманов А.Б., Добренков В.И. Социология глобализации. М.: Академический проект, 2014. - 633 с.

10. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. - 320 с.

Дополнительная литература:

1. Осипов Г.В. Отечественная социология: история и современность // Социологические исследования. 2009. №3.

2. Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: Как это было на самом деле // Социологические исследования. 2008. №7.

3. Фундаментальная социология. Т. 5. Социальная структура, Т. 15. Социальная стратификация и мобильность. М.: ИНФРА-М, 2004. - 1096 с.

4. Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. - М.: Наука, 1990. - 132с.

5. Сорokin П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. - 543 с.

6. Волгин В.П. Изложение учения Сен-Симона (1828-1829). М., Петроград: Государственное издательство, 1923.

7. Рахманов А.Б. Класс, сословие, партии М.Вебер (пер. с нем.) Вестник Московского университета. Серия «Социология и политология», 2003, №4. с. 141-149.

8. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. // Рубеж 2000, №15, с. 36-85.

9. Миллз Ч.Р. Властвующая элита. - М.: Издательство иностранной литературы, 1959. (Миллз Р. Властвующая элита. М.: Директмедиа Пабблишинг, 2007).

10. Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия для вузов. М.: Академический проект, Фонд «Мир», 2004. - 736 с.

11. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 288 с.

12. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. - 528с.

13. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. - М., Научный мир, 1998. - 204с.

14. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. - 336 с.

15. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. - 285 с.

16. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. - 188с.

17. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 366 с.

18. Бек У. Что такое глобализация? - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 303 с.

19. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. - 355 с.

20. Валлерстайн И., Балибар Э. Раса, нация, классы. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. - 146 с.

21. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. - 576с.

22. Голенкова З.Т. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Изд-во ин-та социологии. 2000. - 480 с.

23. Гордон Л.А. Потери и обретения в России девяностых: Ист.-социологические очерки экономического положения народного большинства. М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 511 с.

24. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность. (Социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2003. - 512 с.

25. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. - 568 с.

26. Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. - 176 с.

27. Социальная стратификация российского общества. /Под ред. Голенковой З.Т./М.: «Летний сад» Институт социологии РАН, 2003. - 366 с.

28. Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: ИФ РАН (Институт философии Российской Академии Наук), 1997. - 173 с.

29. Руткевич М.Н. Социальная структура. Москва: Альфа-М, 2004. - 272 с.
30. Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977. - 95 с.
31. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970. - 252 с.
32. Борисов В. Социальная мобильность в Советской России // Социологические исследования. - 1994. - №4.
33. Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000. - 280с.
34. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 - 1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН, 1996. - 349 с.
35. Бедность и богатство в трансформирующемся обществе. Козырева П.М. Россия реформирующаяся. 2008. №7. С. 101-120.
36. Образы бедности и богатства в российском общественном сознании. Львов С.В. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. №1[81]. С. 34-44.
37. Россия – новая социальная реальность: Богатые. Бедные. Средний класс. (Под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е.). М.: Наука, 2004. - 259 с.
38. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. - 408 с.
39. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования 2006, №9.
40. Радаев В.В. Работающие бедные: велики ли запас прочности // Социологические исследования 2000, №8.
41. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация в России // Социологические исследования 2004, №4.
42. Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования 1994, №3.
43. Средний класс в современной России. М: Ин-т социологии РАН, 2008. - 320 с.
44. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009. - 320 с.
45. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. 10 лет постсоветского развития. М.: Академия, 2001. - 186 с.
46. Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социс 2005, №12.
47. Беляева Л.А. И вновь о среднем классе России // Социс 2007, №5.
48. Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999. - 299 с.
49. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002. - 285 с.
50. Малева Т. (ред) Средний класс в России. Экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф, 2003.
51. Кивинен М. Средний класс в современной России. // Мир России. 2004. №4.
52. Климова С. Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации. // Социологические наблюдения. 2002-2004. М.: Институт Фонда «Общественное мнение» 2005.
53. Голенкова З.Т. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Изд-во ин-та социологии. 2000. - 480 с.
54. Гаман – Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции – М.: Интеллект, 1998. – 415с.
55. Российская элита: Психологический портрет. / сост. Давыдов О.В./ – М.: Ладомир, 2000.
56. Лапина Н.Ю. Формирование современной российской элиты: Проблемы переходного периода. М.: ИНИОН, 1995. – 59с.
57. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. - 384с.
58. Васильева Л. Элита и эрзац-элита: политическое будущее России // Общественные науки и современность. 2007. №1.
59. Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Экономические элиты России в восприятии населения. М.: Наука, 2006. - 500 с.
60. Роцин С.Ю., Солнцев С.А. Рынок труда топ-менеджеров в России. М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2006. - 251 с.
- Перечень ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»:*
<http://www.socio.msu.ru> - «Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, журналы «Социология», Вестник Московского университета;
<http://www.nir.ru/socio/scipubl/socjour.htm> - «Социологический журнал»;
<http://sj.obliq.ru> – «Социологический журнал»;

<http://www.nir.ru/socio/scipubl/socis.htm> - «Социологические исследования» (социс).

<http://www.inion.ru/index26.php> - Электронная библиотека ИНИОН РАН.

Описание материально-технической базы

Материально-техническое обеспечение дисциплины «Социальная стратификация в современном обществе» предполагает проведение аудиторных занятий с использованием мультимедийных технологий в аудиториях и компьютерных классах социологического факультета МГУ. Для самостоятельной подготовки необходим доступ студентов к библиотечному фонду научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Примерный список вопросов для проведения текущей и промежуточной аттестации:

1. Исторические типы социальной стратификации, их элементы в современном обществе.
2. Социальное неравенство в истории общественной мысли.

3. Теории социальной стратификации в истории классической социологии.

4. «Неомарксистские» теории социальной стратификации в середине XX века.

5. «Неоверберрианские» теории социальной стратификации в середине XX века.

6. Теоретики постиндустриализма о социальной структуре современных обществ.

7. Современные теоретики глобализма о трансформациях социальной структуры.

8. Социальная стратификация и неравенство российского общества в условиях глобализации.

9. Социальная мобильность в советском и постсоветском обществе

10. Средний класс в современном Российском обществе: статус и социальная роль в обществе.

11. Рабочий класс в современных обществах.

12. Социальная структура современной России: тенденции и перспективы развития.

13. Социальная структура и проблема стабильности в российском обществе.

Критерии оценки текущей и промежуточной аттестации

Подготовка и выступление	отлично	Ответ логически выстроен и излагается на хорошем русском языке. Студент свободно владеет понятийным аппаратом дисциплины, ссылается на необходимые источники, свободно ориентируется в проблеме, аргументирует свою позицию, подкрепляет дополнительной информацией, демонстрирует свою эрудицию, тем самым дает исчерпывающие ответы на все вопросы, а также правильно решает задачу.
	хорошо	В ответе не прослеживается явная логика, он излагается на приемлемом русском языке. Студент не в полной мере может аргументировать и обосновать свою позицию, использует при ответе отдельную специализированную лексику, дает удовлетворительные ответы на вопросы, поставленные после выступления.
	удовлетворительно	В ответе полностью отсутствует явная логика, он излагается на приемлемом русском языке. Студент владеет лишь основными источниками и литературой, ориентируется в некоторых из них, использует при ответе отдельную специализированную лексику, дает удовлетворительные ответы
	неудовлетворительно	Ответ излагается бессистемно, речь несвязанная. Студент не ориентируется в них, при ответе не использует специализированную лексику, дает неудовлетворительные ответы.

VIII. Оценочные средства итогового контроля освоения дисциплины.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Классовые теории в истории классической социологии.
2. Возникновение и развитие статификационных и статусных теорий (до середины XX века).
3. Анализ социального неравенства М. Вебера: основные понятия.
4. Исследование усложнения социальной стратификации и неравенства Ч.Р. Миллза.
5. Особенности трансформации социальной стратификации. Концепция Г. Брейвермана.
6. Изменение факторов оформления классов по Э.О. Райту.
7. Теория стратификации А. Турена и Р. Дарендорфа.
8. Исследования социальной стратификации П. Бурдьё: основные понятия.
9. Теоретики глобализма о новой социальной стратификации.
10. Исторические типы стратификации.
11. Основные подходы к исследованию социальной стратификации современного российского общества.
12. Основные направления научного интереса в области исследований социальной стратификации современного российского общества.
13. Социальная стратификация советского общества: исследователи, подходы, профили, критерии, основные черты и другие характеристики системы стратификации.
14. Профиль, критерии и основные черты социальной стратификации современного российского общества.
15. Исследование богатства и бедности в современной отечественной социологии.

16. Интеллигенция в системе социальной стратификации российского общества.

17. Место безработных в современной системе социальной стратификации российского общества.

18. «Самые богатые» в России: место в социальной структуре.

19. Определение категории «средний класс», исследование «старого» и «нового» среднего класса в западной и отечественной социологии.

20. Исторические типы среднего класса в России.

21. Различные подходы к исследованию среднего класса в современном российском обществе. Особенности методологии выделения среднего класса.

22. Роль среднего класса в современных обществах. Средний класс: глобальные тенденции.

23. Исследования элиты российскими социологами. Основные современные вопросы российской элитологии.

24. Современные условия формирования новых слоев в российском обществе.

25. Новые социальные слои в системе стратификации современного российского общества: качественные и количественные характеристики, идентификационные особенности.

26. Проблемы исследования социальной структуры рабочего класса.

27. Исследование возникновения и развития андеркласса в современном российском обществе: основные методологические подходы.

28. Характерные черты, особенности, субкультура современного андеркласса.

29. Социальное неравенство: гендерный аспект.

30. Социальная мобильность в советском, постсоветском и современном российском обществе.

Критерии оценки ответов на зачете

Ответ на зачете	Зачтено	Ответ логически выстроен и излагается на хорошем русском языке. Студент хорошо владеет необходимыми источниками и литературой, хорошо ориентируется в них, использует при ответе отдельную специализированную лексику, дает хорошие ответы на вопросы, а также на дополнительные вопросы.
	Не зачтено	В ответе полностью отсутствует явная логика, он излагается на приемлемом русском языке. Студент не владеет в полной мере даже основными источниками и литературой, не ориентируется в них, при ответе не использует специализированную лексику, дает неудовлетворительные ответы на дополнительные и основные вопросы.

Социокультурная безопасность личности в образовательной среде

Вершинина С.В.

В статье рассматриваются культурологический и философский подходы к понятию социокультурной и социальной безопасности, определяются принципы формирования социокультурной безопасности и этнокультурной защищенности в условиях образовательной среды и отмечается важность процесса обмена культурными единицами в отношении этнокультурной защищенности личности в педагогическом процессе. Ключевые слова: социокультурная безопасность, образовательная среда, деятельностная природа личности, социальная безопасность, социокультурная защищенность, этнокультурная безопасность, принципы формирования социокультурной безопасности.

Vershinina S.V.

Sociocultural safety of the personality in the educational environment

The article examines the cultural and philosophical approaches to the concept of socio-cultural, and social security, are determined by principles of socio-cultural and ethno-cultural security protection in the conditions of the educational environment, and noted the importance of the cultural exchange of units in relation to ethnic and cultural identity protection in the pedagogical process.

Keywords: sociocultural security, educational environment, activity-nature personality, social security, protection of the socio-cultural, ethno-cultural security, the principles of formation of social and cultural security.

На протяжении всего эволюционного развития человеческого общества безопасность понималась как отсутствие, какого либо риска, в случае реализации которого возникают негативные последствия (вред) в отношении человека. Изначально безопасность касалась исключительно жизнедеятельности, но постепенно это понятие расширялось и совершенствовалось. Сейчас существует множество видов безопасности, таких как политическая, экономическая, национальная и т.д. Нас будет интересовать безопасность связанная с угрозами и нанесением вреда прежде всего культурным ценностям и культурному восприятию мира личности и общества в целом. Речь идет о социокультурной безопасности и проблеме ее формирования в современном обществе.

Именно социокультурная безопасность личности обеспечивает необходимый уровень качества жизни, создает оптимальные условия для развития личности. Объектом социокультурной безопасности является личность с ее ценностями и нравственными установками, на любом этапе ее существования. Права и свободы личности, которая живет в социуме, а также общество в целом также входят в понятие социокультурной безопасности человека.

Социокультурная безопасность напрямую зависит как от самого человека, общества так и от государственной политики, которая обеспечивает создание новых социально-экономических, культурных и моральных условий. Попав в новую социальную среду личность должна адаптироваться к ее условиям. Успешная адаптация личности зависит от многих факторов, в том числе и от моральных устоев, традиций социальных институтов и норм морали самой личности. Особое место занимают также интеллектуальные способности личности и образовательный уровень населения, информационные

и научные возможности, способы коммуникации принятые в социуме и наличие всевозможных экономических, культурно-исторических, национальных связей.

Существует много подходов к определению социокультурной безопасности. Мы рассмотрим культурологический подход, который подразумевает, что культура выступает как совокупный опыт всего человечества. С этой позиции социокультурная среда представляет собой прежде всего саму среду, все созданное людьми, и существующие в данной среде взаимосвязи и общественные отношения. Эволюционное развитие социокультурной среды постепенно превращало человека – полудикаря в духовно развитую личность со своей индивидуальностью. Таким образом, социокультурная среда стала основным критерием цивилизованности современного общества.

Философско – культурологическое понимание социокультурной среды человека строится прежде всего на деятельностной природе личности. Такое понимание встречается в фундаментальных работах В. Антоненко, М. Кагана, Г. Батищева, и других исследователей. Исходя из этого, главным становится проблема формирования личности с позиции деятельностного освоения потенциала культуры человека и общества. Также, важное значение имеет следующее положение: человек достаточно активно преобразует существующие обстоятельства, и связанные с ними общественные отношения, и только в процессе этой жизнедеятельности меняется сам и меняет свое окружение.

Таким образом, социокультурная безопасность определяется социальной и духовной средой, без которой не может существовать ни одна организованная личность. Социокультурная защищенность личности и общества выражается в совокупности духовно-идеологических, культурных и этических, проявлений жизнедеятельности людей. Все условия социокультурной сферы жизнедеятельности человека на макроуровне можно разделить на два вида.

Первый вид – это семья, которая рассматривается с позиции социального института, то есть воспитание личности в семье и обществе, существующие родственные связи и семейные традиции, влияние ближайшего окружения на формирование социокультурной позиции личности.

Второй вид – это обычаи, национальные традиции, существующая в государстве официальная идеология и политическая культура, сильное или слабое внешнее влияние других национальных культур, а также позиция СМИ.

Наряду с понятием социокультурная безопасность существует понятие социальная безопасность, которое на самом деле является подвидом социокультурной и рассматривается как многофакторная модель, представляющая собой совокупность нескольких видов безопасности, обусловленные всей структурой человеческой жизнедеятельности.

Социальная безопасность представляет собой устойчивое функционирование всех социальных институтов, совокупность взаимоотношений как групп людей, так и отдельно взятых личностей. Причем, эти взаимоотношения всегда строились таким образом, чтоб в процессе их формирования и совершенствования не создавалась опасность для личности и поддерживалось максимально возможное соответствие потребностей личности и условий ее существования.

Современная ситуация показывает что если происходит географическое «перемешивание» различных культур, то непременно возникает опасность для самой культуры. Происходит процесс так называемого «окультуривания» личности, в ходе которого чаще всего культурность как феномен личности теряется и уходит индивидуальность. Но так как природа не терпит пустоты, то на месте где раньше существовала культура, теперь появляется антикультура.

Принципиальное различие антикультуры и культуры может проявляться как в характере их восприятия, так и в результатах воздействия на личность. Антикультура, как правило примитивна, в силу этого она доступна и для ее восприятия не требуется усилий и высокого IQ. Еще одной отличительной особенностью антикультуры является агрессивность и категоричность. Главное, что различает культуру и антикультуру – это стратегический вектор развития. Общество, особенно на высокой ступени развития, наделяет культуру положительными характеристиками, а антикультуру – отрицательными. В этом случае приобщение к культуре, традициям и развитию поднимает человека к свету, добру. Человек становится творцом добра. Такой подход отражен в религии православия.

Культурный человек мыслит категориями добра, истины и красоты. Антикультурный, в противовес культурному подчиняется своим низменным инстинктам. Для такого человека культура рассматривается как чуждое и лишнее, пошлость воспринимается как норма, а поведение отличается агрессивностью и аморальностью.

В современном обществе господствующая культура - это культура свободы от каких либо ограничений. Все большее число людей полагают, что они современны в той мере, в какой освобождаются от навязанных им прежних норм. Но при этом, освобождаясь от общественных норм люди часто сбиваются со своего культурного вектора развития в сторону антикультуры. В таких случаях наступает деградация культуры и деградация личности. Три сферы человеческой деятельности и человеческой культуры: искусство, наука, и сама жизнь, обретают единство только тогда, когда личность приобщает их к гармонии и единству. Такая личность в социуме называется культурной.

В настоящее время интерес к культурной личности и ее безопасности наблюдается не только в научных кругах. Надо отметить, что проблематика любого рода безопасности – это прерогатива государств и правительств. Долгое время социокультурной безопасности и формированию безопасной социокультурной среды не уделялось должного внимания. И только в 2010–2012 гг. вопросы социокультурной безопасности вышли на первый план. Это связано с тем, что происходящие в мире процессы стали нуждаться в новых управленческих, организационных и правовых подходах. Мировое сообщество достаточно остро почувствовало необходимость в социокультурной безопасности, которая будет иметь своей целью защиту личности от насильственного распространения нового для личности типа культуры.

Немаловажным в этом случае является признак - социальный статус личности. Чем выше положение человека в обществе, чем престижнее профессия, тем больше условий предоставляет среда для самореализации личности. Социальная среда выступает как союзник в достижении целей и построения жизненной карьеры. А для человека с низким социальным статусом, возможно оставшегося без работы или средств к существованию - среда выступает как враждебно настроенная сила.

Наряду с социальным статусом исследователи социокультурной безопасности рассматривают и этнокультурную принадлежность личности. Различные этнические группы, проживающие в одном и том же социокультурном пространстве по-разному воспринимают жизненные условия. Частью социокультурного пространства является образовательная среда как зона взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательного материала, субъектов образовательных процессов.

Только в таком пространстве возможно качественное формирование/моделирование активной гражданской позиции личности и условий для реализации социокультурной безопасности личности. Под формированием понимается процесс создания или построения модели объекта с помощью познавательной деятельности, который позволяет достаточно адекватно, комплексно и системно отразить в моделях важнейшие качества и компоненты модулируемого объекта, а также получить полную информацию о текущем состоянии, возможностях, условиях функционирования и развития.

Методологической основой формирования социальной и культурной составляющей образовательного пространства являются: философско-антропологические идеи классиков философии (С. Булгакова, И. Ильина, Н. Бердяева, П. Флоренского), а также концепция И.А. Ильина о важности и необходимости культурного насыщения образовательного пространства значимыми для личности ценностями и образами. В работах П. Сорокина, рассмотрены составные части социокультуры. Ими является: наука, язык, право, этика, религия, философия, живопись, литература (в некотором роде идеологическая вселенная смыслов), материальная и нематериальная культура, которая представляет собой воплощение всех перечисленных смыслов в социальной среде. Воплощениями смыслов в материальные предметы будем считать: простые орудия времен начала истории и инновационные технологии, книги, картины, а также традиции, церемонии, ритуалы, поступки.

Процесс формирования социокультурной безопасности всегда подразумевает реализацию следующих целей:

1) описание процесса формирования от начала до конца, то есть до завершения и получения результата. Это помогает посмотреть на

процесс формирования с позиции создания или улучшения имеющейся модели, что в свою очередь позволяет повысить эффективность действия желаемой модели.

2) если следовать правилам и принципам создания модели, то можно достичь желаемого результата и эффекта.

3) прописывание и создание взаимосвязей в процессах. Моделирование любого процесса или явления предполагает наличие четкой связи между процессами и требованиями, которым они должны подчиняться.

Основными принципами формирования социокультурной безопасности являются следующие принципы:

1) документальной фиксации, то есть все элементы, которые входят в процесс или явление, должны быть зафиксированы и формализованы в данной модели. Фиксация каждого элемента, входящего в модель зависит от вида формирования, цели создания модели, выбранных методов и методик.

2) сфокусированности. В процессе создания модели необходимо абстрагироваться от множества параметров фактор, влияющих на процесс формирования и на модель. Необходимо выделить и рассмотреть ключевые аспекты. При этом следует учитывать, что для каждой модели аспекты могут быть исключительными и неповторимыми.

3) достаточности и полноты. Элементы, которые включаются в модель, отбираются по приоритетному методу, то есть прежде чем включать тот или иной элемент в модель, необходимо оценить его влияние на процесс. При этом, если какой-то элемент влияет не существенно на формирование модели, то его не включают. Это в некотором смысле усложняет процесс формирования и формирования модели.

4) иерархии и декомпозиции, то есть любой процесс должен быть представлен определенным набором иерархически построенных элементов. Как правило весь процесс формирования расписан на этапы и составляющие элементы.

5) непротиворечивости; отобранные элементы для создания модели должны иметь однозначное толкование и при этом быть не противоречивыми.

Социально-педагогический процесс, по определению С.Т. Шацкого представляет собой

результат взаимодействия набора элементов, основными и очень важными из которых являются: социально-экономическая среда и направленная деятельность субъектов образования. Существует подход, который рассматривает образовательную среду как платформу для формирования социокультурной безопасности, с одной стороны, и с другой стороны как пространство с высокой степенью риска для безопасности личности.

В процессе вхождения личности в социальную среду основное значение приобретают следующие элементы: школа (ВУЗ), семья, любые культурные заведения, доступные для посещения личностью и межнациональный обмен информацией и культурными элементами. Процесс обмена культурными единицами на практике оказывается очень трудно управляем, в силу наличия человеческого фактора и государственной политики в отношении культурного развития личности в стране.

Выбор подходов, которые во взаимосвязи друг с другом могут составить методологическое основание деятельности по формированию и построению социокультурной безопасности личности – это острая и достаточно глобальная проблема науки, практики и методики. При этом, инвариантную часть будут составлять следующие методологические подходы: в первую очередь синергетический, комплексно-системный, вариативно-модельный и гуманистический. Для вариативной части должны подбираться один или два основных подхода, которые в наибольшей степени соответствуют создаваемому явлению и процессу.

Как известно, социокультурная среда ВУЗа рассматривается как определяющий фактор современного качественного образования. Исследователь Л.И. Новикова выделяет организованные (семьи учеников, учреждения культуры, учебные заведения и внешкольные учреждения трудовые и творческие коллективы взрослых,) и неорганизованные среды (улица, телевидение, СМИ и т.д.). В настоящее время в связи с нарастающим влиянием среды на становление личности необходимо рассматривать ВУЗ и остальной социум на основе интеграции, взаимного дополнения.

В любой из этих сред и происходят процессы, в которых происходят практически все элементы и этапы общения личности, устанавливая

ются взаимоотношения и происходит процесс «окультуривания», а чаще всего подмена существующей культуры личности на более новый вид культуры, а значит и более интересный для личности. При этом, следует отметить, что сама личность может не замечать что культура заменяется не на более совершенный вид, а на антикультуру, то есть имеет место нарушения процесса формирования социокультурной безопасности человека.

Семьи учащихся, предприятия промышленности, сельского хозяйства, строительства, все население прилегающего микрорайона, внешкольные воспитательные и культурно-просветительные учреждения, детские дошкольные учреждения, общественные организации ЖЭКов, предприятия службы быта и составляют социальную среду, воздействие которой способствует формированию социокультурной безопасности и социокультурного потенциала личности. Однако существующее массовое образование в России создает недостаточную полноценную социокультурную среду для развития личности. Поэтому необходимы специальные мероприятия в каждом ВУЗе для поддержания социокультурной безопасности личности, а так как образовательное учреждение, является педагогически гибкой системой, с отлаженным постоянным обменом информацией и социокультурными нормами с окружающей средой, то проведение таких процессов не должно вызвать затруднения.

Культуротворчество рассматривается как высшее проявление культуры личности, оно знаменует собой, в первую очередь, личностную активность, работу над собой, процесс и результат которой свидетельствуют о психологической культуре, различных ее инвариантах и тесно связанных с ней явлениях (мотивация,

особенности мышления, творческая активность и т.д.).

Литература

1. Вершинина С.В. Культура и антикультура в инновационном аспекте. В кн.: Культура и антикультура: теория и практика. Тюмень, 2015. С. 47-49.

2. Вершинина С.В., Ога Р.К., Ога И.Л. Роль экономического мышления в формировании инновационной культуры студентов технического вуза / Вершинина С.В., Ога Р.К., Ога И.Л. / Казанский педагогический журнал. 2015. № 4-2 (111). - С. 323-328.

3. Шабатура Л.Н. Традиция в контексте национальной культуры. В сборнике: Традиционная и техногенная цивилизация: проблемы взаимодействия. Материалы научно-практической конференции. Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень, 2010. С. 339-354.

4. Тарасова, О.В. Личностное самоуправление: социально-философский аспект (на материале предпринимательской деятельности)// диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Тюмень, 2006.

5. Шевелёва Н.П., Кузнецов И.С. Социально-психологическая адаптированность студентов и качество трудовых ресурсов В сборнике: Нефть и газ Западной Сибири материалы международной научно-технической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Косухина Анатолия Николаевича. Тюмень, 2015. С. 222-227.

6. Шевелева Н.П., Кузнецов И.С. Оценка уровня социально-психологической адаптированности студентов. Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014. № 4. С. 12.

Реализация программы охраны здоровья в Башкирском государственном медицинском университете

Ивановский Ю. В., Коньшина Ю. Е., Липатова Е. Е.

В статье проведен обзор данных литературы посвященной проблеме сохранения здоровья. Отмечена значимость отдельных факторов, формирующих здоровье. Предложена программа по формированию здорового образа жизни реализуемая в Башкирском государственном медицинском университете

Ключевые слова: здоровый образ жизни, «изменение стиля жизни».

Ivanovsky Yu. V., Konshina Yu. E., Lipatova E. E.

Implementation of the program of health protection at the Bashkir state medical university

Given the relevance of a healthy lifestyle now, in this article we present the data of the literature is devoted to the preservation of health. Noted the significance of individual factors that shape health.

Keywords: a healthy lifestyle, «change of lifestyle»

В последнее десятилетие отмечается отрицательная динамика в состоянии здоровья населения, что связано с ухудшением социально-экономических и экологических условий [1, 2, 3, 4]. Особую озабоченность вызывает факт о том, что в условиях современной жизни зачастую человек не задумывается, как можно сохранить и поддержать здоровье, являющееся одной из фундаментальных ценностей человеческой жизни, приоритетом государственной политики, основой национального богатства и национальной безопасности страны, отражающее жизнестойкость и геополитические перспективы нации. В связи с этим, возникает необходимость информирования общества в том, как не допустить развитие болезни и максимально восстановить утраченное человеком здоровье. В настоящее время в современной России с новой силой актуализируется вопрос о формировании здорового образа жизни. И этот вопрос в первую очередь относится к студентам медицинских вузов, прозванным в будущем охранять здоровье населения.

Индивидуальное здоровье человека принято определять как состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни или недомогания. Такое определение здоровья было прописано в преамбуле Устава Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), утверждённого парламентами 26 стран – участниц этой международной организации, – при её основании 7 апреля 1948 года [6]. Проведенные нами исследования показывают, что больше 70% пациентов старше 55 лет уверены, что их здоровье зависит от квалификации медицинских работников и государственной системы здравоохранения. Здоровье нации является безусловной общественной ценностью, приоритетом госу-

дарственной политики, основой национально-богатства и национальной безопасности страны, отражает жизнестойкость и, по-сути, геополитические перспективы нации. Здоровье – сфера взаимных интересов и взаимной ответственности государства, общества и личности.

Известно, что уровень здоровья человека зависит от многих факторов: наследственных, социально-экономических, экологических, деятельности системы здравоохранения. По данным ВОЗ и Согласно многолетним исследованиям научной школы специалистов по общественному здравоохранению, возглавляемой академиком Ю.П.Лисицыным основные факторы, которые принимают участие в формировании здоровья следующим образом[7]:

1. Образ жизни человека – на 50-55% определяет состояние его здоровья;
2. Экологические факторы – на 20-25% влияют на здоровье человека;
3. Биологические факторы – на 15-20% определяют состояние здоровья;
4. Медицинские факторы – на 8-10% оказывают влияние на здоровье человека.

Здоровье человека больше всего зависит от образа жизни. Таким образом, очевидно, что первостепенная роль в сохранении и формировании здоровья все же принадлежит самому человеку, его образу жизни, его ценностям, установкам, степени гармонизации его внутреннего мира и отношений с окружением. Вместе с тем современный человек в большинстве случаев перекладывает ответственность за свое здоровье на систему здравоохранения и врачей. Человек занят не заботой о собственном здоровье, а лечением болезней, что и приводит к наблюдающемуся в настоящее время ухудшению здоровья на фоне значительных успехов медицины. Так нельзя не отметить прогрессирующее нарастание распространенности сахарного диабета 2 типа (СД2). За последние 30 лет по темпам прироста заболеваемости СД опередил такие инфекционные заболевания, как туберкулез и вирус иммунодефицита человека. По данным Государственного регистра больных СД на январь 2011 г. в РФ по обращаемости в лечебные учреждения насчитывается 3,357 миллионов больных СД, из них 90% - это больные СД2 [12]. Это глобальная междисциплинарная медико-социальная проблема, прежде всего, обусловлена не соблюдением ЗОЖ. Установле-

но, что высокая распространенность СД2 напрямую ассоциируется с ожирением: около 90% больных СД2 имеют избыточную массу тела или ожирение[13]. Можно привести множество примеров и с распространением других заболеваний среди населения. Это наводит на мысль о том, что в действительности укрепление и творение здоровья должно стать потребностью и обязанностью каждого человека [10].

В современном обществе серьезное повышение качества жизни и улучшение социального самочувствия граждан невозможно без заинтересованного участия структур всего гражданского сообщества. Первостепенной задачей для повышения уровня здоровья должна стать сознательная, целенаправленная работа по восстановлению и развитию жизненных ресурсов, по принятию человеком на себя ответственности за собственное здоровье, когда здоровый образ жизни становится потребностью. «Быть здоровым – это естественное стремление человека», - пишет К.В. Динейка, рассматривая в качестве главной задачи, стоящей перед человеком в отношении его здоровья, не лечение болезней, а творение здоровья. В своих трудах Сократ неоднократно подчеркивал идею о том, что «Здоровье – не всё, но всё без здоровья - ничто». Уже во времена античной философии, здоровье, как и жизнь, рассматривалось как личное богатство каждого. Однако, как распорядится ими человек, зависит от его желаний, знаний и умений. «Чего человек не понимает, тем он не владеет», - говорил Гете. Значит, чтобы стать и быть здоровым надо понять на каких принципах строится полноценное здоровье. Здоровье человека складывается из нескольких основных компонентов, среди которых наиболее значимыми представляются следующие[8]:

1. Соматический (телесный) компонент здоровья человека;
2. Физический компонент здоровья;
3. Ментальный (умственный, психический) компонент;
4. Духовно-нравственный компонент здоровья;
5. Психолого-коммуникативный (психологический) компонент;
6. Сенсорный компонент здоровья;
7. Речевой (логопедический) компонент;
8. Аморбидный (медико-профилактический) компонент здоровья;

9. Репродуктивный компонент здоровья человека.

В структурном плане Н.Д. Творогова выделяет следующие составляющие здоровья [5]:

1. Физическая (физическая активность, физическое благополучие, физические ограничения);

2. Психическая (психическое благополучие, контроль поведения и эмоциональных реакций, функционирование когнитивных процессов);

3. Социальная (межличностное общение);

4. Ролевая (свобода в выполнении обычных ролей дома, на работе);

5. Общая самооценка здоровья, а также три взаимосвязанных аспекта здоровья – соматический, психический, духовный, которые основаны на соответствующих уровнях личности, учет которых необходим для правильного планирования здоровьесберегающих мероприятий [9].

Ильин Е.П. акцентирует, что духовный (нравственный) аспект здоровья – это мотивация здорового образа жизни, установка на долгую и полноценную жизнь, отсутствие иждивенческого отношения к медицине, самостоятельная активность в формировании и укреплении собственного здоровья, бережное отношение к жизни и здоровью других [11]. По данным большой медицинской энциклопедии, состояние здоровья оценивается по трем признакам: соматический, социальный, личностный. Соматический – совершенство саморегуляции в организме, гармония физиологических процессов, максимальная адаптация к окружающей среде. Социальный – мера трудоспособности, социальной активности, деятельное отношение человека к миру. Личностный признак подразумевает стратегию жизни человека, степень его господства над обстоятельствами жизни.

Г.А. Кураев, С.К. Сергеев, Ю.В. Шленов подчеркивают, что многие определения здоровья исходят из того, что организм человека должен сопротивляться, приспосабливаться, преодолевать, сохранять, расширять свои возможности. Здоровье в этом случае выступает не только как состояние организма, но как «стратегия жизни человека» [12].

В целом ряде выступлений и публикаций Николаевский В.В. приводит мысль о том, что борьба за свободу личности есть в то же время борьба за ее здоровое развитие. Николаевский

В.В. подчеркивал, что в обеспечении психического здоровья людей государство обязано взять на себя главную ответственность. Под контролем и при активном участии государства должны проводиться в жизнь не только пропаганда здорового образа жизни (ЗОЖ), но и необходимые оздоровительные мероприятия [13]. Оздоровительные способности помогут человеку формировать здоровье, творческое мировоззрение и достигать здоровое состояние. Навыки здоровьесбережения помогут сохранять здоровое состояние и накапливать опыт здорового образа жизни. Здоровый образ жизни нужно формировать как семейную традицию и как культурную традицию общества, чтобы он передавался из поколения в поколение.

При отсутствии мотивации любые программы и мероприятия по сохранению здоровья и ЗОЖ будут нерезультативны. Под мотивацией ЗОЖ понимается осознание человеком необходимости сохранения здоровья, как основы для проявления себя в различных сферах жизнедеятельности, выполнения мероприятий по сохранению и поддержанию здоровья, соблюдения принципов ЗОЖ [5]. Оздоровительные способности помогут человеку формировать здоровье, творческое мировоззрение и достигать здоровое состояние. Навыки здоровьесбережения помогут сохранять здоровое состояние и накапливать опыт здорового образа жизни. Здоровый образ жизни нужно формировать как семейную традицию и как культурную традицию общества, чтобы он передавался из поколения в поколение.

Понятие – «Здоровый образ жизни включает в себя [7]:

1. Здоровье – состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни или недомогания (ВОЗ).

2. Образ жизни – это привычный объем процессов жизнедеятельности человека и привычный режим их осуществления, которые предоставляют человеку возможность свободного осуществления всех своих жизненных функций – биологических, физических, психических и социальных.

3. Уровень жизни – это экономическая категория, которая отражает степень удовлетворения материальных, бытовых и культурных запросов человека.

4. Качество жизни – это социально-экономическая категория, которая отражает степень «комфорта» существования человека, его благополучие – в семье, в коллективе, в обществе, государстве.

5. Стандарт жизни – социально-экономическая категория, отражающая степень удовлетворения государством общественно необходимых потребностей человека (потребностей населения, его отдельных слоев, социальных групп).

6. Стиль жизни – личностная категория социально-психологического характера, отражающая направленность личности на удовлетворение самых разнообразных своих интересов.

Основные составляющие здорового образа жизни [8]:

1) рациональная трудовая деятельность организованная так, чтобы она минимизировала воздействие факторов риска возникновения заболеваний;

2) достаточная, адекватная физическая активность, память о том, что ни одно лекарство не в состоянии заменить целебного (лечебно-профилактического) действия и движения [9];

3) рациональное питание, соответствующее по своей калорийности энергетическим затратам организма и сбалансированное по объёму принимаемой пищи;

4) ответственное отношение к своему образу жизни, сексуальному поведению, направленное на реализацию любви, на создание и укрепление семьи, на рождение и воспитание детей;

5) ответственное отношение к собственному здоровью: своевременное обращение за медицинской помощью;

6) категорическое неприятие вредных привычек и болезненных пристрастий: решительный отказ от курения табака, употребления алкоголя, а также от немедицинского употребления психоактивных веществ; категорическое недопущение любой формы приёма наркотиков;

7) умение предвидеть и предупреждать опасные ситуации; умение грамотно, правильно и решительно действовать при их возникновении.

Необходимо отметить, что ЗОЖ - это и есть немедикаментозная профилактика заболеваний (в англоязычной литературе синонимы немедикаментозной профилактики – «изменение жизненных привычек», «изменение стиля жизни»), основными компонентами которого являются

[11]: отказ от курения, переизбытка, ограничение употребления алкоголя, расширение физической активности за счет динамических нагрузок, психорелаксация.

Подтверждением служит ряд проведенных рандомизированных исследований, согласно которым частота неблагоприятных исходов ишемической болезни сердца у бросивших курить снизилась на 7–47%[6]. В рандомизированном исследовании с участием 605 больных среднего возраста после инфаркта миокарда доказана эффективность «средиземноморской диеты» в профилактике смертности от ишемической болезни сердца в течение 27 месяцев (снижение относительного риска 70%). Доказано, что строгое соблюдение диеты с высоким содержанием рыбных продуктов и w-3-полиненасыщенных жирных кислот (рыбий жир) в дозе 1 г/сут в течение 2 лет способно снизить общую смертность (относительный риск снизился на 29%). Это подчеркивает важность и необходимость соблюдения ЗОЖ. Таким образом думать о здоровье, стремиться к здоровому состоянию, должно быть привычкой каждого. Для реализации государственных, региональных и вузовских программ здоровьесбережения необходимо постоянно вести просветительскую работу в сфере сохранения здоровья нации и ЗОЖ.

На базе Башкирского государственного медицинского университета кафедрой педагогики и психологии совместно с кафедрой психиатрии и наркологии с курсом ИПО еще в 2000 году была организована работа медико-психологического консультативно-просветительского центра «Психея» (МПКПЦ «Психея»).

Приоритетной задачей деятельности МПКПЦ «Психея» являлась создание и реализация комплексной программы по формированию здоровьесберегающей мотивации студентов и преподавателей вуза «Стремление к здоровью». По данному направлению работа проводилась со студентами всех курсов и всех факультетов БГМУ. Особенное внимание уделялось аспектам: формирования у студентов системы мотивации на сохранение и укрепление своего здоровья (проведение деловых игр, социально-психологических тренингов); принятия и освоения студентами основных принципов здорового образа жизни: рациональное питание, активный двигательный режим, профилактика вредных при-

вычек, наркоманий и токсикоманий, гигиена и психогигиена сексуальных отношений, психо-профилактика стрессов (чтение лекций, проведение групповых дискуссий, деловых игр и социально-психологических тренингов, овладение аутотренингом); формирования у студентов умения создавать собственную модель «здорового поведения» на основе общепринятых принципов здорового образа жизни, с учетом своих индивидуальной особенностей и условий жизни (индивидуальная работа со студентами по составлению собственной модели ЗОЖ); формирования у студентов умения заинтересовать и приобщить к здоровому образу жизни членов своей семьи, друзей и знакомых (изучение основ медицинской педагогики, социально-психологический тренинг убеждающего воздействия);

Накопленный 10 летний опыт позволил разработать и апробировать модули для реализации учебной программы «Психология и педагогика» преподаваемой на всех факультетах медицинского университета. В настоящее время в учебную дисциплину «Педагогика и психология» включены следующие модули: «психология здоровья и здорового образа жизни», психолого-педагогические выводы и практические рекомендации врачу для его профессиональной деятельности («Самосознание и образ тела», «Стресс, психологические и психосоматические реакции на него», «Общий адаптационный синдром, психологические способы защиты от стресса», «Внутренний конфликт и психологическая защита», «Отношение человека к болезни и забота о здоровье», «Психологические аспекты формирования мотивации к сохранению здоровья и психологические последствия различных заболеваний», «педагогические составляющие деятельности врача», «основы медико-просветительской деятельности врача», «педагогические аспекты деятельности врача: обучение пациентов особенностям, приемам и методам ведения здорового образа жизни; ведение просветительской работы среди населения в целях профилактики и борьбы с заболеваниями».).

Таким образом, при изучении дисциплин психолого-педагогического цикла у обучающихся формируются не только установки на здоровый образ жизни, но и профессиональная компетенция (ПК -26) - способности и готовности к обучению взрослого населения, под-

ростков и их родственников основным гигиеническим мероприятиям оздоровительного характера, способствующим укреплению здоровья и профилактике возникновения заболеваний, к формированию навыков здорового образа жизни, способствующих поддержанию на должном уровне их двигательной активности, устранению вредных привычек.

Литература

1. Яковлева, Н.В. Анализ подходов к изучению здоровья в психологии // Психология и практика. Ежегодник Российского психологического общества. Ярославль, 2003, Т.4 Вып.2. С. 364-366
2. Козырев, В.А. Влияние экстремальных медико-экологических факторов среды на динамику медико-статистических показателей состояния здоровья населения // Вестн. БГФУ. 2004. № 8. С.73-75
3. Гичев, Ю.П. Здоровье человека и окружающая среда // SOS. Сер. Экологическая политика. М., 2007. С. 184
4. Брындина, Е.Г., Брындина И.Е. Как перейти на здоровый образ жизни // Электронный научно-образовательный вестник. Здоровье и образование XXI веке. 2014, том 16 (2). С.2
5. Творогова, Н.Д. Клиническая психология // Словарь. – М.: ПЕР СЭ, 2007.
6. Клинические рекомендации по лечению стабильной ишемической болезни сердца. ESC 2013 // Российский кардиологический журнал 2014, 7 (111). С.40
7. Колосницына, М., Ситдииков, М. Макродетерминанты здорового образа жизни // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 2. С. 28
8. Лисицын, Ю.П. Образ жизни как основа здоровья. Анализ факторов риска заболеваемости: проблемная статья // Ю.П.Лисицын. – Медицинская газета, № 19 от 19.03.2010. – С. 12
9. Брындина, Е.Г., Брындина, И.Е. Образовательно-оздоровительный подход к здоровому долголетию // Современные подходы в организации работы по сохранению и укреплению здоровья студентов, профилактике табакокурения // материалы межд. науч.-практ. конф. Минск: РИВШ. 2011. С. 39-40
10. Брындина, Е.Г. Оздоровительная часть студенческого кампуса // Физическая культура и спорт на современном этапе: проблемы, по-

иски, решения // материалы межрег. науч. -
практ. конф. Томск: ТПУ. 2012. С. 369-375

11. Брындин, Е.Г., Брындина, И.Е. Основы
здорового долголетия // Науч.-практ.
изд. Germany: LAPLAMBERTAcadmicPublishing.
2012. С. 225

12. Бутрова, С.А. От эпидемии ожирения к
эпидемии сахарного диабета // Практикующему
эндокринологу №2 (50). 2013. С. 19

13. Дедов, И.И. Шестакова М.В. Проект «Кон-
сенсус совета экспертов Российской ассоциа-
ции эндокринологов по инициации и интен-
сификации сахароснижающей терапии сахарного
диабета 2 типа // Нормативный документ «Са-
харный диабет» №1. 2011. С. 95.

Оздоровительная направленность занятий физической культурой и их влияние на функциональное состояние организма студентов

Калинина И.Ф., Смирнов А.А.

В статье рассматривается значение физических упражнений и их влияние на здоровье студентов в учебно-тренировочном процессе физической культуры. Оздоровительный эффект занятий физической культуры является профилактическим средством от ряда заболеваний. Повышает аэробные возможности организма, уровень общей выносливости, трудоспособности и устойчивости организма к различным неблагоприятным факторам. Формирует у студентов здоровый образ жизни, их креативных способностей в сфере физического совершенствования человека и повышение эффективности образовательного процесса при подготовке специалистов в высшей школе.

Ключевые слова: Физические упражнения, здоровье, нагрузка, методика, профилактика.

Kalinina I.F., Smirnov A.A.

Health oriented physical training and their impact on the functional state of an organism students

The article discusses the importance of physical exercises and their effect on the health of students in the educational-training process of physical culture. Improving effect of physical culture is prophylactic against a number of diseases. Increases aerobic ability of the organism, the level of overall stamina. Generates a healthy lifestyle among students, their creative abilities in the field of human physical perfection and improvement of the efficiency of the educational process with training in high school.

Keywords: Physical exercises, health, loading, technique, prevention.

В современной жизни человек получает огромный поток информации, от него требуется все больший уровень знаний в профессиональной деятельности и более высокий уровень технической подготовки в быту. Постоянно ускоряется темп жизни и повышается психологическая нагрузка на человека, что приводит к хроническому стрессу, ослабляющему организм и становится причиной многих, особенно сердечно-сосудистых заболеваний. Помочь здесь может умение управлять своими эмоциями, культура межличностного общения, а также адекватные занятия физической культурой и спортом. Чем больше умственная и нервная нагрузка, тем значительнее и эффективнее должно быть применение физических упражнений. Все виды деятельности нашего организма, в том числе умственная и физическая, должны находиться в гармоническом равновесии [1, с. 217].

Давно известно, что основным стимулятором жизнедеятельности организма человека является движение. С.П. Боткин отмечал, что «ни усиленный труд, ни форсированные, утомительные походы сами по себе не в состоянии вызвать расстройства здоровья, если нервные аппараты работают хорошо. И, наоборот, при недостатке движений наблюдается, как правило, ослабление физиологических функций, понижается тонус жизнедеятельности организма» [2, с. 224]. Но в то же время нельзя впадать в противоположную крайность и физически перегружать организм. Поэтому крайне важно при интенсивном умственном труде и преимущественно сидячей работе включать в распорядок дня занятия физическими упражнениями, направленными на всестороннее развитие и укрепление организма человека.

В некоторых случаях физический труд, выполняемый с повышенной физической нагрузкой, может негативно влиять на состояние основных функциональных систем организма человека [4, с. 64].

Занятия физической культурой способствуют активизации физиологических процессов и обеспечивают восстановление нарушенных функций жизнедеятельности человека. При этом применение физических упражнений служит профилактикой появления целого ряда функциональных расстройств и заболеваний организма, а использование средств лечебной гимнастики можно рассматривать как метод восстановительной терапии.

Физические упражнения играют важную роль в повышении функциональных и физических возможностей человека. При правильном их применении они эффективно влияют на все мышцы, суставы и связки, которые становятся более крепкими и выносливыми. При этом увеличивается объем нагружаемых мышц, их эластичность, сила и скорость сокращения. При интенсивной мышечной деятельности сердечно-сосудистая, дыхательная и другие системы нашего организма начинают работать с дополнительной нагрузкой, что повышает функциональные возможности организма, его сопротивляемость самым разнообразным воздействиям окружающей среды.

В результате выполнения физических упражнений в мышцах вырабатывается тепло, избыток которого организм выводит через усиленное потоотделение. В течение всего времени влияния физических нагрузок в организме усиленно работает сердечно-сосудистая система, увеличивается кровоток: из крови к мышцам поступают кислород и питательные вещества, которые распадаясь, выделяют энергию. Во время выполнения движений в мышцах открываются дополнительные резервные капилляры, объем циркулирующей крови многократно возрастает, при этом вызывая улучшение обмена веществ.

В результате мышечного бездействия значительно ухудшается их питание, а значит, уменьшается объем и сила, мышцы теряют свою эластичность и упругость, они становятся дряблыми и слабыми. В результате гиподинамии (ограничении движений), ведении пассивного и нездорового образа жизни, в организме человека возникают различные предпатологические

изменения, которые приводят к ряду серьезных и продолжительных болезней.

Применение аутогенной тренировки позволяет достичь активной регуляции мышечного тонуса, уравновесить работу нервной системы, смягчить эмоционально-вегетативную напряженность, повысить общий уровень работоспособности [8, с. 56].

Рациональное использование физических нагрузок позволяет разносторонне влиять на организм человека, повышать его устойчивость к самым разнообразным неблагоприятным условиям окружающей среды. Физически тренированные и подготовленные люди, гораздо лучше переносят кислородное голодание, у них отмечается более высокая работоспособность во время выполнения физических упражнений, если температура тела поднимается выше 36,6°C.

При воздействии физической нагрузки на организм человека центральное место занимает реакция коры головного мозга на деятельность основных функциональных систем. Под влиянием воздействия физических упражнений усиливается функциональная перестройка всего опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой, дыхательной и других систем организма, улучшаются процессы тканевого обмена в клетках. Умеренные физические нагрузки увеличивают работоспособность сердца, повышают уровень содержания гемоглобина и количества эритроцитов в крови, и при этом значительно возрастает фагоцитарная функция кровеносной системы. В процессе воздействия физической нагрузки совершенствуются строение и функции самих внутренних органов, улучшается работа желудочно-кишечного тракта и всей пищеварительной системы организма. При систематическом выполнении физических упражнений значительно укрепляется нервная система, которая регулирует согласованную деятельность мышц и внутренних органов организма человека.

Мышечная деятельность имеет очень тесную связь с функцией дыхания. Умеренная физическая нагрузка оказывает положительное влияние на дыхательные процессы, ускоряет обмен кислорода и углекислоты в легких, повышает усвоение кислорода тканями организма.

Любая болезнь, как известно, вызывает нарушение деятельности определенных функциональных систем. А целенаправленное исполь-

зование физических упражнений способствуют ускорению восстановительных процессов, насыщают кровь кислородом, другими полезными веществами, что способствует более быстрому выздоровлению организма.

При заболевании у человека происходит снижение общего тонуса, центральная нервная система находится в заторможенном состоянии. Применение физических упражнений повышает общий тонус, стимулирует защитные и восстановительные силы организма. Во многих случаях правильно подобранные физические упражнения способствуют замедлению развития болезни и позволяют более быстро восстановить нарушенные функции. В этих целях лечебная физическая культура находит все более широкое применение на практике.

Мышечная активность очень тесным образом связана с деятельностью внутренних органов, что объясняется наличием большого количества нервно-висцеральных связей. При активной мышечной работе происходит раздражение нервных окончаний в мышцах, суставах и связках, импульсы которых поступают в нервные центры, которые регулируют работу всех внутренних органов. При этом существенно изменяется деятельность самих внутренних органов, которые приспосабливаются к новым запросам работы мышц и всего организма в целом [5, с. 40].

Использование физических упражнений, кроме нормализации деятельности сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной, нервной и других систем организма, восстанавливают приспособляемость к изменению климатических факторов, повышает устойчивость человека к различным неблагоприятным воздействиям внешней среды. Это может происходить значительно быстрее, если использовать лечебную гимнастику, элементы подвижных и спортивных игр, закаливающие процедуры, пешие прогулки и туристические походы. Учитывая, что учебная деятельность проходит именно в положении сидя, студентам особенно важно укреплять мышцы брюшного пресса и спины. Именно от силы этих мышц зависит осанка, функционирование важных внутренних органов, общее состояние здоровья.

Приспособительные механизмы к физическим нагрузкам развиваются в процессе постоянных тренировочных воздействий, что служит примером адаптации функциональных систем

[6, с. 43]. Применяя физические упражнения, человек совершенствует строение и деятельность всех своих органов и систем, повышает работоспособность и укрепляет свое здоровье [3, с. 59].

В процессе тренировки физические упражнения выступают своеобразным механизмом регуляции, который обеспечивает управление жизненно важными процессами и позволяет сохранить постоянство внутренней среды. В этом случае физические упражнения можно рассматривать не только как средство развлечения и отдыха, но и как важный элемент жизнедеятельности.

Человек, ведущий активный и здоровый образ жизни, систематически занимающийся физическими упражнениями, может выполнить значительно больший объем работы, что связано с большими резервными возможностями организма [7, с. 140]. Это в полной мере относится к современной студенческой молодежи. Развивающиеся высокими темпами компьютерные технологии, все более интенсивно заставляют студентов заниматься и при этом вести сидячий образ жизни.

Экзаменационная сессия характеризуется значительными психоэмоциональными затратами. Более высокий уровень физической подготовленности позволяет организму студентов более экономично справиться с требованиями экзаменационного периода, что достигается рациональным использованием средств физической культуры [9, с. 136]. Закономерным следствием оптимальной двигательной активности на фоне высоких интеллектуальных нагрузок является повышение физической подготовленности и укрепление психического здоровья, что увеличивает эффективность учебной деятельности студентов [10, с. 140].

На занятиях по физической культуре в МГОУ на 1 и 2 курсах использовалась методика оздоровительной направленности. В результате опроса у студентов были выявлены наиболее частые заболевания, которые они перенесли в предыдущие годы. Согласно полученным данным, в занятия включались такие виды физических упражнений, которые имели наиболее выраженную профилактическую способность противостоять возникновению таких заболеваний. Величина физической нагрузки варьировалась в зависимости от состояния студентов.

Таблица 1
Результаты исследования уровня физической подготовленности

№	Показатели	1 курс			2 курс		
		1 этап	2 этап	3 этап	1 этап	2 этап	3 этап
1.	Отжимание за мин., кол-во раз	36,0+4,2	40,0+4,0 p>0,05	45,0+3,5 p<0,05	32,0+3,3	35,0+2,9 p>0,05	37,0+2,8 p>0,05
2.	Сила правой кисти (кг)	20,8+2,9	22,8+4,7 p>0,05	24,4+2,3 p<0,05	19,9+3,7	21,3+3,1 p>0,05	22,4+3,4 p>0,05
3.	Сила левой кисти (кг)	19,1+2,8	20,4+3,2 p>0,05	21,9+2,7 p<0,05	18,3+9,0	19,0+2,9 p>0,05	20,4+3,0 p>0,05
4.	Силовой индекс кисти (%)	34,5+5,8	38,8+6,0 p>0,05	42,7+5,6 p<0,05	33,2+7,1	35,6+6,0 p>0,05	37,7+6,6 p>0,05
5.	Подъем прямых ног за мин., раз	31,0+2,7	35,0+2,7 p>0,05	39,0+2,7 p<0,05	29,6+3,0	33,3+2,9 p>0,05	36,0+2,8 p>0,05
6.	Подъем туловища за мин., кол-во раз	35,8+3,3	39,6+3,3 p>0,05	44,0+3,0 p<0,05	31,4+3,1	34,0+3,1 p>0,05	36,8+3,2 p>0,05
7.	Подвижн. позвон.столба (баллы)	2,9+1,0	3,7+0,9 p>0,05	4,3+0,8 p<0,05	3,0+1,2	3,5+0,9 p>0,05	4,0+0,9 p>0,05
8.	Подвижн. плеч. сустава (см)	27,2+13,0	29,6+12,6 p>0,05	32,0+12,8 p<0,05	23,5+7,3	26,3+7,5 p>0,05	28,0+7,3 p>0,05
9.	Подвижн. в тазобед. сустава. (см)	52,6+9,7	60,4+9,1 p>0,05	64,7+9,1 p<0,05	51,8+9,3	53,3+9,1 p>0,05	55,1+7,3 p>0,05

Были использованы следующие нетрадиционные виды физических упражнений:

- хатка-йога;
- слайд рибок;
- пилатес;
- калланетика;
- флекси-бар;
- кору рибок;
- тай-чи.

В процессе учебных занятий у студентов определялся уровень физической подготовленности по следующим показателям (табл. 1).

Влияние применяемых физических упражнений на различные системы выражаются в показателях функционального состояния организма: ЖЕЛ (жизненная емкость легких), ЧСС (частота сердечных сокращений) АД (артериальное давление), функциональной пробы. При помощи контрольных измерений в начале, середине

и конце учебного года у 1 и 2 курсов при посещении занятий 2 раза в неделю было выявлено ряд положительных изменений. В начале учебного года не наблюдалось достоверных отличий между результатами. На втором и третьем этапах обследования результаты студентов стали достоверно лучше, чем на первом этапе (p<0,05) (табл. 2).

В результате проведенных исследований можно сделать следующие выводы по использованию упражнений выраженной оздоровительной направленности на функциональное состояние организма студентов:

1. Все более возрастающие учебные нагрузки негативно сказываются на здоровье студентов, которые при этом подвергаются различным видам заболеваний.

2. Использование на учебных занятиях по физической культуре упражнений оздоровитель-

Таблица 2
Результаты исследования функционального состояния

№	Измерения	1 курс			2 курс		
		1 этап	2 этап	3 этап	1 этап	2 этап	3 этап
1.	ЖЕЛ (л)	2,2+0,2	2,5+0,2 p>0,05	2,7+0,2 p<0,05	2,2+0,2	2,3+0,1 p>0,05	2,4+0,1 p>0,05
2.	ЧСС исход. (уд/мин)	75+6,6	73+6,4 p>0,05	71+6,7 p<0,05	76+8,7	75+8,9 p>0,05	74+9,1 p>0,05
3.	АД сист. (мл/рт.ст)	113+10,1	114+5,9 p>0,05	116+4,0 p<0,05	112+7,1	113+5,0 p>0,05	114+4,0 p>0,05
4.	АД диаст. (мл/рт.ст)	68+11,2	67+5,9 p>0,05	67+3,9 p<0,05	66+10,1	66+7,6 p>0,05	66+6,5 p>0,05
5.	Фун. проба (баллы)	8,0+2,0	7,0+1,9 p>0,05	5,8+1,6 p<0,05	8,2+1,7	7,8+1,7 p>0,05	7,6+1,7 p>0,05

ной направленности повышает показатели функционального состояния организма студентов и снижает риск повторных заболеваний.

Литература

1. Бузмакова Т.И., Калинина И.Ф., Татарова С.Ю., Джумаева А.А. Отношение молодежи к здоровому образу жизни. В сборнике: Русский космизм: история и современность Сборник трудов по материалам научной конференции. Под общ. научной ред. Смирнова В. А. 2015. С. 216-223.

2. Бузмакова Т.И., Смирнов А.А., Ткаченко А.В., Зайцева А.В. Самообразование в жизни современной молодежи. В сборнике: Русский космизм: история и современность Сборник трудов по материалам научной конференции. Под общ. научной ред. Смирнова В. А. 2015. С. 223-231.

3. Грец И.А. Влияние занятий с использованием современных направлений оздоровительной физической культуры на укрепление здоровья, формирование телосложения, настроения и самочувствия женщин зрелого возраста // Здоровье. Физическая культура. Спорт.: Сб. науч. тр. – Смоленск: СГИФК, 2002. – С.58 – 62.

4. Кирилина Т.Ю., Омельницкая Н.В., Горбанева Е.Н., Кирилина Н.А. Модели будущего и

общественный идеал в сознании современной российской молодежи. В сборнике: Развитие современной цивилизации: ответы на вызовы времени сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2016. С. 62-72.

5. Линец М.М., Гумен В.М., Ивлев Б.К. К вопросу об использовании шейпинг-программ в физическом воспитании студенток высших учебных заведений // Теория и практика физической культуры. – 2005. – №3. – С.39 – 42.

6. Мильнер Е.Г. Пути повышения эффективности оздоровительной тренировки // Теория и практика физической культуры. – 2000. – №9. – С.43 – 45.

7. Одинцова И.Б. Аэробика и фитнес. Современные методики. – М.: Эксмо, 2003. – 160 с.

8. Смолевский В.М., Ивлиев Б.К. Нетрадиционные виды гимнастики. – М.: Просвещение, 1992. – 80 с.

9. Татарова С.Ю., Татаров В.Б. Актуальные вопросы здорового образа жизни студенческой молодежи. Потенциал современной науки. 2016. № 1 (18). С. 135-137.

10. Татарова С.Ю. Адаптационные возможности организма в процессе обучения в вузе. Потенциал современной науки. 2016. № 4 (21). С. 139-143.

Анализ современного состояния нейтрального гласного на примере речи молодых жителей юго-востока Англии

Безбородова М.В.

Одним из значимых факторов социофонетической вариативности является возрастная дифференциация в языке. В речи британцев в последнее время становится популярным явление гаплоглоии, которое может проявляться, например, в выпадении гласного /ə/ в ряде безударных слогов или всего слога с данным гласным в знаменательных словах. Задачей данной работы является оценка современного фонетического состояния самого обсуждаемого и спорного гласного в системе английского вокализма – нейтрального гласного /ə/, на примере речи молодых жителей юго-востока Англии (18-39 лет). С этой целью был проведен перцептивный анализ образцов спонтанной речи молодых англичан, являющихся носителями британского произносительного стандарта.

Ключевые слова: нейтральный гласный ('шва'); фонемный статус; возраст; гаплоглоия; молодежная речь; британский вариант английского языка; молодые британцы; безударный вокализм.

Bezborodova M. V.

The "elusive" English neutral sound in the speech of young Britons

The neutral sound /ə/ ('schwa') is one of the most common and disputable English sounds. The phonemic status of this vowel has not been settled yet. According to its position in the word 'schwa' can be characterised as an "elusive" vowel: either being an allophone of some phoneme, or having different sound colouring, or being omitted at all. In Great Britain there has become popular the phenomenon of haplogly, which can be revealed, for example, in the elimination of the sound /ə/ in a number of unstressed syllables of the notional words. The aim of the present paper is to estimate the present-day status of the sound /ə/ by analysing samples of spontaneous speech of the young generation from the South-East of England. A perception experiment has been conducted to fulfill the above-mentioned aim.

Key words: neutral sound /ə/; phonemic status; age; haplogly; youth speech; Standard British English; young Britons; unstressed syllables.

В настоящее время в речи англичан популярность приобретает явление гаплоглоии ('haplogly'), о котором впервые в XX веке упомянул американский филолог Морис Блумфилд. Основной чертой данного феномена является пропуск безударных звуков или слогов при произнесении слов. Причиной тому служит высокий темп речи говорящих. Замечено, что в английском языке достаточно часто происходит выпадение безударного слога с нейтральным гласным /ə/, чаще всего в многосложных словах, например, *caramel* ["kærməl], *separate* ["seprət], *different* ["dfrent], *camera* ["kæmrə], *library* ["laɪbrɪ], *probably* ["prɒblɪ]. Даже в радиотрансляциях BBC можно услышать примеры данного явления. Так, участник дискуссионной программы "Just a minute" произнес *quantitative* ["kwɒntətɪv] как ["kwɒntɪv] [9].

Считается, что современная многообразная реализация гласного /ə/ – это и есть результат минимизации речевых усилий при произнесении безударных слогов. В данном контексте необходимо особо отметить, что это является одной из особенностей молодежной речи.

Речь современной английской молодежи стремится к экономии речевых усилий, и поэтому содержит большое число модифицированных сегментов и обладает рядом особенностей. Акустическое и перцептивное исследования речи молодых англичан показали заметное укорачивание длительности долгих монофтонгов и усеченный характер кратких монофтонгов, значительное ослабление элемента скольжение дифтонгов вплоть до его полного выпадения, нейтрализация качества гласных. Нестабильность, неустойчивость речевых характеристик молодых людей является новым качественным состоянием, а нежелание молодых людей приспособиться к существующим нормам является, по мнению американского лингвиста У. Лавова, причиной языкового развития [1;7].

Главной целью данной работы является рассмотрение возможных вариантов реализаций нейтрального гласного /ə/ в речи молодых образованных англичан, а также определение степени распространенности явления гаплоглоии (на примере анализа поведения нейтрального гласного /ə/ в речи молодых информантов).

Для решения поставленных задач был проведен перцептивный анализ спонтанных монологических высказываний 12-ти англичан – юношей и девушек (18 – 39 лет).

При отборе информантов – носителей произносительного стандарта британского варианта английского языка – учитывались следующие критерии: место рождения и проживания, возраст, родной язык, социально-экономический статус родителей и самого информанта, а также уровень образования. Данные критерии были выбраны на основании теории социальной стратификации У. Лабова о том, что гендер, возраст говорящих и их социальный статус являются важнейшими факторами дифференциации произношения [7].

Для проведения перцептивного анализа была произведена запись квазиспонтанных слитных монологических высказываний (ответная реплика интервью) двенадцати информантов-англичан, которым было предложено высказаться на одну из следующих тем: семья, хобби, еда, любимое литературное произведение, самое яркое событие в жизни. Все информанты причисляют себя к носителям британского произносительного стандарта (Received Pronunciation): они с рождения проживают в юго-восточной Англии, принадлежат к среднему или высшему среднему классу и либо получают (пять человек), либо имеют высшее лингвистическое образование (семь человек).

Состав группы информантов: студенты: три юноши (Sebastian – 18 лет, Woking, Surrey; Jason – 22 года, Chatham, Kent; Liam – 25 лет, London) и две девушки (Magda – 20 лет, London; Katherine – 24 года, London); преподаватели английского языка: пять мужчин (David – 30 лет, London; Phil – 31 год, Chichester, West Sussex; Phillipe – 36 лет, Isleworth, Middlesex; Mark – 38 лет, London; Wayne – 39 лет Camberley, Surrey) и две женщины (Alyson – 28 лет, Bunbury, Oxfordshire; Polly – 39 лет, Woking, Surrey).

Запись речи каждого информанта производилась в звукоизолирующем помещении в фор-

мате wav. Продолжительность звучащего материала составила в среднем от трех до шести минут для каждого информанта.

Необходимо отметить, что в фонетическом плане английская спонтанная речь обладает рядом особенностей организации вокалического ряда: пространство реализации аллофонов гласных звуков в акцентуруемой позиции изменяется в зависимости от консонантного контекста той или иной позиции. Для спонтанной речи английского языка характерны следующие звуковые процессы в системе гласных: гласные переднего и заднего ряда стремятся к реализации, аппроксимированной к нейтральному звуку (происходит ослабление гласного по длительности и качеству – редукция), имеют место такие процессы как монофтонгизация дифтонов, замена долгих гласных более краткими аллофонами, элизия нейтрального звука. Все эти примеры характеризуют естественный процесс сжатия и упрощения произносимых слов [1;3;8].

В ходе проведения перцептивного исследования оценивалась речь каждого из 12-ти информантов путем транскрибирования их речи на слух с учетом правил фонетической транскрипции, представленной в Международном фонетическом алфавите (IPA), затем полученные результаты сравнивались с транскрипцией, предложенной произносительным словарем [2;5;6]. Фиксировались случаи выпадения гласного /ə/ в безударных слогах, а также качественные оттенки, которые приобретает /ə/ в зависимости от положения в слове. В качестве окончательных результатов исследования анализировались данные только случаев частых совпадений у аудиторов.

Анализ проведенного перцептивного исследования показал, что в речи образованных молодых англичан в большинстве случаев зафиксировано выпадение нейтрального гласного /ə/ в безударных слогах многосложных (три-четыре слога) знаменательных слов. В Таблице 1 представлены примеры наиболее часто употребляемых слов в речи информантов, в которых нейтральный гласный /ə/ имеет «ускользающий» характер (доля совпадений – 87%). В большинстве случаев это происходит в середине слов, реже – в начале и конце. Интересен тот факт, что чаще всего данное явление характерно для речи юношей и девушек в возрасте от 21 до 32 лет. Более молодые информанты namно-

Таблица 1

Примеры нейтрализации гласного /ə/ в безударных слогах знаменательных слов в речи молодых британцев

Положение в слове	Слово	Словарная транскрипция	Фактическое звучание
В начале слова	suppose	[sə'pəuz]	[spəuz]
В середине слова	celebrate	['seləbreɪt]	['selbreɪt]
	cooperate	[kəu'ɒpəreɪt]	[kəu'ɒpreɪt]
	fantasy	['fæntəsi]	['fæntsi]
	especially	[ɪs'peʃəli]	[ɪs'peʃli]
	interactive	[,ɪntə'ræktɪv]	[,ɪntr'æktɪv]
	different	['dɪfərənt]	['dɪfrənt]
	travelling	['trævlɪŋ]	['trævliŋ]
	general	['dʒenərəl]	['dʒenrəl]
	probably	['prɒbəbli]	['prɒbli]
	opportunity	[,ɒpə'tju:nəti]	[,ɒp'tju:nəti]
	evidence	['eɪvɪdəns]	['eɪvɪdns]
	Richard	['rɪʃəd]	['rɪʃd] t?
	favorite	['feɪvərɪt]	['feɪvrɪt]
	answering	['ɑ:nsərɪŋ]	['ɑ:nsrɪŋ]
	liberal	['lɪbərəl]	['lɪbrəl]
	generally	['dʒenərəli]	['dʒenrəli]
eventually	[ɪ'ventʃuəli]	[ɪ'venʃli]	
actually	['æktʃuəli]	['æktʃli]	
absolutely representation	[,æbsə'lu:tli]	[,æbs'lu:tli]	[,reprɪz'teɪʃn]
		[,reprɪzen'teɪʃən]	
Положение в слове	Слово	Словарная транскрипция	Фактическое звучание
В конце слова	discovered	[dɪ'skʌvəd]	[dɪ'skʌvd]
	remembered	[rɪ'membəd]	[rɪ'membd]
	representation	[,reprɪzen'teɪʃən]	[,reprɪz'teɪʃn]

го реже используют в своей речи многосложные слова, скорее в их речи преобладают односложные или двусложные слова. В речи информантов старше 32-х лет явление гаплоггии практически не зафиксировано.

Полученные результаты исследования полностью соответствуют выводам американского лингвиста П. Эккерт, которая отмечала, что говорящие используют инновационные формы произношения, усвоенные в подростковом воз-

Таблица 2

Оттенки гласных, реализованных вместо нейтрального гласного /ə/ в многосложных словах

Оттенок звучания	Слово	Словарная транскрипция	Фактическое звучание
/ə/ ⇒ /ʊ/	cultural	['kʌltʃərəl]	['kʌltʃə ^o rl]
/ə/ ⇒ /ɑ/	abroad afford	[ə'brɔ:d] [ə'fɔ:d]	[ə ^a 'brɔ:d] [ə ^a 'fɔ:d]
/ə/ ⇒ /ʌ/	interesting author greatest sister teacher	['intrəstɪŋ] ['ɔ:θə] ['greɪtəst] ['sɪstə] ['ti:tʃə]	['intrə ^ʌ stɪŋ] ['ɔ:θə ^ʌ] ['greɪtə ^ʌ st] ['sɪstə ^ʌ] ['ti:tʃə ^ʌ]

расте, а затем становятся более консервативными по мере взросления [4].

Результаты данного эксперимента позволяют сделать вывод, что уже к 32-м годам у молодых людей вырабатываются устойчивые свойства личности, стимулируются определенные психические процессы, личность приобретает более устойчивый характер.

Чаще всего явление гаплогии фиксируется тогда, когда говорящий произносит фразу в быстром темпе, не задумываясь над ее содержанием.

В спонтанной речи всех информантов, а особенно информантов в возрасте до 32-х лет, отмечается высокая частотность нулевой редукции.

Нейтральный гласный /ə/ чаще всего выпадает в служебных словах: из союза *and*, из вспомогательных и модальных глаголов *have*, *has*, *can*, из глаголов-связок (*when we are there* [wen wðɛ]; *I've been* [avbn]; *which has been* [wɪtʃ zbn]) из предлогов *down to*, *from* (*from* реализуется как [frm], *down to* [dn tɪ]), из артикля *the* (*the* реализуется как [ð]). Подобная реализация характерна на участках с быстрым темпом произнесения, когда данные слова находятся в слабой фразовой позиции и не подвергаются хезитационному удлинению.

Анализируя восприятие аудитором гласных в спонтанной речи вместо рекомендуемого произносительным словарем нейтрального гласного /ə/, мы обращали внимание на два аспекта: в случае, если гласные не воспринимались как нейтральный гласный /ə/, то, во-первых, необходимо было проанализировать, какой оттенок тогда принимает данный звук, а во-вторых, рассмотреть, не переходит ли 'шва' в какую-либо фонему. Результаты перцептивного исследования показали, что нейтральный гласный не является аллофоном никакой другой фонемы, а имеет только ряд оттенков звучания (79% совпадения), наиболее частыми из которых являются /ʌ/, /ɑ/, и /ʊ/ (табл. 2).

Анализируя полученные результаты перцептивного исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, нейтральный гласный /ə/ чаще всего выпадает в безударных слогах многосложных знаменательных слов, что является одним из факторов проявления гаплогии в речи англичан. Наиболее часто данное явление зафиксировано в речи молодых британцев в возрасте от 18 до 32 лет. В возрастном периоде от 32 до 39 лет явление гаплогии зафиксировано в меньшей степени. После 32-х лет речь информантов по мере усвоения ими социальной нормы приобретает более тради-

ционную форму британского варианта английского языка, которая, несомненно, включает в себя разного рода инновации и новые тенденции, не связанные с выпадением нейтрального гласного.

Во-вторых, нейтральный гласный /ə/ в речи молодых англичан чаще всего приобретает оттенки звучания гласных /ʌ/, /ɑ/, /ʊ/ в многосложных словах.

В-третьих, в спонтанной речи всех молодых британцев, особенно в возрасте до 32-х лет высока частотность проявления нулевой редукции.

Таким образом, нейтральный гласный /ə/ в спонтанной речи молодых образованных англичан в настоящее время можно охарактеризовать как гласный, имеющий неустойчивое состояние. «Ускользающий» характер гласного не является новой произносительной чертой британского произносительного стандарта, а может рассматриваться как особенность, обусловленная возрастным фактором. Перспективным представляется проведение акустического анализа всех позиционных вариантов нейтрального гласного /ə/ с целью получения более детальной информации о реализации 'шва' в речи молодых носителей британского варианта английского языка.

Литература

1. *Безбородова М.В.* Вокалическая составляющая современной молодежной речи с учетом гендерных различий (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка): Дис. ...канд.филол.наук. – Москва, 2013. – 281 с.
2. Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.oed.com>.
3. *Cruttenden, A.* Gimson's Pronunciation of English, 7th ed. – London: Hodder Education, 2008. – 362 p.
4. *Eckert, P.* Age as a sociolinguistic variable. In F. Coulmas (ed.), *The handbook of sociolinguistics*. – Oxford: Blackwell, 1997b. – P. 151–167.
5. International Phonetic Alphabet (IPA) [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.wordiq.com/definition/International Phonetic Alphabet](http://www.wordiq.com/definition/International%20Phonetic%20Alphabet).
6. *Jones, D.* English pronouncing dictionary. 17th ed. Edited by P. Roach, J. Hartman and J. Setter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 599 p.
7. *Labov, W.* Principles of Linguistic Change, vol.2, Social Factors. – Oxford: Wiley–Blackwell, 2001. – 572 p.
8. *Wells, J.C.* Accents of English. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1982. – 465 p.
9. *Wells, J.C.* Sounds interesting. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2014. – 217 p.

Проектные основания анализа общественного участия

Скалабан И. А.

В статье предлагается новый подход к анализу процессов общественного участия, которые характеризуются сегодня институциональной устойчивостью и, одновременно, дискретностью и многообразием практик. Отталкиваясь от содержания концептов «проект», Ю.Хабермаса, Ж.-П.Сартра, З.Баумана, определявших его как направленность в будущее, пространство, в котором конструируется и осуществляется явление или процесс, автор рассматривает общественное участие эпохи модерна и постмодерна как множество разнородных проектов, через присущие им признаки: субъекты, программы, дискурсы, пространства, практики. С целью апробации данного подхода в статье приводятся проекты общественного участия, реализуемые на макроуровнях в западных странах и России с послевоенного периода и по настоящее время.

Ключевые слова: общественное участие, социальное участие, гражданское участие, политическое участие, социальный проект

Design bases of the analysis of public participation

Skalaban I.A

The article suggests a new approach to processes of public participation analysis, which today are characterized by institutional stability and, simultaneously, discreteness and great variability of practices. Based on concepts of «project», used in the works of J.Habermas, J.P.Sartre, Z.Bauman who defined it rather as direction into the future, a space in which occurrence or a process is constructed and realized, author views modern and post-modern era public participation as a set of level-differentiated projects through number of inherent traits such as subjects, programs, discourses, spaces and practices. For the purpose of approbating this approach, in this article, public participation projects are shown, that are realized on macrolevels in western countries and in Russia since post-war period to our days.

Key words: public participation, social participation, civic participation, politic participation, social project.

Одна из главных тенденций исследования общественного участия сегодня, нашедшая свое отражение во всех его видах, социальном, гражданском, политическом участии — это нарастающий теоретический и методологический плюрализм в его изучении. Если еще относительно недавно, в 80-90-х годы, его анализ строился преимущественно на классических или модифицированных теоретико-методологических подходах, сформировавшихся преимущественно в 60-е годы под влиянием активизирующихся социальных и гражданских движений и государственного реформирования. Эти подходы выстраивались вокруг концептов «сообщество», «гражданство» и «демократия» и заложили основания для дифференциации пространства исследования общественного участия на две основные сферы и дискурса: гражданско-политический и социально-гуманитарный. Первый формировался под влиянием теорий партиципаторной демократии и демократического участия Г.Алмонда и С.Вербы [1; 21], гражданского участия Ш.Арноштейн [15]. Второй дискурс формировался под влиянием коммунитарной теории активного общества А.Этциони [16] и радикалистской концепции «освободительного участия» П. Фрейре [19] и О.Фалс Борды [18].

Изучению общественного участия свойственна еще одна особенность: многие десятилетия оно носит скорее прикладной характер, возникая в ходе решения практико-ориентированных задач социально-политического и социально-экономического характера. К примеру, идеи П.Фрейре, О. Фалс Борды оказали существенное влияние на формирование концепций эндогенного развития и методологию «совместного исследования действием» (Participatory action research), на основании которых выработывались технологии стимулирования участия населения в развитии местных сообществ.

Однако с конца 90-х годов и в течение последних двух десятилетий наблюдается обратный процесс: переход от партикуляризма к универсализму и междисциплинарности в интерпретации процессов общественного участия. Наряду с классическими теориями, проблемы общественного участия сегодня исследуются теориями мобилизации (вовлечение в участие); постструктурализма (проблема распределения власти); социального капитала П.Бурдьё и Р.Патнема (участие как социальный капитал и механизм его накопления); социальных сетей (сети как структуры участия); государственного и муниципального управления (участие общественности в управлении и принятии решений); модернизации (мобилизационные и реформационные аспекты участия); теорий ограниченного и рационального выбора (проблемы рациональности участия и его мотивации); исследования местных сообществ (участие как ресурс развития местных сообществ); социальных движений (участие и вовлечение) и прочие. Однако, обращаясь к тем или иным аспектам общественного участия, ни одна из этих теорий, не стала основанием для его целостного описания и анализа.

Современный анализ общественного участия требует его понимания как целостного явления и процесса, с учетом исторического, социокультурного контекста. Если отталкиваться от таких характеристик участия как субъектность, интенциональность, телеологичность, устойчивость и, одновременно, изменчивость его состояния, дискретность практик, то для его анализа представляется перспективным обратиться к категории «проект», и рассмотреть общественное участие как процесс, включающий в себя множественность качественно разнообразных и разноуровневых проектов, осуществляемых одновременно или сменяющих друг друга.

Любое социально значимое общественное явление, испытывающее на себе в процессе развития направленное воздействие, будь то в виде идеологии, нормативного или организационного воздействия, может рассматриваться как проект или ряд проектов. Оговоримся, в данном случае речь идет о проекте в широком социологическом, а не технологическом, инженерном понимании.

Проектный подход не покрывает собой все многообразие социальных отношений, однако

является «одной из форм опережающего отражения действительности», [5, 134] с присущей ему способностью к прогнозу и созданию образа желаемого положения дел. Он позволяет видеть определенные связи между структурой, ценностями, контекстом и действиями, выделять в общем течении процесса общественного развития те его этапы и фрагменты, которые, будучи внутренне связанными, оказывают направленное влияние на его ход и изменение всех компонентов. В этом случае речь идет не о проекте как целенаправленном воздействии на общественное историческое развитие в марксистском понимании, возможности управления историческим процессом, сколько о проекте как совокупности факторов, направленно влияющих на объект, определяющих изменчивость его качественных характеристик в той или иной ситуации, на том или ином этапе.

Парадоксально, но при широком использовании понятия в современных работах, стремящихся осмыслить текущие социальные процессы, отсутствию какой либо операционализации понятия «проект», оно широко используется в социологии. К нему, как метафоре или инструменту анализа, прибегали или прибегают Ж.П.Сартр, Э.Гуссерль, А.Шюц, Ю. Хабермас, П.Штомпка, З.Бауман, П.Бурдьё, Э.Гидденс, К.Гирц и многие другие. В их работах проект выступает либо как апелляция к авторской теоретической модели, получившей эмпирическое подтверждение или воплощение в практике, либо представляет собой описание некой изменяющейся социальной реальности, с присущими ей специфическими свойствами. Речь может идти, к примеру, о проектах реконструкции или революционных изменений [13, 325], об индивидуальном или коллективном проекте.

Если выделить концепции проекта, перспективные для осмысления процессов общественного участия, то есть смысл обратиться к следующим.

Первый: проект как традиция, принадлежит Ю. Хабермасу и М.Хайдеггеру [12], является проектом макроуровня, но может использоваться для анализа проектных оснований социальных процессов на любом уровне общественных отношений.

Второй: проект есть одновременно и итог духовной преобразовательной деятельности, и модель общественных отношений ориентированная в

будущее. Он продукт своего времени, результат конкуренции идей, в той или иной мере реализуемых. Будучи социальной практикой, проект развивается через дифференциацию и прогрессирующую автономизацию предметной области, институционализацию деятельности по созданию продуктов и дискурсов, отождествляемых акторами как современные.

Ключевой характеристикой общественного проекта Ю.Хабермас считал его намеренность, поэтому к его основным признакам относил наличие программ, дискурсов и практик. Каждой программе проекта, соответствует набор концепций, определенная картина мира, которая формирует представление о сущем у индивида и переживается им, делая время новым по сравнению с прежним [12]. Это происходит до тех пор, пока система, лежащая в основе картины мира, придя к власти, превращается в пустой формализм, «когда иссякает исходная энергия проекта», а кризис программы приводит к выпадению из потока традиции, прекращению проекта.

В данном контексте, общественное участие может рассматриваться как составная часть и инструмент реализации проектов модерна и постмодерна. Программа проекта задает общие ориентиры и отчасти институциональную структуру общественного участия. Но, качественное разнообразие проекта определяется не только ей, но и альтернативными, конкурентными программами, существующими на периферии проекта.

Второй концепт, в известной степени, обратный предыдущему: проект как самоактуализация и саморегуляция индивида (Ж.П.Сартр). Это проект микро масштаба: индивид сам является проектом. Реализуемый через практики, его ключевыми признаками являются осознанность, понимание, выбор цели и направленность свободных действий, осуществляемых индивидом, опознаваемые и переживаемые индивидом субъективные и объективные пределы, в которых реализуется проект. Похожее понимание свойственно Э.Гидденсу: «рефлексивность современности проникает внутрь личности... личность становится рефлексивным проектом» [20, 32]. З. Бауман, с присущей ему постмодернистским видением добавляет: «какой способен существовать только как незавершенный проект [2, 130-131]. Важнейшим компонентом и

функцией индивидуального проекта является прогноз или проецирование действий в будущее. Достичь этого можно только через рефлекссию прошлого, а также наличие мотивации как порождающей планы, [4, 11] или мотивы «для-того-чтобы» [14, 22], создающие основания для проекта.

Таким образом, индивидуальный проект - это то, что позволяет индивиду через достижение баланса возможностей и рисков, осуществлять направленные действия, через набор практик определять свой жизненный стиль, достигать самоактуализации [9, 111]. Общественное участие проявляет себя в индивидуальном проекте как сфера деятельности индивида, разделяемая им ценностью и социальная компетентность. В этом случае на первый план выходит проблема активной личности, способной и готовой к участию. При этом эта личность должна быть ориентирована не столько на созерцательную, сколько преобразующую деятельность, часто в ее проектировочном варианте, когда непосредственному преобразованию предшествует особая деятельность по конструированию и моделированию будущего в виде проекта [10, 25]. Его практическая осуществимость зависит от возможности планирования участия в социально значимых действиях с учетом рамок и ограничений, наличия мотивации к взаимодействию, кооперации и принятию ответственности за их последствия.

Третий концепт: проект как перспектива или механизм социального управления, содержится в работах З.Баумана, отчасти П.Бурдьё, и П.Штомпки.

Для З. Баумана сам «мир - это проект-в-процессе-реализации», [3,71]. Одновременно это перспектива, оформленная через множество отдельных проектов, сформированных на основе тех различий, из которых, в широком смысле, и состоит человечество [2, 117-118]. Особое значение, по его мнению, проект приобретает в эпоху реалистичного модерна. Здесь он становится механизмом административного воздействия, нормативного регулирования и функциональной координации, значимый субъект которого: национальное государство, ценность - сплоченность целого, а следствие - универсализация добавок. Проект эпохи модерна - это порядок, опирающийся на законодательство и государственную монополию на

средства принуждения, лояльность обывателей и нормирование их поведения. Концепт проекта З.Баумана, близок к пониманию концепта П.Бурдьё, видевшего проект как проявление индустриальной парадигмы [2005, 63-64], с такими признаками как рационализм, планирование, способность прогнозировать будущее.

Критикуя такой проект, З. Бауман, в отличие от П. Штомки, с сомнением относившегося к проектным перспективам современных обществ, не отказывается от самой идеи проекта и воплощения «проектных намерений современности». [2, 75] Он писал: «сегодня мы живем проектами, а не Проектом. Проектирование и усилия для их исполнения подверглись приватизации, дерегуляции и фрагментации», [3, 73] а потому, подчеркивает: «общества держатся на сети проектов. Мы движемся от одного проекта к другому». [16]

Проект сохраняется, но на место простого проекта, приходит сложный проект. Меняется его конфигурация, в соответствии с изменением, фрагментацией общества, эрозией и ослаблением государственной власти, потерей мобилизационных возможностей государств «с инженерными претензиями», пониманием действительности человеческого общежития не как объекта, но как области самопроизвольных и слабо скоординированных процессов, делающих совместное участие не продолжительным.

В этом контексте проект-перспектива или социальный проект можно рассматривать как механизм социального управления. Он относительно тиражируем, может иметь, более или менее, успешные репликации в иных социокультурных пространствах.

Общественное участие и само может рассматриваться как социальный и исследовательский проект, осуществляемый внутри более широкого проекта-традиции и под его влиянием. Такой проект социально и территориально локализован и строится вокруг социального объекта или проблемы. Общественное участие может стать целью или инструментом реализации социального, социально-экономического и политического проекта, даже инструментом социально-управленческого воздействия субъектов проекта в определенной социокультурной среде, в случае, если общественное участие рассматривается как ценность и согласуется с программой проекта-традиции.

Обобщая представления о проекте сформированное в рамках всех трех подходов, отметим, что все они рассматривают проект не столько как план действий, сколько как направленность в будущее, пространство, в котором конструируется и осуществляется то или иное явление или процесс. В отличие от модели, проект содержит в себе критику и социальный прогноз, цель или идеал, ожидание результата изменений. Его масштаб может варьироваться от индивидуального, локального до глобального, формируясь внутри системы отношений вокруг точек роста, задаваемых активностью появления новых практик и смыслов корреспондируемых с идеями, ценностями, заложенными в программу проекта. Макропроект-традиция реализуясь, становится пространством для развертывания множества объединенных дискурсами, значениями, идентичностями проектов-перспектив разного уровня. Они разворачиваются в мейнстриме программы проекта-традиции, на её периферии и в оппозиции к ней, одновременно по отношению к ней уточняя свои программы. В этом случае речь может идти о конкуренции проектов.

Все это позволяет предложить следующее понимание проекта – это совокупность социальных практик разного масштаба, локализуемых в социальном, дискурсивном, физическом пространстве направленностью на преодоление осознаваемых их субъектами и акторами проблем или противоречий, изменение реальности в соответствии с прогнозом или проецированием действий в будущее.

Любой проект имманентно содержит в себе прогноз. Проект «в обнаженной форме выражает некоторую ситуацию в обществе и уже включает в себе усилие преодолеть ее», а потому «детерминируется не только обуславливающим его отношением к реальным, имеющимся налицо факторам, но и отношением к определенному будущему объекту, который оно стремится вызвать к жизни» [9, 112].

Анализ социального процесса через проектный подход имеет и свои ограничения, и главные из них связаны с дискретностью, конечностью проекта, которое отчасти может быть преодолеваемо через понимание его, преимущественно на уровне проекта-традиции, как процесса циклического: возникновение, становление проекта, завершение или кризис, смена проекта.

Проекты-перспективы могут быть как последовательными, так и диахроничными. Окончание одного проекта не предполагает непременно начало другого. Проект может рождаться внутри проекта. Проект может тиражироваться и адаптироваться. Проект может включать в себя, как реализованные, так и нереализованные в жизненной практике концепции, а они, в свою очередь, реализованные и нереализованные интенции. При этом важно, чтобы ключевые позиции, ценности программы, конституирующие основания практик, сохранялись при всех трансформациях «ядро устойчивых отношений», свойство непрерывности.

При этом используя проектный метод для анализа социальных процессов, важно помнить, что проект как точка роста на локальном уровне не устойчив как источник развития. С дифференциацией обществ и общественных отношений, это отчасти компенсируется множественностью проектов, в рамках которых возникают и легитимируются новые практики, что обеспечивает определенную устойчивость социальных процессов и социальных изменений.

Но проектность общественного участия определяется не только его инструментальностью и ценностью в современном обществе, что позволяет ему быть значимым компонентом большинства социальных проектов. Сама проектность, как пространство и вид деятельности, предполагает сознательное участие. Поэтому выступая в качестве инструмента реализации социального проекта, требующего актуализации общественных ресурсов, общественное участие само становится объектом проектирования.

Будучи многообразной институционально устойчивой общественной практикой, основанной на определенных нормативно-ценностных основаниях, качественные характеристики участия содержат в себе основные характеристики проекта, особенно активно демонстрируя это на этапах его становления и кризиса – времени становления и пересмотра программы. Соответственно, выделение субъектов, анализ практик общественного участия, приписываемых им смыслов, может позволить выделить характеристики проектов.

Перспективно обратиться к компонентам проекта, выделенных Ю.Хабермасом: программа, доминирующие дискурсы и практики, и дополнить их такими параметрами, как субъекты и пространства.

Попробуем их охарактеризовать и обосновать выбор.

Программа, представляет собой реализованные и нереализованные в жизненной практике концепции, интенции, которые определяют содержание проекта. Как отметил М.Хайдеггер, программа отражает картину мира, которая, формирует представление о сущем у индивида и переживается им, делая время новым по сравнению с прежним. Это происходит до тех пор, пока система, лежащая в основе картины мира, придя к власти, «притом не только в мышлении», превращается в пустой формализм, «когда иссякает исходная энергия проекта», а кризис программы, что, в свою очередь, приводит к выпадению из потока традиции, прекращению проекта. [12].

Важная роль в её формировании, принадлежит экспертному сообществу. По мнению М.Хайдеггера, экспертное научное знание, определяемое им через «исследовательский проект» является одним из важных инструментов создания программы. Отталкиваясь от этого утверждения можно предположить, что анализ фокуса исследовательского внимания и содержания исследовательской практики, как концептуальной, так и прикладной, к примеру, в отношении текущей социальной политики, характера общественных отношений, доминирующих социальных технологий может позволить выделить и охарактеризовать основные позиции программы и параметры проекта. При этом общественные практики также влияют на программу.

Еще одну важную особенность программы заключается в том, что она не занимает все его пространство. Сохраняется возможность высвобождения пространства для существования периферийных программ, чьи концепции противоречат друг другу, могут быть экстравагантными, взаимосвязи с основным проектом трудноуловимы, но при этом они являются его частью. Однако, само наличие программы, еще не гарантирует проекта. Необходимы легитимные основания для его реализации, в противном случае проект или будет реализован или реализуется в нелегитимной сфере.

Дискурс является фоновым основанием легитимации и институционализации дискурсивных и социальных практик общественного участия в проекте, а также инструментом образования значений и создания картины мира. Одно-

временно, дискурс, вбирает в себя значения и смыслы, связанные с проектом, поскольку проект может быть реализован только в том случае, если будет понят и принят его участниками. Участие в проекте побуждается его значениями, составляющими основу поведенческих актов, но одновременно и влияет на формирование значений, возникающих в процессе интеракции, культуру проекта и культуру участия в проекте. Еще Р. Парк и У. Томас отмечали, что для участия индивидам необходим общий, но не идентичный, корпус воспоминаний, чтобы все имело одинаковый смысл для каждого, но не требуется идентичный корпус переживаний. [7, 57] Формирование общей апперцептивной массы, рождает общие значения и смыслы, но не одинаковость, на что указывал и Ю.Хабермас. [11, 323] В сообществе или общей коммуникативном пространстве должно быть допустимо разнообразие установок и ценностей, но не настолько большое, чтобы помешать сотрудничеству. [7, 58]

Проект как конструкция с относительно «открытыми» границами, может вбирать или испытывать влияние нескольких дискурсов, особенно в случае присутствия на его периферии альтернативных программ.

Субъекты проекта (индивидуальные / коллективные; реальные / потенциальные)

Субъектами проекта могут выступать те субъекты, которым свойственна рациональность сознания и поведения, способность к реализации свободного выбора [6, 6]. Они должны быть способны к прямому влиянию на программы проекта, обладать авторитетом для постановки задач, способностью к успешной координации усилий, то есть обладать культурой «совокупности», широчайшим собранием верований и навыков поведения, делающих координацию возможной [3]. Своим потенциалом активности и мобилизации, они могут влиять на течение проекта, приводя к институциональным изменениям в системе общественных отношений, в том числе, созданию условий, механизмов общественного участия.

Субъекты проекта на микро-, мезо- и макроуровне дифференцированы. Ими выступают общественные объединения и движения, продвигующие определенную программу, а на микроуровне и отдельные объединения, группы и индивиды, транслирующие определенную

позицию, либо совершающие действия по ее реализации. Выделенным параметрам субъекта проекта отвечает и государство, как субъект, влияющий на формирование институциональной среды, легитимацию тех или иных механизмов общественного участия, а также те экономические акторы, которые своими действиями, идеологией социальной ответственности, создают структурные основания для возникновения или поддержки общественных инициатив.

В свою очередь, субъектами общественного участия, действующими в рамках проектов, акторами практик могут выступать отдельные общности, общественные организации, общественные движения и объединения разного уровня, совершающие общественно значимые действия, направленные на других. В этом отношении, характеристики субъектов общественного участия и субъектов проекта, актуализирующих общественное участие, использующих его мобилизационный потенциал, существенно совпадают. Их объединяет то, что, будучи движимы собственными мотивами и ожиданиями, эмоциональными переживаниями, обладая для этого соответствующим опытом, они могут организовывать и направлять свои поступки, не являясь пассивными проводниками внешней среды, сохраняя два важных признака участия: принадлежность и действие. Проект всегда требует возможности кооперации и действий со стороны актора - готовность к участию или отказу от участия. В случае, если акторы, способны к прогнозированию будущего, способны устанавливать цели, принимать на себя ответственность, сотрудничать, а в революционном проекте способны еще и влиять на существующее положение вещей [2, 63-64], они превращаются в субъектов проекта.

Пространство проекта: социальное, культурное, структурное, физическое, также может варьироваться от локального до глобального. Проекты-перспективы, в отличие от проекта-традиций, существующих на страновом уровне или объединяющих ряд стран, формируются вокруг точек роста, задаваемых активностью, практиками и смыслами корреспондируемыми с программой проекта.

Социальное пространство проектов определяется характером активности, массовости, статусности, иерархичности его субъектов и акторов общественного участия, возможности

участия как влияния. Отчасти эти характеристики могут быть отнесены и к физическому пространству проекта, но последнее также определяется границами активности субъектов, социальных практик, через которые и реализуется проект. Кроме того, представляется целесообразным дифференцировать пространство и еще по одному признаку: пространство действий и пространство значений / дискурсивное пространство. В случае, если они не совпадают, более широкие границы, могут способствовать расширению границ проекта. Выше отмечалось, что в пределах пространства одного проекта, на её периферии, возможно высвобождение пространств и для других программ.

Практики являются неизменным компонентом всех рассмотренных концепций проекта, объединяя в себе объективное и субъективное. Проект не может держаться только на экспертном знании, так как оно не обогащает повседневную практику. Проект может осуществляться только при наличии практики, в рамках которой, если концепции не являются утопичными, и происходит усвоение части культуры и знаний субъектов и акторами. Именно в социальной практике, по мнению Ю. Хабермаса, происходит некоторое преодоление разрыва между экспертами и публикой, субъектами и акторами. Но не вся она, осуществляется в предметном поле проекта, является его частью, всегда есть практика, которая строится на самопроизвольном взаимодействии.

Опираясь на эти компоненты, за период XX - начала XXI вв. в западной традиции можно выделить три концептуальных проекта-традиции, в рамках которых осуществлялось развитие общественного участия как концепта и социальной практики, а также проектов общественного участия разного масштаба и уровня. Два из них были реализованы, пройдя все стадии от зарождения до кризиса, а третий в настоящее время находится в стадии становления. Как самостоятельный, представляется перспективным выделить и параллельно существовавший «советский проект».

Первый проект сформировался на национальном уровне в США в период с 40-х - начало 60-х гг. и закончился кризисом второй половины 60-х-начала 70-х. Иницилирующая и организующая роль в его становлении принадлежала государству, которое и выступило его субъек-

том, в то время как местные сообщества, и гражданские институты выступали скорее акторами общественного участия. Программа проекта сформировалась под влиянием концепции всеобщего благоденствия и находилась под сильным влиянием коммунитаристского дискурса, дискурса «борьбы с бедностью», социальной помощи и поддержки. Общественное участие в проекте осуществлялось через актуализацию помощи и поддержки в локальных сообществах и мобилизацию внутриобщинного потенциала для достижения социального благополучия. Основной уровень и пространство участия – локальные городские и сельские сообщества, на уровне которых государство, с помощью федеральных программ и проектов, пыталось решать социально-политические задачи, преодоления социальной апатии населения, вовлечения его в решение социальных проблем сообществ. В 60-е гг., когда государство усилило проникновение в сообщества, мобилизуя самих получателей услуг на «максимально возможное участие», общественный проект, иницируемый и продвигаемый внешними силами, по отношению к кризисным сообществам, вошел в стадию кризиса.

Следующий проект наднационального уровня стал формироваться с 70-х гг., достиг своего развития в 80-е - начале 90-х гг. и кризиса к началу XXI в. Этот проект стал основой для формирования институтов общественного участия в развитых западных странах, так и странах, на них ориентированных. Его доминирующим дискурсом стал дискурс социального развития, демократии и секторальный дискурс. Программа проекта содержала понимание общественного участия как инструмента социального управления. Роль государства как субъекта проекта трансформировалась от прямого вмешательства государственные институты к «созданию условий», через регулирование норм и правил текущих институциональных процессов. На периферии проекта, формировались и радикальные варианты программы, к примеру, основанные на концепции «освободительного участия». Впитав в себя ценности и идеи либерализма, неоконсерватизма, проект иницирувался и развивался не столько «сверху» через государственные структуры, сколько «снизу», через институционализацию, технологизацию практик общественного участия, и их тиражирова-

ние в развивающиеся и посткоммунистические страны. Соответственно диверсификации проектных практик, появились и новые субъекты проекта. Ими стали организационные структуры с высоким уровнем влияния и контроля: международные, национальные и местные общественные движения и организации; государство; международные финансовые институты, к примеру, Всемирный банк. Кризис данного общественного проекта выразился в понижении активности населения в рамках традиционных институтов общественного участия, а также в кризисе программы и практики, приобретавших все более универсалистский и техницистский характер.

Параллельно сформировавшийся советский проект (20-е- 80-е годы, кризис проекта – 70-80-е годы) носил государственно-мобилизационный характер и, в более длительный характер. Его субъектом выступало государство, акторами общественно-политические объединения и общественные группы. Программа, построенная на идеологическом обосновании социалистического метапроекта, проявлялась в курсах борьбы и противостояния систем, ориентации в будущее. Сращивание государственного, коллективного и частного, обусловило структурную специфику пространства, унификацию и централизацию практик общественно-го участия. Потеря способности к самокоррекции, рутинизация и бюрократизация практик, отделение участия от членства стали признаками кризиса проекта и, одновременно, затормозили смену проекта.

Изменение социально-политического и технологического контекста общественного развития, появление новых практик участия, новых концепций общественного развития, свидетельствует о рождении нового общественного проекта – проекта эпохи постмодерна. Его признаки: рост удельного веса слабо формализованных практик, построенных на сетевых отношениях, смещение пространств различных видов участия, расширение его в ранее не освоенные социальные пространства, к примеру, на границах общественного и частного. Эти процессы сопровождаются усилением гражданского дискурса, дискурсов «социальной справедливости» и «расширения возможностей». Глобализация, расширение процессов общественного участия его границ за пределы нацио-

нальных государств, изменяют роль государства в общественных процессах, меняя характер власти и влияния.

Даже беглая характеристика проектов демонстрирует тенденцию: каждый следующий проект расширяет территориальное и социальное пространство. Но, как заметил З. Бауман: «достижения не накапливаются. Вам нужно продолжать двигаться от одного проекта к другому» [16]. Достижения в общественном участии в рамках одного проекта не переходят автоматически в следующий, а лишь изменяют условия старта. Поэтому усиление взаимного проникновения и диффузия основных видов участия, сложность, фрагментация пространств в которых они сегодня реализуются, с актуализацией в этих условиях горизонтальных связей и сетевых структур, лишь свидетельствует об окончании эпохи «простых» проектов модерна и начале нового, контуры которого только проявляются. Эти процессы идут сегодня не только на институциональной уровне, но и в сознании индивидов. Социальное время воспринимается все более дискретно, а жизненные «проекты» приобретают все большую краткосрочность [8], демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах.

Таким образом, обращение к теоретическому концепту «проект» открывает новые перспективы анализа процессов общественного участия, позволяя в рамках единого социального пространства выявлять связь между практиками, их источниками, и контекстом, оказывающим на них влияние. Он демонстрирует возможности обеспечения мультипарадигмального подхода к анализу такого явления как общественное участие.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122-134.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 70-79.
4. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Асадемия, 1999. 640 с.
5. Дридзе Г. М., Орлова Э. А. Основы социокультурного проектирования. М.: РИК, 1995.

6. Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса : Междунар. симпозиум 19-20 января 2001 г. – М.: МВШСЭН, 2001.
7. Парк Р., Томас У. Участие и социальная ассимиляция // Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Отд. Социологии и социал. Психологии. М., 2015. С.52-59.
8. Покровский Н.Е. Посмотри, кто к нам пришел! (Неизбежность странного мира глобализации) // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. – М.: МВШСЭН, 2003. С. 338-348.
9. Сартр Ж.П. Проблемы метода. М.: Прогресс. 1993.
10. Теория познания: В 4 т. Т. 4. Познание социальной реальности / М.: Мысль. 1995. 431 с.
11. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 2001. 380 с.
12. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. №4. С.40-52.
13. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
14. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
15. Arnstein S. R. A Ladder of Citizen Participation. // Journal of the American Planning Association. 1969. Vol. 35(4). Pp. 216-224.
16. Bauman Z. New Frontiers and Universal Values 2004. (URL: <http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/a025-new-frontiers-and-universal-values> Дата обращения 13.04.14)
17. Etzioni A. The active s society. New York: Free Press, 1968. P. 504.
18. Fals Borda O. Participatory (Action) Research in social Theory: Origins and challenges. / Reason P., Bradbury H., eds. Handbook of action research. 2001.
19. Freire P. Pedagogy of the Oppressed. New York, London, 2005.
20. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press. 1990.
21. Verba S. Democratic Participation // Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 373, Social Goals and Indicators for American Society, Volume 2 (Sep., 1967), pp. 53-78.

Наши авторы

Автандилян Евгений Андроникович – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Афонин Юрий Алексеевич – кандидат социологических наук, доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова. juriaafonin@rambler.ru

Батуренко Светлана Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. level_s@rambler.ru

Безбородова Мария Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка МГЛУ, mvb87@rambler.ru

Бухтиярова Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. ira_irina@mail.ru

Вершинина Светлана Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры алгебры и математической логики Института математики и компьютерных наук, Тюменский государственный университет

Грачева Ольга Евгеньевна - Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы

Грудина Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. grudina-tatyana@yandex.ru

Добреньков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии, МГУ им.М.В. Ломоносова. theory@socio.msu.ru

Епархина Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского. gelaq@mail.ru

Ивановский Юрий Викторович – канд. мед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, i.yuri68@mail.ru

Калинина Ирина Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент, ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет», kalininaif@mail.ru

Каневский Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. baggio-18@yandex.ru

Кобелева Елена Сергеевна – аспирант, кафедра социологии международных отношений, социологический факультет, МГУ им. М.В. - Ломоносова.

Комф Евгения Валентиновна – кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет». zk.08@mail.ru

Коньшина Юлия Евгеньевна - канд. мед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, EvgJulia@yandex.ru

Коргова Марина Анатольевна – доктор соц. наук, профессор, директор бизнес-школы ПГУ (Пятигорский Государственный университет)

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. kravchenkoai@mail.ru

Краснопевцева Виктория Вячеславовна – аспирант, кафедра политологии и социологии политических процессов, социологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Лебедев Игорь Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института международных экономических связей (ИМЭС) e-майл: lebedev@imes.su

Липатова Елена Ефратовна - канд. мед. наук, кафедры педагогики и психологии ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, elena-e-ufa@mail.ru

Мамедов Агамали Куламович - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем МГУ им. М.В.Ломоносова. aktmnauka@yandex.ru

Морковкина Анастасия Геннадьевна - аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. a.g.morikovkina@gmail.com

Морозова Наталья Михайловна – кандидат политических наук, зам.директора Приволжского филиала Института социологии РАН, 4379037@gmail.com

Невская Татьяна Александровна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. nevskaia_t@mail.ru

Огарков Кирилл Андреевич – студент 3 курса, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ya-kirill-ogarkov@yandex.ru

Офицерова Дарья Александровна – аспирант, кафедра истории и теории социологии, социологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, daria.ofitserova@gmail.com

Семенова Эльмира Хусеевна – аспирантка ПГУ (Пятигорский Государственный университет)

Скалабан Ирина Анатольевна - канд. ист. наук, доц. кафедры социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, skalaban@ngs.ru

Смирнов Александр Александрович – кандидат педагогических наук, доцент ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет», s.s.smirnov@mail.ru

У Яао – аспирант кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. abril510@mail.ru

Устинкин Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Приволжского филиала Института социологии РАН, декан факультета международных отношений, экономики и управления НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, sv.ustinkin@gmail.com

Фаст Светлана Петровна – аспирант филиала ФГБОУ ВО «Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева» (филиал) Тюменского государственного университета в г. Тобольск, fast.yamal@gmail.com

Федорова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. catherinef@rambler.ru

Шаркова Галина Николаевна – аспирант кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. shgn8@yandex.ru

Шевелева Оксана Раисовна – аспирант кафедры социальной безопасности Физико-технологического института ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург), shoksanar@mail.ru